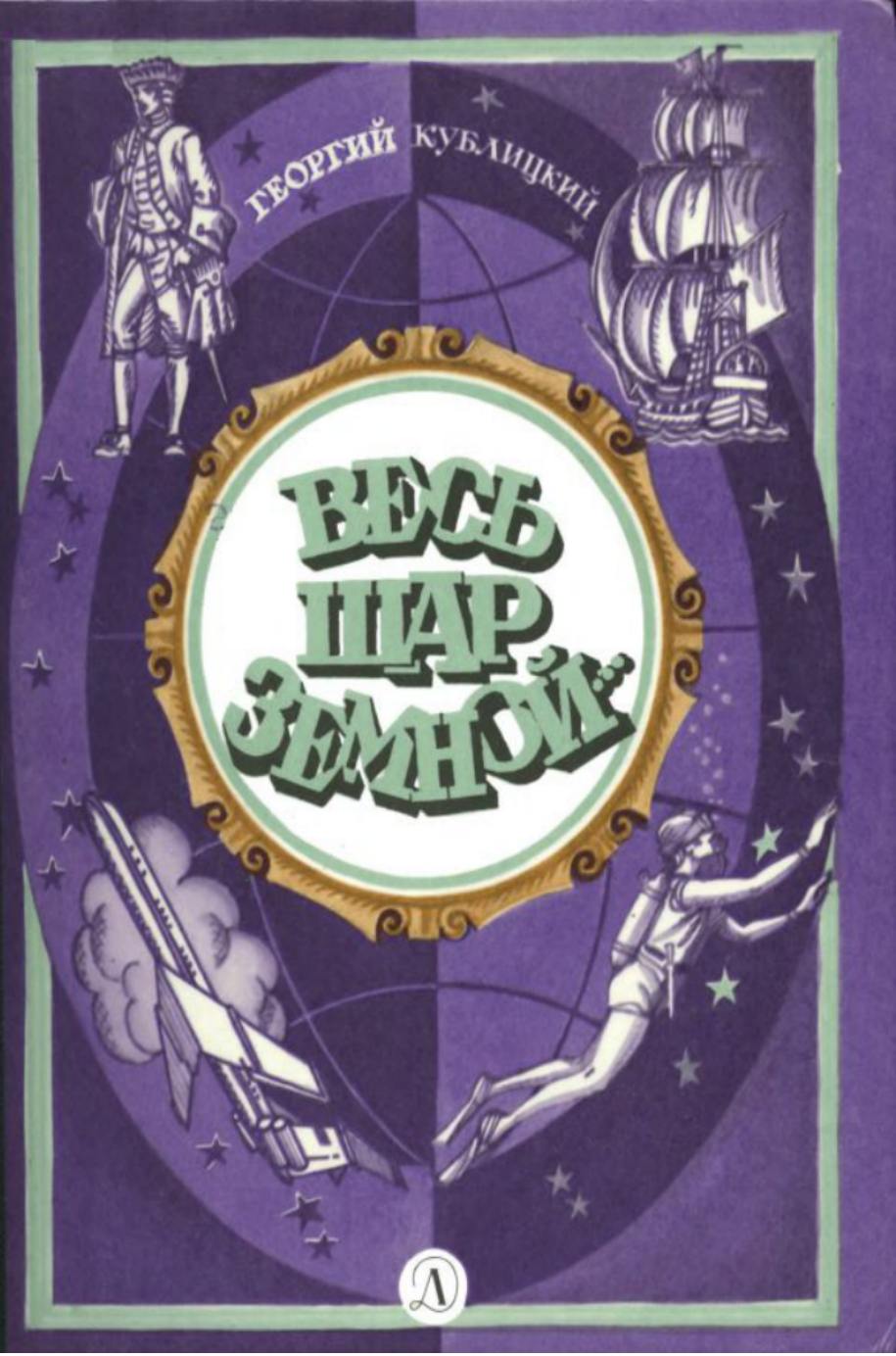
Г. КУБЛИЦКИЙ · ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ...



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказывая о путешествиях, открытиях, неразгаданных загадках, автор прослеживает историю познания разных уголков земного шара с давних времен до наших дней. Герои книги — покорители горных вершин и океанской бездны, искатели последних «затерянных миров» и отважные мореплаватели, следопыты джунглей и открыватели полюсов, подводные археологи, ученые, пытающиеся проникнуть в тайны Марса.

-
-
- Трагедия в бухте Кеалакекуа
- Хромой дервиш
- Вечный фрегат
- Поперёк Америки — пешком
- В самий дикой Африке
- Голос мертвого города
- Спор о "Большом гвозде"
- Приятное путешествие профессора Вавилова
- Тунгусское диво
- Потерянные следы
- Полярный детектив
- Пик Коммунизма
- В черном мраке глубин
- Гибель "Италии"
- "Снежный человек"?
- Красная планета
-

ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ...
ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ...
ПОПЕРЕК АМЕРИКИ ПЕШКОМ
СПОР О «БОЛЬШОМ ВОЗДУХЕ»
В САМОЙ ДИКОЙ АФРИКЕ
ПРИЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОФЕССОРА БАЛЯТОВА
ПУСТЫНЯ МЕРТВОЙ ВОДЫ
ВЕЧНЫЙ ФЕРЕЗЕТ
ТРЕВОГИ В БУХТЕ КВАЛАКВЕСА
ХРОМОЙ ДЕРЕВНЯ

Л

ВЕСЬ ШАРЗЕМНОЙ
ВЕСЬ ШАРЗЕМНОЙ
ВЕСЬ ШАРЗЕМНОЙ
ВЕСЬ ШАРЗЕМНОЙ
ВЕСЬ ШАРЗЕМНОЙ
ВЕСЬ ШАРЗЕМНОЙ
ITALIA

ГЕОРГИЙ КУБЛИЦКИЙ

ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ...

Рассказы о путешествиях и открытиях

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1986

Научно-художественная литература
Художник Ю. Смольников
Рецензент доктор географических наук В. В. ПОКШИШЕВСКИЙ

Эта книга — о путешествиях и открытиях.

Она названа «Весь шар земной…». Но нет такой книги, которая могла бы вместить всю летопись познания нашей планеты. И здесь — лишь отдельные странички этой летописи, относящиеся к разным уголкам земного шара.

О некоторых героях, чьи приключения вы найдете в книге, я пытался рассказывать читателю уже достаточно давно. С тех пор мы узнали о них гораздо больше.

Всемирно известному мореплавателю Джемсу Куку посвящены сотни книг. Казалось бы, о нем сказано все. Но вот исполнилось 250 лет со дня его рождения, и усердные историки, еще и еще раз перерывшие архивы Адмиралтейства Великобритании, были вознаграждены находками.

Так и с другими путешественниками. Время проясняет, дополняет многое. Даже старые, всем известные факты порой предстают в новом свете.

След путешественника и исследователя иногда забывается, но никогда не теряется совсем. Стоит только поискать — и найдется ниточка. Протянется к сегодняшнему дню, уйдет в завтрашний.

Продолжение истории давнего открытия бывает иногда столь же увлекательным, как дорога к нему. А разве не интересно узнать, что происходит там, где когда-то путешественник блуждал среди джунглей или пробивался через ледяные торосы?

Среди героев книги есть и мои современники. В разное время я встречался с некоторыми из них. Других не знал лично, но хорошо помню, как вместе со своими сверстниками нетерпеливо ждал известий об их приключениях. Судьбы этих людей — частицы жизни моего поколения.

В давние годы еще по свежим следам я писал о поисках Тунгусского метеорита, о покорении пика Коммунизма, о гибели дирижабля «Италия», о попытках разгадать тайны Марса… И как же раздвинулись с тех пор границы могущества человека!

Казавшееся почти невозможным стало обычным. Но появились новые загадки, новые сомнения.

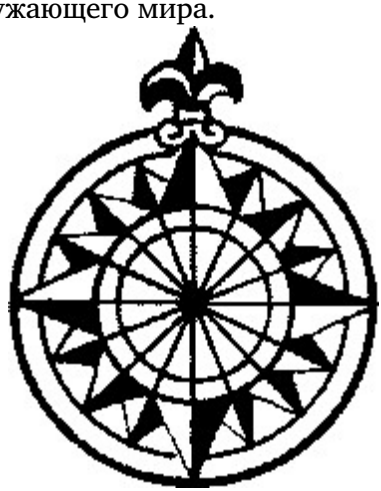
И у меня возникла мысль — рассказать о судьбах открытий в быстро меняющемся мире. Мне удалось пройти по следам некоторых своих героев, увидеть места, где пролегали когда-то их тропы. Захотелось как бы продолжить во времени каждое путешествие, теснее связать прошлое с настоящим, то, что мы знаем о делах минувших, — с днем сегодняшним.

Чаще всего это сделано в дополнениях к каждому рассказу. Они отделены от основного текста. Их примета — волнистая линия на полях книги. Иные из коротких набросков с первого взгляда как будто и не относятся к герою непосредственно, однако они связаны с делом его жизни, с его идеями, маршрутами путешествий, открытиями, заблуждениями.

Не все, о ком речь в книге, — рыцари без страха и упрека. У иных бывали минуты слабости, вспышки жестокости. Кое-кого подгоняло к цели не только стремление служить науке, но и непомерное честолюбие, заглушавшее чувства долга и порядочности. Однако и эти люди оставили свой след в истории. Надо знать о них со всеми их достоинствами и недостатками.

Золотыми же буквами в длинной летописи открытий написаны имена тех, кто сочетал поиски истины с благородством, скромностью, душевной чистотой, священным чувством товарищества.

Эти люди — подлинные герои непрерывного познания человечеством окружающего мира.



Трагедия в бухте Кеалакекуа

Зачем он повернулся спиной к возбужденной толпе?

Повернулся всего на несколько роковых секунд, сразу потеряв таинственную власть над островитянами. И тотчас тяжелый удар

поверг капитана Джемса Кука на прибрежный песок. Он упал лицом в воду, на него набросились с ножами и дротиками.

Все было кончено.

Капитан Кук не успел ничего сказать перед смертью. Быть может, он и крикнул, быть может, звал на помощь, но вопли толпы и беспорядочная пальба помешали морякам разобрать что-либо. Да они и сами едва спаслись, потеряв четырех матросов и втащив в шлюпки раненых.

Это произошло утром 14 февраля 1779 года.

На берегу бухты Кеалакекуа, одной из бухт Гавайских островов, Англия потеряла своего великого мореплавателя.

*

По-прежнему сияло солнце, теплый ветер шевелил кроны пальм.

Руки капитана Чарльза Кларка, оглядывавшего берег в подзорную трубу, дрожали. Он не мог прийти в себя, не мог сосредоточиться. Снова и снова почти без цели, не рассчитывая увидеть что-либо новое, вел трубу вдоль прибрежного леса, теперь безмолвного, притихшего, затаившегося. На корабле была та же гнетущая тишина, прерываемая лишь проклятиями, произносимыми полушепотом.

Чарльз Кларк знал: от него ждут решения. Теперь, после смерти капитана Кука, к нему, как к старшему по званию и опыту, перешло руководство экспедицией. Ему вести «Резолюшн» и «Дискавери». Ему завершать дело, начатое покойным капитаном. Ему и мстить убийцам.

А он, Чарльз Кларк, не знает, что сказать людям, окружающим его. Противоречивые чувства борются в нем. Годы, проведенные в плаваниях вместе с капитаном Куком, приучили Чарльза Кларка ожидать при крутых поворотах событий непререкаемого решения великого мореплавателя и подчиняться ему. Но как поступил бы сам Кук, что предпринял бы он, если бы жертвой стал кто-либо из старших офицеров?

А берег пустынен, а вокруг слышится ропот: нечего медлить, надо высаживать десант, пока эти дикари не успели опомниться…

Кларк наконец медленно опускает подзорную трубу:

— Господа, мы можем обсудить все на совете. Но хочу сказать сразу: я против бессмысленной жестокости. Да, огонь наших пушек способен уничтожить здесь все живое. Однако главное для нас — получить останки командира и отдать ему последний долг по обычаю моряков. Этому нужно прежде всего подчинить наши помыслы и действия.

Кларк, волоча ноги, идет к опустевшей каюте капитана Кука. Здесь все ему знакомо. Карты, книга, раскрытая на странице,

которую хозяину каюты никогда не доведется дочитать, дневник…

Последняя запись, уже достаточно давняя — почему-то капитан изменил своей обычной пунктуальности, — относится еще к январю, к приходу на эти злополучные острова. Капитан нашел, что их открытие — во всех отношениях наиболее важное в сравнении со всеми, сделанными ранее европейцами в Тихом океане.

Лучше бы они остались в стороне от курса кораблей! Если бы другой мореплаватель первым увидел снежные пики острова Гавайи и другие острова архипелага, это могло стать главным событием его жизни. Но Куку оно добавило лишь новую строчку в и без того длинный список открытий.

В каком году Чарльз Кларк впервые встретил Джемса Кука? Осенью 1768 года, когда «Индевр» покидал гавань Плимута, Куку исполнилось уже сорок, но звание лейтенанта королевского флота он получил лишь перед самым назначением на корабль.

В странном положении оказался тогда лейтенант Кук. Он командовал «Индевром», именно ему и только ему лорды Адмиралтейства, эти вершители судеб на флоте, вручили секретные инструкции о целях плавания. Но на корабле знали, что он человек самого низкого происхождения, батрак и сын батрака, недоучка, бывший матрос судна, перевозившего уголь между морскими портами. Целая пропасть отделяла его, например, от блистательного Джозефа Бенкса, натуралиста экспедиции, богача, владельца большого поместья, взявшего на корабль пятерых своих слуг.

Целая пропасть — и, наверное, Джемс Кук чувствовал ее. Однако не в его характере было заискивать перед сильными, перед знатными. Суровый, сдержанный, он ни с кем не сошелся близко, относясь ко всем ровно и требовательно.

И с каждой милей, остающейся за кормой, о нем стали говорить все почтительнее. Этот человек, как видно, сам сделал себя, с непостижимым упорством, неизвестно когда и где заполнив пробелы в образовании. Возможно, он не был знатоком изящных искусств, но уж в науке кораблевождения, в астрономии, в картографии на корабле не было даже приблизительно равного ему.

Команда «Индевра» поверила в Джемса Кука. Он вел корабль, схожий с отлично знакомыми ему «угольщиками», удачливо и точно. Экспедиция обогнула мыс Горн, крайнюю точку Южной Америки, и вышла в Тихий океан, навстречу главнейшим открытиям.

После плавания «Индевра» на карте океанских просторов

были подробно нанесены острова Общества. Тасман, этот великий голландский мореплаватель, почти за сто тридцать лет до плавания «Индевра» открыл Новую Зеландию. Куку не только выпала честь вторым увидеть ее берега, но и первым обогнуть эту землю, открыть пролив, делящий ее на два острова.

Потом «Индевр» достиг не исследованного до той поры восточного побережья Австралии, обошел Большой Барьерный риф. Открытые земли были объявлены владениями британской короны.

В этом достопамятном плавании, длившемся почти три года, они открыли многое, но не нашли главного — таинственного Южного материка, который, по мнению некоторых ученых, должен занимать огромное пространство в умеренных широтах.

Они не нашли его и во втором плавании, когда на поиски отправились уже два корабля. Но именно это и оказалось величайшей заслугой Джемса Кука.

Южный материк не был найден по той причине, что его попросту не существовало там, где полагали географы. Маршруты кораблей, проникнувших так далеко на юг, как это не удавалось еще ни одному мореплавателю, пересекли мифический «материк» — и всюду на их пути шумели океанские волны.

Джемс Кук исправил карту планеты. И тогда же он снова дополнил ее, открыв в холодных водах Атлантики остров Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова, а в тихоокеанских водах — остров Новую Каледонию.

И вот человек, которым будут гордиться грядущие поколения, трагически и нелепо окончил земной путь. Не станут ли потомки винить тех, кто, подобно Чарльзу Кларку, был с ним в последние роковые минуты?

Да, такое может случиться.

Наверное, найдется немало людей, которые были бы удовлетворены, узнав, что гибель великого мореплавателя отмщена полной мерой. И если он, Чарльз Кларк, принимает сейчас иное решение, то вовсе не потому, что ему незнакомо чувство мести. Но есть ведь и более высокое чувство. Чувство справедливости.

*

Совет, на который собрались офицеры «Резолюшн» и «Дискавери», не был единодушным. Но в конце концов, заменил Джемса Кука Чарльз Кларк, и его мнение теперь значило многое.

Решено было отправить на берег помощника покойного капитана, лейтенанта Кинга. Он потребует от вождя островитян выдачи останков погибшего. Если же в этом будет отказано, тогда…

Лейтенант Кинг вскоре вернулся. Его приняли с почетом. Островитяне, во всяком случае приближенные вождя, видимо, напуганы случившимся и обещают сделать все, что в их силах, еще до наступления утра.

Ночью Кларка разбудили выстрелы. По темной воде к кораблю скользила лодка. Угадывались силуэты двух островитян. Один высоко поднял над головой какой-то сверток.

Лодка подошла к борту, и островитяне молча поднялись на корабль, молча развернули сверток.

Нельзя было даже сказать, какая это часть тела капитана: небольшой бесформенный кусок…

Стараясь сдерживаться, Кларк твердо сказал через переводчика: должно быть возвращено все, что осталось от растерзанного тела. Решительно все. И как можно быстрее.

Кларк вернулся в каюту, но сон не шел к нему. Боли, уже давно мучившие его, опять усилились. Он знал, что обречен, что болезнь неизлечима. Вряд ли ему суждено намного пережить капитана Кука.

Собственно, он почувствовал признаки болезни вскоре после начала третьего плавания.

Оно началось летом 1776 года. Кук шел на старом корабле «Резолюшн», испытанном и сильно потрепанном во время второго плавания, «Дискавери», бывший «угольщик», оказался в лучшем состоянии.

На этот раз им предстояло искать торговый путь из Тихого океана в Атлантический вокруг арктических окраин Северной Америки. Этот Северо-Западный проход, который безуспешно пытались обнаружить многие мореплаватели, не давал покоя лордам Адмиралтейства. Предполагалось, что он, возможно, существует в полярных водах, свободных от тяжелых льдов. И кому же, как не Куку, могли быть посильны его поиски?

Корабли пошли сначала знакомой дорогой, достигли Новой Зеландии, посетили острова Дружбы и Таити. Повернув отсюда на север, пересекли экватор и увидели роковой Гавайский архипелаг, который показался тогда таким гостеприимным…

А затем «Резолюшн» и «Дискавери» вошли в воды, где до них не раз бывали русские корабли, открывшие здесь много островов. Через разделяющий Азию и Америку пролив, честь нанесения которого на карту принадлежала русскому мореплавателю Берингу, экспедиция устремилась дальше, но путь ей преградили непроходимые льды. Джемс Кук решил повернуть обратно, и это означало, что удобный для плавания Северо-Западный проход такой же миф, как удобный для заселения Южный материк.

Русские, с которыми встречались англичане, хорошо

отнеслись к ним, разрешили скопировать свои карты. И если бы «Резолюшн» и «Дискавери» остались зимовать в русском порту Петропавловске-Камчатском, как намечало Адмиралтейство…

Но Кук вернулся сюда, на острова, которым дал имя Сандвича, первого лорда Адмиралтейства. У кого могло возникнуть сомнение в правильности этого выбора, когда навстречу кораблям вышло множество лодок со всяческими дарами?

А в бухте Кеалакекуа Куку были сначала оказаны такие почести, будто островитяне знали, что перед ними — великий мореплаватель. Нет, так могли встречать лишь божество. Гавайцы падали перед капитаном на землю, боясь поднять глаза. Кука это скорее сердило, чем радовало. Он терпеливо сносил утомительные церемонии, в которых участвовали жрецы и вожди племени. Капитан восседал рядом с седобородым королем Каланиопу, обмениваясь с ним любезностями и подарками. Они даже обменялись именами — а это было равносильно клятве в вечной дружбе.

Потом подули холодные ветры. Откуда? Может, жрецы не хотели долго делить власть и влияние даже с белым божеством? Или островитянам показалось обременительным затянувшееся пребывание свиты божества, по правде говоря довольно прожорливой и бесцеремонной? В общем, гостям дали понять, что им пора покинуть хозяев.

На кораблях подняли паруса. Расставание было достаточно дружественным. Кук намеревался идти к берегам Камчатки, чтобы довести до конца дело с Северо-Западным проходом, окончательно рассеять сомнения, дать твердый, обоснованный ответ.

Но вскоре после того, как корабли покинули бухту, их жестоко потрепал шторм, на «Резолюшн» была сломана мачта.

Они вернулись в Кеалакекуа. Казалось, будто это другая бухта, берега которой населяют совсем другие люди, непохожие на тех, что еще недавно были самыми радушными хозяевами. Никто не встречал англичан. Ни одна лодка не приблизилась к борту кораблей.

Первая стычка произошла накануне трагического дня. Быть может, на этом все и кончилось бы, но под покровом ночной темноты кто-то увел шлюпку, стоявшую у борта «Дискавери».

Кук страшно рассердился. Обычно сдержанный и спокойный, он сказал, что сам заставит островитян вернуть шлюпку и рассеет их надежды на безнаказанность.

Наверное, надо было попытаться отговорить капитана. Но когда Кук решал что-либо, уговоры на него действовали мало — и

Чарльз Кларк за долгие годы их совместных плаваний и ровной, ненавязчивой дружбы хорошо знал это.

Капитан сам повел небольшой отряд морских пехотинцев для того, чтобы взять в заложники короля Каланиопу и его сыновей. Одновременно он выслал шлюпки с вооруженными матросами, которые должны были перехватывать все лодки островитян.

Кларк в этот день из-за болезни не покидал корабль. О том, что случилось дальше, ему рассказал лейтенант Кинг. Король не стал сопротивляться и вместе с Куком пошел к берегу. Но тут со шлюпок дали залп по лодкам островитян, появившимся в бухте. Пролилась кровь…

Один островитянин, угрожая дротиком, приблизился к Куку. Капитан выстрелил дробью, которая застряла в щите, прикрывавшем воина. Тут в воздухе засвистели камни, ранившие морских пехотинцев.

Капитан поднял ружье, заряженное пулей. Ближайший островитянин рухнул на землю. Началась беспорядочная перестрелка, и островитяне бросились врукопашную.

Хотел ли капитан Кук прекратить кровопролитие, крикнуть, чтобы со шлюпок перестали стрелять? Или он намеревался вызвать подкрепление? Этого не узнает никто и никогда.

Подняв руку, он повернулся спиной к нападающим — и несколько секунд спустя все было кончено.

Прошел томительный день 16 февраля.

Чарльз Кларк несколько раз брался за подзорную трубу. Ему казалось, что вот-вот из прибрежной рощи появится печальная процессия с останками капитана.

Но берег был пуст.

Минула ночь, занялся рассвет.

Как обычно, шлюпка с «Дискавери» направилась к источнику за водой. Матросы зарядили мушкеты пулями.

В накаленной атмосфере взаимной вражды повод для ссоры может быть самым пустяковым. Его может и не быть вовсе.

У источника произошла стычка.

Теперь уже ничто не могло остановить моряков. Раскаты залпа пушек «Дискавери» стали сигналом для десанта. Высадившись из шлюпок, морские пехотинцы бросились к ближайшему селению. Те, кто не успел бежать, были убиты на месте. Деревня вспыхнула костром.

Прошла еще одна бессонная ночь, когда к терзающей физической боли прибавилась боль душевная. Ему, Чарльзу Кларку, видимо, уже не придется держать ответ перед людьми. Но может ли он обмануть свою совесть? Что скажет он, представ перед судом всевышнего?

За долгие годы морских скитаний с капитаном Куком, за долгие годы их дружбы Чарльз Кларк редко испытывал минуты сомнений. Может быть, болезнь, предчувствие близкой смерти, наконец, бессмысленная гибель Кука впервые заставили его оглянуться назад, увидеть многое другими глазами.

Капитан Джемс Кук был для него высоким примером служения британской короне, человеком железной воли, способным своей неукротимой энергией и рвением сокрушать любые препятствия. При этом он не запятнал свой мундир ни холопством, ни корыстной лестью, ни казнокрадством, как то случалось с иными высокими господами из Адмиралтейства. Суровый, но справедливый, умевший видеть подлинную природу вещей, понимавший людские слабости — таким был капитан Кук.

Но всегда ли он оставался таким?

Да, ему чуждо было чувство слепой мести. Во время второго плавания в Новой Зеландии были убиты десять моряков, высадившихся для поисков провианта. Когда Кук снова посетил Новую Зеландию, ему назвали имя местного вождя, виновника расправы. Новозеландцы да и некоторые моряки не сомневались, что тут вступит в действие закон: «Зуб за зуб, кровь за кровь».

Но если следовать советам тех, кто жаждет расправы, заметил тогда капитан, то можно истребить целый народ.

Капитан не раз говорил своему другу, что он отказывается понимать европейцев, которые удивляются, если жители открытых земель встречают их неприязненно, а тем более если оказывают сопротивление пришельцам.

Но в чем, собственно, дело? Разве они звали гостей? Разве просили о покровительстве? Разве появление белых незнакомцев приносит им счастье? Безделушки, которые они получают в обмен на плоды, — неужели это повод для радости и ликования?

Так рассуждал сын батрака Джемс Кук. Но он же, как примерный офицер королевского флота, без колебания присоединял открытые земли к владениям Великобритании. Быть может, разлад между тем, что он думал, и тем, что делал, стал одной из причин перемен в характере Кука?

Во время последнего путешествия, когда к нему пришло всеобщее признание, когда он стал капитаном первого ранга, членом Королевского географического общества, получил золотую медаль, можно было бы, кажется, забыть прежние обиды. Ведь капитана Кука удостоил похвал сам король. Если бы капитан захотел, то вполне мог выйти в почетную отставку, пожиная плоды своих трудов и открытий.

Но Кук не хотел покоя. Ему не терпелось в новое плавание. И тут стало заметно, что годы и накопившаяся усталость взяли свое.

На некоторое время у капитана появились вялость, апатия. Потом участились вспышки гнева. На одном из островов с корабля украли козу. Кук потребовал немедленно возвратить животное. Он приказал для острастки сжечь десять лодок и пообещал уничтожить остальные. Перепуганные островитяне вернули козу.

На другом острове вору, укравшему ценный прибор, капитан велел отрезать уши. Он взял заложников, добиваясь выдачи дезертировавших матросов.

Честно говоря, и первое пребывание в бухте Кеалакекуа было уже омрачено. Ну, например, перед уходом кораблей сломали на дрова ограду вокруг какого-то святилища островитян. Зачем? Ведь топливо легко было набрать и в лесу, не оскорбляя чувства язычников. Жрецы едва ли простили пришельцам грубое самоуправство — и вот одна из причин, резко изменившая поведение островитян после возвращения кораблей в бухту.

Наверное, можно было попытаться все же вновь наладить прежние отношения. Однако чуть не с первого часа стоянки начались ссоры и столкновения. Уличенного в мелкой краже островитянина жестоко выпороли плетьми. Другой, прельстившись клещами и долотом, не удержался от искушения и, схватив чудесно блестевшие вещицы, бросился с ними в лодку. Открыли стрельбу, но воришка сумел уплыть. Гавайцы соглашались вернуть украденное. Боцман сверх того потребовал выдачи вора. Он был груб, островитяне схватились за камни, морякам пришлось поспешно отступить.

Вероятно, капитан Кук был достаточно накален этим происшествием, и, когда исчезла шлюпка с «Дискавери», гнев заставил его забыть и об осторожности, и о своих прежних взглядах.

Он отправился, чтобы покарать виноватых и неповинных — разве был виноват король, которого хотели взять заложником?

Но судьбе было угодно занести карающую руку над самим великим мореплавателем.

Утром 20 февраля Чарльз Кларк увидел наконец то, чего ждал. К берегу направлялась процессия во главе с вождем племени и жрецами. Это могло означать только одно…

Капитана Кука опустили в море на следующий день. По лицам моряков текли слезы. Воды океана сомкнулись над телом человека, до последнего дня преданного славному ремеслу открывателя неведомых земель.

После прощального салюта на «Резолюшн» и «Дискавери» подняли паруса. Чарльз Кларк повел корабли дорогой, которую определил еще капитан Джемс Кук.

Они снова пришли к Берингову проливу — и снова льды

преградили путь.

Оставалось одно — возвращаться в Англию.

Чарльз Кларк так и не увидел родных берегов.

Он с воинскими почестями похоронен в Петропавловске-Камчатском. Над его могилой установлен обелиск, сохранившийся до наших дней. Моряки приносят к его подножию цветы.

Могилой капитана Джемса Кука стал Тихий океан. На дне бухты Кеалакекуа покоится простая чугунная плита с его именем.

Миллион слов дневника

Найдется ли книга об открытиях на земном шаре, где не упоминалось бы имя Джемса Кука? Он стал одним из самых известных мореплавателей XVIII века. Три главных путешествия капитана расчертили карту морей и океанов обоих полушарий.

Начинаясь в английском городе Плимуте, маршруты его плаваний огибают южные оконечности Африки и Южной Америки, подходят к Австралии, касаются берегов Северной Америки, идут по морям, омывающим берега Азии, петляют в просторах Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Их пунктир несколько раз пересекает экватор, Южный полярный круг.

Все это — в XVIII веке, когда не существовало еще достоверной карты полушарий и не только обилие «белых пятен», но и грубейшие ошибки в очертаниях земель и островов способны были запутать, сбить с толку исследователя. Все это во времена, когда непредсказуемые, непредугадываемые ветры и морские течения могли опрокинуть все расчеты водителей парусных кораблей, растянуть плавание на лишние месяцы, даже годы. Во времена, когда люди, набитые в тесные корабельные помещения, были беспомощны против многих болезней, и если судно теряло в дальнем плавании четверть или треть команды, то полагали, что на то воля божья, могло быть и хуже.

Несколько лет назад в Австралии построили точную копию корабля Кука, на котором он совершил знаменитое плавание к

австралийским и новозеландским берегам. Корабль «Индевр II» отправился в рейс с командой опытных моряков. Однако при первом же шторме он потерял управление и был выброшен на скалы. Подлинный корабль Кука попадал в жестокие шторма много раз и всегда благополучно продолжал плавание.

Капитан Джемс Кук стал национальным героем Великобритании. Его имя увековечено в названиях проливов, заливов, островов, гор, городов, улиц, площадей. Облик знаменитого мореплавателя запечатлен на многих рисунках: до изобретения фотографии в крупных экспедициях обязательно участвовали художники, зарисовывавшие все, достойное внимания.

Лондон воздвиг памятник Куку, немножко парадный, как большинство памятников. Капитан изображен в рост, на нем мундир моряка, треуголка, грубые башмаки с пряжками. В опущенной правой руке подзорная труба, у ног — корабельный канат.

Не настаиваю на верности своего впечатления, но мне кажется, что и фигура капитана, и его лицо отражают не только волю и твердость, а даже некоторую надменность, высокомерие. Он скорее похож на непреклонного, уверенного в победе флотоводца перед началом решающего сражения, нежели на исследователя.

О капитане Куке написано много книг. О нем писал, например, Жюль Верн. После Кука остались подробные дневники, в которых, по некоторым подсчетам, около миллиона слов. И если почитание знаменитого мореплавателя дошло до того, что дом, принадлежавший его родителям, был в 1933 году за большие деньги куплен, разобран по кирпичику, увезен из Англии и восстановлен как национальная святыня в Австралии, то можно предполагать, что с такой же тщательностью «собрана» и восстановлена по датам и событиям жизнь Джемса Кука.

Но это не так. Современный английский писатель Элистер Маклин, автор одной из новых книг о капитане Куке, приходит к, казалось бы, поразительному выводу: мы очень мало знаем о человеке по имени Джемс Кук.

Миллион слов его дневников повествуют о трудах капитана, они дают представление о том, что он делал, но не о том, каким он был. Трудно представить более сдержанного человека, чем капитан Кук, когда дело доходит до сообщений каких-либо подробностей личной жизни. Даже в его переписке лишь дважды упоминается имя жены, о рано умерших детях он не пишет решительно ничего…

Дневники двух плаваний капитана Кука были изданы еще при

его жизни. Однако много позднее выяснилось, что они переработаны и «исправлены» другими лицами по указанию первого лорда Адмиралтейства графа Сандвича. Лишь в 1954 году, после многолетних трудов, австралийский исследователь Биглехол смог выпустить подлинные дневники мореплавателя. Они вышли и в переводе на русский язык.

Два века спустя

Весной 1970 года капитан Кук вновь высадился на побережье Австралии в бухте Ботани-бей (Ботанический залив), названной так за обилие разнообразных растений, неизвестных европейцам.

Высадка состоялась в связи с торжествами, посвященными двухсотлетию плавания «Индевра». Роли Кука и его спутников играли известные австралийские актеры.

Когда мореплаватель вступил на берег, его окружил хор детей, представлявших разные национальности Австралии. Они прославляли день, возвестивший новую эру в жизни пятого континента.

Но как началась эта эра в действительности?

Почти два десятилетия ни одно судно не тревожило водную гладь Ботани-бей и открытой также Куком соседней бухты Порт-Джексон. Однако в начале 1788 года здесь появилось сразу несколько кораблей.

На них не было ботаников, астрономов, гидрографов. Трюмы кораблей были набиты преступниками, приговоренными к ссылке. Англия нашла, что Австралия — отличная тюрьма без стен.

Тем не менее капитан Филипп, руководивший высадкой, обратился к новым австралийцам с высокопарной речью:

— Мы находимся здесь, чтобы от имени британского народа овладеть пятым континентом планеты и создать колонию, которая будет осуществлять благотворное покровительство над всем Южным полушарием.

Ссыльных ожидал никогда не виданный ими девственный эвкалиптовый лес. Надо было начинать с рубки огромных

деревьев, с расчистки места под пашню. Вскоре среди подневольных переселенцев начался голод. Ели крыс и ворон.

Злоупотребления назначенных правительством чиновников не знали границ. Губернатор имел право повесить человека.

С высадки каторжников началась и колонизация Тасмании.

Местное население колонизаторы уничтожали. Это называлось «очисткой территории».

В Австралии часть аборигенов укрылась в отдаленных, труднодоступных местах. Тасмания же сравнительно небольшой остров. Когда здесь побывал Кук, его населяло примерно двести тысяч человек. За их истребление колонизаторы взялись так энергично, что к сороковым годам прошлого века тасманийцев оставалось всего несколько десятков человек.

Последняя тасманийка умерла в 1876 году. Исчез с лица земли целый народ.

Когда в 1970 году жители города Сиднея, расположенного возле бухты Ботани-бей, наблюдали за юбилейными торжествами, рядом состоялась церемония скорби и протеста. Группа коренных австралийцев бросала в воды бухты траурные венки, напоминавшие о старых ранах, о сотнях тысяч бесчеловечно истребленных аборигенов Австралии.

Материк, «закрытый» Куком

Трудно сказать, когда именно в воображении ученых возникла неведомая Южная земля, или Южный материк. Возможно, уже две тысячи лет назад, если не больше.

Открытие Америки укрепило веру в существование Южной земли. Раз на земном шаре удалось найти целый Новый Свет, то, следовательно, достижение берегов еще одного материка — вопрос времени. И плавания в южных водах как будто подтверждали это. Мореплаватели один за другим открывали «мысы» Южного материка. Однако другие, идущие по их следам, убеждались, что за материковые окраины были приняты острова.

Очертания Южного материка на картах менялись, он то расширялся, то сужался и на некоторое время даже исчезал вовсе,

чтобы потом появиться вновь.

К тому времени, когда снаряжалась первая экспедиция Кука, среди сторонников существования этого материка оказались натуралист Бюффон и английский гидрограф Далримпл, пользовавшийся большим влиянием в Адмиралтействе.

Далримпл был недоволен результатами первой экспедиции Кука, утверждая, что тот просто плохо искал то, что можно найти. Второе плавание Кука нанесло Далримплу и другим сторонникам так называемой «умозрительной» кабинетной географии последний удар. Неведомая Южная земля, «закрытая» Куком, навсегда исчезла с карт.

Ну, а как же тогда Антарктида? Шестой материк, земля на крайнем юге, обозначенная на всех картах?

Кук не отрицал возможности его существования. Если нанести маршрут второго путешествия мореплавателя, то окажется, что в январе 1774 года «Резолюшн» отделяли от побережья Антарктиды около трехсот километров — правда, дальнейший путь кораблю закрыли здесь непроходимые льды.

После второго плавания авторитет Кука среди моряков всего мира был исключительно высоким. Южный материк как обитаемая суша, расположенная в относительно умеренных широтах, перестал будоражить воображение исследователей. Но что, по мнению Кука, могло ждать их, если они все же осмелятся пойти по его следам в еще более высокие южные широты?

Попробуйте представить себя на месте моряка, обдумывающего такое плавание. Перед вами дневник великого Кука.

С одной стороны:

«Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или земля значительных размеров; напротив, я держусь мнения, что такая земля там есть, и, вероятно, мы видели часть ее».

С другой стороны:

«Если кто-нибудь обнаружит решимость и упорство… и проникнет дальше меня, я не буду завидовать славе его открытий, но возьму на себя смелость сказать, что миру его открытие не принесет пользы».

И дальше:

«Риск, которому подвергаются при исследовании берегов в этом неведомом ледовом море, столь велик, что я смело могу сказать — никто не отважится проникнуть дальше, чем удалось мне, и земли, которые, возможно, лежат на юге, навсегда останутся необследованными».

Наконец:

«Стремление достичь цели завело меня не только дальше всех прочих людей, моих предшественников, но и дальше предела, до которого, как я полагаю, может вообще дойти человек…»

Итак, материк на юге, возможно, существует. Но искать его не только бесполезно для человечества, но и бессмысленно, поскольку цель недостижима.

Джемс Кук «закрыл» не один, а два Южных материка. Мифический — навсегда. Реально существующий — на многие десятилетия.

Своими утверждениями он воздвиг барьер на пути будущих исследователей: кто будет тратить деньги на бесплодные, безнадежные экспедиции, кто выйдет в ледовое море, зная, что впереди его не ждет ничего, кроме разочарований и смертельной опасности?

Но такие люди нашлись. Кук не поверил на слово Далримплу. Русские моряки первыми усомнились в незыблемости утверждений Кука.

У берегов Антарктиды

Летом 1819 года гавань Кронштадта покинули парусные корабли «Восток» и «Мирный». Командиром «Востока» и начальником экспедиции был опытный моряк Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен. «Мирный» повел Михаил Петрович Лазарев, успевший, несмотря на молодость, совершить самостоятельное кругосветное плавание. Команды были набраны из добровольцев, готовых уйти в неведомые воды на поиски Южного материка.

После нескольких месяцев скитаний по морям и океанам корабли оказались среди призрачных ледяных гор, над которыми бесшумно носились буревестники.

Плавание с каждым часом становилось все труднее и опаснее. В середине февраля 1820 года путь экспедиции преградила сплошная ледяная стена. Местами она напоминала обледеневший берег.

Корабли отошли от нее, потом вернулись, ища прохода. Но его не было.

Берег Южного материка? А тут еще морские ласточки, предвестники близкой земли…

В эти дни Беллинсгаузен записал с осторожностью и добросовестностью настоящего исследователя:

«За ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу подобно берегу».

И это действительно был берег Антарктиды, шестого материка. Четырежды корабли были вблизи него. Но русским морякам хотелось бесспорно убедиться в своем открытии.

Им удалось это лишь почти год спустя. Уйдя от свирепой антарктической зимы к зеленым берегам Австралии, они посетили затем Новую Зеландию и острова Океании.

В декабре 1820 года «Восток» и «Мирный» в четвертый раз пересекли Южный полярный круг.

И вот настал знаменательный день 10 января 1821 года. С кораблей увидели не ледяной барьер, а черные осыпи скал неведомого берега. Продолжая плавание, русские моряки 17 января прошли вдоль мыса, за которым виднелись довольно высокие горы, то покрытые снегом, то обнаженные.

Исчезли последние сомнения.

Берег Александра Первого — так назвал Беллинсгаузен гористое побережье Антарктиды — был достигнут вторично лишь девяносто лет спустя после плавания русских моряков.

На современных картах увековечен подвиг первооткрывателей. Именами Беллинсгаузена и Лазарева названы моря у окраин самого холодного и самого пустынного и недоступного материка земного шара.

Советские моряки пошли по следам своих соотечественников. В 1955 году к берегам Антарктиды направились исследовательские суда под красным флагом. На ледяном континенте были созданы научные обсерватории и внутриконтинентальные станции. Двум дали названия «Восток» и «Мирный», а позднее среди других появились станции «Лазарев» и «Беллинсгаузен».

Маршруты советских экспедиций пересекли шестой материк в разных направлениях. Они проходили через Южный полюс, полюс относительной недоступности, геомагнитный полюс. Уточнялись карты, изучались льды, жизнь Южного океана. Дорогу к Антарктиде прошли десятки советских судов. С начала 80-х годов стали возможными сверхдальние воздушные рейсы между Москвой и советскими станциями на ледяном континенте: 16 тысяч километров!

Вклад советской науки в изучение Антарктики признан всем миром.

Хромой дервиш

Если бы первые рассказы о хромом дервише, о странствующем мусульманском монахе, были записаны со слов хаджи Билала, хаджи Сали или какого-нибудь другого его благочестивого спутника, то, возможно, повествование началось бы с событий весеннего дня на земле туркмен.

Именно в этот день хромой дервиш хаджи Решид едва не стал жертвой навета. И кто оклеветал его! Мехмед, нечестивый курильщик опиума с дрожащими руками! Он примкнул к

каравану на одном из привалов. Поговаривали, что этот кандагарский купец, совершив преступление, бежал из родных мест. И вот теперь…

В этот день паломники, с которыми шел хромой дервиш, дождались наконец прихода каравана Амандури. Сановник из Хивы выглядел усталым и раздраженным. Его ли дело гонять буйволиц?! Но мудрейшие врачи нашли, что молоко этих невиданных в Хиве животных исцелит недуги хана. И послушный Амандури отправился за буйволицами в дальний путь. Теперь животные плелись впереди каравана, возвращавшегося в Хиву.

Амандури приветливо встретил паломников, попросивших его защиты и покровительства на пути к столице хана. Но когда он заметил хромого дервиша, его взор стал холодным, а добрые слова застряли в горле.

Хромой дервиш вместе со всеми наполнил бурдюк водой: предстоял путь через пустыню. Амандури повел караван. А на привале, когда усталые верблюды были развьючены, Амандури позвал хаджи Билала и хаджи Сали.

— Великий хан Хивы — да продлит аллах его дни — велел однажды повесить двух своих слуг, — сказал он. — Великий хан услышал от них, что на земли ханства проник переодетый «френги», презренный европеец. Обманув всех, он с поистине дьявольской точностью снял на карту дорогу в Хиву. Все холмики, все колодцы! И ярость хана стянула петлю на горле принесших ему злую весть. Что же будет с теми, кто поможет другому френги войти в ворота благородной Хивы? Об этом страшно подумать! А между тем Мехмед… — Тут Амандури велел позвать купца и приказал ему: — Говори!

— Я видел френги-англичан в наших горах! — закричал тот, и глаза его налились кровью. — Я видел этих собак и говорю вам: в Хиве пытка сделает свое дело и железо покажет, кто на самом деле ваш хромоногий хаджи Решид! Но великий хан покарает и слепцов, не разглядевших неверного под лохмотьями дервиша!

Билал и Сали не унизили себя крикливым спором. Двадцать шесть человек в караване носили почетный титул хаджи за подвиг благочестия, за многотрудное паломничество в Мекку к священному для каждого мусульманина черному камню Каабы.

Среди двадцати шести паломников хаджи Билал и хаджи Сали были наиболее почтенными и уважаемыми людьми — это мог подтвердить каждый.

Но разве свет благочестия не исходил и от хаджи Решида? Да, он не выкрикивал по две тысячи раз подряд «Аллах! Аллах!», как достопочтенный хаджи Абдул-Кадер, и не побывал дважды в Мекке, как хаджи Нух-Мухаммед. Но кто лучше хаджи Решида

мог толковать Коран, эту святую книгу, существующую предвечно?

Припадая на больную ногу, он отважился издалека идти для поклонения мусульманским святыням Хивы и Бухары — это ли не подвиг, достойный воздаяния?

И вот теперь нечестивый безбожник, за опиумом забывающий о часе молитвы, чернит хаджи Решида подозрениями! Сначала Мехмед уговаривал их друга отделиться от каравана и пойти вдвоем. Уж не думает ли нечестивец, что в лохмотьях хаджи Решида спрятаны сокровища? Корысть и зависть иногда толкают людей на злые дела, а в пустыне легко теряется след человека. Хаджи Решид, конечно, отказался идти с купцом, и теперь тот выдумал нелепицу с переодетым френги…

Обо всем этом хаджи Билал спокойно рассказал Амандури. Но не убедил его. Нечестивец кричал свое:

— Пытка покажет!

Тогда хаджи Билал сказал, что он и хаджи Сали готовы поручиться за своего друга. Они неразлучны с ранней весны, когда вместе вышли из Тегерана. Они вместе ночевали на холодном полу караван-сараев, укрывались тряпьем, чтобы унять дрожь. Они брали пальцами из одного горшка вареный рис, сдобренный, за неимением свежего сала, растопленной сальной свечой. И никто не слышал жалоб и стенаний от хаджи Решида, слабого телом, но сильного верой.

Святость и набожность хаджи Решида сделали его желанным гостем на земле туркмен. Молитвой и талисманами он лечил больных, и те благословляли его. Сам Кызыл-ахонд, ученейший муж среди туркмен, находил удовольствие во встречах с хаджи Решидом. Салтыг-ахонд, мудрейший священнослужитель, после бесед с хаджи Решидом сказал, что воистину свет ислама снизошел на этого человека. Так неужели Амандури думает, что верность религии делает людей слепыми, а опиум обостряет зрение?

Амандури, казалось, колебался. Но Мехмед закричал со злобным упорством:

— Разве этот дервиш похож на других? Он светлокож, как все френги!

На земле туркмен, возразил ему хаджи Билал, где паломников приняли как братьев, многие тоже удивлялись, что аллах создал единоверцев столь не похожими друг на друга. Но дело в том, что хаджи Решид — турок!

Он, хаджи Билал, не хотел говорить все до конца, однако теперь сделает это. Пусть Амандури знает!

И хаджи Билал рассказал, как однажды вместе с другими

паломниками зашел во двор турецкого посольства в Тегеране, чтобы пожаловаться на бесчинства властей, берущих непомерные пошлины. Там к паломникам подошел важный господин, который ласково обошелся с ними, расспрашивал так, будто был их братом. Господин сказал, что хочет пойти, как простой дервиш, на поклонение святыням в земли туркмен и узбеков.

— Да будет ведомо тебе, Амандури, что хаджи Решид — турецкий эфенди, знатный господин, которому покровительствует сам султан, — торжественно произнес хаджи Билал. — Он стал дервишем потому, что так захотел его духовный отец. И когда мы пошли вместе, я сказал: теперь окончательно забудь, что ты турецкий эфенди, и стань настоящим дервишем. Благословляй людей и не забывай протягивать руку за милостыней: тот, кто пришел в страну одноглазых, должен закрывать один глаз!

— Хорошо, — решился убежденный этой речью Амандури. — Я возьму хаджи Решида с собой. Но мы должны обыскать его. Пусть все убедятся, что он не прячет в одежде деревянное перо, каким пишут франги. И еще: пусть он поклянется, что не сделает никаких тайных заметок по дороге.

Как же разгневался хаджи Решид, когда услышал это! Он обратился к своему другу, но весь караван слышал его слова:

— Хаджи, ты знаешь, кто я. Скажи Амандури, который слушает одурманенного безбожника: с религией не шутят! В Хиве он узнает, с кем имеет дело!

Кого бы не смутила такая речь! А вдруг у этого хромого дервиша важное тайное поручение к властителю Хивы от самого турецкого султана?

— Худзим билар! Бог знает! — произнес Амандури. — Хан будет предупрежден обо всем заранее, и да свершится его воля!

Амандури дал знак двигаться дальше. Все, кроме Мехмеда, успокоились, и караван по вечерней прохладе продолжал путь к Хиве.

*

Две недели паломники шагали то по ровным, плоским такырам, глинистая корка которых растрескалась от жары, то по песчаным барханам. Люди и верблюды уже изнемогали, когда показались крыши одного из селений, окружавших великолепную Хиву.

Впервые город принимал сразу столько праведников, побывавших в Мекке. Толпа встретила караван у городских ворот. Паломникам целовали руки. Иные считали за честь хотя бы прикоснуться к их одежде.

Но когда один из офицеров хана появился перед дорогими гостями, неистовый Мехмед бросился к нему:

— Господин, мы привели в Хиву трех удивительных четвероногих и одного не менее замечательного двуногого!

Он показал сначала на буйволиц, потом на хромого дервиша. Сотни глаз уставились на хаджи Решида. И побежал уже в толпе шепот: «Френги! Урус!», и нахмурился офицер, готовый учинить допрос, когда вперед вышел хаджи Сали. Он стал превозносить добродетели своего друга, но тот, оскорбленный до глубины души людской подозрительностью, спросил лишь, как пройти к дому Шюкруллаха-бея, важного сановника хана.

Те, кто последовал за хаджи Решидом, своими ушами слышали, как хромой дервиш велел доложить сановнику, что его хочет видеть эфенди из Стамбула. Удивленный бей сам вышел навстречу и, пристально всмотревшись в оборванного паломника, воскликнул:

— Решид-эфенди?! Возможно ли это?

Если бы зеваки могли проникнуть в дом, куда Шюкруллах-бей поспешно увел гостя, они увидели бы, как дервиша усадили на почетное место. Они услышали бы, как сановник заклинал гостя именем аллаха поскорее сказать ему, что побудило уважаемого Решида-эфенди прибыть в эту ужасную страну из Стамбула, из земного рая, где Шюкруллах-бей провел много лет ханским послом при дворе султана и где имел удовольствие видеть Решида-эфенди совсем в другом одеянии. На это дервиш ответил, что он здесь по воле духовного отца своей секты.

Наверное, в Хиве у стен были уши. Дервиша, вернувшегося от сановника, разыскал в келье придворный офицер и вместе с подарком передал приглашение явиться во дворец для благословения хана Хивы.

Хан жил в Ичан-кале, этом городе внутри города, где поднимались купола и минареты наиболее чтимых мечетей. Толпа в узких улицах почтительно расступалась перед хромым дервишем. У входа в новый ханский дворец Ташхаули придворные офицеры подхватили его под руки.

Хан, полулежа на возвышении со скипетром в руке, принял благословение дервиша.

— Много страданий испытал я, но теперь полностью вознагражден тем, что вижу красоту вашей светлости, — склонил голову дервиш.

Выслушав рассказ о дорожных невзгодах хаджи Решида, хан вознамерился было наградить страдальца. Но святой человек отказался от денег, сказав, что у него есть единственное желание: да продлит аллах жизнь повелителя Хивы до ста двадцати лет!

Благоволение хана распахнуло перед хаджи Решидом двери в дома вельмож. Хромой дервиш ел жирный плов с советниками

хана или вел богословские споры с самыми уважаемыми хивинскими священнослужителями — имамами, тогда как его недруг Мехмед, осыпаемый бранью и насмешками, не смел даже показаться на улице.

И еще раз призвал хан к себе хаджи Решида. Шюкруллах-бей успел предупредить дервиша: придворные подозревают, что у хаджи Решида тайное послание турецкого султана к властителю соседней Бухары. Конечно, хан Хивы хотел бы кое-что узнать об этом…

Но если султан и поручил что-либо хаджи Решиду, то в Стамбуле сделали правильный выбор: ничего нельзя было выведать у святого человека, далекого от мирских дел.

*

«К величайшему моему удивлению, подозрения росли с каждым шагом, и мне чрезвычайно трудно было делать самые краткие заметки о нашем пути… Я не мог даже спрашивать о названии мест, где мы делали остановки».

Так хаджи Решид описывал позднее тот тревожный день, когда Амандури едва не бросил его в пустыне на дороге в Хиву. По календарю неверных это было 14 мая 1863 года.

Обыск мог стать для хромого дервиша смертельно опасным: в подкладке его рваного халата было спрятано уличавшее «деревянное перо» — огрызок карандаша…

И не только «перо».

Перед тем как Решид-эфенди отправился в путешествие со странствующими дервишами, все друзья в Тегеране отговаривали его от этого безумного шага. Они напоминали о риске, подстерегающем путника на дорогах среднеазиатских ханств, по соседству с Россией косневших в дикости и невежестве. Напоминали о замученных и обезглавленных, об отравленных и удушенных, о пропавших без вести. А когда уговоры и предостережения не подействовали, два человека дали страннику талисманы, защищающие от мук и пыток.

Турецкий посол вручил ему паспорт, какой получали лишь немногие. «Туграа», собственноручная подпись турецкого султана, чтимого всюду на Востоке, подтверждала, что хромой дервиш действительно подданный его светлости, хаджи Мехмед-Решид-эфенди.

Другой талисман он получил от посольского врача. Протягивая эфенди маленькие белые шарики, врач сказал:

— Когда вы увидите, что уже делаются приготовления к пытке и что не остается никакой надежды на спасение, проглотите это.

И однажды в пути хаджи Решид, подпоров шов халата,

осторожно достал белый ядовитый шарик стрихнина. Это было ночью. Мехмед, ненавистный Мехмед, изводивший его подозрениями, полулежал рядом, накурившись опиума. Его бессмысленные глаза ничего не видели, дрожащая рука неуверенно тянулась к пиале с остывшим чаем. Достаточно было опустить белый шарик в чай — и…

Но пальцы хаджи Решида так и не разжались. Он не мог запятнать себя хладнокровным тайным убийством. Разве и до встречи с Мехмедом судьба не посылала ему тяжких испытаний? И разве не кончалось каждое из них еще одной, пусть маленькой победой над собой, над своими слабостями?

В Хиву хаджи Решид пришел из Тегерана. Но изнурительное и опасное путешествие не было для него первым. В Тегеран из Стамбула турецкий эфенди, приучая себя к неизбежным будущим невзгодам, также шел с караваном. В пути на караван напали курды. Хаджи Решид покрылся холодным потом, дрожь трясла его: он не родился храбрецом. Но с той минуты стал искать встреч с опасностью, чтобы привыкнуть к ней, побороть в себе врожденное чувство страха.

При переходах по дорогам персидского нагорья он испытал на себе злобную религиозную нетерпимость. В Турции преобладало суннитское направление ислама, а в Персии — шиитское. И странствующий турок-мусульманин был для мусульман-персов еретиком. Хаджи Решида преследовали плевками, угрозами, выкриками:

— Суннитский пес!

В своих скитаниях хромой дервиш часто встречался с притворством, вероломством, подлостью. Но его глаза видели также многое, согревающее душу. Видели искреннюю, бескорыстную дружбу, товарищескую выручку, видели добрых, отзывчивых людей. Даже Амандури, советник хана, подозревавший хаджи Решида, и тот однажды в пустыне поделился водой с теми, у кого ее уже не было, не забыв при этом и хромого дервиша.

А туркмен-кочевник, бедняк из бедняков, в честь гостей зарезавший свою последнюю овцу и с умилением смотревший, как совершенно чужие ему люди набивают желудки мясом, вкус которого он сам давно забыл? А долговые расписки туркмен? Удивительные расписки, хранящиеся не у того, кто дал деньги, а у того, кто взял: ведь должнику они нужнее — пусть напоминают, что надо поскорее отдать долг!

И на узбекской земле хромой дервиш не разочаровался в народе.

«Обитатели этого селения, первые встреченные мною узбеки,

были весьма хорошими людьми», — отозвался хаджи Решид о жителях деревни под Хивой. Он особенно утвердился в высоком мнении об узбеках, после того как ближе узнал жизнь хивинских простолюдинов.

Но если бы хивинский хан, тот хан, которому хромой дервиш пожелал сто двадцать лет жизни, мог предвидеть будущее описание своей «благословенной красоты», он бы хлопнул в ладоши и крикнул палачу: «Алиб барин! Взять его!»

Хаджи Решид впоследствии назвал властителя Хивы слабоумным, развратным и диким тираном, описал его белые губы злодея, глубоко запавшие глаза, реденькую бороденку.

Да, одного возгласа хана «Алиб барин!» было достаточно для того, чтобы хаджи Решид разделил судьбу тех, кого ханские палачи истязали в тот день, когда дервиш возвращался после милостивого приема у властителя.

Это было на площади перед старым дворцом Куня-арк, возле обложенной камнем ямы для стока крови казненных. Хаджи Решид видел, как стража сортировала партию пленных туркмен: кого в рабство, кого в темницу, кого на виселицу. Восемь стариков были брошены на землю, и палач выколол им глаза, каждый раз неторопливо и тщательно вытирая окровавленный нож о седую бороду ослепленного…

*

Хромой дервиш и его друзья, прожив в Хиве месяц, отправились дальше. Им предстоял путь к святыням Бухары.

Покидая Хиву, хаджи Решид надеялся, что самое трудное отошло уже в мир воспоминаний.

Он ошибся.

Из Хивы в Бухару в разгаре лета обычно идут по ночам. Но и ночами воздух сух, ветры часты, пески горячи. А на этот раз спутникам хаджи Решида пришлось пересекать пески с возможной поспешностью, сделав выбор между опасностью смерти в пустыне и кандалами рабов.

К этому выбору их понудила встреча с двумя полуголыми истощенными людьми. Те бросились к только что переправившемуся через Амударью каравану с криками:

— Хлеба! Хлеба!

Насытившись, несчастные рассказали, как едва спаслись от разбойников, налетевших на быстрых конях и разграбивших их караван.

— Ради аллаха, скройтесь куда-нибудь! — советовали они.

Самые робкие в караване хотели отсидеться в прибрежных зарослях, а потом вернуться в Хиву. Но несколько человек, к которым примкнул хромой дервиш и его друзья, предпочли идти

в пустыню. Они надеялись, что уже на второй день разбойники забудутся, как страшный сон: аллах еще не создал такого коня, который выдержал бы больше суток в этом пекле.

Идти надо было шесть дней. Воды могло хватить на четыре с половиной дня, может быть, на пять. Они это знали. Но позади им чудился топот копыт, свист аркана и позвякивание притороченных к седлу цепей для продаваемых в рабство.

Сначала пали два верблюда. Кажется, это было на вторую ночь.

Потом умер самый слабый из путников. Он задыхался, молил, но никто не облегчил ему мук каплей воды из своего бурдюка. Почерневший язык вывалился изо рта умирающего. Труп оставили на песке.

Был четвертый день ада, когда хаджи Решид, скосив глаз на кончик языка, увидел знакомую черноту. Испугавшись, он сразу выпил половину мутной вонючей жижи, оставшейся в бурдюке. Жажда не уменьшилась, железные раскаленные обручи стискивали голову, язык был черен.

На пятый день, когда уже была близка Бухара, верблюды с тоскливым ревом стали опускаться на колени и, вытягивая длинные шеи, зарывать головы в песок. Они раньше людей почувствовали приближение смертоносного вихря пустынь.

Облака пыли заклубились над дальними барханами. В памяти хаджи Решида отпечатался глухой, нарастающий шум, уколы первых песчинок, жестких и жгучих, как искры, летящие из-под молота кузнеца…

Очнулся он от говора незнакомых людей. Персидские слова?!

Оглядевшись, дервиш увидел стены жалкой хижины. Здесь жили рабы-иранцы. Богатый хозяин послал их сюда пасти овечьи стада. Чтобы рабы не вздумали бежать через пустыню, им давали всего по нескольку кружек воды в день. И последним своим запасом они поделились с попавшими в беду…

Бухара была рядом. После раскаленной пустыни ее купола и башни со множеством аистовых гнезд, поднимавшиеся над зеленью садов, казались уголком рая.

Итак, хаджи Решид был у ворот столицы второго из трех больших среднеазиатских ханств, враждовавших между собой и с соседней Россией.

Кокандское ханство считалось сильнейшим. Бухарское особенно ревниво оберегало исламскую правоверность. Здесь религиозные фанатики пытались остановить время. Тот, кого обвиняли в отступничестве от ислама, мог поплатиться даже головой.

Некоторые бухарские феодалы мечтали, чтобы турецкий

султан объявил газават — священную войну для истребления неверных на всем земном шаре. Султан в представлении бухарцев был бородатым великаном в чалме, на которую пошло много ткани. Они верили, что пищу ему доставляют исключительно из священной Мекки. И фанатики, наверное, растерзали того, кто сказал бы, что в действительности его величество султан Турции по торжественным дням надевает фрак, какой носят нечестивые френги, причем сшитый по последней парижской моде…

Когда паломники приблизились к воротам Бухары, их встретили чиновники бухарского властителя-эмира. Перерыли скудный скарб. Заставили заплатить пошлину. Опросили, а вернее, допросили каждого. Записали приметы.

Хаджи Решид, бродя по Бухаре, чувствовал, что за ним следят. Он останавливался возле древнего минарета мечети Калян, поднимал глаза, рассматривал тончайший орнамент — и кто-то останавливался за спиной, делая вид, что тоже любуется чудесным сооружением. Хромой дервиш шел на базар, где купцы торговали в числе прочего привезенным из России дешевым ситцем, где в чайханах стояли огромные русские самовары, — а внимательные, цепкие глаза отмечали каждый его шаг.

Хаджи Решида пригласили в один дом и стали расспрашивать о Стамбуле: какие там улицы, каковы обычаи? Потом он узнал, что среди гостей хозяина был человек, хорошо знавший турецкую столицу…

Наконец приближенный эмира позвал его для ученого разговора с бухарскими муллами. Хаджи Решид не стал дожидаться вопросов, а сам обратился к толкователям Корана с просьбой разъяснить ему, стамбульцу, некоторые богословские тонкости: ведь он столько слышал о мудрости бухарских законоучителей! Польщенные муллы тем не менее подвергли гостя настоящему экзамену.

После этого испытания хаджи Решида оставили в покое, и он мог свободно рыться в грудах старинных рукописей, которыми была так богата Бухара. Он побаивался лишь эмира, возвращения которого в столицу ханства ожидали со дня на день. О его жестокости и свирепости ходили легенды. Ведь это он публично казнил своего министра за один неосторожный взгляд на невольницу, прислуживающую во дворце.

Но встреча с этим деспотом все же состоялась. Это было в Самарканде, куда хаджи Решид направился из Бухары.

Самарканд! Больше двух тысячелетий пронеслось над ним, и дух былого великолепия столицы огромной империи Тимура запечатлелся в пышнейшей мечети Биби-Ханым, в соперничающих с небесной синью изразцах ребристого купола

мавзолея Гур-Эмир, где нашел последнее успокоение завоеватель.

Здания, окружающие Регистан, одну из красивейших площадей Востока, напоминали об Улугбеке, просвещенном внуке Тимура, при котором в Самарканд отовсюду стекались историки и поэты, астрономы и математики.

Эмир бухарский был в Самарканде проездом. Хаджи Решида вызвали к нему. Хромой дервиш томительно долго ждал в приемной.

Неожиданно хаджи Решид ощутил легкое прикосновение к затылку и услышал бормотание:

— Вот досада, нож-то я забыл дома…

Случайно оброненная фраза? Или…

В это время его позвали к эмиру. Повелитель, лежа на красном диване, пристально оглядел дервиша и спросил, действительно ли тот пришел в Бухару единственно ради поклонения святыням?

— И еще для того, чтобы насладиться твоей красотой, — ответил хаджи.

— Ты странствуешь по свету с хромой ногой, — холодно произнес эмир. — Это поистине удивительно.

— Твой славный предок имел такой же недостаток, и хромота не помешала ему стать повелителем мира! — нашелся дервиш.

Упоминание о родстве с Тимуром понравилось эмиру. Он стал расспрашивать о путешествии. Расспрашивал подробно, слушал внимательно. Лицо его оставалось бесстрастным. Внезапно эмир хлопнул в ладоши. Из-за ковра выросли фигуры вооруженных телохранителей.

— Выдать хаджи деньги и халат, — приказал эмир. — И ты придешь ко мне еще раз, хаджи.

Друзья, которым дервиш рассказал, как встретил его эмир, посоветовали ему без промедления покинуть Самарканд…

Полгода хаджи Решид делил хлеб, кров и беды с хаджи Билалом и с хаджи Сали — и вот настал час разлуки. Они прощались за городскими воротами. Караван, с которым уходил хаджи Решид, отправлялся в путь с первой звездой.

Слезы были на глазах у дервиша, когда он в последний раз обнял друзей. Верблюды медленно зашагали по мягкой пыли. Хаджи Решид долго еще оглядывался, различая знакомые фигурки у городских ворот. Потом они растаяли, исчезли. Только голубые купола Самарканда блестели в лунном свете.

Душевное смятение овладело хаджи Решидом. Тяжело расставаться навсегда с людьми преданными и честными. Они открывали перед ним душу. А он? Чем отплатил он лучшим друзьям, которым был обязан жизнью? Ведь главную свою тайну

хромой дервиш скрыл даже от них.

Но что было, если бы они узнали все? Как горько, как обидно было бы им вспоминать до конца дней, что полгода рядом с ними по ревниво оберегаемым от неверных святым местам ходил не дервиш, не турецкий эфенди, а френги, европеец по рождению и духу, человек, отрицающий всякую религию!

Да, в его лохмотьях хранился паспорт на имя хаджи Мехмед-Решид-эфенди, и султанская «тугра» свидетельствовала это. Но паспорт был таким же прикрытием, как всклокоченная борода дервиша, скрывавшая черты человека, которому едва исполнился тридцать один год.

Чалма странствующего монаха прикрывала голову тесно связанного с Венгерской Академией наук знатока восточных языков Арминия Вам-бери, обладавшего редким даром перевоплощения.

*

В быстро завоевавших широкую популярность книгах, написанных после путешествия в Среднюю Азию, Вамбери подробно рассказал о превращении в дервиша и о том, что заставило его решиться на этот рискованный шаг. Рассказал он и о своей молодости.

Вамбери родился в Венгрии, однако не мог указать точно, когда именно: для еврейской бедноты метрические записи не были обязательны. Вероятнее всего, он появился на свет в 1832 году.

Его набожный отец, в молодости умерший от холеры, остался в семейных преданиях книжником, далеким от мирских дел. Энергичная вдова полагала, что священные книги, Библия и Талмуд, — хорошие ключи к воротам рая, но приносят мало пользы в обыденной жизни.

Дети делили время между азбукой и сбором пиявок, которые считались первым средством при многих болезнях. Но лекарства тоже подвержены капризам моды. Нашлись противники кровопусканий, спрос на пиявки упал, и хрупкое благосостояние семьи Вамбери сменилось устойчивой нищетой.

Арминий с детства хромал. Его лечили зельями и заклинаниями, а какой-то пьяница-костоправ едва не сломал ему колено. Лечение не помогло, но Арминий не унывал. Он носился с костылем по пустырю на городской окраине, где устраивались ярмарки, цыгане ставили драные шатры и всяческое жулье надувало простодушных крестьян.

Мать, уверенная, что в мальчугане жив дух отцовской учености, в тщеславных мечтах своих видела его доктором. Блестящие способности, особенно к иностранным языкам,

помогли Арминию перешагнуть порог школы, открытой монахами.

Его учили из милости, кормили из сострадания, давали кров как слуге и сторожу. Он чистил наставникам сапоги и сочинял любовные письма за неграмотных кухарок, вознаграждавших его миской гуляша.

В школах у преподобных отцов получил он наглядные уроки ханжества, лицемерия, двоедушия, и эти уроки убили в нем религиозность. Гордость сделала то, перед чем отступили знахари и костоправы: придя на могилу отца, подросток переломил над ней костыль и с тех пор обходился палкой.

Арминию Вамбери было шестнадцать лет, когда, воодушевленные волной прокатившихся по Европе революций, восстали венгерские патриоты. Они хотели освободить родину от австрийской династии Габсбургов, утвердившейся на венгерских землях. На помощь Габсбургам пришли Романовы. Николай I оказал военную поддержку при подавлении революции. Австрийская военщина жестоко расправилась с повстанцами.

В городе, где учился Вамбери, эшафот стоял у крепостной стены. Молодой венгерский офицер шел на казнь вместе с адъютантом. Оба смеялись и оживленно разговаривали между собой. Взбешенные палачи перед казнью стали мучить их. Вамбери не выдержал. Он выкрикивал палачам самые страшные ругательства, какие только слышал на ярмарке. За ним погнались, но и хромой он отличался редким проворством и быстротой.

В 1851 году Вамбери закончил учение и, зная семь языков, стал домашним учителем. Несколько лет он скитался по небогатым семьям, уча недорослей и продолжая совершенствовать свои знания.

Когда долго не было работы, Вамбери жил у больничной сиделки, сдававшей койки беднякам. Коек было четыре, постояльцев — восемь. Спали по очереди. Здесь среди старьевщиков, коробейников, нищих Вамбери зубрил русские глаголы и учился писать по-турецки.

Он был строг к себе. В календаре намечал, что должен сделать на каждый день. Невыполненное задание переносилось на завтра. Если и завтра его нельзя было зачеркнуть как сделанное, Вамбери оставлял себя без обеда.

В эти годы он попытал счастья в Вене. На государственную службу его не приняли. Но в Вене он познакомился с великим сербским поэтом и просветителем Вуком Караджичем. В русском посольстве священник Раевский снабдил его книгами. Вамбери прочитал в подлинниках Пушкина и Лермонтова. Востоковед

Пургисталь возбудил в нем интерес к изучению восточных языков.

Ученых уже давно волновала загадка происхождения венгров, или, как они себя называли, мадьяров. Откуда явились они на берега Дуная? С какой прародины принесли язык, столь отличающийся от языков их европейских соседей?

В венгерском языке можно было найти слова, схожие с теми, которые употребляют тюркоязычные народы. Не означало ли это, что прародиной венгров была Центральная или Средняя Азия?

Барон Этвеш, венгерский лингвист, к которому Вамбери пришел в дырявых башмаках с искусно подвязанными картонными подошвами, сочувственно отнесся к его предложению — отправиться на Восток для выяснения сходства венгерского языка с языками азиатских народов.

Денег, полученных Вамбери, хватило на проезд до Стамбула. Последние монеты забрал лодочник-перевозчик. Вамбери приютили соотечественники — венгерские эмигранты, бежавшие на берега Босфора после подавления революции.

В Турции Вамбери прожил шесть лет. Сначала он был странствующим чтецом. В кофейнях благодарные слушатели приглашали его разделить трапезу. На второй год стамбульской жизни Вамбери часто видели во дворах мечетей, где, сидя у ног учителей-хаджи, он постигал премудрости ислама. Его встречали также на базарах: он вслушивался в говор приехавших издалека торговцев.

Прошло еще три года, и Вамбери стал появляться в министерстве иностранных дел и на приемах в посольствах: владея уже тридцатью языками, он мог быть переводчиком решительно всех дипломатов при дворе султана!

Настоящее его имя забылось. Важного господина, имеющего собственную карету, стали называть Решид-эфенди. И он, вероятно, не преувеличивал, когда много лет спустя говорил, что в турецких делах разбирался не меньше, чем любой эфенди, рожденный в Стамбуле.

А тем временем Венгерская Академия наук получала от него весьма интересные сообщения. Он разыскал и перевел древние рукописи, где в сплетении фактов и вымысла пытался найти зерно истины о прародине венгров. Он искал слова и понятия, сходные с теми, какие встречались в венгерском языке. Академия наук заинтересовалась Вамбери.

Он приехал на родину, и почтенные академики выслушали его дерзкий план. Из скудной академической кассы была отсчитана тысяча монет. Вамбери торжественно вручили охранный лист. Предполагалось, видимо, что палач хивинского

хана отбросит в сторону кинжал или веревку с петлей, прочтя каллиграфически написанное по-латыни напыщенное обращение об оказании всяческого содействия подданному прославленного монарха Франца-Иосифа I венгру Арминию Вамбери, известному академикам с самой лучшей стороны…

Президент академии был не лишен чувства юмора. Когда один из академических старцев выразил пожелание получить для изучения несколько черепов жителей Средней Азии, президент заметил:

— Прежде всего пожелаем нашему сотруднику привезти в целости собственный череп.

Взяв деньги и подальше упрятав бесполезный охранный лист, Вамбери вернулся в Стамбул. Будущее не страшило его. Сама жизнь хорошо подготовила его к новой роли, закалила характер, научила терпению и лицемерию, научила носить маску святоши и сдерживать желания.

И когда пришла решающая минута, Арминий Вамбери, давно известный всему Стамбулу как Решид-эфенди, легко перевоплотился в странствующего дервиша.

*

К Арминию Вамбери, который после посещения среднеазиатских ханств побывал еще в Афганистане, пришла слава одного из самых дерзких и удачливых путешественников по Востоку.

Он не был первым европейцем в Хиве, Бухаре, Самарканде. Русские послы посещали среднеазиатские ханства с XVII века. В начале XIX века туда старались проникнуть англичане, и не все они разделили участь обезглавленных в Бухаре полковника Конноли и подполковника Стоддарта.

Приключения молодого гвардейского офицера Николая Муравьева, летом 1816 года покинувшего Петербург ради опасной экспедиции в Персию и среднеазиатские ханства, с новой силой возбудили в русском обществе интерес к этим краям.

Муравьев отправился в Хиву, хотя хивинский хан незадолго до этого объявил, что любой чужеземец, который пересечет границы его владений, будет казнен или обращен в рабство.

Путешественника надолго заточили в крепость. Представ перед ханом, он передал ему, что соседняя Россия желает завязать с Хивой торговлю. Хан, сменив гнев на милость, отпустил Муравьева. Он вернулся на родину.

Горный инженер Егор Ковалевский был приглашен эмиром бухарским для разведки руд и поисков драгоценных камней. По пути он попал в плен к хивинцам, но бежал, воспользовавшись разыгравшимся ночью бураном.

На следующий год Ковалевский, избрав другой путь, вместе с торговым караваном достиг Бухары. Его путешествие окончилось благополучно, так же как и путешествия Николая Ханыкова, посетившего Бухару с дипломатической миссией. Ковалевский опубликовал интересные очерки о ханствах Средней Азии.

В старых комплектах «Туркестанских ведомостей» можно найти рассказ купца Абросимова, который, нагрузив товарами пятнадцать верблюдов, на свой страх и риск отправился в Хиву. Его привели к хану. Купец попросил разрешения торговать в городе. Хан такое разрешение дал.

Абросимов обжился в Хиве. Однажды хан предложил купцу взять в жены какую-нибудь пленницу или хивинку и остаться на чужбине. Вежливый отказ не привел хана в бешенство. Когда Абросимов, выгодно распродав товары, собрался домой, хан отпустил его.

В Хиве Абросимов жил за несколько лет до прихода туда хромого дервиша.

Рассказ купца не заставляет, однако, заподозрить Вамбери в преувеличении опасностей, подстерегавших иноземца в Хиве. Абросимов пришел туда открыто, Вамбери — под чужим именем. Хромой дервиш сумел как бы изнутри увидеть застойный, изживающий себя мир средневековых деспотов и религиозных фанатиков.

Правда, и здесь он не был первым. В чалме и пестром халате купца еще в 1820 году бродил по базарам Бухары русский ученый Эдуард Эверсман. Бухарец, бывавший в Оренбурге, где Эверсман готовился к своему рискованному предприятию, опознал «неверного». Кто-то успел вовремя предупредить ученого о смертельной опасности, и он спасся бегством через пустыню…

Бывает, что известность приходит к писателю после его первой и единственной книги. Одно, всего одно открытие может прославить имя ученого. Путь, пройденный молодым Арминием Вамбери в лохмотьях дервиша, остался среди наиболее дерзких маршрутов в истории путешествий середины прошлого века.

В чем ошибался «хромой дервиш»?

Приключения Вамбери описывались не раз. Со страниц некоторых повестей и рассказов он предстает одиночкой, окруженным врагами, только и думающими, как его разоблачить. Едва ли это правильно.

Сам Вамбери пишет, что пристальный взгляд встречного, каждый жест настораживали его. Но, признает Вамбери, «впоследствии я убедился, что спутники и не думали разоблачать меня». Опасность обострялась лишь в больших городах.

Более того, со временем выяснилось, что некоторые сановники догадывались, что под внешностью дервиша скрывается европеец. Однако этот европеец имел турецкий паспорт, подлинность которого не вызывала сомнений. В критические моменты дервиш извлекал паспорт из лохмотьев, и сановник почтительно целовал «тугру».

А Мехмед, который доставил так много тревог Вамбери? Можно ли считать его лишь злодеем, мешавшим ученому? В его глазах хромой дервиш был вражеским лазутчиком, а те, кто его защищали, — слепцами и ротозеями.

Лингвистические исследования принесли Арминию Вамбери известность. Но в поисках прародины венгров он, увы, не нашел верного пути.

Ему не было нужды отправляться туда, где, по его словам, «слушать считается бесстыдством, где спрашивать — преступление, а записывать — смертный грех».

Для поисков народов, говорящих на языках, в чем-то сходных с венгерским, Вамбери мог выбрать другую дорогу: из Будапешта в Москву, а оттуда — на Волгу. Да, да, не в Среднюю Азию, а именно на Волгу!

Путешествуя в удобной каюте волжского парохода, он увидел бы на пристанях грузчиков, или, как их называли, крючников, — чувашей и марийцев, сгибавшихся под тюками со льном и кожами для нижегородской ярмарки. И чуткое ухо лингвиста, возможно, уловило бы в их возгласах некоторое сходство с говором простолюдинов венгерского местечка.

Для того чтобы услышать речь еще более близкую венгерской, Вамбери следовало бы отправиться дальше, но отнюдь не в раскаленные пески Средней Азии, а туда, где долгой зимней ночью бушует пурга и до мая лежат сугробы. Он должен был бы перевалить Урал и на собачьей упряжке проехать по низовьям Оби.

Здесь, в лесах и тундре, он нашел бы стойбища охотников, принадлежащих к небольшим северным народам. Тогда их называли вогулами и остяками. И тут-то в заклинаниях шамана, бьющего в бубен, чтобы изгнать злых духов, Вамбери услышал бы

вдруг отголоски хорошо ему знакомых причитаний, какими провожают покойника крестьяне венгерской степи.

Сибирский Север — и Центральная Европа! Обь — и Дунай! Несходство исторических судеб разделенных расстоянием народов — и все-таки несомненное родство языка. Как это объясняет современная наука?

Здесь нет полного единства мнений. Некоторые ученые полагают, что вообще едва ли удастся узнать весь ход венгерской древней истории. Но многое, несомненно, уже установлено.

Современные лингвисты относят венгерский язык к так называемой угорской группе финно-угорской ветви уральской семьи языков. Из всех существующих языков планеты он наиболее близок к тому, на котором говорят манси и ханты (в прошлом — вогулы и остяки). Однако в современном венгерском языке много иноязычных слов славянского, германского и тюркского происхождения. На протяжении долгой своей истории венгры не раз сталкивались с другими народами.

Общей прародиной предков венгров, ханты, манси было, вероятно, Южное Приуралье. Здесь их начали теснить гунны и авары. Видимо, в середине I тысячелетия нашей эры предки венгров стали переселяться на юг, в причерноморские степи. Именно тогда оборвалась нить, связывающая их с остальными угорскими народами.

Но и южная степь не стала новой родиной венгров. Здесь у них тоже были беспокойные, воинственные соседи — печенеги.

…Среди достопримечательных мест Будапешта — площадь Героев, где в 1896 году был установлен монумент Тысячелетия Венгрии.

Перед двумя полукруглыми колоннадами, украшенными статуями, высится монолитный столп. У его подножия — группа всадников: легендарный вождь венгерских, или мадьярских, племен Арпад и его сподвижники. Арпад повел свой народ на новые места. Перевалив через Карпаты в 895–896 годах, венгры осели на той территории, которой суждено было стать Венгрией.

Пути народов

Одно из красивейших мест венгерской столицы — Рыбацкий бастион.

Там можно увидеть еще одну скульптурную группу, посвященную далекому прошлому венгерского народа. Доминиканскии монах Юлиан указывает рукой на восток: в той стороне прародина венгров.

Юлиан был смелым путешественником. Он слышал предания о том, что возле далекой реки Волги живут народы, родственные венграм. В 1235 году монах достиг земель, где обитали предки башкир. Заговаривая с ними, он убедился, что его понимают. Юлиан записал: «Они весьма внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский».

Возможно, монах преувеличивал. Но вероятно также, что в XIII веке языки двух народов имели значительно больше общего, чем сегодня.

От вернувшегося на родину Юлиана венгры впервые узнали о том, что на Русь движутся татаро-монголы, позднее нанесшие тяжелый удар и «приуральским мадьярам».

Родство древних венгров с народами Поволжья было подтверждено раскопками, в которых участвовали советские и венгерские археологи.

Венгерские ученые продолжают исследования, связанные с происхождением своего народа. Они, например, частые гости в Поволжье, в Чувашской и Марийской республиках.

Чувашия побраталась с Хевешской областью в Венгрии. Университет венгерского города Сегеда и университет в Чебоксарах совместно занимаются проблемами венгерского и чувашского языков.

Далеких предков, давших начало как некоторым народам Поволжья, так и венграм, объединял когда-то общий труд.

Отсюда сходство слов, употребляемых земледельцами и скотоводами. Похожи и некоторые географические названия.

А песни, передававшиеся из поколения в поколение? Венгерский композитор Золтан Кодай с увлечением обрабатывал чувашские и марийские народные мелодии, находя в них общие корни с песнями своего народа.

Венгерские ученые повторили маршрут Антала Регули. Этот лингвист еще до того, как Вамбери отправился в Среднюю Азию, ездил на Север России. Он нашел, что его родной язык близок с теми, на которых говорят кочующие по берегам Оби остяки и вогулы.

Вопрос о происхождении народов — один из наиболее сложных в истории. Ученые многих стран — археологи, лингвисты, антропологи, этнографы, историки — совместно ищут

здесь верные ответы.

Судьба Арминия Вамбери

А теперь несколько слов о судьбе Арминия Вамбери. Люди, в начале нашего века зачитывавшиеся его книгами, были уверены, что их автор погиб в какой-нибудь новой, отчаянно дерзкой экспедиции. Между тем он после своих необыкновенных приключений на Востоке прожил еще полвека. Прожил, навсегда забросив посох странника.

Став профессором восточных языков, он путешествовал лишь в удобных экипажах, в купе спальных вагонов, в каютах первого класса.

Найдя, что на родине его недостаточно оценили и вознаградили, Вамбери переселился в Лондон. Он занялся политикой, считался специалистом по «русским делам». Вчерашний «хромой дервиш» стал служить интересам колониальной империи. Когда король Эдуард II наградил Вамбери орденом Виктории, было сказано, что это делается в знак его заслуг перед Великобританией.

Читатель, наверное, будет разочарован, узнав обо всем этом. Большинство исследователей оставались верными избранному пути, пока у них хватало сил. Вамбери же «круто повернул руль».

Но до этого поворота он проявил себя дерзким и умелым путешественником, повлиявшим на многих исследователей Востока.

Видный советский географ и путешественник Эдуард Макарович Мурзаев вспоминает, как поразили его смелость, выдержка, находчивость и преданность молодого Вамбери науке.

«Увлекшись Вамбери, я сам стал изучать восточные страны, читал Коран, труды по истории Востока, — пишет Мурзаев. — В какой-то мере путешествия Вамбери оказали влияние на мои интересы к Средней и Центральной Азии. И вот всю жизнь я занимаюсь изучением пустынь и гор внутренних частей Азиатского материка».

Вечный фрегат

Его вытянули наверх чуть не силой.

Он упрямо не хотел покидать кают-компанию, где облюбовал себе уютное местечко. Лишь после особенно яростных ударов волн, когда вода начала хлестать в люки и изрядно окатила его, он, ворча, уступил.

Шторм к этому времени набрал пугающую мощь. Ветер с воем срывал гребни волн, обрушивая потоки на палубу. Вспышки

молний выхватывали из кромешной тьмы белую пену взбесившегося океана, кучку мокрых матросов, тянувших какую-то снасть. Молнии сверкали поминутно, но рев шторма заглушал раскаты грома.

Он поискал взглядом луну. Люди, спускавшиеся к нему в кают-компанию, соблазняли его дивной картиной: с одной стороны корабль и волны, освещенные мертвенным лунным светом, с другой — неистовство бушующей в тучах грозы. Так где же луна?

— Ушла, — сказал старший штурманский офицер. — Вы бы еще до завтра сидели в каюте!

Капитан нёс штормовую вахту. Он приветливо кивнул поднявшемуся к нему и, обводя рукой горизонт, сказал, ожидая восторгов и похвал:

— Какова картина, Иван Александрович? А?

Ответ был ошеломляющим:

— Безобразие, беспорядок!

Еще раз взглянув на молнии, гаснувшие в волнах так близко, что казалось, одна из них вот-вот ударит в мачту или опалит паруса, Иван Александрович, мокрый, нахохлившийся, удалился к себе в каюту.

Это было в апреле 1853 года неподалеку от мыса Доброй Надежды, которому более подошло бы к случаю другое его название: мыс Бурь. В переделку попал парусный фрегат «Паллада», на котором находился писатель Иван Александрович Гончаров.

Два его слова запомнились уже своей необычностью. Иные возмущались: так о грозной силе океана мог отозваться скорее сухой педант, чем путешествующий литератор. Позднее говорили еще, что фраза подошла бы, пожалуй, и для самого Ильи Ильича Обломова. А отсюда уже было недалеко и до сравнений персонажа с его творцом…

О своем плавании Иван Александрович Гончаров рассказал в книге «Фрегат «Паллада». Но это, если можно так выразиться, недосказанная книга. Некоторые важные обстоятельства плавания исследователи узнали лишь позднее, из документов, из воспоминаний его участников, из не публиковавшейся до поры до времени переписки писателя.

И тут выяснилось, что, хотя книга «Фрегат «Паллада» и написана от первого лица, не всегда следует верить автору, создавшему образ литератора, который, зевая, апатично, лениво смотрит в «безбрежную даль» океана, размышляя о том, хороши ли гостиницы в Бразилии, есть ли прачки на Сандвичевых островах, на чем именно ездят в Австралии.

*

Крузенштерн и Лисянский на кораблях «Надежда» и «Нева» в 1803 году своим кругосветным плаванием всколыхнули русский флот. Он словно вырвался в океан. Корабль за кораблем уходили, чтобы обогнуть земной шар.

Головнин на «Диане» и потом на «Камчатке», Лазарев на корабле «Суворов», Коцебу на бриге «Рюрик», Беллинсгаузен и Лазарев на шлюпах «Восток» и «Мирный», Васильев и Шишмарев на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный», Понафидин на «Бородино», снова Лазарев на фрегате «Крейсер», Врангель на транспорте «Кроткий», Литке на шлюпе «Сенявин» — да разве перечислишь все имена славных, все названия кораблей!

И хотя кругосветные плавания перестали быть чем-то необычным, каждая новая экспедиция по-прежнему не проходила не замеченной в столице и провинции. Так было и после распространившегося летом 1852 года слуха о том, что вице-адмирал Путятин готовится к дальнему рейсу, намереваясь посетить с важной дипломатической миссией Японию.

Однажды разговор об экспедиции Путятина зашел в доме известного художника Майкова, частым гостем которого был Гончаров. С семьей Майковых Ивана Александровича связывала давняя дружба. Он проводил вечера в их уютной гостиной, где обычно собирались поэты и художники.

На этот раз были только свои. Хозяйка дома, Евгения Петровна, заметила, что адмирал ищет обладающего живым слогом секретаря, который мог бы потом описать все путешествие. Ее сын, поэт Аполлон Майков, получил приглашение занять этот пост, но отказался.

— Вот вам бы предложить! — со смехом обратилась Майкова к Гончарову, по обыкновению спокойно сидевшему в глубоком кресле.

— Мне? Что же, я бы принял это предложение, — ответил тот.

Все рассмеялись, а минуту спустя уже забыли об этом разговоре.

Но вскоре среди друзей Гончарова распространилось изумившее их известие: Иван Александрович действительно собирается путешествовать вокруг света, готов бросить место в департаменте внешней торговли и уже весьма деятельно хлопочет о назначении секретарем экспедиции.

Тут было чему изумляться. Кругосветное плавание — да ведь это крутой поворот, ломка всего привычного! Разлука с родиной, с близкими на два-три года. Неизбежные лишения, опасности — коварные рифы, свирепые шторма, желтая лихорадка, да и мало

ли еще что.

А просто ли штатскому человеку найти свое место на военном корабле, среди бывалых морских волков? Вон и об адмирале Путятине говорят всякое: резок, вспыльчив, своеволен, с подчиненными крут. Под началом такого человека легко ли служить, да еще на корабле, где он — царь и бог?

И если бы уважаемый Иван Александрович пребывал в том возрасте, которому свойственны порывы и всяческие необдуманные поступки! А в сорок лет, когда седина в волосах, — извините! Ну был бы привычным путешественником — другое дело. Но дорогой Иван Александрович и по любезному отечеству много ли ездил? Не он ли говорит при случае, что свою спокойную комнату оставляет лишь по необходимости и всегда с неохотой, с сожалением? Не он ли твердит всем о своей избалованности удобствами городской жизни, лености, даже письма иной раз подписывает: «принц де Лень»?

Наконец, главное, главное. О его романе «Обыкновенная история» спорит вся читающая Россия, он теперь — признанный талант. Друзья-то знают: начат новый роман, уже опубликован его отрывок «Сон Обломова», вырисовывается замысел еще одного, навеянный поездкой в родные места, на Волгу…

Бросить все это?!

А он все-таки бросил!

И был едва не сразу же наказан.

Простился с Петербургом («Увижу ли я опять эти главы и кресты?») и в октябре 1852 года вступил на палубу фрегата. Началась жизнь, в которой, как он быстро почувствовал, каждое движение, каждый шаг, каждое впечатление не были похожи ни на какие прежние.

«Паллада» ушла в предзимнее Балтийское море. Первый переход был обычнейшим, по хожено-перехоженой дороге от Петербурга до Лондона. И однако именно этот переход Гончаров перенес особенно тяжело.

Корабль шел по бурному морю, под серым небом, и дождь сменялся снегом, а снег — дождем.

Гончарову быстро все наскучило: постоянная качка, теснота, холод и сырость, от которых у него болели зубы, ломило в висках и давал о себе знать ревматизм.

Самым подходящим чтением оказался том «Истории кораблекрушений». Море дополнило книгу нагляднейшими иллюстрациями. «Паллада» повстречала разбитое бурями судно, брошенное экипажем. Штормовыми ночами среди волн видели короткие вспышки: то пушечными выстрелами звали на помощь корабли, терпящие бедствие.

Не все благополучно было и на «Палладе». Однажды фрегат сильно прихватил мели, что могло кончиться весьма печально. В море, сорвавшись за борт, погиб матрос. Еще троих унесла холера — и появление этой страшной «гостьи» на переполненном корабле лишь усиливало и без того подавленное настроение Гончарова.

Он решил, что кругосветное плавание не для него. В Англии, куда пришла «Паллада», при первом же удобном случае обратился с просьбой к адмиралу Путятину: отпустите!

Тот, сверх ожидания, отнесся к просьбе сочувственно — ну что же, не каждому дано стать моряком, хотя бы и временным. Отпустил.

Гончарову осталось собрать багаж и подождать подходящей оказии для возвращения в Петербург.

Но тут новый поворот: писатель передумал и остался на корабле.

Он объяснил это… своей ленью. Будто бы как взглянул на багаж да представил, что надо тащиться со всем скарбом через Европу — подумал: уж лучше плыть по следам Васко да Гамы, Ванкувера, Крузенштерна, чем ехать по следам французских и немецких цирюльников и сапожников. Так, во всяком случае, было сказано в письме Майковым.

А может, в действительности он поборол в себе временное малодушие?

Письма, воспоминания, наконец, некоторые страницы книги «Фрегат «Паллада» говорят о внутренней борьбе, мучившей писателя. В нем с первого дня, когда у него вырвалось «еду!», скромный чиновник в форменном фраке, привыкший к будням своего департамента, где его окружали десятки изрядно надоевших лиц, боролся с человеком, мечтающим повидать и испытать хотя бы часть того, что видели и испытывали герои дальних странствий.

Но почему же чиновник? Писатель, притом достаточно известный! Однако сам Гончаров говорил именно о чиновнике, сидящем в нем. Он имел в виду не просто место, которое занимал в департаменте внешней торговли, где отнюдь не сочинял романы, а прилежно редактировал доклады и предписания.

Он говорил о сковывающей его чиновничьей робости. Союзником же этого внутреннего чиновника были сомнения и неуверенность в собственных силах. Он сомневался не только в том, сумеет ли привыкнуть к корабельной жизни, но и в том, сможет ли стать настоящим летописцем похода «Паллады» — а именно этого от него и ждали.

Вот только объясняются ли эти сомнения одной робостью?

Ведь и с «Обыкновенной историей» было так: сомневался, удался ли роман, стоит ли его печатать. После выхода, по словам самого Белинского, был «успех неслыханный», автор же нашумевшего романа остался в своем департаменте.

Так, может, не только и не столько робость, сколько чувство ответственности?

Первые подробные письма друзьям Иван Александрович написал из Англии, где «Паллада» задержалась на два месяца.

Это письма о дружбе, о том, как в деятельной лени и ленивой деятельности проходит день у русского помещика, о матросе Фаддееве, веселом, смышленом костромиче, которого определили Гончарову в вестовые, и… немного об Англии.

Но это немного многого стоит.

Достопримечательности — соборы, памятники, королевский дворец — занимают лишь небольшую часть времени писателя. Он поехал не «осматривать», но пристально вглядываться в чужую жизнь, стараться слить свою жизнь с жизнью другого народа. А это значит — в гущу толпы, в трактир, на рынок, в гавань, в узкие улочки предместий!

Он считает искомым результатом путешествия параллель между своим и чужим, между знакомым и новым. Вот почему в письмах появляется русский помещик, барин и хлебосол. А рядом с ним — образ, впервые отчетливо определившийся для Гончарова в Англии.

Нет в этом образе ни красоты, ни внешних проявлений силы, ни демонического блеска в глазах. Однако именно он властвует над умами и страстями. Человек в черном фраке, белом жилете, с зонтиком в руках.

И всюду потом, на протяжении всего путешествия, видел писатель людей во фраках и с зонтиками. Властные, самоуверенные, они распоряжались всем и всюду, повелевали народами, кораблями, пушками, природными богатствами…

Человек с зонтиком — делец времен расцвета Британской колониальной империи, купец, капиталист, цепкий и черствый, ради выгод готовый на все. Новая фигура, набирающая все большую силу и влияние. Для российского читателя Гончаров открыл и показал ее одним из первых.

Писатель видит сдвиги в жизни Англии. Пришло время, когда все здесь взвешивается, рассчитывается, оценивается. Даже добродетели. Они проявляются лишь там, где это для чего-либо нужно. Благотворительность? Все твердят о помощи ближнему, а между тем, замечает Гончаров, «от бедности гибнут не только отдельные лица, семейства, но целые страны под английским управлением».

После ремонта «Паллада» покинула Англию.

Теперь Гончарову предстояло обживать корабль по-настоящему, надолго.

Как назло, «Паллада» снова попала в полосу жестоких штормов. Просыпаться после беспокойной, тяжелой ночи и видеть опять все то же: как огромные водяные холмы с белыми гребнями вздымаются, падают, снова вздымаются, толкая друг друга, будто в остервенении бьются выпущенные на волю бешеные звери…

Ни сесть, ни прилечь, суп выплескивается из тарелки, двери раскрываются и с треском захлопываются сами по себе, книги летят с полок… Перебирая в памяти всевозможные эпитеты, которыми награждали океан поэты, Гончаров добавил к ним «сердитый» — это придумал неунывающий вестовой Фаддеев, — а от себя — соленый, скучный, безобразный и однообразный.

И как не злиться на океан, когда, вдобавок ко всему, еще и работа не клеится. Иллюминатор в каюте крохотный, свет пропускает скупо, отовсюду дует, бумага от вечной сырости такая влажная, что чернила расплываются. И холодно чертовски, сидишь в тулупе, укутав ноги в одеяло. Выдохнешь — пар, будто дым из трубки. Задумаешься над фразой, потянешься к чернильнице, а тут волна так тряхнет, что перо — долой, и обеими руками — за стол, да покрепче.

Это все — начало января 1853 года. «Паллада» огибает Францию, Испанию, Португалию. И — никаких стоянок! Серое небо, взбаламученный океан. «Боже мой! Кто это выдумал путешествия?»

Но после этой записи вскоре появится другая:

«Как прекрасна жизнь, между прочим, и потому, что человек может путешествовать!»

Противоречие, непоследовательность? Или познание для себя новых, привлекательных сторон путешествия, более полное постижение того, что заставляет человека вечно стремиться за черту горизонта?

*

«Палладу» снаряжали не для поисков неведомых островов. Никто не ждал с корабля вестей об исследованиях бухт и проливов.

Экспедиции предстояло завязать добрососедские отношения с Японией, попытаться наладить торговый обмен со страной, которая к середине XIX века все еще не хотела приоткрыть двери перед остальным миром, оставаясь для него во многом загадочной, непонятной.

Но хотя главную свою цель адмирал Путятин видел в достижении дипломатического успеха, само по себе плавание

«Паллады» отличалось от других труднейших кругосветных рейсов разве только тем, что корабль был изрядно изношен и мало годился для поединка с тремя океанами. Дряхлость «Паллады», бывшей когда-то гордостью парусного флота, стала причиной немалых огорчений моряков в их каждодневной жизни; сверх того приходилось менять маршрут, обходя места, куда спокойно шли корабли помоложе и покрепче.

Судовой журнал и письма Гончарова отмечают путь. Остров Мадейра, где так вольно дышится среди виноградников, где воздух напоен запахом ананасов и гвоздики. Канарские острова, издали похожие на облака. Острова Зеленого Мыса, выжженные зноем, раскиданные по горизонту красноватые каменистые глыбы. Уже грех жаловаться на скудость впечатлений, ровно дующий пассат перегнал «Палладу» через линию Тропика Рака, океан здесь синий, ласковый, солнце яркое, горячее.

Но Гончаров не очарован тропиками: да, хорошо, только ничего особенного. Всего два времени года, и разница в том, что зимой просто жарко, а летом — трудно переносимый зной. Вот разве только ночное небо, где звезды, необыкновенно яркие, переливаются разными огнями так, как никогда не увидишь в северных широтах…

Экватор пересекли буднично, ночью, праздника Нептуна не устраивали. А вот русскую масленицу отметили. За неимением удалых троек матросы устроили праздничное катание… друг на друге.

Это было уже за экватором, где «Паллада» попала в полосу штилей. Ход судна замедлился, паруса обвисли. Вспоминались драмы на недвижно застывших кораблях, когда иссякали запасы пресной воды и люди умирали от жажды. Впрочем, «Палладе» ничего подобного не грозило.

Моряки более сорока дней не были на берегу, однако корабельная жизнь в штиль имела и кое-какие преимущества. Матросы купались в океане, меж тем как с мачты дозорные следили, не покажется ли акула. Однажды она действительно пожаловала, купальщики — мигом на борт, а хищница получила удар острогой.

Корабль, обессиленный полнейшим штилем, напоминал Гончарову… русскую степную деревню. Мир, покой в тепле и сиянии, матросы сидят кучками, занимаясь нехитрыми хозяйственными делами: кто чинит одежду, кто шьет сапоги. Слышны удары молота по наковальне, будто в деревенской кузнице. А в довершение всего — перекличка судовых петухов, радующихся тишине и безмятежности.

Трудно точно сказать, когда у писателя родилась мысль

серьезно взяться за большую книгу о путешествии. Наброски содержались уже в подробнейших письмах — иные на десятках страниц! — которые он отправлял друзьям.

Уходя в плавание, знал твердо: не будет писать нечто напоминающее ученый трактат, ссылаться на разные авторитеты. Сомневался, однако, сможет ли писать по-другому, так, чтобы было побольше чудес, поэзии, огня, красок. А в те годы о море, о дальних плаваниях, об экзотических странах писали именно в приподнято-романтическом тоне.

Но этот тон — не для Гончарова, художника-реалиста, тонкого и глубокого наблюдателя обыденного, обыкновенного в человеческой жизни. На корабле он сам, если верить его письмам, фигура уж никак не романтическая: бродит среди моряков вялый и апатичный, чуждый пониманию моря, ворчит на неудобства, подтрунивает на своей избалованностью, неумением приспособиться к корабельной жизни. Таков он в письмах друзьям и на страницах «Фрегата «Паллада».

Однако если он действительно был таким, то как случилось, что моряки довольно быстро признали его? Он сам никогда прямо не писал об этом. Писали его спутники в плавании, люди строгие в суждениях.

Начать с того, что, к общему удивлению и зависти, литератор, впервые попавший на корабль, был неуязвим для морской болезни. Бывалых моряков укачивало, сам адмирал Путятин запирался в каюте, а Гончаров спокойно курил сигару, прогуливаясь по кренящейся палубе.

Не требовал он для себя никаких преимуществ, был ровен и приветлив со всеми. И чего от него уж вовсе не ожидали, оказался довольно сведущим в морском деле, хотя никогда не козырял этим, а, напротив, охотно высмеивал свое мнимое невежество.

…Гончаров родился в Симбирске. С детства — неоглядные волжские просторы, бойко бегущие под парусами «расшивы», песни вольницы, рождавшие смутные мечты о дальней дали. Мальчик был поражен, впервые услышав от учителя, что если поехать с правого берега Волги, то, обогнув земной шар, воротишься на левый.

И в Симбирске же узнал он азбуку моря. В углу заросшего травой двора Гончаровых во флигеле жил на покое старый моряк Николай Николаевич Трегубов. Как чудесно было забраться к нему в кабинет, потрогать компас, секстан, хронометр! А моряк начинал нескончаемый рассказ о морских приключениях, о плавании эскадры адмирала Ушакова, под началом которого служил и воевал.

Научив Ваню грамоте, Трегубов давал ему книжки о

путешествиях. Ваня шагал по Камчатке вместе с Крашенинниковым, плавал в лазурных морях на корабле Кука, брел с караваном Мунго-Парка по Африке. А моряк, радуясь, что его питомец «точит книжку за книжкой», твердил ему: вот вырастешь, сделаешь хотя бы четыре морские кампании… Кампания у моряков — полгода в море. Так вот, хотя бы четыре кампании…

Мальчику грезились белые паруса, тропические пальмы, неведомые города.

Трегубов не давал угаснуть искорке. Когда Ваня подрос, моряк серьезно занялся со своим любимцем географией, астрономией, морской навигацией. Учил понимать язык морских карт, читать звездное небо, различать, где какая снасть на парусном корабле, что означают слова команд.

Не потухла искорка и за долгие восемь лет, когда подростка определили в коммерческое училище с тупыми и бездарными преподавателями: книги о путешествиях поддерживали ее.

А когда после окончания университета Гончаров отправился служить в Петербург, то прежде всего поспешил в Кронштадт, к морю. Он любил прогулки по набережным столицы, разглядывал корабли, вдыхал запах смолы и пеньковых канатов. И не раз от него слышали в департаменте, куда он, хорошо зная три языка, поступил переводчиком: позволительно ли, господа, петербургскому жителю не разбираться, где палуба, мачты, реи, корма, нос корабля?

Выходит, что его решение идти в кругосветное плавание было, в сущности, гораздо менее неожиданным, чем казалось друзьям. Да, осуществление давней мечты запоздало, пришлось на зрелые годы. Но не погасла искорка!

Многое, естественно, оказалось не таким, как рисовали мальчишеские грезы. Впрочем, у зрелости — свое преимущество. Гончаров не мог отделаться от ощущения, что путешествие имеет для него не столько прелесть новизны, сколько прелесть воспоминаний. Весь немалый жизненный опыт стал опорой для сравнений, для рассуждений об увиденном.

И вовсе не апатично зевающий литератор, а зоркий, наблюдательный путешественник с редким трудолюбием накапливал материал для будущей книги. Он вел путевой дневник, полный и подробный, выполнял обязанности секретаря экспедиции и еще выкраивал время для занятий историей и русской словесностью с воспитанниками морского кадетского корпуса, служившими на «Палладе».

Время, тянувшееся сначала столь медленно, помчалось вдруг с быстротой необыкновенной. Сутки укоротились. Началась

изнурительная работа над шлифовкой, отделкой каждой фразы, предназначенной для будущей книги. Жаль, что он писал сначала столь расточительно-подробные письма. Надо напомнить друзьям, чтобы сохраняли их: ведь и они могут стать строительным материалом для книги, в них непосредственность впечатлений.

Затянувшийся штиль в конце концов сменился крепким ветерком. Подхваченный им корабль помчался вдоль окраины Африканского материка.

В начале марта 1853 года «Паллада» бросила якорь у мыса Доброй Надежды, где волны и ветры двух океанов, Атлантического и Индийского, ведут нескончаемый, вековечный спор.

*

Южная оконечность Африки была тем единственным местом, где «Паллада» могла подготовиться к переходу через Индийский океан.

Корабль вошел в защищенную бухту Саймонсбея — и пошла работа. Чинили снасть, конопатили борта, заменяли прогнившую обшивку. По палубе едва можно было пройти — всюду строгают, пилят, прилаживают, подгоняют. Не корабль — мастерская!

А в том, будет ли от всех этих работ настоящий толк, сомневались многие, в том числе адмирал Путятин, направивший в Петербург секретное донесение с просьбой заменить «Палладу» другим судном.

Гончаров мог бы спокойно поработать на корабле, да не утерпел, не усидел: захотелось повидать Африку.

Ее южную оконечность занимала Капская колония, основательно обжитая европейцами. Никаких экзотических чудес он здесь не ожидал. С легкой иронией записывает в первый день: «Все не наше, не такое, твердили мы, поднимая то раковину, то камень. Промелькнет воробей — гораздо наряднее нашего, франт, а сейчас видно, что воробей, как он ни франти. Тот же лёт, те же манеры и так же копается, как наш, во всякой дряни, разбросанной по дороге. И ласточки, и вороны есть; но не те: ласточки серее, а ворона — чернее гораздо. Собака залаяла, и то не так, отдает чужим, как будто на иностранном языке лает».

Впрочем, к впечатлениям Гончарова от поездки по Капской колонии мы еще вернемся.

Корабль простоял возле мыса Доброй Надежды больше месяца. А едва покинув надежную бухту, попал в тот жестокий шторм, который так рассердил Гончарова:

— Безобразие, беспорядок!

Он не жалел об этой фразе, одних удивившей, других

огорчившей, давшей третьим повод для насмешек. Не исправил, не вычеркнул ее, готовя впоследствии отдельное издание книги после того, как отрывки были напечатаны в журналах.

Тому памятному шторму предшествовало много других. Гончаров уже не раз наблюдал не только воодушевляющее поэтов грозное буйство стихий, не только героизм горстки людей в момент противоборства с ними, но и тяжелые, долгие будни, сменявшие часы нечеловеческого напряжения и нервного подъема.

После шторма команда много дней чистила, скребла корабль, латала его поврежденный корпус, конопатила щели, сушила все промокшее, раскисшее. Ведь только что отремонтировали «Палладу» — и опять все снова! Морские архивы сохранили донесения: корабль «потек всеми палубами», его надводная часть «показала движение», то есть опасно расшаталась. Возникли сомнения, можно ли вообще продолжать плавание.

Так как же не «безобразие», как не «беспорядок» с точки зрения человека, трезво смотрящего на окружающее, человека, который не любит и не признает крайностей ни в чем?

Два сердитых слова запомнились, редко кто не приводит их, говоря о Гончарове-путешественнике. Право, жаль, что другой его фразе «повезло» куда меньше.

Вот она:

— Нигде человек не бывает так жалок, дерзок и по временам так внезапно счастлив, как на море.

Он узнал это счастье, не раз видел и человеческую дерзость в схватках с океаном.

Есть во «Фрегате «Паллада» описание тайфуна, захватившего корабль много позднее, уже в Тихом океане.

Гончаров, по обыкновению, работал в каюте. Но вот свеча и чернильница начали ползать по столу, а чуть спустя надо было уже упираться в стену, чтобы не свалиться на пол. Однако теперь Гончаров не искал местечек, где можно было бы отсидеться. Он поднялся на палубу, у него давно «морские ноги».

Тревожная ночь. И очень точное описание происходящего, увиденного отнюдь не «зевающим литератором», но человеком, разбирающимся в корабельных делах:

«…Часа в два вызвали подвахтенных брать рифы, сначала два, потом три, спустили брам-реи, а ветер все крепче. Часа в три утра взяли последний риф и спустили брам-стеньги».

Все были на палубе. С рассветом напряжение нарастало. «Орудия закрепили тройными талями и, сверх того, еще занесли кабельтовым», чтобы их не сорвало в море. От страшного напряжения лопались снасти. А барометр все падал и падал.

Так продолжалось до вечера. Тайфун рвал в клочья последние паруса. И наконец, самое страшное: зашаталась, грозя рухнуть, грот-мачта. А это уже прямая угроза гибели: страшная тяжесть обрушится на палубу, проломит борт, накренит судно под захлест девятого вала…

Командир вызвал добровольцев крепить грот-мачту. Лейтенант Савич со смельчаками-матросами тотчас бросился к вантам. С помощью блоков и канатов надо было, спасая корабль, укрепить шатавшуюся громадину.

Савич, выпачканный, оборванный, с сияющими глазами, летал повсюду. Матросы, облепив ванты, на страшной высоте, под порывами урагана крутили веревки и стучали деревянными молотками. Тяжелый крюк, сорвавшись, раздробил голову одному из смельчаков. Хлынула кровь, тотчас смытая волной, а другие застучали молотками еще торопливее.

«Какую энергию, сметливость и присутствие духа обнаружили тут многие», — записывает Гончаров.

Писатель постепенно обретал не только «морские ноги», но и «морскую душу». Он не карабкался по вантам, как лейтенант Савич, не прокладывал курс вместе с «дедом» — так на корабле называли главного штурманского офицера Халезова. Он нёс свою особую вахту.

Именно ему суждено было стать единственным русским классиком, совершившим путешествие, приравненное к кругосветному, и рассказать о дальнем плавании так, как до него не рассказывал никто.

Маршрут «Паллады» на карте полушарий обозначен в трех океанах. И в каких заманчивых местах побывали моряки! Уже одни названия способны вызвать зависть у любителей путешествовать хотя бы по картам и страницам книг: от мыса Доброй Надежды через Индийский океан — к острову Ява, а там Сингапур, Гонконг, Манила, острова Бонин-Сима, Ликейские острова, Шанхай, Нагасаки…

Было все — тропические ливни, смерчи, обессиливающая жара, пальмовые рощи, гигантские змеи, пиратские суденышки, пестрая, непонятная, чужая жизнь. Гончаров работал в каюте, работал при поездках на берег, в номерах скверных гостиниц, где тускло светил фитилек плошки с кокосовым маслом, а летучие тараканы шуршали под потолком.

Он тяжело болел: сначала лихорадка, потом сильные боли в ноге, приковавшие его к постели в самый неподходящий момент.

То, что уже было написано, не удовлетворяло его. Сегодня какой-нибудь отрывок казался сносным, почти готовым. А немного спустя сообщает друзьям, что портфель набил довольно

туго, но преимущественно пустяками, все дурно, бестолково, ничего нового, занимательного, достойного печати.

Между тем и без того трудное плавание осложняется еще более. Сначала — только слухи, ведь надежной связи с Петербургом у корабля нет. Но слухи все упорнее: в Европе тревожно, не исключена стычка России с Турцией, Англией и Францией.

Это предгрозовая пора, канун Крымской войны.

«Вот достигается наконец цель десятимесячного плавания, трудов. Вот этот запертый ларец с потерянным ключом, страна, в которую заглядывали до сих пор с тщетными усилиями склонить и золотом, и оружием, и хитрой политикой на знакомство… Ведь в географии и статистике мест с оседлым населением земного шара почти только один пробел и остается — Япония».

Запись сделана на рейде Нагасаки, где «Паллада» вместе с присоединившимися к ней на островах Бонин-Сима другими русскими судами бросила якорь 10 августа 1853 года.

Гончаров, как секретарь Путятина, ожидал, что теперь ему придется изрядно потрудиться на дипломатическом поприще. Кстати, к этому он был достаточно подготовлен годами работы в департаменте внешней торговли, где ему приходилось вести переговоры и переписку на английском, французском и немецком языках.

Но русские суда пришли в неудачное время: умер сегун — лицо, почти столь же важное, как император. Путятину дали понять, что переговоры откладываются на неопределенно продолжительное время.

Русская дипломатия не преуспела, зато выиграла отечественная литература. Гончаров хорошо использовал неожиданно оказавшееся у него свободное время. «Русские в Японии» — две главы будущей книги содержали множество интересных наблюдений. Россия узнала, что в Японии кончается пора застоя, что часть японцев жаждет разорвать замкнутость феодальной жизни, сложившуюся в средневековье. Гончаров едва ли не первым из европейцев рассказал об этом с большой достоверностью и убедительностью.

После трехмесячной стоянки на рейде Нагасаки «Паллада» направилась в Шанхай за провизией, а главное, за новостями.

Новости требовали принятия решений, меняющих план экспедиции: началась русско-турецкая война, англо-французская эскадра идет к Черному морю, чтобы поддержать турок, нужно ждать больших событий.

Русские корабли вернулись в Нагасаки. Они — в чужих водах, где за ними, несомненно, следят. В ближайших портах —

английские военные парусники и железные пароходы. Если Англия и Франция вступят в войну, вражеские корабли постараются захлопнуть «Палладу» в западне.

«Паллада» — пятидесятидвухпушечный военный фрегат. На судах, присоединившихся к ней, — русский военный флаг. Он не будет спущен без боя. Но прежде всего надо отремонтировать старый корабль.

Путятин берет курс на Филиппинские острова, в нейтральный порт Манилу. А молодые офицеры уже спорят о том, как прославить корабль: совершить ли рейд к английским портам в Австралии или крейсировать у берегов Индии, нападая на вражеские суда.

Путятин позвал к себе в каюту капитана корабля, своего адъютанта и Гончарова.

— Господа, — сказал адмирал, — я принял решение, которое прошу пока сохранить в тайне. Если будет бой и мы не одолеем неприятеля, то фрегат должен сойтись с вражескими кораблями вплотную. После этого мы взорвем нашу «Палладу» и погибнем с честью.

Писатель оказался в кругу самых доверенных людей адмирала — уже одно это говорит о многом. Гончаров не рассказал о совещании у адмирала читателям «Фрегата «Паллада», считая это не вполне скромным. Лишь в письме к Майкову, которое не было опубликовано, он вскользь замечает: если не одолеем врага, то зажжем в пороховой камере «какие-то стаканы». И добавляет: «Сойти же предварительно на берег во флоте не принято, да и самому не хочется, совестно…»

После разговора в адмиральской каюте Гончаров с особенным рвением приводит в порядок свои записи. Теперь он торопится. Страница за страницей, исписанные мелким почерком, ложатся в его портфель.

По пути к Маниле «Паллада» зашла на Ликейские острова. Еще недавно этот благодатный архипелаг считался как бы «ничейным». Но недавно американцы — Гончаров называл их «люди Соединенных Штатов с бумажными и шерстяными тканями, ружьями, пушками и прочими орудиями новейшей цивилизации» — оставили здесь нескольких матросов, двух офицеров на бумагу, извещающую всех, что острова взяты ими «под покровительство».

А в Маниле — холодный прием у испанского губернатора, едва скрываемый страх: флот под британским флагом крейсирует где-то неподалеку, на манильском рейде — военный французский пароход, и все уже знают о Синопском бое, в котором бывший командир «Паллады» адмирал Нахимов разгромил турок. Значит,

Англия и Франция вот-вот вступят в войну, если еще не вступили. Зачем же губернатору рисковать? И он просит русских не позднее чем в трехдневный срок покинуть гавань Манилы.

Продолжать плавание в чужих, опасных водах на неотремонтированном корабле, который тек по всем швам, невозможно. Оставалось одно — идти к берегам Сибири.

Была весна 1854 года. Татарский пролив еще не очистился ото льда. По дороге к нему моряки «Паллады», чтобы не терять времени, уточняют карты побережья. Один из пропущенных составителями старых карт островков назвали именем Гончарова.

А сам писатель в эти дни с редкостным упорством работал над началом будущей книги, над вступительной главой «От Кронштадта до мыса Лизарда». Эта глава была окончена уже в Татарском проливе.

Предполагалось, что экипаж «Паллады» перейдет на фрегат «Диану», направлявшийся на смену из Кронштадта. Но кто мог сказать, когда Путятину удастся возобновить переговоры с японцами? Быть может, лишь несколько месяцев спустя. И адмирал решил отпустить секретаря экспедиции в Петербург, с самой лестной характеристикой его деятельности на корабле и его способности выполнять важные поручения.

Гончаров пишет последнее письмо с корабля:

«Мне лежит путь через Сибирь, путь широкий, безопасный, удобный, но долгий, долгий! И притом Сибирь гостеприимна, Сибирь замечательна: можно ли проехать ее на курьерских, зажмуря глаза и уши? Предвижу, что мне придется писать вам не один раз и оттуда.

Странно, однако ж, устроен человек: хочется на берег, а жаль покидать фрегат! Но если бы вы знали, что это за изящное, за благородное судно, что за люди на нем, так не удивились бы, что я скрепя сердце покидаю «Палладу»!»

…Есть люди, которым претит всякое самовосхваление, пусть даже не вполне осознанное. Эти, скорее, готовы со всеми посмеяться над своими недостатками, в том числе и мнимыми, не только признавая, но охотно преувеличивая их. Тем самым они защищают себя от упреков в высокомерии и зазнайстве, считая эти качества принижающими людей.

Гончаров смолоду был человеком исключительно добросовестным в труде, усидчивым, усердным. В зрелые годы он мог работать иногда с фанатической одержимостью. Его биографы сделали удивительный подсчет: значительная часть «Обломова» была написана всего за месяц с небольшим!

Однако писатель охотно поддерживал им же самим созданную легенду о своей лени, избалованности, неумении

приспосабливаться к трудным обстоятельствам. Таков он и на многих страницах «Фрегата «Паллада».

Но образ апатичного литератора — разве это Гончаров? Черты внешнего сходства — некоторая медлительность, вальяжность, ранняя полнота — несомненны. Однако воспоминания спутников писателя в труднейшем плавании показывают, что Гончаров не обладал и половиной тех недостатков, которые себе приписывал, зато имел немало достоинств, о которых умалчивал.

Он с честью сделал заветные «четыре кампании», и его воспитателю, моряку Трегубову, на склоне жизни довелось прочесть в «Морском сборнике» очерки своего любимца о тех странах, которыми тот грезил в детстве.

Уже одно плавание на фрегате перечеркнуло образ «принца де Лень». Возвращение же через дальневосточные и сибирские земли показало умение Гончарова преодолевать с полным самообладанием и мужеством трудности, по-своему, может быть, еще более значительные, нежели встречающиеся в беспокойной жизни моряка.

Писатель поторопился, назвав в письме друзьям путь через Сибирь широким, безопасным, удобным. То было первое ощущение после расставания с тесным корабельным мирком, после того как шаткую палубу сменила надежная земная твердь. Но уже вскоре он понял, что «истинное путешествие в старинном трудном смысле, словом, подвиг, только с этого времени и началось».

Началось же оно у побережья Охотского моря, в Аяне, откуда надо было пробираться — вернее, пробиваться — на Якутск. Это и в наши дни края все еще довольно пустынные, а в те годы…

Единственный путь — тропа, доступная летом всаднику и вьючной лошади, зимой — собачьей упряжке. Тропа ненаезженная, извилистая, где через речки — вброд или вплавь, через топи — по жердям, через горные перевалы — как сумеешь, пешком, а то и ползком. Тропа, взбирающаяся на таежный хребет Джугджур, который и сегодня географы характеризуют как труднодоступную горную страну.

Гончаров преодолевал ее в сопровождении двух якутов. Он сначала не верил, что вообще можно подняться по склону с обледенелой снежной глыбой на самой крутизне. Караван едва полз по каменным осыпям. Две вьючные лошади перевернулись через голову, одна так и не поднялась. Гончарова «подстраховывали» кушаком на случай, если тот сорвется. Подъем был так тяжел, что даже у привычного к нему якута хлынула носом кровь.

Но что Джугджур в сравнении с болотами, начавшимися за хребтом! Топи неоглядные, вязкие, обойти нельзя, надо лезть в жижу, а если начнет засасывать — вались вместе с лошадью на бок, потом выкарабкивайся с осторожностью, чтобы не увязнуть глубже. И так по десять — двенадцать часов в день.

А затем многодневное плавание на хлипком дощанике по стремительной горной Мае, где суденышко застревает на перекатах; ветер рвет последнюю осеннюю листву, падает снег, берега белы, на тиховодье — ледок.

Поистине все познается в сравнении: «Да, это путешествие не похоже уже на роскошное плавание на фрегате…» Роскошное! Забыты шторма, авралы, теснота каюты. Там, по крайней мере, не надо было спать одетым на чемоданах, врезающихся в бок.

Двести верст верхом, шестьсот по реке в канун ледостава, а от того места, где Мая впадает в Алдан, — опять через болота, вдвойне коварные, прикрытые свежим снегом.

В письмах же с дороги — ни нытья, ни ворчания, ни жалоб. Ночуя в юртах, где «блох дивно», кутая растрескавшееся на морозе лицо в обледенелый шарф, с трудом переставляя опухшие от ревматизма ноги, писатель, как обычно, лишь подтрунивает над собой.

Все дорожные мытарства не заслоняют от него главное. Он вглядывается, «вдумывается» в Сибирь — и вот оказывается, что «петербургский барин» один из первых среди путешествующих по сибирским просторам верно оценивает прошлое, прозорливо угадывая кое-что и в будущем.

Разрозненные заметки, набросанные в пустой юрте, на крохотной почтовой станции, просто «в лесу, на тундре» или у берега Лены в ожидании переправы, объединяет мысль о подвиге людей, придающих жизнь и движение далекой окраине, пробуждающих спящие силы. И кристаллизуется образ, обращенный и в прошлое и в будущее.

«Кто же, спросят, этот титан, который ворочает и сушей и водой? Кто меняет почву и климат? Титанов много, целый легион: и все тут замешаны в этой лаборатории: дворяне, духовные, купцы, поселяне — все призваны к труду и работают неутомимо. И когда совсем готовый, населенный и просвещенный край, некогда темный, неизвестный, предстанет перед изумленным человечеством, требуя себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание, и также не допытается, как не допытались, кто поставил пирамиды в пустыне. Сама же история добавит только, что это те же люди, которые в одном углу мира подали голос к уничтожению торговли черными, а в другом учили алеутов и курильцев жить и

молиться, — и вот они же создали, выдумали Сибирь, населили и просветили ее… А создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом…»

Гончаров бегло набрасывает портреты «титанов». Это смышленый старик Петр Маньков, распахавший землю по берегу Маи. Это русская крестьянка из тех же мест, которая и лес рубит, и в поле работает, и даже обувь шьет. Это и гостеприимный якут из «самобеднейшей юрты», и станционные смотрители, без которых в здешнем краю оборвалась бы дорожная нить, и ямщики, в непогодь трясущиеся на облучках, и инженерный офицер, что живет в палатке среди болот, выбирая места для постройки моста…

Рассказывая об отставном матросе Сорокине, который, осев среди тайги и распахав четыре десятины, достиг полного достатка, но думает все бросить и переселиться на другое место, чтобы там начать все снова, Гончаров добавляет:

«Это тоже герой в своем роде, маленький титан. А сколько их явится вслед за ним!»

Писатель называет дела пионеров освоения Сибири «робкими, но великими начинаниями». Он вспоминает о людях, которые стремились достичь полюса, обошли берега Северного Ледовитого океана, питались иногда бульоном из голенищ своих сапог, дрались со зверями. Их имена известны всем. Но то действительные герои. А бывает так: какой-нибудь американец или англичанин съездит с толпой слуг, дикарей с ружьями, куда-нибудь в горы, убьет медведя — и «весь свет знает и кричит о нем».

Но кто знает имена чиновников, поручиков, майоров и прочих служилых людей, которые пробираются по снежной пустыне тундры, бродят по океанскому побережью, спят при сорокаградусных морозах в снегу — и все это не ради славы, а «по казенной надобности»?

…Во «Фрегате «Паллада» описание путешествия по Сибири заканчивается странно, будто плавное повествование внезапно оборвано на полуслове. Книгу заключают две фразы, написанные в Иркутске: «Вот уже я третий день здесь, а Иркутска не видал. Теперь уже — до свидания».

А что было в Иркутске? Неужели в этом городе не нашлось ничего, достойного упоминания? И на дальнейшем пути через Восточную Сибирь — тоже?

Лишь тридцать с лишним лет спустя Гончаров дополнил свои заметки. Он пробыл в Иркутске два месяца и встречался с семьями Волконских, Трубецких, Якушкина и других ссыльных декабристов. Писатель тайно доставил в Петербург письма

Волконского.

Путешествие вдоль всей России, между началом и концом которого лежала треть года и две трети полушария, было великолепным продолжением плавания по трем океанам. А завершением — выход в свет «Фрегата «Паллада», книги, не похожей на множество других, посвященных путешествиям, книги, которой зачитывалось не одно поколение.

«Мне поздно желать и надеяться плыть опять в дальние страны: я не надеюсь и не желаю более. Лета охлаждают всякие желания и надежды. Но я хотел бы перенести эти желания и надежды в сердца моих читателей — и — если представится им случай идти (помните — «идти», а не «ехать») на корабле в отдаленные страны — предложить совет: ловить этот случай, не слушая никаких преждевременных страхов и сомнений».

Так писал Гончаров в очерке «Через двадцать лет», напечатанном после юбилейной встречи с бывшими товарищами по плаванию.

В приведенном отрывке есть маленькая натяжка. Он не надеялся и не желал более плыть в дальние страны в тот момент, когда писал об этом. Но совсем незадолго до того и надеялся и желал. Даже подавал просьбу о включении в состав экспедиции, отправляющейся на фрегате «Светлана» в кругосветное плавание.

Ему неожиданно отказали: может, сочли, что почти шестидесятилетнему писателю трудно переносить тяготы нового путешествия. Потом, как бы спохватившись, дали согласие. Но теперь отказался Гончаров.

В изысканно вежливом письме, в котором проскальзывают обида и оскорбленное самолюбие, писатель сообщал, что изменение сурового «нет» на радушное «да» запоздало и что он вполне отрезвился от своего не по летам пылкого порыва плыть в Америку.

Можно лишь гадать, как обернулось бы дело, если бы «да» было сказано сразу. Не исключено, что Иван Александрович Гончаров оказался бы на борту фрегата «Светлана»…

Поиски «Паллады»

Упоминая о «Палладе», часто говорят: легендарный корабль, легендарная «Паллада».

Но «Боевая летопись русского флота» отмечает лишь двух ее «тезок» — крейсер, участвовавший в русско-японской войне, и другой, торпедированный во время первой мировой войны немецкой подводной лодкой. Фрегат, на котором ходил Гончаров, в боях не прославился. Его плавание было выдающимся, но не называем же мы легендарными кораблями «Неву» и «Надежду», на которых русские моряки впервые обошли вокруг света.

Фрегат «Паллада» был спущен на воду в начале осени 1832 года. Среди зрителей спуска находился Александр Сергеевич Пушкин с женой. Только что назначенный командир корабля Павел Степанович Нахимов, будущий герой обороны Севастополя, сожалел, что узнал об этом с опозданием. Раздосадованный, он пожурил тех, кто не пригласил поэта на корабль:

Первой записью значилось бы славное имя, и с ним «Паллада» вошла бы в российскую словесность…

Корабль вошел «в российскую словесность» с другим именем. Фрегатом-легендой его сделала популярность книги Гончарова.

Как же сложилась затем судьба корабля и его команды?

Моряки «Паллады», перешедшие на прибывший в дальневосточные воды фрегат «Диана», пережили на рейде японского порта Симодо одну из самых необыкновенных катастроф в истории мореплавания. В тихий, безветренный день сюда внезапно хлынула стена воды. Вся прибрежная часть города была мгновенно смыта. Страшный водоворот едва не потопил «Диану», сорок с лишним раз повернув ее вокруг оси. Гигантские волны-цунами, наделавшие столько бед, были вызваны землетрясением в океане.

А сама «Паллада»?

Фрегат вместе с некоторыми другими русскими судами ушел в залив, который теперь называют Советской Гаванью. На случай нападения вражеской эскадры моряки спешно возвели береговые укрепления. Потом «Палладу» тщетно пытались завести в устье Амура. Оттуда корабль вернулся в старую гавань. Здесь судно по распоряжению свыше с ненужной поспешностью затопили из боязни, что оно может стать добычей вражеских кораблей.

Фрегат был одним из красивейших парусных судов русского флота, а книга Гончарова сделала его особенно дорогим сердцу каждого моряка. И многие из тех, кому доводилось побывать в гавани у «могилы» фрегата, задумывались: а нельзя ли его поднять?

Первые подводные разведки были сделаны еще в прошлом веке. В 1912 году с разрешения русского правительства за дело взялась было японская водолазная компания Кудо, но японцы не сумели спуститься туда, где на илистом грунте покоился старый

фрегат.

В 1923 году наши моряки достали из глубин якорь «Паллады».

Первыми, при тусклом свете, проникавшем сквозь толщу воды, увидели очертания «Паллады» советские водолазы. В 1936 году на поверхность извлекли из глубин несколько пушечных ядер, иллюминатор, якорный клюз, куски деревянной обшивки. На 1941 год был намечен подъем фрегата. Под его корпусом уже были промыты траншеи для тросов. Война помешала подводникам.

Несколько лет спустя после войны «Палладу» обследовала экспедиция аквалангистов. Увы, время и морские древоточцы безжалостно расправились с фрегатом.

Огромные крабы выглядывали из носовых полупортиков, откуда некогда выдвигались стволы орудий; над совершенно разрушившейся средней частью торчали лишь обломки шпангоутов.

О подъеме корабля нечего было и думать. Аквалангисты сделали под водой снимки остатков «Паллады» и подняли наверх все, что можно: дубовый шпангоут, куски медной обшивки, медные гвозди…

Музеи хранят модели фрегата и то, что в разное время было поднято со дна бухты, давшей последнее убежище кораблю.

Один из обломков «Паллады» был подарен Константину Георгиевичу Паустовскому, певцу романтики моря и дальних странствий.

На берегу пустынной некогда бухты — город Советская Гавань. Рейд порта Ванино, одного из крупнейших на Дальнем Востоке, принимает и отправляет множество кораблей.

Моряки поставили здесь памятник «Палладе». Сверкают нержавеющей сталью паруса фрегата, и кажется, будто ловят они ветер с океана.

По старым адресам…

Две карты, современная и та, что была в ходу во время плавания «Паллады». Некоторые названия проливов, мысов, портов сохранились неизменными с тех пор. Но как же, наверное, изменилось все остальное!

Пусть нашим путеводителем по старой карте станут страницы «Фрегата «Паллада». Выберем несколько точек, сравним, что было тогда, что сейчас.

Мыс Доброй Надежды.

Отсюда Гончаров предпринял поездку в глубь материка, по землям Капской колонии. Любопытно, что русские моряки лишь немного разминулись здесь с Давидом Ливингстоном: тот отправился в большое путешествие по Африке, покинув Кейптаун в июне 1852 года, а Гончаров побывал там весной следующего года.

Он проехал около четырехсот километров по землям колонии, где потомки голландских колонистов, называвшие себя бурами или африканерами, враждовали с англичанами, которым хотелось укрепиться на юге Африки. Однако белые забывали распри, если требовалось объединить силы для борьбы против непокорных африканцев.

«Природных черных жителей нет в колонии, как граждан своей страны» — таков первый вывод писателя. Они здесь «наемники колонистов и то недавно наемники, а прежде рабы… Нужно ли говорить, кто хозяева в колонии? Конечно, европейцы».

Гончаров полагал, что белым будет очень трудно покорить местные племена. Англичане уже затевали несколько войн с африканцами, и что же? Оттесненные с родной земли, те продолжали борьбу. «Этому долго не будет конца. Силой с ними ничего не сделаешь».

Гончаров видел, что в колонии еще все в брожении и пока трудно определить, «в какую физиономию сложатся эти неясные черты страны и ее народонаселения».

Они сложились в отвратительную расистскую физиономию Южно-Африканской Республики.

Как это ни чудовищно, но во времена Гончарова коренное население было, пожалуй, не столь принижено и бесправно, как в последней четверти нашего столетия.

В Южно-Африканской Республике белых меньше шестой части населения страны. Но им принадлежат почти девять десятых всей земли. Остальная, самая засушливая и неплодородная, отведена под «банту-станы» — огороженные колючей проволокой особые территории для африканцев. Африканцы, покидая свои резервации, должны всегда иметь при себе особый пропуск. Нет пропуска — на полгода в тюрьму!

В стране висели таблички: «Только для белых». Для белых одни автобусы, для цветных — другие. Запрещены браки между представителями разных рас. Африканцы не имеют права обучаться с белыми. Даже кладбища разные.

Однажды в желудке убитой акулы нашли останки человека. Но кто стал жертвой хищницы — белый или цветной? И прежде чем предать останки земле, расисты создали целую комиссию, чтобы случайно «не осквернить» кладбище «только для белых».

«Этому долго не будет конца», — писал Гончаров о борьбе против коренного населения Южной Африки. Нет ей конца и сегодня. Не раз полиция расстреливала протестующих африканцев: это было, например, в Соуэто, пригороде столицы страны, где среди жертв оказалось особенно много школьников.

Конец 1985 и начало 1986 года ураганы народного гнева буквально сотрясали Южно-Африканскую Республику. «Мятеж против господства белых распространяется подобно лесному пожару», — сообщали с места событий корреспонденты буржуазных газет.

Правительство объявило чрезвычайное положение в 36 районах страны. Отряды полиции и воинские части проводили массовые облавы и аресты. Прежде демонстрантов, протестующих против бесправия, разгоняли дубинками и сравнительно редко пускали в ход оружие. Теперь по ним без колебания открывают огонь. Число убитых исчисляется сотнями. Но на их место встают тысячи новых борцов.

Сила протеста все нарастает. Расистский режим обречен, история уже вынесла ему приговор.

…Гончаров записал об острове-городе у оконечности полуострова Малакка: «Сингапур, как складочное место между Европой, Азией, Австралией и островами Индийского архипелага, не заглохнет никогда. Притом он служит приютом малайским и китайским пиратам, которые еще весьма сильны и многочисленны в здешних морях».

И верно, не заглох Сингапур, «город льва» — так в переводе звучит его название. Теперь это не только остров-город, но и остров-государство.

Сингапур перестал быть английской колонией. Большинство его жителей — китайцы. Гончаров был когда-то в гостях у богатого китайского купца Вампоа и поразился роскоши его загородного дворца. Сегодня китайский квартал — один из самых богатых в городе.

Сам город, впрочем, приобрел весьма европейский облик, а крупнейшие мировые монополии открыли в нем свои заводы: рабочая сила здесь дешевле, чем во многих странах.

Сегодняшний Сингапур в числе самых больших портов мира. На его рейде можно увидеть и советские корабли.

Ну, а пираты, о которых упоминал Гончаров, конечно, давно вывелись? Представьте, они-то как раз дожили до века радаров! И

даже умело используют их.

Пиратство в южных водах не идет на убыль. Недавно Организация Объединенных Наций признала, что пираты стали серьезной угрозой для судоходства.

Одно время существовала знаменитая «пиратская империя» во главе с некоронованной императрицей, некоей мадам Вонг. Ее люди нападали даже на пассажирские лайнеры.

Пираты занимаются не только разбоем. Их привлекает более выгодное и менее опасное дело: контрабандный провоз наркотиков. Центр этого промысла постепенно переместился из Сингапура в Гонконг.

Найдем посвященные ему страницы «Фрегата «Паллада». Гончаров упоминает, что «рыжие варвары» — англичане — превратили уголок китайской земли в свою колонию, причем заставили самих китайцев строить крепость на островке Гонконг. «Обладание Гонконгом, пушки, свой рейд — все это у порога Китая обеспечивает англичанам торговлю с Китаем навсегда, и этот островок будет, кажется, вечным бельмом на глазу китайского правительства».

Слава Британской колониальной империи закатилась. Бывшие ее колонии завоевали независимость. Но по давнему договору с Китаем Гонконг был арендован Великобританией на 99 лет. Срок аренды истекает лишь в 1997 году.

Над Гонконгом, или, как его чаще называют китайцы, Сянганом, каждое утро поднимают британский флаг. Здесь резиденция английского губернатора. Плавно катят двухэтажные автобусы — совсем как в Лондоне. Можно увидеть в толпе английского солдата или моряка в военной форме.

Британский флаг поднимается по соседству с небоскребом, фасад которого испещрен иероглифами. Там помещается Китайский банк, один из многих в Гонконге. Китай ведет здесь выгодную торговлю, зарабатывая валюту. Свыше трехсот предприятий принадлежат КНР.

А что же англичане? Совсем вытеснены? Нет, лишь потеснены китайскими, американскими, японскими дельцами.

Гончаров с другими офицерами «Паллады» ездил осматривать в гонконгской гавани «образчик неутомимой энергии и неутолимой жадности и предприимчивости англичан» — торговое заведение и верфь, принадлежащие неким Джардайну и Мэтисону. Он услышал мнение капитана датского судна, что предприятие этих господ не окупится.

Ошибся датчанин! Господа вполне преуспели, получив в свое время монополию на торговлю опиумом. Сегодня фирма «Джардайн и Мэтисон» одна из самых процветающих в Гонконге.

Портрет ее основателя Уильяма Джардайна, прозванного «старой крысой с железной головой», украшает зал правления корпорации, которой принадлежит множество торговых предприятий, домов, судов, а также три издающиеся на английском языке гонконгские газеты.

Мир меняется непрерывно. Но старое подчас оказывается очень живучим, оно приспосабливается, меняя форму.

Поперёк Америки — пешком

В первые послевоенные годы мне случайно попалась у букиниста редкая книга. Заинтересовало название — «Русский среди американцев». Пониже заглавия мелким шрифтом было напечатано: «Мои личные впечатления как токаря, чернорабочего, плотника и путешественника». Имя автора — М. М. Владимиров — не говорило мне решительно ничего. Книга была издана в 1877 году.

Автор безыскусно, мало заботясь о красоте слога,

рассказывал о том, что видел, пережил, узнал, пешком путешествуя по Америке. Он не забывал упомянуть, чем питался, кого встречал, о чем разговаривал. Иные страницы заполняли выписки из статистических отчетов. Документальность книги делала ее особенно ценной для тех, кто захотел бы представить, как жила Америка в семидесятых годах прошлого века.

Я напечатал статью об этой книге и вскоре получил письмо. Оказалось, что живы родственники автора, две дочери и племянник. Так мне стали известны некоторые подробности его жизни, я узнал и о том, что он собирался вторично побывать в Америке, чтобы дополнить книгу, но не успел.

Последние годы жизни Владимиров работал в Пярну. Кроме книги, сохранились его корреспонденции, которые он писал из Соединенных Штатов в русские газеты.

Я снова вспомнил о «русском среди американцев», когда сам впервые собирался в Америку. Потом побывал там еще и еще раз.

А недавно, во время новой поездки за океан, мой маршрут местами совпал с тем, который когда-то избрал для себя Владимиров.

Книга была со мной. Я мог сравнивать увиденное с тем, что наблюдал мой соотечественник сто лет назад.

*

Сентябрь в Нью-Йорке, пожалуй, лучший месяц, когда нет уже изнуряющей жары, особенно несносной в прокаленных каменных ущельях улиц. В эту раннюю осеннюю пору стараешься каждую свободную минуту провести на воздухе.

Но воздух в центре города перенасыщен едкой смесью газов, выбрасываемых сотнями тысяч автомашин. От нее першит в горле и слезятся глаза. Хочешь глотнуть свежего воздуха — отправляйся в Баттери.

Баттери — южная оконечность Манхэттена, острова, на котором расположены центральные районы Нью-Йорка. Это место открыто ветрам с океана и отделено от остального города хребтом небоскребов. У их подножия оставлена незастроенная зеленая лужайка с редкими деревьями. Посередине ее — Кастл-Клинтон, круглый кирпичный форт старых времен.

Этот форт знаменит отнюдь не геройским отражением вражеских атак. Военным целям он по-настоящему не служил и часа. Его построили во время Войны за независимость, опасаясь нападения английского флота. Потом переделали в увеселительное заведение. Наконец, с середины прошлого века, форт превратился как бы в проходную будку для сотен тысяч людей, которые приезжали за океан из Европы.

Тех, кто внушал властям подозрение, сначала выдерживали в

карантине на небольшом «Острове слез», который виден правее статуи Свободы. В Кастл-Клинтоне переселенцам давали временное пристанище. Отсюда они разбредались по Нью-Йорку.

Впервые разглядывая форт, я думал о тех, для кого начиналась здесь Америка. Сколько надежд приносили сюда люди! А Нью-Йорк, словно гигантская мельница, начинал перемалывать их. Приходило ожесточение, цепкая хватка в борьбе за существование. Одним удавалось выкарабкаться наверх, других жернова стирали в порошок.

Последнюю четверть прошлого века океан пересекло довольно много русских людей. Были среди них народники, мечтавшие о каких-то «свободных коммунах». Были ученые, которых интересовало развитие американской промышленности, горного дела, земледелия. Были писатели, ищущие истины в сравнениях своего и чужого.

Никто, кажется, не отправлялся в Америку с предубеждением.

Между Россией и Америкой «целый океан соленой воды, но нет целого мира застарелых предрассудков…» — писал в «Колоколе» Герцен.

Менделеев, знакомившийся в Соединенных Штатах с нефтяной промышленностью, вспоминал, что ехал туда с желанием все оправдывать, видеть там только хорошее. Однако на обратном пути он записал о себе и своих русских спутниках: «Скучали не от того, что оставили Америку, а от того, что оставили в Америке веру в правдивость некоторых идеалов… В Америке думалось найти их подтверждение, нашлась куча опровержений…»

Летом 1893 года, когда открылась Всемирная выставка в Чикаго, пересек океан Короленко. Американские газеты объявили, будто бы писатель, подвергавшийся преследованию русского царя, испытавший сибирскую ссылку, решил навсегда покинуть родину.

А Короленко писал: «Плохо русскому человеку на чужбине, и, пожалуй, хуже всего в Америке… Там русский человек тоскует больше, чем где бы то ни было, в том числе и такой русский человек, который знавал Якутскую область».

Да, многих Америка разочаровала. Но кажется, не находилось таких, которые бы утверждали, что ее не стоило узнавать. Америка — это интересно! И удивительно ли, что одно лишь желание повидать ее заставило героя нашего рассказа отправиться за океан с тощим кошельком и готовностью претерпевать любые лишения.

Владимиров не относился к «политически неблагонадежным». Царская полиция не докучала ему. Он не причислял себя и к

неудачникам, которых гонят по свету поиски лучшей доли. Напротив, дела на родине у него шли вполне прилично. Он был учителем, любил свою школу, любил родные места, с гордостью называл себя коренным волгарем и отнюдь не собирался надолго оседать в Америке. Он хотел лишь своими глазами увидеть Новый Свет.

В приволжском городке, где вырос Владимиров, юноши увлекались книгами о жизни за океаном. Прерии, буйволы, индейцы — как все это заманчиво! Под окнами мечтателей несла воды Волга, а им слышался всплеск волн Миссисипи.

Михаил Владимиров выделялся среди сверстников твердостью характера. Решив побывать за океаном, он не только зубрил по самоучителю английский язык, но и проводил каждую свободную минуту у токаря и переплетчика, изучая их ремесло.

В полночь 20 июля 1872 года молодой учитель сел на волжский пароход. До той поры он и родную-то страну едва знал: Саратов да Царицын — вот и все. А тут — в Америку!

В Америку с тремя сотнями рублей в кармане и двумя рекомендательными письмами. В Америку, в Америку, в Америку!

…На шестнадцатый день плавания через океан показалась едва заметная полоска берега. Пассажиры, измученные теснотой и качкой, столпились у борта. Словно из воды постепенно поднимались каменные громады Нью-Йорка.

Судно бросило якорь в гавани. Пассажиры выстроились длинной очередью. Доктор бегло осматривал их. Чиновники перетрясали багаж. Наконец, русский в числе прочих оказался в Кастл-Клинтоне перед полицейским, регистрировавшим переселенцев.

— Имя, откуда? Чем будете заниматься? — скороговоркой сыпал тот. — Есть в Нью-Йорке родственники? Знакомые?

Владимиров сказал, что заниматься будет ремеслами, а приютят его друзья, давно переселившиеся за океан.

Через полчаса в сопровождении соотечественницы он шагал по улицам, глазея во все стороны и расспрашивая о Нью-Йорке.

Земляки жили тесно на пятом этаже старого дома. Для гостя уже было выкроено местечко.

Рассказы земляков о нужде и злоключениях, о днях, когда на обед лишь хлеб да яблоки, не обескуражили его.

Издали доносился грохот надземной железной дороги, за окном закрывали небо дома необыкновенной высоты. По дороге сюда, на Бродвее, он видел господ в цилиндрах, дымящих сигарами, и крикливых чистильщиков сапог — явных кандидатов в миллионеры. Все как в книжках.

Прошла неделя. Странно, что у него не появилась мозоль на

языке от непрерывного повторения единственной фразы:

— Добрый день, не найдется ли у вас какой-нибудь работы?

Месяц спустя Владимиров вернулся в Кастл-Клинтон, который счастливо миновал в день приезда. Там за плату подыскивали работу для переселенцев. Ему повезло: токарной мастерской требовались умелые руки.

Владельцу он понравился:

— Только условие: вы должны купить за свои деньги хорошие инструменты. Идет?

Несколько недель работы поправили дела. Но однажды утром, придя в знакомый квартал, Владимиров увидел своих новых товарищей, толпившихся возле дымящихся головешек: ночной пожар уничтожил мастерскую. В огне погибли и инструменты. Значит, опять искать и просить…

Попробовал Владимиров точить на старом токарном станке игрушки — прогорел, никто не покупал его изделий. Настали голодные дни. А не двинуть ли на юг, скажем, во Флориду? Уж если голодать, так лучше в тепле. И после небольшого прощального «бизнеса» — продажи зимней одежды — Владимиров покинул Нью-Йорк.

Во Флориде Владимиров рубил дрова для католического монастыря — ему дали работу после того, как он солгал, будто его сестра набожнейшая католичка; батрачил на ферме без денег, за хлеб; сортировал раковины на устричных отмелях Мексиканского залива; мостил дорогу, клал кирпичи на стройке паровой мельницы.

И попутно открывал для себя Америку. Здесь, на юге страны, записал он, «белые сходились в одном: в ненависти к черным». Волгарь поселился в домике у негра — белые стали смотреть на него с презрением и злобой. Но и босс-негр отказал ему, как белому, едва появился подходящий черный работник.

Во время погрузки корабля Владимиров, поскользнувшись, упал в глубокий трюм. Его оттащили в сторону и оставили лежать с разбитым лицом и грудью: никто не смел прерывать работу, боясь босса. Лишь вечером грузчики снесли товарища в лодку и перевезли на берег.

Он пролежал в каморке девять дней. На десятый, прихрамывая, поплелся искать работу. Ему бы чего полегче, пока не окрепнет, но нашлось лишь место в негритянской артели, грузившей доски.

Русского расспрашивали, есть ли черные в его стране и как к ним относятся белые.

— Вы видите, что здесь нас ненавидят, — сказал черный грузчик.

А другой добавил с неприязнью, по-своему истолковав библейскую легенду:

— Первые люди были черными, потому что бог создал их из земли. Но когда Каин, сын Адама и Евы, убил своего брата Авеля, то побелел от страха. От него и пошли белые.

Владимировым по-прежнему владело желание путешествовать, смотреть, как люди живут в Америке, и, скопив денег на билет, он поднялся по трапу парохода, направляющегося в Новый Орлеан.

*

Я не раз перечитывал главу книги «Русский среди американцев», посвященную этому городу. Беглое, сухое перечисление некоторых достопримечательностей — и все. Но ведь ходил же Владимиров по Новому Орлеану? Конечно:

«Гуляя по городу и возвращаясь домой, я каждый раз выбирал все новые улицы и замечал, где какие работы производятся. Теперь, по памяти, направляю свой путь к строящимся зданиям и прошу работы; мне везде отказывают».

Здесь, вероятно, ключ ко всей главе. Он ходил по городу, однако почти не видел его. Он не разглядывал достопримечательности, он искал работу, любую работу, с любой оплатой — и не находил. Казалось, нашего путешественника уже должны были бы закалить неудачи. Однако Новый Орлеан повернулся к нему спиной с первого дня.

Бедняга перепробовал все и стороной обходил лишь порт, где в ожидании работы «оборванные негры нескончаемой вереницей унизывали берег». В порту еще не остыли страсти после дикой, кровавой драки между белыми и черными. Двое поссорились при найме на разгружавшийся корабль — и в ударах ножей разрядилась взаимная ненависть.

Когда Владимиров покидал Новый Орлеан на палубе парохода «Бисмарк», идущего вверх по Миссисипи — по реке, о которой столько мечтал на волжских берегах, — в кармане у него оставалось два доллара. Их украли на второй день плавания.

А плыть до Сент-Луиса надо было восемь дней.

Его путевые впечатления: «Сама Миссисипи до того грязна, что, употребляя ее воду, можно заболеть… Плавучая фотография, кочующие рыболовы, лодка с эмигрантами и домашним скарбом да изредка плот — вот и все, что оживляло воды «отца рек», кроме пароходов, попадающихся не каждый день… Восьмидневный переезд на «Бисмарке» частенько напоминал мне Волгу, но менее населенную, менее оживленную».

Скупо… Между тем Новый Орлеан и Миссисипи стоят того, чтобы вспомнить кое-что об их прошлом, а затем поговорить и о

настоящем.

Я прожил в Новом Орлеане несколько дней и бродил по городу до тех пор, пока держали ноги. С темнотой в его современных кварталах плясали, кувыркались огни нахально-броской рекламы. Но в боковых улочках, как и в прошлом веке, бледно светились газовые фонари.

Может, только Новый Орлеан, один среди крупных городов Америки, сумел до сегодняшнего дня сохранить свое лицо, свою старину и традиции. Не уступил железобетонному напору небоскребов на кварталы уютных особняков, защитил их законом. И туристы собираются сюда, чтобы подышать воздухом прошлого.

Длинная, терпеливая очередь выстраивалась возле домика, одно окно которого было прикрыто ставнем, тогда как сквозь мутные стекла другого различались потные лица сидящих прямо на полу зрителей. Вернее, слушателей. Здесь играл джаз. Один из очень старых джазов с очень старыми, даже дряхлыми неграми-музыкантами. Именно здесь все и начиналось. Отсюда пошла по свету джазовая музыка. Новый Орлеан — ее родина.

В старой части города сохранился стиль испанских и французских колоний. На балконах — железные литые решетки, с крыш свисают железные же украшения, тонкие и причудливые, словно кружева. Ну так и кажется, что под балконом вот-вот появятся музыканты и польется серенада, а сквозь деревянные жалюзи на окнах будут наблюдать за происходящим внимательные глаза.

Повсюду внутренние дворики, конюшни, превращенные в гаражи, но так, чтобы это вовсе не было заметно, оливковые деревца, посаженные у крыльца, — символ гостеприимства.

Я жалел, что Владимиров привел сравнительно мало примет того, прежнего Нового Орлеана. Но почти все, о чем он упоминал, сохранилось, даже фонтан, построенный во время эпидемии желтой лихорадки. Как и сто лет назад, покойников здесь не зарывают в землю, обильно пропитанную водой, а хоронят над землей, в погребальных камерах. Как и сто лет назад, город, по крайней мере внешне, чтит тех, кто сражался за сохранение рабства: на высоченной колонне — памятник генералу Ли, командовавшему армией южан. Есть памятники мятежникам, пытавшимся силой вернуть старые порядки после решающей победы Севера. Возле моего отеля две старые пушки — будьте уверены, что из них палили по северянам…

А хотите вспомнить кое-что из истории города и штата Луизиана, на территории которого он находится, — загляните в музей восковых фигур. Фигуры — в человеческий рост, они в костюмах былых эпох и воскрешают давние события.

Новый Орлеан в начале XVIII века основали французы. Менее чем через полвека он перешел вместе с Луизианой к испанцам, потом французы восстановили свою власть.

В витрине — две скромно одетые девицы с небольшими сундучками. Точно известно, что в сундучках — по два платья, не больше. С таким приданым Франция отправляла в заокеанские колонии невест из бедных семей. Корабль с невестами причалил в гавани Нового Орлеана летом 1752 года.

Но кто это восседает в небольшой медной ванне? Наполеон. В столь неподходящем месте будущий император 7 апреля 1803 года совершает торговую сделку: по весьма сходной цене продает Луизиану американцам.

И вот уже американский Новый Орлеан. Аукцион, распродажа рабов. Тут и живой товар, и покупатели. Цены божеские: от полутора доллара за человека.

Особенно заинтересовала меня витрина, изображавшая сцену на пароходе «Миссури». Карточный стол, разбросанная колода карт. В руках одного игрока небольшой пистолет. Пуля только что поразила другого, пятно крови расплывается по белизне сорочки.

Расправу с пароходным шулером видит человек в белом костюме, лицо которого известно всему миру. Возможно, он услышал звук выстрела и вошел, оставив незапертой дверь.

Этот человек — великий Марк Твен, бывший лоцман Сэмюэл Клеменс, не один год плававший по Миссисипи. Он-то прекрасно знал судовые нравы!

Экскурсовод музея уверял меня, что Марк Твен действительно стал свидетелем убийства шулера на пароходе возле Нового Орлеана. Это произошло тогда, когда он был уже знаменитым писателем и путешествовал инкогнито по любимой реке. Но его, конечно, узнали старые друзья, лоцманы и капитаны.

Мне здорово повезло: я в наши дни прошел по Миссисипи на таком же точно пароходе, какие водил в свое время лоцман Клеменс. Пароход строили по особому заказу. Он называется «Марк Твен». У него две высоченные черные трубы впереди рубки и большое гребное колесо за кормой.

Пассажиры сели на него в гавани Нового Орлеана. Не знаю, как у других, а у меня было ощущение праздника. Возле причалов стояли морские суда — они поднимаются сюда вверх по глубоководной Миссисипи, — в гавани носились быстроходные катера, от берега к берегу сновали паромы, забитые автомашинами. Но это был суетливый двадцатый век. А я находился на островке девятнадцатого.

Ударил судовой колокол. Колесо за кормой начало медленно вращаться, взбивая темно-бурую пену. «Марк Твен» вышел на середину реки.

В прошлом веке на Миссисипи пароходство процветало. Потом суда одно за другим оказались на приколе. Им трудно было конкурировать с железными дорогами. Затем пассажирский вагон уступил место автомобилю. В наши дни многие американцы ни разу в жизни не ездили не только на речных пароходах, но и в поездах дальнего следования.

После десятилетий застоя судоходство на Миссисипи ожило вновь. Правда, пассажиры так и не вернулись в судовые каюты. У причалов Нового Орлеана — лишь несколько судов, приспособленных для речных прогулок. Зато уж перевозкой грузов «американской Волге» пришлось заняться основательно.

Навстречу нашему «Марку Твену» один за другим движутся грузовые составы: ярко-оранжевый коротышка-толкач, а перед ним — несколько сцепленных между собой больших металлических барж. На одних стоят рядами яично-желтые тракторы, другие загружены песком, бревнами, контейнерами. А вот и морская баржа-замараха: ржавые борта, грязносерая надстройка.

Порт, один за крупнейших в Америке, растянул свои причалы по обоим берегам. Ну хотя бы в одном месте кусочек зеленой набережной, какой-нибудь захудалый бульвар, несколько скамеек с дремлющими стариками. Ничего!

Речной фасад Нового Орлеана — склады, элеваторы, деревянные сваи причалов, нефтяные баки, грузовые краны. И всюду по берегам крупные надписи-вывески: «Не курить!», «Не курить!», «Не курить!». Будто это и не река вовсе, а склад. Не уверен, что новоорлеанцы вообще видят Миссисипи из-за портовых сооружений, оттеснивших от них реку.

Я поднялся к рубке. Золотые буквы на фуражке человека, стоящего рядом с рулевым, не оставляли сомнения: капитан.

Да, согласился он, Миссисипи малопривлекательна. Это деловая, рабочая река. Толкачи и баржи, баржи и толкачи. Вы не смотрите, что они такие маленькие, на каждом толкаче машина в несколько раз сильнее, чем на «Марке Твене».

Романтика речных путешествий? Только в старых книгах! Миссисипи загажена. Ее называют теперь «большой грязнухой». Вряд ли найдется человек, который искупался бы в этой жиже. Разве что на пари.

Я поблагодарил капитана за интересную беседу.

«Напоминаем господам пассажирам, что в баре вы можете попробовать коктейль «Марк Твен», — вкрадчиво заговорило

радио. — Рецепт этого восхитительного напитка…»

Мне стало грустно.

*

Владимиров покинул «Бисмарк» в Сент-Луисе, большом портовом городе на Миссисипи.

Обокраденный, он почти ничего не ел в пути и чувствовал, что сильно ослаб. У него оставалась последняя ценная вещь: часы. Жаль было расставаться с ними, да ведь не зря же говорят на Руси: голод не тетка, калачика не подложит.

Работу Владимиров нашел на этот раз быстро.

В Сент-Луисе русский прожил до осени. Когда начались дожди, работы резко сократились. Возле «заведения для бездомных» выстраивались длинные очереди. Пора было трогаться дальше. Куда? Конечно, в Чикаго.

Как уговаривали его не ездить в этот город! Чикаго стал пугалом для рабочих: дела мало, подрядчики присваивают деньги, а то и вовсе скрываются от платежа. Но, возражал Владимиров, ведь в Чикаго недавно был страшный пожар, неужели там не найдется работы для человека, готового взяться за любое дело? И как можно говорить, что ты был в Америке, если Чикаго останется в стороне от твоих дорог? Будь что будет!

Город встретил приезжего пронизывающим, холодным ветром. Поеживаясь в легком пиджаке, Владимиров отправился смотреть озеро Мичиган, вдоль которого, на так называемом «Золотом берегу», Чикаго словно выставил напоказ лучшие свои здания. Потом поспешил в главный павильон знаменитой выставки, где стояли новейшие фабричные печатные, пишущие и всякие другие машины.

На этом осмотр достопримечательностей закончился. Дальше Владимирову предстояло весьма близкое знакомство с трущобами Чикаго, которые выразительно назывались «малым адом».

Этот город познакомил его с еще одной стороной американской жизни. Чикаго лишь начал оправляться после «огненного понедельника», а стройка почти всюду прекратилась. Иные дома оставалось только подвести под крышу, однако на лесах не было видно ни души. Всюду повторяли тревожное, пугающее слово: «кризис».

Владимиров с рассвета до вечерней звезды безрезультатно бродил по городу. Кажется, впервые он понял, что в этой богатой стране можно умереть от голода.

«Кризис, начавшийся в Нью-Йорке, — писал Владимиров на родину из Чикаго, — с каждым днем становится все шире; фабрики, заводы, мастерские закрываются с такой быстротой, как будто они соперничают между собой… Страшно подумать о том,

что будет в разгаре зимы. Заработная плата упала донельзя… На улицах появилось необыкновенно большое число нищих».

Вот в это-то тяжелое время Владимиров вспомнил, что у него записан адрес русского, который давно живет в Чикаго и участвовал в войне Севера с Югом на стороне противников рабства.

В небольшой квартирке Владимирова встретил пожилой человек. Он вовсе не походил на генерала, хотя, как писали русские газеты, Иван Васильевич Турчанинов за храбрость в боях под знаменами Авраама Линкольна удостоился именно этого звания.

К времени встречи мистер Джон Бэзил Турчин был всего лишь земельным агентом железнодорожной компании.

Турчин и его жена Надежда обрадовались встрече с земляком. Они уже больше года не встречали русских. Для них рассказы Владимирова были свежими новостями из родных краев.

Турчины жили в Америке около двух десятилетий. С удивлением услышал Владимиров, что хозяин дома покинул Россию в чине гвардейского полковника. Выходит, он и там мог бы дослужиться до генерала. Жил бы сейчас в каком-нибудь петербургском особняке, вместо того чтобы мотаться по делам Пенсильванской железной дороги. Видимо, у Ивана Турчанинова были серьезные причины для превращения в Джона Турчина. Но расспрашивать хозяина гость постеснялся.

Кое-что он понял лишь позднее, когда за чаем у Турчиных зашел разговор о президенте Гранте. Владимирова ужасали газетные карикатуры, едко высмеивающие президента. Как же можно, ведь сами же американцы избрали его управлять ими — и вдруг такое неуважение?

Хозяйка дома спокойно заметила, что уважать надо не должность, какой бы высокой она ни была, а человека.

— Зачем смотреть на президента как на некое неприкосновенное существо? — продолжала она. — Вы никогда не станете свободным и независимым, если не поймете, что Грант такой же человек, как все, со своими достоинствами и недостатками. Хорошо он исполняет свои обязанности — его хвалят, плохо — рисуют на него карикатуры, изображают в виде дохлой клячи.

Турчин попытался найти Владимирову работу. Они обошли чикагских знакомых генерала. Тщетно; кризис становился все жестче, открыто поговаривали о близком бунте, отчаявшихся безработных почти насильно высылали из Чикаго.

Тогда Турчин предложил земляку поехать в поселок, который он создает на землях железнодорожной компании для

переселенцев из Польши.

Поезд остановился среди дубового леса. Один большой дом да несколько бараков — вот и весь Радом: так в честь древнего польского города назвали это местечко. Но Турчин не сомневался, что со временем здесь разрастется настоящий город.

— Видите эту просеку? — показывал он. — Здесь будет наша главная Варшавская улица. А пока вам придется поработать тут топором, лопатой и тачкой.

В Радоме Владимиров провел зиму. Научился немного говорить по-польски. От переселенцев услышал, что на войне отличился не только генерал, но и его жена, перевязывавшая раненых на поле боя. Однако после войны тайные и явные сторонники потерпевших поражение южан-рабовладельцев всячески мстили своему врагу. Говорили о нем как о подозрительном человеке, который мечтает о каком-то другом, более справедливом обществе, нежели так превосходно устроенное американское. Владимиров не знал тогда, что генерал был знаком с Герценом.

Весной Турчин приехал в Радом после долгой отлучки по делам. Он не стал отговаривать Владимирова, которому не терпелось продолжить странствие по Америке. На прощание сказал:

— Приезжайте к нам через десять или пятнадцать лел и вы найдете в Радоме десять или пятнадцать тысяч жителей.

Владимирову не довелось больше увидеть своего земляка. Много позднее, уже в России, он услышал от вернувшихся эмигрантов: о заслугах генерала забыли, он вынужден зарабатывать на пропитание игрой на скрипке. Радом же действительно стал городом — правда, маленьким, захолустным…

После зимы в Радоме Владимиров отправился в главное свое путешествие по Америке. Он намеревался пешком добраться до побережья Тихого океана, до манящей «золотой Калифорнии».

Да, путь далек — около трех тысяч километров. И вот последняя запись перед дорогой: «Меня стращают смертью от жажды, индейцами… Но разве я сам не могу судить хотя бы приблизительно о предстоящих опасностях? Разве я не могу принять меры против них? Я иду, что бы мне ни предстояло… Я трезво смотрю на дело, оно исполнимо — я и докажу это!»

*

Сначала он шел пешком. День за днем, день за днем, в жару и дождь, по дороге и без дорог, изредка останавливаясь на перепутье, чтобы заработать кусок хлеба.

Он встречал множество людей. Одни брели от

Атлантического океана к Тихому, другие — от Тихого к Атлантическому. Гнала их нужда, поиски работы.

Эти люди обучили его рискованным приемам «бродячей Америки»: даровому проезду на поездах.

Годились любые — товарные, медленно ползущие эмигрантские, стремительные курьерские, где к паровозу прицепляли всего три-четыре вагона. Умей вскочить на подножку бегущего мимо вагона, держаться на лязгающих буферах, распластываться на вагонной крыше, забираться под лавки! И это чаще всего в ночной темноте, чтобы не заметили бдительные железнодорожники.

Владельцы дорог объявили «зайцам» войну. Кондуктора, уличенного в провозе безбилетников, немедленно увольняли. Из боязни потерять место железнодорожники преследовали своего же брата рабочего, оказавшегося без гроша в кармане.

«Майкл» Владимиров вместе с другими горемыками забрался было в пустой вагон на вокзале города Шайенна. Их выбросили прочь на первой же станции. Владимиров зашагал дальше под проливным дождем. В сумерки повалил снег. Путник набрел на двух американцев, сложивших из старых шпал подобие шалаша. Развели костер, растопили в жестянке снег, накрошили туда хлебных корок…

К середине мая путешественник оказался вблизи Скалистых гор, где у снежных вершин берут начало полноводные Миссури, Колумбия, Колорадо.

Когда-то здешние хребты приостановили первых колонистов, стремившихся на «дикий Запад». Казалось немыслимым преодолеть их с тяжелыми повозками. Разведчики перебредали ледяные ручьи, карабкались на скалы. Они видели одно и то же: за горной цепью поднималась другая, дальше синела третья, выше вздымалась четвертая. Вместо приветливых долин — глубокие, мрачные каньоны, пугающие необычностью и дикостью.

И все же надежда найти лучшие земли гнала переселенцев через горную страну. Налетали леденящие ветры, люди кое-как укрывались под навесами повозок, а волы и лошади гибли. Потом начинал дуть теплый «чинук», пожиратель снегов, и ручьи на глазах вздувались потоками, перекатывая тяжелые камни, ломая деревья.

Владимиров шел в Скалистые горы вдоль Тихоокеанской дороги. Поезда замедляли ход там, где со скал свисали снежные карнизы. Стук колес будил эхо в ущельях. Еще недавно здесь бродили лишь индейцы да одиночные белые охотники.

Пока кондуктор объявлял пассажирам, что станция Шерман — «высочайшая железнодорожная точка мира», Владимиров

незаметно проскользнул в вагон. Высадили его уже в сумерках, прямо на ходу, когда машинист притормозил, опасаясь снежного обвала.

На следующей станции он только что облюбовал себе местечко в товарном поезде, как заметил в темноте человека, внимательно за ним наблюдающего. Плохо дело. Владимиров отошел от вагона с самым независимым видом. Что за черт? Похоже, что теперь неизвестный прячется от него!

Через минуту они стояли друг против друга.

— Я вас принял за кондуктора!

— Разрази меня бог, если я не подумал о тебе того же самого, приятель!

Довольные, они устроились на угольной платформе. Но едва поезд тронулся, как перед ними выросла фигура с фонарем…

«Зайцы» забрались через крышу в пустой вагон — лучик кондукторского фонаря обнаружил их и там. Третий кондуктор нащупал безбилетников среди тюков сена. На следующую ночь они, подкараулив поезд, пробрались было к паровозному тендеру, но там их заметил кочегар.

Да, чудесны Скалистые горы! Любоваться бы ими без устали: смело переброшенные над пропастями мосты, порожистые потоки в ущельях, снежные шапки на соснах, вскинутые в небо вершины. Но вот спускается ночь — и все кажется враждебным, мрачным. Эхо вторит заунывному вою, в темноте зеленеют огоньки волчьих глаз.

— Как воют, проклятые! Должно быть, тоже не ужинали, — мрачно пошутил спутник Владимирова. — Не поторопиться ли нам?

За весь день они съели ломоть кукурузного хлеба, найденный в грязи придорожной канавы. Ноги отказывались идти, но впереди уже засветилось окошко какого-то полуночника в пристанционном поселке.

Стучать в двери? Бесполезно. Кто откроет незнакомым в глухую ночную пору. Забрались под крыльцо станционного домика, да так и пролежали до рассвета, прижавшись друг к другу.

Следующую ночь Владимиров ночевал в какой-то яме, боясь сомкнуть глаза и все время поддерживая огонь костра: волки выли совсем рядом. Сжимал складной нож, хотя и знал, что от стаи не отобьешься.

Утром он оглядел свое отражение в луже: настоящий босяк с волжской пристани, все обтрепалось, заплатка на заплатке, от брюк скоро останется одна бахрома.

Чтобы скопить несколько долларов на одежду, русский

примкнул к землекопам, сооружавшим железнодорожную насыпь. Ему отвели место в тесном бараке, где вдоль стен сплошь тянулись двухэтажные голые нары.

Весна не спешила в здешний горный край; казалось, будто это март где-нибудь под Саратовом. Многие рабочие простудились, их надсадный кашель ночами не давал спать здоровым. Владимирова тоже бил озноб. Нет, надо бежать отсюда, пока еще есть силы…

И вот он уже там, где последние отроги Скалистых гор круто обрываются к полупустыне Большого Бассейна. Только что стучал зубами от холода — и сразу в пекло, под жестоко палящее солнце. Вон ручеек струится по камням, скорее к нему. Припал — и отпрянул: голая соль, хуже морской воды.

Озеро, занявшее впадину среди равнины, прозвали «потерянной рукой океана», «мертвым морем Америки». Синевато-зеленое, оно лежало как-то удивительно спокойно, недвижно среди пологих холмов. Хотя бы одна лодка, хотя бы один парус. В этом Большом Соленом озере не вода, а скорее крепкий рассол. Если ветер все же раскачает его, тяжелые волны оставляют на берегу белый осадок.

И вокруг в пустыне белесые пятна солончаков. Среди жесткой травы шуршат змеи. В придорожной котловине — груда лошадиных и коровьих костей, быть может погибший скот партии переселенцев на «дикий Запад».

Преодолев хребет Сьерра-Невада, 11 апреля 1874 года Владимиров увидел Сан-Франциско. От Чикаго он добирался сюда 66 дней 1 час 30 минут.

В Сан-Франциско он бросил якорь надолго. В этом городе жило много русских переселенцев, и учитель смог наконец заняться своим прямым делом. В русской школе для него нашлась даже комната.

Я побывал на побережье возле Сан-Франциско в местечке «Дом на скале», куда Владимиров водил когда-то на экскурсию своих учеников.

В его годы на скалистых островках поодаль от берега, в темной глуби океанских вод, на отмели под скалами можно было увидеть множество сивучей. «Мы глаз не сводили с морских чудовищ, прыгающих, лазящих, кричащих и плавающих», — записано у Владимирова.

На асфальтированной площадке тесно стояли туристские автобусы. И уже не дом, а несколько домов облепили скалы: ресторан, музейчик, лавочки сувениров, развлекательное заведение с разными аттракционами.

Ревел и грохотал океан, на губах оседала соленая пыль.

Чайки с удивительно длинными клювами в бесшумном полете стлались над волнами. А сивучи?

— Я видел однажды в волнах нечто похожее, но не уверен точно, — сказал продавец открыток.

Впрочем, один сивуч по-прежнему обитал у «Дома на скале». Огромный, тяжелый, опираясь на ласты, с широко раскрытой пастью, он, казалось, собирался огласить окрестность победным ревом. Его изваяли внизу, поближе к родной стихии. Гладкие бока зверя испещряли надписи. Тут было даже изображение сердца, пронзенного стрелой: пошлая привычка царапать и пачкать все, что попадется под руку, живуча и за океаном.

О самом Сан-Франциско Владимиров написал довольно подробно. Мне показалось, однако, что об этом городе я знаю давным-давно, притом знаю такое, чего не увидел, не почувствовал по-настоящему волгарь.

В моем сознании жил романтический облик Сан-Франциско, пропахнувшего морем, свободно и живописно разбросанного по крутым холмам, на которые вползают передвигающиеся по канату забавные трамвайчики. Так человек, никогда не бывавший в Париже, привозит в этот город свой Париж, созданный прочитанными книгами великих мастеров слова.

Мой Сан-Франциско — да разве только мой! — это Джек Лондон, его страницы. Я забыл названия некоторых рассказов, стерлись детали, но общий романтический силуэт города был, несомненно, лондоновским «Фриско».

За проливом Золотые Ворота, в Окленде, когда-то самостоятельном городе, теперь ставшем частью разросшегося Сан-Франциско, есть хижина Джека Лондона. Она стоит на небольшой площади возле кабачка «Первый и последний шанс». Ее привезли сюда из Аляски, где писатель оказался вместе с золотоискателями во время «золотой лихорадки».

Темные бревна, небольшие оконца, нары из сосновых жердей, под ними — вытертая медвежья шкура. Тут же канадские охотничьи лыжи, ржавый капкан, хомутки для собачьих упряжек, рукавицы, связанные длинной веревочкой, набрасываемой на шею, чтобы не потерять, когда снимаешь. Что еще? Железная печка, похожая на «буржуйки» времен нашей гражданской войны, большой кофейник…

Хижина подлинная. Джек Лондон провел в ней на Юконе зиму 1898 года. Ее разыскали несколько лет назад. И кабачок связан с именем писателя. Местный уроженец, юный Джек заглядывал сюда, чтобы послушать рассказы бывалых моряков. Здесь им представлялся первый шанс промочить глотку после возвращения из плавания и последний — перед новым уходом в

море…

Все стены, даже весь низкий потолок кабачка словно чешуей покрывают прикрепленные визитные карточки посетителей. Джордж, хозяин кабачка, сам решал, достаточно ли важная персона пожаловала «на огонек», чтобы ее карточка дополнила коллекцию. Лично он предпочитает моряков, поскольку Джек Лондон прежде всего был способным моряком, а потом уж писателем… В семнадцать лет уйти матросом к берегам Японии — это, господа, не каждый сможет!

При библиотеке Окленда — небольшой исследовательский центр, носящий имя писателя и собирающий реликвии, связанные с памятью о нем. Я видел здесь единственную киноленту, на которой он запечатлен. Лента снята в 1916 году.

Это обычная хроника, то, что мы назвали бы сегодня «Новости дня». Маршируют солдаты, на судно грузят снаряды. Футбольный матч, потом понеслись куда-то оголтелые мотогонщики.

И неожиданно — Джек Лондон, всего несколько кадров. Не за письменным столом: на ферме возится с поросятами, выводит лошадь. Подсаживает жену в седло. Крупный план: в рубашке с коротким галстуком, широкая улыбка на усталом лице.

Через три дня после киносъемки его не стало…

Причины смерти Джека Лондона до сих пор не вполне выяснены. После демонстрации фильма кто-то спросил о судьбе детей писателя. Работник центра протянул руку в сторону пожилой женщины с короткими седыми волосами, перебиравшей картотеку:

— Позвольте представить вам миссис Флеминг, младшую дочь Джека Лондона. Миссис Флеминг мы обязаны многим, она очень помогла и продолжает помогать нам.

*

Теперь последуем за русским странником по еще одной тропе. Она ведет из Сан-Франциско в знаменитую Мамонтовую рощу.

Владимиров шел туда по горным дорогам Сьерра-Невады. «Золотая лихорадка» пронеслась здесь, обезобразив местность множеством шурфов, разбросав по долинам уродливые поселки. Возле заброшенных рудников копошились лишь одинокие фигуры самых упрямых золотоискателей.

Тропинка вилась по сосновому лесу, и вдруг путешественник увидел исполинское дерево. Все в нем — высота, толщина ствола, размах ветвей — настолько не вязалось с привычными представлениями о деревьях, что казалось, будто по волшебству человек сразу уменьшился в десятки раз, став карликом.

Неподалеку поднимались еще несколько исполинских секвой. Их молодая роща тянулась к солнцу в то далекое время, когда зародилась, расцвела и погибла знаменитая культура индейцев майя. Когда корабли Колумба плыли к неведомым берегам Америки, секвойи успели вытянуть свои красноватые стволы выше двадцатипятиэтажного дома. И вот теперь…

Теперь часть из них лежала на земле. Не только страшные ураганы, проносящиеся порой над Американским континентом, совладали с гигантами. Это оказалось посильным и для слабых человеческих рук.

Владимиров видел чудовищный пень «Большого первобытного дерева» — каждая секвойя имела свое название. Ему рассказали, что целая команда три недели сверлила ствол буравами, подпиливала и подрубала дерево, прежде чем оно наконец рухнуло.

Зачем же срубили великана?

Кору содрали и отправили в Нью-Йорк для отделки стен модного танцевального зала. Впрочем, коры «Большого первобытного дерева» не хватило, пришлось взяться и за «Мать леса». Ее ободрали на корню. Хозяин, откупивший право рубить секвойи, положил в карман не менее пяти — десяти тысяч долларов.

Владимиров провел в роще три дня, но ощущение чего-то нереального, сказочного не проходило.

«Когда смотришь на этих гигантов, право, готов спросить себя: не иллюзия ли это, не лихорадочный ли бред?» — записывал он, лежа в тени секвойи. Но… «Где-то застучал топор, потом пронесся страшный треск, за которым моментально последовал чудовищный удар; сотрясение было так сильно, что я невольно приподнялся: это одна из вековых сосен покончила свое существование».

Америка, Америка…

Прекрасные здания школ и варварское губительство природы, возвышенные слова и алчная погоня за прибылью, чудеса изобретательности человеческого ума и беспощадность к слабому, чувство собственного достоинства и готовность втоптать в грязь своего ближнего только за то, что он рожден от черной женщины.

Михаил Владимиров повидал Америку с разных сторон. Он пожил в бараках, шалашах и землянках. В Вашингтоне видел заседание конгресса, а в Белый дом попал как раз в тот день, когда по существовавшему прежде обычаю президент Грант пожимал руку всем желающим. В восторге от этой церемонии, прибежал делиться впечатлением к знакомому американцу и

услышал резонное замечание:

— Чему же вы так радуетесь? Кому президент обязан своим высоким положением? Нам! Вот он и должен уважать нас.

Провинциальный русский учитель освободился от многих наивных заблуждений.

Он пришел к выводу: «Могущество капитала безгранично: здесь нет той силы, которая могла бы подчинить его своему контролю…»

Русский учитель не выискивал в чужой стороне темные пятна. Кажется, не было города, где бы он упустил возможность побывать в школах, — и сколько восторженных строк посвятил он народному образованию в Америке. Как больно было ему, когда он узнал, что маленький американский городок по числу школ превосходил богатый Саратов.

С большой похвалой отзывался Владимиров и об американских публичных библиотеках, о внешней демократичности в общении между людьми и о многом, многом другом.

Но он ополчается против верхоглядов, которым представлялись в розовом свете едва ли не все стороны заокеанской действительности: «Мы привыкли смотреть на Соединенные Штаты почти как на совершенство. В этой вере нас поддерживали летучие путешественники, видевшие только фасады американской жизни, но совсем незнакомые с внутренним содержанием ее. Чтобы начать хотя приблизительное измерение здешних безобразий, надо пожить тут долго и на себе испытать их».

Перо, которым более ста лет назад была описана жизнь за океаном, держала рука человека, своим трудом зарабатывавшего хлеб, узнавшего нужду, голод. Получилась честная книга, пережившая свое время.

«Майкл» и Бэрк

Просматривая записи Владимирова, я думал: а каковы были бы впечатления человека, повторившего его путешествие сегодня?

Я летал от Чикаго до Сан-Франциско обычной воздушной дорогой. Сумел разглядеть лишь ленивые извивы Миссисипи, шлейф заводского белесого дыма над мутными водами, лихо разлинованную дорогами фермерскую Америку, безжизненные снежные пики Скалистых гор, красновато-бурую пустыню, необыкновенно резкие тени каньонов. Все…

Множество людей пересекают поперек Соединенные Штаты и по великолепным автострадам. Но мне-то нужны были не джентльмены, мчащиеся в собственных машинах, а люди, из которых еще не выветрился дух бродяг и искателей приключений, причем люди наблюдательные. Вон марафонец Том Макграх не то что прошел, а пробежал от океана до океана, но ему было не до путевых заметок. Известно лишь, что он потерял около семи килограммов веса.

И все же нашелся более или менее подходящий человек.

Мистер Бэрк Уэзл, 26 лет, профессиональный фотограф, сто лет спустя после нашего соотечественника вознамерился проделать сходный путь без самолета, поездов и без собственной машины.

У «Майкла» была с собой палка, складной нож, записная книжка. У Бэрка — записная книжка, фотоаппаратура, портативный магнитофон, а сверх того дорожные чеки, по которым можно было получить доллары в любом банке.

Записи американца:

«Ну и денек! Утром, успешно «проголосовав», в несколько приемов добрался до какого-то городка».

«На шоссе ни одной машины. Пришлось тащиться в гору 13 километров. Измотался вконец».

Тринадцать километров — и уже измотался?

Дневник похода «Майкла», который шел то в одиночку, то со случайными попутчиками:

«Прошли 20 миль [Американская миля — 1,16 километра.]. Попытались найти ночлег, но нам все отказывали».

«На моих ногах шесть мозолей, идти трудно. Прошли сегодня 25 миль».

«Вчера сделал 27 миль. Поймал подстреленного кулика и променял его на обед».

«Сделал 35 миль».

«Майкл» записал рассказ спутника о том, как босс за короткое время трижды урезал плату рабочим. Те тщетно искали защиту, пытались бастовать, но их выгнали на улицу. «Протесты рабочих и словом и делом (стачками) почти никогда не достигают своей цели. Вы можете возражать, писать в газетах, делать стачки, наконец, сжечь его фабрику, а он все же настоит на

своем: получит страховую премию, отстроится вновь и по уменьшенной плате станет принимать новых рабочих…»

Бэрк Уэзл записал:

«Набрел сегодня на группу бастующих рабочих. Для такого маленького городка, как Фолс-Сити, эта забастовка была делом весьма серьезным. Вызвана она была действиями фабриканта жилых прицепов к автомашинам, увольнявшего рабочих».

Оба путешественника встречались с индейцами. Владимиров увидел их в городке Шайенне: «Городок очень маленький, со множеством индейцев в вигвамах. Здесь же квартирует отряд солдат для наблюдения за краснокожими».

Уэзл оказался в красивом горном каньоне. «Некогда здесь жили индейцы — древнейшие насельники Американского континента. Теперь тут живет со своей семьей миссис Фрей».

А где же индейцы?

Сто лет назад солдаты в Шайенне лишь наблюдали за индейцами. В наши дни их загнали в особые резервации на неудобные, бросовые земли. Чтобы увидеть индейцев, Уэзлу пришлось сделать изрядный крюк. Поскольку «краснокожие подходили ко мне и дружески жали руку», вместо того, чтобы снять скальп с головы «бледнолицего брата», Бэрк Уэзл нашел, что индейцы всем довольны…

Думаете, способ езды, испробованный Владимировым, безнадежно устарел для Америки? Не так давно, когда число безработных в США превысило 12 миллионов человек, издающаяся в Нью-Йорке газета «Ньюсуик» сообщала о множестве людей, лишенных средств к существованию, которые «пускаются «зайцами» в опасное путешествие на товарных поездах в поисках несуществующей работы в других местах. Многие из них погибают».

А вот впечатления журналиста Юджина Мейера, пересекшего Америку из конца в конец в это же время:

«Признаки экономического бедствия, словно дорожные указатели, испестрили страну… Эпидемия продаж по случаю ликвидации предприятий охватила Америку. В сельскохозяйственных районах громко стучат молотки аукционеров на распродажах фермерского имущества.

Дороги забиты безработными, которые скитаются из города в город в поисках работы. Их гонят слухи о том, что где-то там, дальше, кому-то живется лучше».

…И пешком вокруг света

Владимиров не собирался устанавливать рекорды пешего хождения. Он шел пешком по Америке потому, что его побуждали к этому безденежье и желание глубже понять чужую жизнь.

Молодой Горький пешком исходил родную страну. «Хождение мое по Руси, — писал он позднее, — было вызвано не стремлением к бродяжничеству, а желанием самому посмотреть, как живет народ».

Однако среди путешественников-пешеходов есть немало и таких, чья цель — пройти по какому-либо необычному маршруту. Идут через пустыни, через тундру. Идут вокруг света…

Но разве это возможно? Вообще-то говоря, нет. Пешеходная тропа непременно кончается возле морского либо океанского берега. Однако давно уже существует «правило игры»: водные пространства можно преодолеть любым способом, зато уж на суше следует передвигаться только «на своих двоих».

В 1982 году англичане Бертон и Файенс завершили удивительный трехлетний пешеходный маршрут. Он пролегал через Африку, Антарктиду, Южный полюс, Южную и Северную Америку, Северный полюс. У кромки арктических льдов пешеходы сели на английской корабль, который доставил их в Лондон.

Некоторые думают, что хождение вокруг света, как и плавание в одиночку через океан, — своеобразная мода последнего времени. Но это совсем не так. Норвежские юноши пересекали Атлантику на судне, построенном наподобие легких весельных кораблей викингов, почти сто лет назад.

В конце прошлого века житель Риги Константин Ренгартен пешком прошел через Россию, Иран, Монголию, Китай, Японию, Францию, Германию. Почти два года он пересекал Соединенные Штаты Америки.

Поскольку путешественники избирают разные маршруты, пока еще, кажется, не было попыток устанавливать рекорды скорости при кругосветных сверхмарафонах. Другое дело —

общая длина маршрута.

Есть энтузиасты, которые после первого похода вокруг света предпринимают второй. Так, пройдя 27 тысяч километров, аргентинец Томас Перейра наметил для себя новую дистанцию: 48 тысяч километров.

Однако ему далеко до румына Дана Думитру, который за шесть лет прошел 76 стран, посетил 1500 городов, довел общую длину своего маршрута до 100 тысяч километров и износил 497 пар башмаков.

Но чести быть занесенным в «Книгу мировых рекордов» по продолжительности пешеходных маршрутов удостоился американский учитель Джордж Роусдейл, на счету которого сотни тысяч километров, «нахоженных» по территории 152 стран. Он путешествует пешком всю жизнь и все свободное время.

Иные «кругосветчики» предпочитают велосипеды.

Тут первенство, видимо, за англичанином Уолтером Стоуэллом. Он посетил 156 стран и при этом сменил 12 велосипедов. Во время путешествия его 231 раз обворовали и ограбили…

Пожалуй, один из наиболее трудных велопробегов выпал на долю Анисима Панкратова, который по бездорожью дореволюционной России проехал сначала от побережья Тихого океана до западной границы страны, затем пересек Европу, переправился в Соединенные Штаты Америки и вернулся к месту старта через 2 года и 3 недели.

Маршрут Глеба Травина не был столь длинным, но этот спортсмен оказался, вероятно, единственным в мире человеком, проехавшим на велосипеде… вдоль побережья Северного Ледовитого океана от Архангельска до Чукотки! Он продвигался большей частью по совершенно безлюдным местам, питаясь дарами тундры и моря.

Закончу хроникой последних лет. В 1985 году пенсионеры Павел Басов и Олег Истомин преодолели 10 тысяч километров, разделяющих Ленинград и Владивосток. Истомин ехал на велосипеде, Басов бежал. В пути они были 7 месяцев. На финише профессор, обследовавший спортсменов, только руками развел: «Здоровые же у нас мужики!»

«Когда птица летит над Каракумами — она теряет перья, когда человек идет через Каракумы — он может потерять жизнь». Это древняя туркменская поговорка о величайшей пустыне нашей страны и одной из крупнейших пустынь земного шара.

Летом 1984 года, в самую жаркую пору, через пекло Каракумов свыше 500 километров прошла пешком научно-спортивная экспедиция «Человек и пустыня». Чаще шли ночами:

днем термометр показывал до 60 градусов!

Экспедиция помогла ответить на главный вопрос: каким образом человек должен приспосабливаться к очень трудным условиям освоения пустынь.

В самий дикой Африке

Они не бросились друг другу в объятия.

Более того — обменялись лишь совершенно лишними, совсем не к месту и не ко времени фразами:

— Доктор Ливингстон, полагаю я, — церемонно спросил прибывший, хотя прекрасно знал, что этот бледный, седоволосый человек в выцветшей фуражке не может быть никем иным.

— Да, это я, — подтвердил тот, приподнимая фуражку.

Затем они пожали друг другу руку.

Рядом стоял знаменосец с развернутым американским флагом. Толпа почтительно перешептывалась вокруг.

Момент встречи принадлежал истории. Незначительным словам, сказанным при этом, суждено было облететь весь мир. Им предстояла долгая жизнь в хрестоматиях, посвященных истории географических открытий.

Доктору Давиду Ливингстону к моменту встречи возле озера Танганьика — она произошла в ноябре 1871 года — было около шестидесяти лет.

Он давно удостоился славы одного из выдающихся исследователей Африки.

Генри Мортону Стэнли, ради поисков Ливингстона и встречи с ним предпринявшему утомительное семимесячное путешествие, исполнилось тридцать. Громкая слава и известность лишь ждали его в будущем.

Но из этих двоих далеко опередил свой век не младший, а старший.

Точно известно, что предшествовало появлению Стэнли в Африке.

*

Почти за два года до знаменательной встречи у озера Танганьика он быд) вызван к издателю газеты «Нью-Йорк геральд», мистеру Гордону Беннету. До той минуты Беннет никогда не видел Стэнли и сначала удивился, когда тот поздним вечером постучал к нему в номер парижской гостиницы, где остановился издатель. Стэнли назвал себя.

Беннет разговаривал, как настоящий американец, знающий, что «время — деньги».

— Как вы думаете, где теперь Ливингстон?

Стэнли в это время меньше всего думал о Ливингстоне. Он ломал себе голову над тем, почему издатель, приехавший из-за океана по делам своей газеты в Париж, так срочно вызвал его, молодого журналиста, из Мадрида? И Стенли ответил совершенно искренне:

— Право, не знаю, сэр!

— Но как вы полагаете, он жив?

Черт возьми, на этот вопрос вот уж года три не в состоянии ответить никто. И Стэнли сказал:

— Может быть, а может — нет.

— Я намерен послать вас за ним.

Стэнли на минуту потерял дар речи. Однако Беннет был не из тех людей, которые бросают слова на ветер.

Но неужели мистер Беннет полагает, что именно он, Стэнли,

сможет проникнуть в Центральную Африку и найти там без вести пропавшего путешественника?!

Беннет подтвердил. А почему бы и нет? Ему, Стэнли, предоставляется полная свобода действий. Плюс деньги. Сколько? Сколько потребуется.

— Возьмите теперь тысячу фунтов стерлингов, а когда они у вас кончатся, возьмите еще тысячу. Израсходуете эту сумму, возьмите следующую тысячу, и так далее. Только найдите Ливингстона.

— В таком случае мне не о чем больше говорить. Когда я должен выехать?

На страницах этой книги вы еще встретите имя Беннета. Его носит остров у берегов Сибири. Беннет никогда там не был и никаких островов не открывал. Но он щедро открыл свой кошелек для Джорджа Де-Лонга, снарядившего американскую полярную экспедицию к Северному полюсу.

Беннет был проницательным, умелым, удачливым бизнесменом. Он выбрал издательскую деятельность. «Нью-Йорк геральд» должна печатать самые интересные, самые сенсационные известия! Только у нас, прежде всего в нашей газете! Все, что может волновать читателей! Больше читателей — больше тираж газеты, больше доходы издателя.

Он никогда не видел Ливингстона. Никто не замечал у мистера Беннета особенной участливости к несчастиям других. Но сегодня мир взволнован судьбой ученого. Если Стэнли даже не найдет его, приключения самого Стэнли — отличный материал для газеты. И те же соображения руководили Беннетом, когда позднее он помог Де-Лонгу: это совпало с повышенным интересом читателей к открытиям в полярных странах.

Но почему выбор Беннета пал на Стэнли? Ведь для такого трудного дела, как поиски Ливингстона, можно было найти человека, имеющего значительный опыт путешествий по Африке!

Прежде всего потому, что Стэнли был хорошим журналистом. Он умел писать ярко и занимательно. Он знал вкусы американского читателя. Можно было не сомневаться, что свои приключения Стэнли опишет, как никто другой.

И потом — что такое настоящий журналист? Задания газеты бросают его с места на место. По роду своей работы он должен быть в самой гуще событий. Чтобы хорошо описать пожар, надо самому следом за пожарными карабкаться по лестнице в окно горящего дома. Стэнли много раз до-называл, что препятствия его не пугают. Он дерзок и настойчив. Кстати, и путешествовал журналист не так мало.

Был и в Африке, правда, не с научной экспедицией, а с

экспедиционным корпусом английских войск, ведущих операции в Абиссинии. Пулям не кланялся.

Наконец, Беннет не намеревался посылать Стэнли на поиски Ливингстона немедленно: пусть сначала побывает на открытии Суэцкого канала, проедет по Нилу, заглянет в Иерусалим, потом в Константинополь, в Крым и на Каспийское море, наконец, в Багдад, Персию, Индию…

Короче говоря, издатель давал Стэнли возможность предварительно проявить себя в достаточно трудных путешествиях, получить дополнительный опыт, а заодно — и, быть может, Беннету это было важнее всего — приучить читателя к тому, что подпись «Генри Стэнли» обещает знакомство с действительно интересным и злободневным материалом, с которого можно начинать, развернув газету.

*

Стэнли вышел на поиски Ливингстона весной 1871 года во главе вооруженного отряда почти в две сотни человек. Его путь в глубь Африки начался из небольшой гавани на восточном берегу Черного континента.

Тот, кого он надеялся разыскать, был во многом противоположностью напористого журналиста, способного, как скоро выяснилось, идти к цели напролом и не слишком отягощенного строгими правилами морали.

Давид Ливингстон, уроженец Великобритании, приехал в Африку весной 1841 года. У него и мысли не было о дальних путешествиях и открытиях. С собой он привез Библию и походную аптечку.

Давид Ливингстон был миссионером. Он приехал, чтобы проповедовать слово божье и обращать чернокожих язычников в истинную веру. И еще Ливингстон был врачом. Не лекарем-любителем, а настоящим врачом, окончившим медицинский факультет в Глазго. Он видел в себе человека, способного исцелять раны душевные и раны физические.

Первые разочарования он испытал вскоре после высадки на южный берег Африки. Его идеализм основательно поколебала встреча со здешними миссионерами. Он надеялся увидеть смиренных проповедников, показывающих пример исполнения христианских заповедей. А встретил интриганов, не чуждых корыстолюбия; некоторые из них открыто презирали своих чернокожих «братьев во Христе».

Ливингстон задумал поселиться подальше от мест, где обосновались белые. Он готовился к этому исподволь, изучая нравы и язык местных племен. Сделал одну вылазку к северу, вторую, третью. Ездил как придется. Иногда верхом на

строптивом воле.

Его жизнь в Африке могла оборваться едва не в самом начале. Раненый лев метнулся к нему и подмял, ударом лапы раздробив плечо. Если бы зверя не отвлекли другие охотники, он через минуту покончил бы с Ливингстоном.

Доктор Ливингстон вылечил себя. Но с тех пор до конца своих дней рука плохо повиновалась ему. Он с трудом мог держать ружье. Можно представить себе, что это значило в Африке, кишащей дикими зверями, в Африке, где охота и только охота могла в трудную минуту спасти человека от голодной смерти!

Ливингстон облюбовал горную долину на земле черных племен и здесь, почти в тысяче километрах от места своей высадки с корабля, построил дом. Построил прочно, надежно, веря, что останется тут надолго, может, на всю жизнь. Вскоре в доме появилась хозяйка, дочь одного из немногих миссионеров, действительно нашедших на Черном континенте вторую родину.

Мэри Моффат, ставшая Мэри Ливингстон, знала Африку, пожалуй, даже лучше, чем муж: она прожила здесь немало трудных лет, освоилась, привыкла, научилась многому, о чем в далекой Европе понятия не имеют, — например, приготовлять мыло из золы и самой лить восковые свечи. Понимала язык местных жителей и с жаром принялась обучать их ребятишек.

Трудно сказать, когда исследователь начал побеждать в Ливингстоне миссионера. Окружающая жизнь заставляла его постигать истинный смысл вещей.

Он видел, как белые, считающие себя добрыми христианами, безжалостно истребляют или продают в рабство «чернокожих братьев», оправдывая свою жестокость искоренением язычников. Он убеждался, что христианская религия чужда всему укладу жизни коренных африканцев. Более того: проповедуя смирение, она обезоруживает их перед белыми насильниками и захватчиками.

Сам Ливингстон стал жертвой мелких интриг других миссионеров. Не желая впутываться в их грязные дела, он дважды переселяется подальше, на новые места, начинает жизнь с костра, разведенного там, где предстояло строить хижину.

Чета Ливингстонов отлично ладила с местным населением. Ей удалось перебросить мост через пропасть, разделявшую черных и белых. Дружелюбие, искреннее стремление понять человека, во многом не похожего на тебя, — как это важно! Понять и помочь чем можешь: добрым словом, лекарством, советом. Не торопиться осуждать других только потому, что они думают и действуют иначе, чем люди, которые окружали тебя с

детства. Быть мудро терпеливым. И еще: без крайней надобности не скрывать своих истинных намерений, откровенно и правдиво посвящать окружающих в свои замыслы и планы, рассеивать подозрения, искать союзников и единомышленников.

Начался восьмой год жизни Ливингстона в Африке. Пришло время трезво оценить, на что ушли годы. Особенного удовлетворения он не испытывал. А ведь были у него теперь и силы и опыт для чего-то большего. Например, сколько он слышал о совершенно неведомом чужестранцам озере на севере.

Нашлись и спутники, двое англичан, любителей охоты на диких зверей. Отправились через безводную пустыню Калахари. Границы ее не были известны. Многие географы вообще предполагали, что вся внутренняя часть Африки если и не типичная пустыня, то, во всяком случае, пустынное песчаное плоскогорье, простирающееся на тысячи километров.

Но в пути Ливингстон слышит о краях, покрытых густыми лесами, о полноводных реках. А что, если среди этих рек, текущих из недоступной части Африки, окажутся притоки речных гигантов, которые знакомы европейцам только в низовьях, там, где они впадают в океан? Открытие водной дороги от побережья в глубь материка было бы действительно великим делом!

В начале августа 1849 года Ливингстон и его спутники увидели вожделенное озеро Нгами.

Ливингстон вернулся в свой домик миссионера. Но он уже не может усидеть в нем. Взяв с собой жену и троих детей, снова направляется к озеру. В пути дети заболевают лихорадкой. Приходится возвращаться.

На следующий год Ливингстон опять в пути и опять со всей семьей. Он хочет поселиться на землях народа макололо, о вожде которого, мудром Себитуане, давно слышал.

При пересечении пустыни дети едва не погибли от жажды, Над волами кружились страшные мухи цеце. Их укусы смертельны для этих животных. Первые дни волы становятся лишь вяловатыми, но это верный признак, что им уже не суждено долго шагать в упряжке.

Ливингстон встретился с Себитуане и убедился, что слухи нисколько не преувеличивали его храбрость и мужество. И когда вскоре после встречи вождь макололо неожиданно скончался, Ливингстон пережил это как личную потерю.

Теперь он был перед трудным выбором. Путешествовать в этих краях с детьми — безумие. Значит, надо либо создавать новую миссионерскую станцию и осесть на ней, либо отправить семью домой, в Великобританию.

Ливингстон выбрал второе. По дороге в порт Кейптаун он

стал отцом четвертого ребенка.

В апреле 1852 года, на одиннадцатом году жизни в Африке, Ливингстон проводил корабль, уходящий в Европу. Его голова полна планов большой экспедиции на север. Он пройдет по землям макололо, потом повернет на запад и через португальскую колонию Анголу выйдет к побережью Атлантического океана…

*

Он вышел к этому побережью.

Еще в начале дороги узнал, что старый домик, столько лет дававший приют его семье, разграблен, любимые книги изодраны и сожжены. Это сделали не «чернокожие дикари», а белые работорговцы, возненавидевшие Ливингстона за его проповеди против рабства. Ливингстон говорил потом, что хотя потеря книг болью отозвалась в его сердце, он вскоре перестал жалеть о гибели родного очага: ничто не удерживало его теперь от странствий по неведомым уголкам Африки.

У Ливингстона не было щедрых покровителей. Он мог рассчитывать на свое миссионерское жалованье — сто фунтов стерлингов в год. (Вспомните Беннета, предложившего Стэнли: «Возьмите теперь тысячу фунтов… возьмите еще тысячу». Две тысячи — жалованье Ливингстона за двадцать лет!) Но у него было великое умение располагать к себе людей. И еще удивительная душевная стойкость. Он был убежден, что такие «мелочи», как отсутствие необходимого снаряжения, не помешают ему достичь цели. Только недостаток личного мужества может стать действительной помехой.

По дороге к побережью он потерял половину волов, погибнувших от жажды, встречал львов и носорогов, прорубался сквозь могучие леса и плотные тростниковые заросли, узнавал гнетущие и обессиливающие приступы болотной лихорадки, попадал в окружение враждебно настроенных племен, когда только его хладнокровие спасло от кровопролитных стычек.

Больше всего Ливингстона интересовали реки, как самые удобные пути торговли. Он вышел к реке Замбези и на значительном расстоянии проследил ее течение. Затем отряд пересек верховья нескольких рек, которые, как позднее выяснилось, были притоками Конго, другой великой африканской реки. Ливингстон достиг водораздела двух главных речных систем этой части материка. Затем отряд вступил в Анголу.

Был май 1854 года, когда Ливингстон увидел катящиеся к африканскому берегу волны Атлантического океана. Он знал теперь дороги, ведущие от крайней южной точки Африки через ее дебри к западному побережью материка.

А дорога к восточному побережью?

Не ему ли суждено первым пересечь Черный материк в этих наименее изведанных местах к югу от экватора?

Быть может, только на этом жизненном перепутье исследователь и путешественник окончательно восторжествовал в нем над миссионером. Библия оставалась в его походном мешке, при случае он совершал богослужения, но теперь его помыслами владело стремление к открытиям. Он не видел в этом противоречия или вероотступничества. Ведь то, к чему он стремился, должно было послужить на пользу людям, открыть пути для проникновения цивилизации и торговли.

Ноябрь 1855 года дарит Ливингстону встречу с чудом природы. Начав новую экспедицию спуском по Замбези, он оказывается первым европейцем, увидевшим «гремящий пар». Замбези срывается здесь с уступа высотой почти сто двадцать метров. Столбы водяной пыли стоят в воздухе, переливаясь радугой. Шум падающей воды оглушает людей.

Ливингстон дал одному из величайших водопадов мира имя английской королевы Виктории. Это был единственный случай, когда он изменил правилу: всюду наносить на карту те названия, какие приняты среди коренных африканцев.

Путь то по Замбези, то в стороне от нее едва ли был легче того, который Ливингстон проделал ранее, ища выход к Атлантике.

В мае 1856 года он спустился по одному из рукавов дельты Замбези. Перед ним простиралась синяя даль Индийского океана.

Цель была достигнута.

Три года он не имел никаких вестей от семьи. Шестнадцать лет не был на родине. Парусный английский бриг принял его на борт.

Плавание продолжалось несколько месяцев. Наконец Ливингстон спустился по трапу на берег Англии, увидел Мэри, выросших без него детей.

Он некогда уехал безвестным, а по мнению лондонского миссионерного общества — бездарным проповедником, в дальнейшем так и не сумевшим ничего добиться в Африке.

Он вернулся человеком, имя которого повторяли газеты и которому Королевское географическое общество почти сразу после появления в Лондоне вручило почетную Золотую медаль за выдающиеся открытия.

Значение этих открытий Ливингстон, пожалуй, смог оценить лишь теперь, когда о них говорили специалисты-географы.

Миссионеру удалось преобразить карту огромных пространств так, как до него не сумел сделать никто. Были

опровергнуты прежние представления о внутренней части Южной Африки, которая одним кабинетным ученым рисовалась бескрайней пустыней, тогда как воображение других громоздило на ней снегоголовые хребты. А ведь, помимо прочего, Ливингстон привез множество материалов о растительном и животном мире, о быте и нравах африканских народов.

Результаты шестнадцатилетних трудов он изложил в небольшом томе, озаглавленном более чем скромно: «Миссионерские путешествия и исследования в Южной Африке» (Стэнли озаглавит свою книгу о встрече у озера Танганьика броско и не без саморекламы: «Как я отыскал Ливингстона»).

Но до этой встречи еще далеко.

А пока Ливингстон ездит из города в город с докладами, возбуждая интерес не только бескорыстных любителей географии, но и промышленников, ищущих рынка сбыта. Теперь ему обеспечена поддержка. Его милостиво принимает сама королева Виктория. Для новых исследований в Африке правительство выделяет опытных помощников и специальный пароход «Ма-Роберт»: так африканцы прозвали Мэри Ливингстон после рождения сына Роберта.

Весной 1858 года Ливингстон покидает Англию. Для него начинается новый экспедиционный период, длившийся шесть лет.

Это трудные годы. Маршрут следует за маршрутом. Немало важных географических открытий — реки, озера, горные массивы — и обескураживающие разочарования при попытках бороться с работорговлей. Удачи в исследованиях — и тяжелые потери среди спутников.

Особенно драматическим оказывается 1862 год: заболев желтой лихорадкой, умирает сопровождавшая мужа Мэри Ливингстон. Долгую ночь путешественник своими руками сколачивает гроб, чтобы на заре опустить его в могилу, вырытую возле ветвистого баобаба.

На следующий год Ливингстон получает распоряжение о свертывании экспедиции и возвращении в Лондон: он не оправдал надежд правительства, тщательно обследованные им Замбези и другие реки оказались неподходящими для судоходства, для проникновения в центр материка.

Лондон, однако, встречает его почти столь же торжественно, как и прошлый раз. Его приглашают на приемы к премьер-министру, к различным сиятельным особам. Он гостит в загородном замке, где когда-то останавливался Байрон. Здесь Ливингстон пишет книгу, в которой немало строк посвящено африканцам. «Ничто виденное нами не может оправдать ту точку зрения, что они принадлежат к какому-то «особому виду людей»,

отличающемуся от цивилизованных народов», — заключает Ливингстон.

Его снова тянет в Африку. Последнее свое путешествие он начинает в 1866 году. Теперь перед ним задача, которую ставило уже множество исследователей: найти истоки Нила. Это, конечно, не единственная цель, но именно ее наметило Королевское географическое общество.

Ливингстону исполнилось пятьдесят три года. Его здоровье основательно подорвано. Временами обычная мягкость и доброта сменялись раздражительностью и придирчивостью.

Но и самый уравновешенный, полный сил человек мог сломиться под тяжестью неудач, преследовавших экспедицию.

Носильщики либо разбегались, либо оказывались вовсе неспособными к переноске тяжестей. Один исчез с ящиком, в котором находились все лекарства против лихорадки и дизентерии, — Ливингстон испытал в этот черный день ощущение, будто ему прочли смертный приговор.

С тех пор во время приступов болезни он стал надолго терять сознание. У него появился кашель с кровохарканьем, ноги покрылись язвами. Временами он был так плох, что его несли на носилках.

Базой Ливингстона стал склад возле озера Танганьика. Когда путешественник после долгих, изнурительных маршрутов вернулся туда, его встретили сообщением, что большинство товаров разворовано, а лекарства, на которые он так надеялся, застряли где-то в пути.

Но особенно удручало его отсутствие каких-либо известий из Англии. Ни единого письма! Ни единой весточки с тех пор, как он покинул родные берега!

А вдобавок ко всем этим огорчениям и неудачам, его мучили сомнения относительно главной цели поисков. Река Луалаба, на достижение и исследование которой он готов был потратить последние силы, могла оказаться не ветвью Нила, а верховьями Конго.

Он достиг Луалабы только в марте 1871 года. Широкая река мощно несла воды мимо плотно населенных берегов. У Ливингстона не было ни сил, ни средств продолжать ее изучение. Окончательно подорвала его устроенная работорговцами кровавая бойня, свидетелем которой он стал. Он не мог находиться рядом с этими людьми и повернул назад, к озеру Танганьика.

То, что ему удалось узнать о самой Луалабе, породило горькое признание, отраженное в дневниковой записи: «Я должен повременить со своими выводами и быть готовым к тому, что в

конце концов эта река окажется Конго». Итак, крах надежд на открытие истоков Нила?

Поздней осенью 1871 года Ливингстон вернулся к Танганьике. Наступили труднейшие дни его жизни. Одинокий, больной, забытый миром, где еще недавно ему оказывали почести, потерявший надежды новым открытием достойно завершить путь исследователя…

И вдруг — ружейный салют, развевающийся американский флаг, твердо отбивающий шаг незнакомец в белом тропическом шлеме:

— Доктор Ливингстон, полагаю я?

*

Удачные поиски Ливингстона прославили Стэнли.

После памятной встречи оба путешественника предприняли непродолжительную совместную поездку к озеру Танганьика. Потом расстались. Больной Ливингстон остался в Африке. Стэнли поспешил вернуться в «цивилизованный мир».

Их путешествие к Танганьике было коротким, однако Стэнли в рассказе о нем мог писать: «мы».

Он восхищался Ливингстоном и позднее писал о дружбе, возникнувшей за четыре месяца жизни рядом с великим исследователем. Однако Ливингстон в дневниках сдержанно отзывается о Стэнли. Слишком сдержанно.

Он не скупится на слова благодарности Стэнли за все, что тот сделал. Но нет в записях Ливингстона строк о хотя бы зарождающейся привязанности к Стэнли-человеку. Характер, поведение, поступки Стэнли, грубо обращавшегося со слугами, всегда готового пустить в ход оружие, не могли вызвать симпатий старого исследователя.

Жизнь Ливингстона клонилась к закату, Стэнли был полон энергии и предприимчивости. Зорким глазом человека, хорошо знающего алчные помыслы «сильных мира сего», он оценил огромные возможности Черного материка для приложения капиталов.

Америка не была родной страной Стэнли. Англичанин по рождению прежде всего обратился к своим соотечественникам, предлагая им заняться наиболее богатыми уголками Африки. Он считал, что англичане сумеют на Черном материке использовать опыт колониального господства в Индии.

— Я уверен, — говорил Стэнли, — что они пробьют себе дорогу своими локтями, не смущаясь горем и радостью тех, кто преграждает им путь.

Нет, Ливингстон никогда бы не сказал так…

Давид Ливингстон умер в хижине африканской деревушки 1

мая 1873 года. Сердце похоронили на месте смерти. Тело, густо посыпанное солью, африканцы высушили на солнце. Потом положили в гроб из древесной коры, обшитый парусиной. С этой ношей двое слуг покойного, Суси и Чума, девять месяцев пробирались к морю. Там они передали останки команде британского крейсера.

Ливингстон был погребен в Лондоне, в Вестминстерском аббатстве, рядом с королями и наиболее выдающимися людьми Великобритании.

Генри Мортон Стэнли находился в числе восьми человек, которые несли гроб к могиле. Он заслужил это право. Не нашлось никого, кто последние годы жизни великого путешественника был ближе связан с ним.

И все тот же Гордон Беннет сделал новую ставку на удачливого журналиста. Издатель «Нью-Йорк геральд» вместе с издателем английской газеты «Дейли телеграф» предложили Стэнли финансировать задуманную им трансафриканскую экспедицию.

Стэнли пересек Африку от Индийского до Атлантического океана, пройдя севернее Ливингстона, в более широкой части материка. Он исследовал озеро Виктория, побывал в устье реки Кагеры, найдя, что она может быть истоком Нила, затем вышел к Танганьике, а оттуда — на Луалабу, проследить путь которой так и не успел Ливингстон.

Спускаясь все дальше и дальше по Луалабе, Стэнли услышал, как туземцы стали называть эту реку уже не Луалабой, а Икуту-я — Конго.

Сколько лет мучила Ливингстона загадка Луалабы, сколько угасающих сил отняла у него — и вот Стэнли решил ее. Правда, дорогой ценой: от побережья Индийского океана с ним ушло 369 человек, спустились по Конго к устью, к Атлантическому океану, 109. На карте реки появились «пороги Стэнли» и «Стэнли-пул», то есть «озеро Стэнли», — так назвали место, где Конго широко разливается по впадине.

Путешественник вернулся в Европу героем, заслуженно признанным выдающимся исследователем Африки.

Он узнал, что весьма деятельный бельгийский король Леопольд успел создать целое международное объединение якобы для цивилизации африканских народов.

Стэнли неплохо разбирался в политике. Он понял, что хотят от него посланцы бельгийского короля, предложившие снова, причем без промедления, отправиться на Черный материк для создания «Свободного государства Конго». Он знал: англичане тоже не остались глухими к призывам о колонизации Африки,

туда же спешат французы и немцы.

Это был торопливый колониальный дележ «ничейных территорий».

Стэнли мог бы отказаться от поручений короля Леопольда. Но он сказал «да». И блистательно справился с бесчестным делом: подкупал и спаивал местных племенных вождей, использовал их рабов для постройки дорог и мостов.

Меньше пяти лет понадобилось ему для создания «Свободного государства Конго», которое не было ни свободным, ни государством: огромная территория стала собственностью короля Леопольда; корыстный король позднее продал ее… своей же Бельгии.

С мнением Стэнли считаются премьер-министры и банкиры, придворные и дипломаты. Его книги, полные красочных описаний поистине необыкновенных приключений, переведены на многие языки. Научные общества многих стран приглашают его прочесть доклады. Он может позволить себе наслаждаться отдыхом и комфортом, посещать званые обеды, подумать о семейной жизни.

Но деятельной натуре Стэнли противопоказан покой. Его энергия не исчерпана. Чисто научные занятия — удел второй половины жизни некоторых путешественников — не для него. Стэнли не представлял себя в роли ученого, у него нет для этого ни подготовки, ни опыта.

Его стихия — действие, смысл существования для него — в борьбе, в том, чтобы сокрушать все помехи, которые судьбе будет угодно громоздить перед ним. Он говорил о себе, что величайшей страстью его жизни было стремление к успеху в самых трудных предприятиях, — а в Африке подобные предприятия возникали перед смелым и предприимчивым Стэнли повседневно.

*

Март 1887 года.

Генри Мортон Стэнли высаживается в устье реки Конго.

Он — в зените славы. Ему сорок шесть лет. Это опытнейший путешественник со своей философией открытий, со вполне сложившимися взглядами относительно того, как можно достичь успеха в Африке.

Был «ливингстоновский период» исследований Черного материка. Теперь можно услышать: «Это было еще до того, как Стэнли…», «Теперь, после того как Стэнли…»

Устье Конго — отправной пункт новой его экспедиции, пятой по счету. Частично она затронет места, где ему уже приходилось бывать. Перед выступлением в путь он выслушивает сообщения агентов британской компании и представителей управляющего областью Конго:

— Сэр, должен сообщить вам, что на пути к озеру Стэнли голод опустошил многие селения.

— Плохие новости, господин Стэнли: пароход «Стэнли» потерпел аварию. Местонахождение некоторых судов неизвестно, и возможно, часть из них далеко от Стэнли-пула.

Но Стэнли не обескуражен. Он готов ко всяким случайностям. В его отряде около семисот человек, и арабский работорговец Типпу-Тиб, с которым Стэнли наладил деловые отношения, обещает ему еще шестьсот носильщиков. Услуга за услугу: честолюбивому Типпу-Тибу посулили пост губернатора Конго.

Экспедиция отлично вооружена. Помимо ружей и пистолетов, есть новинка — скорострельный пулемет. Гораздо хуже с продовольствием. Но нести с собой припасы для огромного отряда — дело безнадежное. Надо думать, кое-что удастся добывать у местного населения. Кроме того, голод делает людей весьма предприимчивыми в поисках пищи…

Июнь 1887 года.

Экспедиция успела подняться по реке Конго до ее притока Арувими и начала продвижение вверх по этой малоисследованной реке.

Стэнли разделил свой отряд в местечке Ямбуйя. Пока экспедиция добиралась сюда, было потеряно около шестидесяти человек. 129 человек во главе с майором Бартлотом он оставил в вооруженном лагере: дождавшись подкрепления, они должны двинуться из Ямбуйи по следам головного отряда, который повел сам Стэнли. В этом отряде 389 человек.

Стэнли не обманывал себя. Он знал, что между ним и намеченной целью простирается страна, остающаяся на картах почти пустым местом. Ее надо пройти возможно быстрее, не останавливаясь ни перед чем.

Сыны здешних лесов не возбуждали в нем никаких симпатий. «Они подлы и злы, а лгут еще охотнее, чем обитатели открытой равнины. Я не верю ни единому их слову, не могу положиться ни на какие их уверения…» — записал Стэнли перед отправлением в путь.

Он приказал держать оружие в полной готовности, а во время остановок на ночлег в селениях уничтожать все жилища вокруг лагеря, чтобы помешать нападению из засады.

Стэнли достаточно хорошо знал природу Африки. И все же едва ли представлял, что ждет его при пересечении «великого леса Конго».

Люди двигались и по реке, на разборном стальном вельботе «Аванс», и по берегу. Когда водный путь преграждали пороги, лесная дорога оказывалась единственной. Точнее, никакой дороги

не было. Был лес, девственный тропический лес, совершенно непохожий ни на один из лесов Европы.

Деревья поднимались на десятки метров. Их кроны своим сплошным шатром, сплошной зеленой крышей заслоняли солнце, создавая вечный полумрак. Лианы оплетали стволы, вползали на них, свешивались, будто толстые канаты, перепутывались, свивались. Никакой травы — только низкие, цепляющиеся за все кустарники. Никаких лужаек, полян — лишь болота, тинистые топи да трясины, где плесень покрывала вонючую, застоявшуюся воду.

Через такой лес нельзя просто идти. Надо прорубаться и продираться. Полсотни самых сильных заняты рубкой лиан и кустарника. По их следам идут носильщики с тяжелой поклажей на голове, ящиками или тюками.

Чавкает под ногами болото, жужжат, вьются, жалят насекомые, шуршат змеи. Воздух недвижим, насыщен испарениями, термометр показывает тридцать градусов жары.

А ночи…

Ночью тропический лес не спит. Он не знает полуночного безмолвия. Под ударами ветра, проносящегося где-то в вышине, шумят, трещат ветви. Начинают неумолчный концерт сверчки, им вторят цикады и лягушки. Раздается резкий стук: забавляется шимпанзе, барабаня палкой по стволам. Протяжный, со вскрикиванием вой какого-то зверя будит людей. В темноте слышен тяжелый топот: это слоны, держащиеся, впрочем, на почтительном расстоянии от ярко пылающих всю ночь костров.

А утро встает в тумане, в сырости, пронизывающей до костей. Трудно делать первые шаги по скользкой почве, под градом холодных капель в давящей полумгле, трудно заставить втянуть в ритм рабочего вола тело, не освеженное тревожным сном.

Лес в прибрежье Арувимы не безлюден. Здесь живут многочисленные племена, бедные и полуголодные. Вести в этом царстве передаются быстро. Лес уже знает, что движется жадная орда пришельцев, может быть, охотников за рабами. Они опустошают нищенские плантации, хватают кур и коз, шарят по хижинам. И, заслышав непривычные звуки сигнальных труб, удары топоров, незнакомую речь, жители лесов хватают жалкий скарб и скрываются в непроходимой чащобе.

Стэнли встревожен. Отряд движется куда медленнее, чем он рассчитывал. У многих гнойные нарывы на ногах, другие жалуются на ломоту в костях. Но больше всего жалоб на пустые желудки. При адовой работе люди вовсе не видят мяса, питаясь бананами и початками кукурузы, собранными в опустевших деревнях.

Великий лес скуп на дичь. Шум каравана распугивает зверей. Попытки подстрелить слона оказались безрезультатными: пули не могут свалить великана, раненный, он уходит прочь.

Отряд Стэнли вышел из Ямбуйи 28 июня. Путешественник надеялся быть у цели через два месяца, далеко оставив великий лес за спиной.

Но два месяца спустя, в конце августа, он понял, что находится всего лишь на полдороге. Стэнли писал впоследствии об этих днях:

«Куда бы ни послала меня судьба, в моем воображении всегда будет мелькать какая-нибудь из сцен в тени великого леса, через который мы странствовали. Я всегда буду вспоминать то, что пережил и перечувствововал в этих лесах, буду вспоминать свои тревожные мысли в бессонные ночи, когда мне начинало казаться, что мы никогда не выберемся из этих страшных дебрей и что в каком-нибудь неизведанном углу дремучего леса мы останемся лежать до скончания веков…»

Стэнли потерял уже много людей. Умирали от столбняка, от ран, от изнурения. Часть носильщиков сбежала. А ведь с ним пошли самые сильные, здоровые. Каково же майору Бартлоту, который должен идти следом за ними по совершенно опустошенной местности?

Две недели спустя Стэнли бросил на стоянке пятерых умирающих…

Он не отличался мягкосердечностью. Его экспедиция временами напоминала военный поход. И об этом довольно спокойно, как о чем-то вполне естественном, пишет сам Стэнли:

«…Мы пошли скорым шагом и вступили в деревню одновременно с фланговыми. Весь караван бросился в атаку, пробежал насквозь через всю деревню, объятую пламенем, и, продолжая отстреливаться, остановился в каком-то предместье, в восточном конце местечка, которое еще не успели поджечь».

Запись о трех черных участниках экспедиции, уличенных в краже оружия и приговоренных к смерти:

«Кинули жребий: кто вынет самый короткий клочок бумаги, тот будет казнен первым».

Жребий пал на невольника Фарджала. Перекинули веревку через толстый сук, и сорок человек по команде взялись за один конец веревки; на другом сделали петлю и накинули на шею преступника.

— Не имеешь ли чего сказать перед смертью?

Он отрицательно покачал головой. По данному знаку его вздернули. Прежде чем кончились последние содрогания, экспедиция выступила из лагеря…

Записи в разные дни:

«Залп из ружей принудил туземцев очистить засаду…»

«Мои молодцы подожгли деревни, и по всей долине вокруг нас не осталось ни одной хижины, в которой можно было бы укрыться на ночь. Но мы чувствовали, что еще не все сделано… Уж лучше сразу выяснить этот вопрос и не оставлять в тылу нахального племени, не испытавшего наших пуль».

«Произошла горячая схватка, окончившаяся бегством неприятеля по всей линии».

Да, но ведь туземцы часто первыми проявляли враждебность, не так ли?

Верно. Однако как они могли и как должны были вести себя, если рыскавшие повсюду отряды работорговцев и охотников за слоновой костью беспощадно истребляли целые племена, оставляя за собой трупы и пепелища? Разве Стэнли не знает об этом?

Знает. Именно ему принадлежат слова, что каждый малейший обломок слоновой кости, попавший в руки купца, обагрен человеческой кровью. Каждый килограмм стоит жизни человеку; из-за двух десятков клыков погибает целая область со всеми жителями, деревнями и плантациями.

Ну, а люди Стэнли? Они непрерывно шарят по хижинам и полям, бесцеремонно забирая все, что можно съесть, и нимало не беспокоясь об участи ограбленных. Чего же удивляться, если те боятся и ненавидят непрошеных пришельцев?

*

Самое отчаянное положение создалось у Стэнли в начале октября 1887 года. Люди ели сырые грибы, листья, муравьев, улиток, гусениц. Носильщики превратились в ходячие скелеты.

Пятьдесят два человека, неспособных передвигаться дальше, были оставлены на песчаной террасе возле реки. Стэнли мог лишь пообещать несчастным, что пошлет им пищу, как только сможет добыть ее.

Спасение пришло неожиданно: отряд наткнулся на поселок искателей слоновой кости. Их склады ломились от продовольствия, награбленного у туземцев.

Стэнли послал людей в «лагерь смерти», где были оставлены больные. В живых там осталось пятеро, двое из них не могли шевельнуть пальцем.

На сто шестидесятый день экспедиция — то, что от нее осталось, — вышла наконец из-под сводов великого леса, из «страны ужасов», как назвал ее Стэнли.

Люди плакали, увидев настоящую зеленую траву, распахнутое к горизонту небо, даль равнины, парящих в воздухе

птиц. И так велико было чувство радости, что без всякой команды носильщики с тяжелой кладью побежали вдруг бегом. И Стэнли бежал тоже, забыв о достоинстве белого человека, не подверженного мимолетным чувствам…

А затем был трудный переход через область саванн к озеру Альберта, цели экспедиции.

Но где же тот, кого Стэнли должен был встретить на озерном берегу? Берег пуст, ни лодки, ни челна, ни дыма бивачного костра. Неужели зря был предпринят опаснейший поход, зря погибло столько людей?

Несколько дней спустя на озере заметили судно. Черный дым над ним не оставил сомнения: пароход!

Под звуки ружейного салюта на берег вышло несколько человек. Один из них обратился к Стэнли:

— Тысяча благодарностей, мистер Стэнли, я решительно не нахожу слов для выражения своей признательности.

Перед путешественником стоял тщедушный господин в белоснежном, хорошо сшитом и тщательно отутюженном костюме. На лице его не было и следов беспокойства или болезни. Он выглядел совершенно здоровым и бодрым.

Это был Эмин-паша, губернатор Экваториальной провинции англоегипетского Судана.

Его-то и должен был спасти Стэнли.

Но от кого же?

От людей, восставших в Судане против колониального господства. Однако повстанцы лишь отрезали Экваториальную провинцию. Эмин-паша спокойно сказал Стэнли, что пока не собирается покидать свой выгодный пост ради того, чтобы оказаться на третьестепенной роли где-нибудь в Каире.

Ну что же, Стэнли полномочен предложить губернатору кое-что другое. Бельгийский король Леопольд готов присоединить Экваториальную провинцию к «Свободному государству Конго». Эмин-паша может также перейти на службу «Британской Восточно-Африканской компании», та охотно примет его услуги и его войско.

Стэнли открыл карты…

Дав Эмину-паше время для размышлений, он отправился на поиски отряда майора Бартлота, оставленного когда-то в лагере у начала великого леса.

Стэнли снова вступил в сумрачную вечную тень «страны ужасов». Теперь он шел знакомой дорогой. Чем меньше километров отделяло его от оставленных почти год назад людей, тем больше тревожился Стэнли: нигде не было видно следов каравана майора Бартлота, который должен был двигаться по

следам главного отряда.

Хмурым утром у реки Арувими Стэнли увидел помощника врача, спешащего к нему:

— Здравствуйте, Бонни! Как поживаете? Где же наш дорогой майор? Нездоров?

— Майор скончался, сэр.

— Скончался! Боже милосердный… Отчего скончался? Горячка, что ли?

— Нет, сэр, его застрелили.

— Кто?

— Люди Типпу-Тиба.

Это было лишь начало печального рассказа о потерях, о неразберихе, о болезнях, нанесших большой урон отряду…

В январе 1888 года Стэнли вернулся озеру Альберта.

Теперь Эмин-паша уже склонялся к тому, чтобы уйти из Экваториальной провинции подобру-поздорову. Положение его сильно пошатнулось. Вообще говоря, несмотря на красную феску и титул паши, он вовсе не родился правоверным мусульманином. Будущий паша был родом из Германии, а звали его Эдуардом Шнитцером. Врач по профессии, он долгие годы жил в Турции, где принял мусульманство. Это сразу открыло ему дорогу: назначение в Египет, повышение за повышением, путешествия по Африке, наконец, пост губернатора.

Дальнейший путь объединенного отряда Стэнли и Эмина-паши к побережью Индийского океана оказался особенно результативным для изучения Африки.

Стэнли открыл высокий горный массив Рувензори. Он многое уточнил и в районе крупных африканских озер. А поскольку до этого именно ему удалось впервые пересечь великий лес и описать его, будет понятным, почему вторая трансафриканская экспедиция Стэнли стала достойным завершением его многолетних исследований Черного континента.

Именно завершением: на склоне лет он побывал в Австралии, но по Африке «путешествовал» уже лишь на страницах своих книг.

*

Двое встретились некогда на берегах Танганьики.

Младший был сыном своего века, сыном эпохи колониальных захватов, разделов и переделов. Несомненное величие его больших открытий омрачено служением низким целям, насилием, презрением к человеку, имевшему несчастье родиться с темной кожей.

Старший жил во времена не менее жестокие. Однако душевная чистота, вера в добро, вера в людей, гуманизм делают

его близким нам, живущим в канун эпохи межпланетных путешествий.

История воздала должное обоим. По-разному оценили их народы материка, который они пересекали некогда своими маршрутами.

Независимые государства, созданные на месте бывших колоний Центральной Африки, не захотели увековечить память Стэнли. С карт исчез город Стэнливилль — он переименован в Кисангани. Переименованы и некоторые другие места, названные в память о Стэнли.

Но карты Африки сохранили имя Ливингстона. Есть города Ливингстон и Ливингстония, горы Ливингстона, пороги Ливингстона.

Памятник путешественнику установлен на берегу Замбези возле открытого им водопада Виктории. Созданы мемориальные музеи Ливингстона.

Африка не забыла человека, опередившего свое время.

Странствия Егора Ковалевского

Есть путешественники — и таких большинство, — всю жизнь сохраняющие верность какому-либо району выбранного континента. Маршруты одних пересекают исключительно Африку — таковы Ливингстон и Стэнли. Имя Пржевальского навсегда связано с Центральной Азией. Стихией Кука был Мировой океан, он почти не странствовал по суше. Арктика знала и знает своих великих бесстрашных исследователей.

Иные путешествуют по всему белу свету, но их особенно интересует что-либо одно, допустим, животный мир или история земледелия.

Наш же соотечественник Егор Петрович Ковалевский принадлежал к тем немногим, чьей страстью было путешествие как таковое. При этом он никогда не странствовал праздно. Горный инженер, умелый дипломат, одаренный литератор, исследователь по природе, он охотно брался за самые разные поручения, и чаще всего ему сопутствовали успех и признание.

После странствий по глухим местам Сибири Ковалевский в конце тридцатых годов прошлого века посетил Черногорию. Вернувшись оттуда, отправился с важным поручением в Бухару, столицу ханства, почти закрытого для европейцев.

Подвижность Ковалевского поразительна. Сегодня — у южных окраин Европы, завтра — в глубине Азии. Урал, Далмация, Афганистан, Карпаты, Кашмир, позднее Монголия, Китай, Африка…

В Африку Ковалевского позвало дело не совсем обычное. Правитель Египта Мухаммед-Али намеревался пополнить свою оскудевшую казну, найдя таинственную страну Офир. Там, как утверждала легенда, добывали сокровища для царя Соломона и египетских фараонов. Старинная арабская рукопись побудила Мухаммеда-Али отправить людей на поиски в далекую область Фазоглу.

Посланцы правителя Египта действительно нашли золотые месторождения, но очень скудные.

Тогда было отправлено послание к русскому царю с просьбой срочно прислать знающего горного инженера. Так Ковалевский попал в Каир, откуда в январе 1848 года специальный пароход доставил его по Нилу к Асуану.

В этом городе кончался маршрут, исхоженный многими. Дальше надо было продвигаться на барках туда, где начало и конец огромной нильской излучины связывал караванный путь, пересекавший пекло Большой Нубийской пустыни.

Вдоль этого пути валялись, устрашая путников, отбеленные солнцем скелеты верблюдов и быков. Караван шел без перерыва двенадцать-тринадцать часов в сутки. Ковалевский ощутил пустыню «во всем ужасе разрушений и смерти». Однако кочевники рассказывали: достаточно хорошего дождя — и все вокруг покрывается зеленью. «Значит, не вечной же смерти обречена эта пустыня. Если природа так быстро может исторгнуть ее из рук смерти, то и человек, силою труда и времени, может достигнуть того же…»

Но как? Вот если бы прорыть канал, соединяющий начало и конец нильского колена! И Ковалевский с помощью барометра определяет высоты. Приглядывается: в одном месте пригодилось бы русло пересохшей реки. Да, канал, длиной примерно в триста верст, спрямил бы водный путь, оросил бы землю. Но разве правителя Египта заинтересуешь каким-то каналом? Ему нужна страна Офир.

Лишь на десятый день пути кончилась пустыня, и река снова приняла путешественников. На барках они медленно продвигались к городу Хартуму, где Белый Нил и Голубой Нил,

сливая воды, дают начало собственно Нилу.

Дальше уже чувствовалась тропическая Африка. На водопой к берегам Голубого Нила, по которому пошли барки, прибегали серны и дикие ослы. В лесу, переплетенном лианами, резвились мартышки. На отмелях, готовясь к отлету, беспокойно кричали журавли. Кто знает, может быть, полетят они к просторам российских равнин… Пусть принесут туда весть, что русский флаг впервые отражается в водах Голубого Нила!

Покинув реку, экспедиция углубилась в область Фазоглу. Ковалевский быстро понял, что здешние россыпи не богаты и что тут не обойтись без постройки золотопромывальной фабрики. Он взялся за это долгое и скучное дело.

«Наконец, — записал Ковалевский, — успех увенчал труды. Золото было там, где мы его искали».

Но мечтал он о другом успехе.

Арабская поговорка решала одну из загадок Африки очень просто: «Истоки Нила в раю». К тому времени, когда Ковалевский путешествовал по Африке, уже знали, что Голубой Нил начинается в Эфиопии. Перед отъездом из Каира он услышал, будто путешественникам братьям Аббади удалось наконец найти истоки и Белого Нила, причем недалеко от истоков Голубого.

Ковалевскому это показалось странным. Но если братья Аббади правы, тогда по пересохшему руслу реки Тумат можно от лагеря золотоискателей дойти до истоков великой реки!

Тщетно отговаривали русского от этой затеи, пугая встречей с воинственным абиссинским племенем галла. В горах вокруг первого бивака его экспедиции всю ночь вспыхивали, гасли, мигали огни. Где-то далеко рокотали барабаны, передавая от селения к селению тревожное известие о чужеземцах.

Вскоре египетские солдаты захватили трех горцев, намереваясь превратить их в рабов. Ковалевский велел отпустить пленников на волю. Должно быть, слух об этом разнесся далеко окрест. Галла не тронули пришельцев. Караван беспрепятственно прошел туда, где из-под влажной земли выбивались слабые родники. Никому из спутников Ковалевского прежде не доводилось видеть, откуда вытекает река Тумат.

Продолжая путь, отряд вышел на холмистую возвышенность, где паслись стада диких слонов. Местность у верховьев Тумата Ковалевский назвал «страной Николаевской», а пересохшую небольшую речку — Невкой. Пусть название это напоминает, до каких мест доходил здесь путешественник и какой нации принадлежал он!

Подробная рекогносцировка местности, а также расспросы обитателей лесов заставили Ковалевского усомниться в открытии

братьев Аббади. Он покинул «страну Николаевскую» с уверенностью, что разгадку истоков Нила нужно искать не здесь.

В тот год, когда наш соотечественник шагал по руслу Тумата, имя Давида Ливингстона было еще мало кому известно, а на пироге, который матушка испекла ко дню рождения маленького Генри Стэнли, горело всего семь свечей. Только много позднее, после долгих скитаний в дебрях Африки, Ливингстон и Стэнли оказались однажды вблизи нильских истоков.

Но лишь вблизи. Окончательно истоки великой реки были открыты после десятков экспедиций, стоивших жизни многим исследователям. Эти истоки по южную сторону экватора, в самом сердце материка, неподалеку от озера Танганьика.

Русские на черном континенте

Русские путешественники достаточно давно узнали Африку.

Афанасий Никитин, в XV веке увидевший африканский берег с борта арабского судна, был далеко не первым из них. До него Египет посещали русские паломники, идущие в Иерусалим.

Но самыми ранними гостями из нашей страны, познакомившимися с Африкой, следует считать выходцев из Средней Азии, а также с Кавказа, особенно из Грузии.

В XVIII веке Алжир и Тунис посетил русский мореплаватель Матвей Коковцев. Изданные им записки лишены господствовавшего тогда среди европейцев высокомерного отношения к обитателям Африки.

Василий Головнин, один из блестящих русских мореплавателей, во время длительного путешествия на корабле «Диана» в начале XIX века достиг южной оконечности Африки. Он увидел Капскую колонию почти за полвека до Гончарова и первым из русских выразил возмущение бесчеловечным отношением колонистов к коренным африканцам.

Русский человек издавна шел в Африку без стремления покорять и завоевывать. Он не заковывал в цепи невольников, не вывозил на плантации «черный товар», не захватывал колоний на сказочно богатом материке.

Осип Сенковский, великолепный знаток арабского языка, изучая древности Египта и Нубии, способствовал развитию востоковедения в России. Авраам Норов совершил путешествие по Нилу, сделав научное описание его берегов.

Артемий Рафалович приехал в Африку как врач. Его целью была борьба с эпидемиями чумы и холеры. Врачом был и Александр Булатович, который в составе экспедиции Красного Креста помогал на полях сражений эфиопам, боровшимся против итальянских колонизаторов. Пожалуй, мало кто сделал больше верных наблюдений, связывающих климат Египта с приемами земледелия египетских феллахов, чем русский ботаник Иван Клинген.

Немало лет провел в Африке Василий Юнкер. Он начал с Туниса и Египта, потом посетил Судан. Его особенно интересовали верховья Нила.

Здесь Юнкеру удалось проникнуть в области, населенные пигмеями. Подобно Ливингстону, он легко завязывал дружбу с африканцами, находя среди них немало помощников. Юнкер сумел уточнить течение некоторых рек систем Нила и Конго.

Его путешествие по труднодоступным и вовсе не исследованным районам Африки, продолжавшееся семь лет, значительно обогатило науку.

Можно назвать еще многие десятки имен русских путешественников, и ни один не оставил о себе недобрую память на Черном материке.

По их следам идет в Африку сегодня советский человек, исследователь и работник, готовый помогать народам, сбросившим колониальное иго.

Там, где он побывал, где потрудился, поднимаются плотины, каналы несут воду полям, асфальт дороги пересекает пустыню, открываются новые больницы и школы.

Великий лес Конго — что ждет его?

Во время похода через великий лес Конго измученный Стэнли воскликнул однажды: «Ах, если бы мы могли взять крылья у

коршуна!»

Увидеть среди деревьев-великанов хотя бы крохотную полянку казалось людям Стэнли не менее желанным, чем путнику в знойной пустыне — несколько пальм и родник оазиса. Стена леса устрашала, подавляла волю, у путников появлялось гнетущее чувство безысходности.

Но ведь были же в дебрях Конго постоянные обитатели, с которыми отряд Стэнли вступал в схватки! Лес стал для них домом. Так не преувеличивал ли путешественник препятствия, вставшие на его пути?

Но вот выдержки из дневника советского геолога В. Елисеева, путешествовавшего по Конго:

«Первое впечатление — это хаос в природе. Почти непроходимая стена из деревьев, кустарников, трав и бамбуков, перевитых травянистыми и одеревеневшими лианами разной толщины и длины; лианы цепляются за голову, руки и ноги, как щупальца спрута… Приходится пробивать плотную пелену паутины, которая застилает глаза, а лица и куртки становятся от нее белыми. По паутине бегают гигантские пауки…

Воздух удушлив. Гниют огромные упавшие деревья, всюду сырость и полумрак. По утрам холодно, греемся у костров».

Советский научный работник М. Черкасова, побывавшая в Африке на ассамблее Международного союза охраны природы, напоминает, что Стэнли, точнее и ярче многих описавший тропические дебри, находил для них и слова, помогающие лучше понять его сложное душевное состояние. Он писал, что когда ему удавалось несколько отдалиться от лагеря, уйти в сторону так, чтобы не слышать людских голосов, он забывал о гнетущих заботах и неудобствах, и тогда «врывалось в душу благоговение к лесу».

От проклятий до благоговения! Проклятия, когда лес — препятствие; благоговение, когда его можно спокойно созерцать глазами человека, сумевшего хотя бы на минуты уйти от мыслей о голоде, потерях…

Что такое великий лес в оценке сегодняшнего натуралиста?

Ученые с тревогой говорят об уничтожении тропических лесов: ведь они — примерно четыре пятых зеленого океана планеты. Дебри отступают перед топорами и огнем. На их месте возникает саванна, так обрадовавшая спутников Стэнли, когда они наконец пересекли великий лес.

Но саванна с ее жесткими травами и сравнительно редкими деревьями легко может превратиться в пустыню. Это уже произошло во многих местах.

Кроме того, саванна не заменяет тропические леса,

обладающие драгоценными свойствами очищать биосферу. Это, как и сибирская тайга, поистине «легкие» планеты. Ученые подсчитали: достаточно вырубить лесной покров одного лишь бассейна Амазонки — и содержание углекислоты в атмосфере Земли увеличится на одну пятую, что вызовет немало тяжелых последствий.

Если человек не вмешивается в жизнь тропического леса, он сохраняет поразительную устойчивость сотни тысяч, а быть может, и миллион лет: отмершие деревья заменяются новыми, одной с ними породы.

При всем огромном богатстве древесной флоры — тут тропические джунгли не имеют равных — каждая порода твердо занимает свое место под солнцем: одни составляют верхний ярус с широко раскрытыми кронами, другие остаются в среднем ярусе, третьи приспособились к вечному полумраку нижнего яруса.

Современные ботаники приходят к выводу: надо беречь неимоверное богатство тропической флоры. Весьма вероятно, что именно она — центр, откуда пополнялись все остальные флоры мира.

Сумеет ли Африка сохранить это богатство? То, что происходит сегодня, не очень обнадеживает знатоков африканской природы…

Голос мертвого города

Полузасыпанный песками, мертвый и забытый, он лежал посреди пустыни. Даже в самом его названии было что-то зловещее: Хара-Хото — буквально «черный город», но по смысловому значению одновременно и «злой город».

Смутные и едва ли вполне достоверные сведения о нем можно было почерпнуть из географических сочинений древних китайцев. Город возник еще до нашей эры. Во время войн китайцев с гуннами он был крепостью. В хрониках тысячелетней давности его меняющиеся названия встречаются не часто, а то и вовсе исчезают на долгое время.

Известно, однако, что в XI веке, когда в Центральной Азии набирали силу тангуты, воинственный полукочевой народ, появился город Эдзина, город «черной реки» — и по многим признакам именно ему-то и суждено было оставить свои развалины в пустыне Гоби.

Во второй половине XIX века слухи о мертвом городе серьезно заинтересовали русских ученых. Путешественники записывали устные рассказы и предания, однако в них не просто отделить правду от вымысла.

Григорий Николаевич Потанин, не раз пересекавший Монголию в последней четверти прошлого века, проходил, как потом оказалось, сравнительно близко от Хара-Хото. Его караван осенью 1886 года останавливался на две недели во владениях местного князя.

Однако кочевники рассказывали о развалинах мало и неохотно. Потанин смог записать лишь, что таинственный город находится где-то возле восточного рукава реки Эдзин. Собственно, не город, а остатки крепостных стен и домов, засыпанные песком. В развалинах, как говорят, иногда находили серебряные вещицы. Но вообще место это плохое, вокруг сыпучие пески, дорог нет, а если кто и пробрался бы туда, то еще неизвестно, удалось ли бы ему вернуться назад: там не сыщешь и глотка воды.

Потанин узнал немногое. Те, кто побывал в этом уголке пустыни Гоби позднее, — и того меньше. «Какой мертвый город? Не знаем, не слышали», — упрямо твердили местные кочевники-торгоуты в ответ на все вопросы. А некоторые даже сердились: «Неужели вы знаете о нашей стране больше, чем мы сами?»

Так возникли сомнения: да существуют ли на самом деле следы Хара-Хото или все уже давно развеяно ветром, погребено под песками?

Ответ должна была дать экспедиция Петра Кузьмича Козлова.

На поиски шел путешественник весьма известный и опытный. Мало кто из современников знал эту часть Центральной Азии лучше его. Экспедиция, среди целей которой намечались поиски Хара-Хото, была для Козлова четвертой большой экспедицией.

Ее снарядило Русское географическое общество. В канун наступающего 1908 года она покинула пограничный городок

Кяхту.

Верблюды потянулись по старинной караванной дороге, с которой для русских исследователей обычно начинались путешествия в Монголию, Тибет, отдаленные районы Китая. Дорога эта вела в главный монгольский город Ургу — так прежде назывался нынешний Улан-Батор.

Козлова встретили здесь радушно и приветливо. Он быстро разыскал старых знакомых. В домике, где остановилась экспедиция, всегда было людно и шумно. Приходили живущие в Урге русские, приходили молчаливые монгольские проводники, вызвавшиеся сопровождать экспедицию.

Козлов, хорошо знавший быт, характер, обычаи, религиозные верования монголов, чувствовал себя в своей стихии. Он находил нужных людей, быстро сходился с ними, уважительно относясь к их пожеланиям. Без колебаний отложил на четыре дня выход каравана из Урги, когда проводники попросили его об этом: приближался праздник «Белого месяца», особо чтимый монголами. Да он и сам был рад узнать во время празднеств еще какие-то черточки народного характера.

Настоящее путешествие началось, в сущности, только с того январского дня, когда караван покинул Ургу.

Свирепый ветер нёс снег и песок. Редкие встречные, прижимая к груди руки для приветствия, неизменно повторяли: «Куйтун-байна!» («Очень холодно!»)

Козлов подбадривал спутников: ничего, потерпите, ведь мы движемся к югу, на свидание с весной.

И верно: вскоре в лазурном небе с клекотом закружились грифы, высматривая добычу в просыпающейся степи. Как-то на привале услышали песню жаворонка. Но после закатов, сменявших краски от пурпурных к розовым и фиолетовым, наступали холодные звездные ночи.

Все радовало Козлова. Он любил пустынные просторы, их торжественную тишину, их синие дали. Счастлив путешественник, который долгие годы живет, трудится среди чистой, девственной природы, любуясь ею, познавая ее!

После почти двух месяцев пути, перевалив через хребет Монгольского Алтая, караван оказался на землях местного князька, старого знакомого Козлова. Они встретились сердечно, но когда путешественник стал расспрашивать о дороге к Эдзин-голу, к реке, возле которой предстояло искать развалины Хара-Хото, хозяин насторожился.

— Нет туда дорог, нет, — повторял князь, добродушный сухонький старичок, а два его советника молчаливо кивали в знак согласия со словами своего господина. — Пустыня, песок и

камень. Не пройти и лучшим верблюдам. Как обойтись без воды? А там взять ее негде!

Князь предлагал другие дороги через пустыню, более короткие и удобные. Козлов слушал, молча улыбаясь. Князь, не вытерпев, спросил: может, у его русского друга есть какой-нибудь большой интерес к Эдзин-голу?

— Да, — откровенно ответил Козлов. — Там, говорят, очень любопытные развалины старого города.

— А откуда вы об этом знаете? — удивился князь.

— Из книг наших путешественников и писем моих друзей.

— Вон оно что, — глубокомысленно протянул хозяин.

После некоторого раздумья он подтвердил: да, его люди бывали в Хара-Хото. Есть такой город, только он засыпан песками. И торгоуты, кочующие в тех местах, никому не говорят о мертвом городе. Никто из европейцев там не бывал. Дорога туда забыта. Торгоуты, по слухам, время от времени ищут там клады, но, кажется, настоящего богатства никто не нашел. Так, выкапывают кое-что…

Князь добавил, что только русским под силу большие раскопки, а в заключение попросил, чтобы Козлов никому не рассказывал об их беседе. Пусть торгоуты думают, будто русский сам нашел путь к развалинам. Он, князь, даст проводников, знающих дорогу к Эдзин-голу.

Гость крепко и благодарно пожал руку хозяину.

Удача, удача! Он все же существует, этот таинственный город! Потанин нашел верную путеводную нить, остается ею воспользоваться.

Козлов, вероятно, и сам не вполне отдавал себе отчет, почему Хара-Хото овладел его мечтами, заставил перед отъездом перерывать библиотеку Географического общества в попытках узнать о далеком прошлом пустыни Гоби.

Он понимал толк в монгольских древностях, но никогда не чувствовал особенного влечения к археологии. Быт, нравы племен и народов, природа — рельеф, климат, растительность, животный мир — вот привычный круг его интересов во время прежних путешествий.

Перед отъездом Козлов поделился своей мечтой лишь с несколькими особо близкими людьми.

В плане двухлетних работ экспедиции поиски Хара-Хото занимали едва не третьестепенное место. Считалось, что Козлов займется исследованиями Монголии лишь попутно, основное же внимание уделит району озера Кукунор, а также сборам естественно-исторических коллекций в провинции Сычуань, южная роскошная природа которой всегда привлекала

натуралистов.

Козлов признавался впоследствии, что заветные мысли о поисках Хара-Хото он хранил «в тайнике души».

И вот они обретают реальность, цель близка и, похоже, вполне достижима!

Хмурым мартовским утром караван покинул ставку князя. Старичок, легко вскочив на коня, со своей свитой проводил путешественника.

При расставании склонился к его уху и проговорил тихо, чтобы не слышали окружающие: «Прощай, я уверен, что ты попадешь в Хара-Хото и найдешь там немало интересного».

Пошла пустыня с грядами каменистых холмов и руслами пересохших рек. Временами показывались стада антилоп. Огромные грифы кружили над караваном. Миражи то громоздили по горизонту желто-красные обрывы неведомых гор, то манили обманчивым блеском водной глади.

Минули две недели после выхода из ставки князя. Начался весенний перелет птиц.

В эту радостную пору, когда ликующая природа словно вливает в человека силы и новые надежды, экспедиция достигла бассейна Эдзин-гола.

И все сложилось как нельзя лучше. Местный управитель, которому Козлов послал шелковый «хадак» — «платок счастья» с изображением божеств, покровительствующих долголетию, — обещал не чинить препятствий на пути к Хара-Хото.

И 19 марта 1908 года взволнованный Петр Кузьмич Козлов увидел город своей мечты.

*

С чего начинается путешественник, исследователь?

Переберите сотни биографий. Они не сходны во многом, но почти всегда обнаруживается, что у истоков были книги. Книги возбудили желание подражать их героям, самому пожить хотя бы немного жизнью смелых, упрямых непосед, искавших свои тропы на земном шаре.

Мечтают о путешествиях миллионы. Становятся настоящими путешественниками тысячи. Выдающимися — сотни. Великими — единицы.

Итак, у истоков — книги. Это начало естественное, привычное. Но редко кому выпадает счастье увидеть, близко узнать любимого книжного героя.

Чаще всего мешает неумолимое время. Едва ли среди крупных путешественников прошлого века нашелся хотя бы один, с детства не слышавший о Джемсе Куке. Но увидеть его уже тогда можно было лишь на старинной гравюре.

И все же бывает невероятное: герой из книги приходит к читателю-романтику не в грезах, не во сне. Приходит — и зовет с собой. Не в переносном смысле, а буквально, с деловитой простотой.

Петя Козлов родился в городке Духовщина, на Смоленщине. Городок захудалый: от железной дороги — в стороне, лишь пылят тройки по старому почтовому тракту. Дважды в год сонную Духовщину на короткое время оживляют ярмарки. Купцы торгуют шорными изделиями, чугунной посудой, скупают конопляное семя, пеньку, скот.

Отец Пети — в найме у богатого торговца скотом. По весне гоняет гурты на Дон. Иногда берет с собой сына. Дорога долгая, скот гонят без спешки, чтобы не терял в весе.

Учится Козлов Петр в трехклассном училище, где за малые провинности бьют линейкой по ладоням, а за большие отставной солдат, сторож Ипат, пребольно сечет розгами.

Все изменяется после приезда нового учителя, Василия Порфирьевича Вахтерова, человека передовых взглядов. Пощипывая бородку, Вахтеров приглядывается к ученикам, старается обнаруживать и развивать их способности.

В школе появляются «Робинзон Крузо», книги Майн-Рида. Учитель читает ребятам вслух Гоголя, Некрасова, водит на экскурсии, рассказывает о знаменитых путешественниках, учит простейшим приемам составления планов местности.

Петя решает тоже стать учителем, таким, как Вахтеров. Не вышло: в доме — бедность, нечем платить за учение. Подростка определяют на винокуренный завод в местечко Слобода. Там должен он постигать конторское дело: переписывать бумаги, щелкать на счетах, разносить рубли и копейки по графам ведомостей.

При конторе собрана кое-какая библиотека. Получают здесь и петербургские газеты.

В них много пишут о «богатыре земли русской», великом путешественнике Николае Михайловиче Пржевальском, прославившемся на весь мир своими смелыми экспедициями в Центральную Азию. Он только что вернулся из очередного путешествия.

Петя Козлов знает чуть не каждую страницу книги Пржевальского, в которой тот описывал свое более раннее путешествие по Монголии в стране тангутов.

Мечтает ли юноша когда-либо встретиться со знаменитым путешественником? Быть может, и мечтает, да только надежд на это у него почти никаких.

И вдруг… О, это чудесное «и вдруг»!

Петя как-то вечером сидит, задумавшись, на крыльце конторского домика.

— Чем это вы здесь занимаетесь, молодой человек?

Юноша вздрагивает от неожиданности, поднимает глаза. Перед ним — Пржевальский!

Не в мундире полковника, как на портретах, а в просторной охотничьей куртке. Да разве можно спутать с кем-либо этого человека с орлиной головой на широких плечах?

Смущенный, растерянный, Петя бормочет о вечерних звездах, о красоте неба, которое «там, у вас в Азии», ведь еще чище, прозрачнее. И еще о том, что ему не судьба увидеть то прекрасное небо…

Пржевальский расспрашивает юношу, кто он, что намерен делать в жизни, и неожиданно произносит:

— Ну что же, зайдите ко мне, поговорим.

Пржевальский не переносил суетливую городскую жизнь. После возвращения из экспедиции обычно работал над своими книгами в сельской тиши. Но местечко Отрадное, облюбованное для этого, после проведения вблизи железной дороги утратило прежнюю прелесть. И Пржевальский отправился на родную Смоленщину в поисках более спокойного уголка. Окруженная глухими лесами Слобода сразу понравилась ему. Он купил здесь усадьбу.

Вскоре юноша Козлов перебрался туда. Начался крутой поворот в его жизни.

Пржевальский, поступив сразу после гимназии на военную службу, не ушел в отставку и после того, как стал знаменитым путешественником. У него было твердое правило: брать с собой в экспедицию лишь тех, кто прошел армейскую школу.

Он не сделал исключения и для Козлова. Согласившись взять юношу в свою намечавшуюся четвертую экспедицию по Центральной Азии, потребовал, чтобы тот поступил на военную службу. Лишь после того, как Петр Козлов был произведен в подпоручики, его прикомандировали к полковнику Пржевальскому.

Подпоручику Козлову исполнилось тогда двадцать лет.

Пржевальский взялся за подготовку будущего спутника с жаром и энергией. Учил охотничьей науке, препарированию птиц и зверей, верховой езде, сбору коллекций, съемке местности, всяким премудростям экспедиционной жизни.

И требовал: читай, читай, читай! Читай труды исследователей, зубри латинские названия животных и растений! Наверстывай все, в чем отстаешь!

И Козлов порадовал своего наставника такими успехами, что

тот назначил его своим младшим помощником; старшим был Всеволод Иванович Роборовский, уже участвовавший в путешествиях по Центральной Азии.

О цели своей новой экспедиции Пржевальский, обращаясь к спутникам, сказал так:

— Товарищи! Дело, которое мы теперь начинаем, — великое дело. Мы идем исследовать неведомый Тибет, сделать его достоянием науки… Вся Россия, весь образованный мир с доверием смотрит на нас.

Эта экспедиция стала для Козлова строгим экзаменом. После мирной благодати Смоленщины — ночевки в снегах, переправы через бешеные реки, тяжелые приступы горной болезни на тех заоблачных высотах Тибета, куда не проникают даже горцы. А сверх того — вооруженные стычки с шайками разбойников и даже настоящий двухчасовой бой на прорыв сквозь кольцо окружения.

Козлов был рядом с Пржевальским, когда тот обследовал истоки реки Хуанхэ, а затем проник в центр хребтов Куньлуня.

Козлов был рядом с Пржевальским и во время начатой осенью 1888 года последней экспедиции великого путешественника. Трагедия произошла почти в самом ее начале. Брюшной тиф внезапно оборвал жизнь человека, который за бурные годы странствий десятки раз рисковал ею.

Он умер в полном сознании. Велел похоронить себя там, где его свалила болезнь, — на берегу озера Иссык-Куль. Завещал ученикам продолжать исследование азиатских просторов.

Козлов пережил гибель своего учителя так, как переживают смерть отца. Даже четверть века спустя он признавался, что сознание потери все еще не покидает его.

Экспедицию решено было продолжить. Ее начальником назначили Михаила Васильевича Певцова, обладавшего опытом путешествий по Монголии и Китаю.

Но Географическое общество понимало, что Пржевальский и Певцов — величины все же несоизмеримые, и сократило маршрут, исключив наиболее трудную его часть.

В этой экспедиции Козлов самостоятельно выполнял важные задания. С небольшим отрядом он прошел по необитаемым местам Тибетского нагорья. Певцов не раз посылал Козлова далеко в сторону от основного маршрута. По сути дела, это были довольно продолжительные и далеко не легкие обособленные экспедиции.

Русское географическое общество заметило новую восходящую звезду. После возвращения на родину Петр Кузьмич был награжден золотой медалью имени Пржевальского.

В свою третью экспедицию Козлов направился вместе с

Роборовским. Это было в 1893 году.

Обычно принято рассказывать о том, что происходит во время путешествий. Но право, иногда полезно узнать и о том, что делал путешественник в перерыве между ними.

Выполняя завет своего учителя, Козлов окончил военное училище. Приобрел солидные познания в топографии, в умении ориентироваться на местности. Наметил обширную программу самообразования и выполнял ее с редкостной настойчивостью. Так, он полтора года прилежно посещал Пулковскую обсерваторию, изучая теорию и практику астрономических наблюдений. Одновременно учился литературному мастерству, понимая, что мало увидеть и пережить, надо еще и ярко рассказать о пережитом. Его часто видели на лекциях и докладах крупных ученых.

Благоговея перед Пржевальским, ученик, возможно, понял, что даже у великого путешественника были кое-какие пробелы в знаниях. Восполняя их у себя, Козлов серьезно занимается этнографией. Унаследовав у Пржевальского преклонение перед природой, он развивает в себе интерес и к обыденной человеческой жизни, умение подмечать черточки незнакомого быта, особенности психологии людей, с которыми сталкивает его судьба в отдаленных уголках земного шара.

В первое путешествие с Пржевальским в 1883 году отправился восторженный подпоручик. Свое третье путешествие в 1893 году начинает уже достаточно зрелый исследователь. Новую Центральноазиатскую экспедицию справедливо называют экспедицией Роборовского — Козлова: у каждого свои задачи, маршруты сходятся лишь временами.

А затем высоко в горах, уже на втором году трудных странствий, Роборовского внезапно поражает паралич, и Козлов с этих минут до конца экспедиции становится ее руководителем, отвечающим и за жизнь больного товарища.

Кончается XIX век, давший истории открытий столько блистательных имен. И все же на картах полушарий еще достаточно как «белых пятен» в полном смысле слова, так и мест, где исследователи успели сделать лишь первые робкие шаги.

На рубеже двух веков Козлов начинает свое четвертое путешествие. Теперь это его полностью самостоятельная экспедиция, а поведет он ее туда, где мечтал когда-то побывать вместе с Пржевальским.

Он должен продолжать дело учителя. Цель экспедиции — Тибет. Там уже сделано немало, но хватит ли человеческой жизни, чтобы сделать все?

На этот раз предстоит обследовать восточнотибетскую

область Кам. Экспедиция снова идет через Монголию, продолжая изучение ее хребтов, пустынь, степей. Верблюдов сменяют высокогорные яки: караван вступает на Тибетское нагорье. Вторично видит Козлов истоки Хуанхэ. Открываются снежные вершины и глубокие ущелья Кама. Экспедиция достигает верховьев Янцзы. Остается проникнуть в бассейн Меконга, еще одной из великих рек Азии. Козлов пересекает не исследованный до той поры высокий водораздельный хребет, назвав его хребтом Русского географического общества. В бассейне Меконга экспедиция зимует, продолжая изучение местной фауны и флоры.

Лишь одну давнюю мечту, которую лелеял еще Пржевальский, так и не удается осуществить его ученику. Он не получает доступа в Лхасу, столицу Тибета, священный город буддистов, где живет их духовный вождь далай-лама.

Лхаса закрыта для иностранцев. Это древний, неукоснительно соблюдаемый закон. Однако англичане несколько раз пытались нарушить его.

Посол от далай-ламы посещает путешественников и прежде всего осведомляется, откуда они. Узнав, что перед ним русские, рассказывает о полученной им инструкции: «Если русские, то приказано тотчас же познакомиться с вами и передать от далай-ламы привет, а если англичане, то, не заводя разговора, ехать обратно с донесением».

Посол приносит извинение от имени далай-ламы: даже сам правитель Тибета не может нарушить заветы и открыть ворота Лхасы чужеземным гостям…

В России между тем давно нет вестей от Козлова. Газеты начинают кампанию: надо искать пропавших. Однако поздней осенью 1901 года экспедиция, ушедшая свыше двух лет назад, дала о себе знать. Она возвращалась, проложив более десяти тысяч километров исследовательских маршрутов по местам, как тогда говорили, забытым богом и людьми.

Пожалуй, только самого Пржевальского в Петербурге встречали некогда с таким триумфом, как теперь его ученика.

За два десятилетия скромный конторщик из местечка Слобода превратился в одного из наиболее прославленных русских географов и натуралистов своего времени, в путешественника, получившего мировую известность и признание.

*

Итак, 19 марта 1908 года Петр Кузьмич Козлов увидел Хара-Хото.

Все произошло проще, обыденнее, чем представлялось. За долгую дорогу через Монголию трудности и помехи были куда

серьезнее, чем на последнем этапе к желанной цели.

Покинули бивак налегке маленькой группой, захватив с собой запас воды и продовольствия, самые необходимые инструменты. Углубились в пустыню. Вскоре появились первые обнадеживающие находки: там след древней канавы, тут жернов, подальше глиняные и фарфоровые черепки.

Потом показались субурганы — нечто вроде глинобитных невысоких башенок, сооружаемых последователями буддийской религии в честь знаменательных священных событий или на могилах праведников. Субурганы как бы охраняли древнюю дорогу, ведущую в Хара-Хото.

Нетерпение и волнение Козлова и его спутников все нарастали. Но вот преодолены последние холмы…

Город был полузасыпан песками. Сохранились стены его крепости. За ними виднелось какое-то куполообразное здание, развалины дворцов или храмов. И всюду — субурганы, большие и малые, один особенно высокий и массивный.

Всадники въехали в мертвый город через крепостные ворота. Наскоро разбив лагерь в середине Хара-Хото, тотчас принялись за дело: набросали план развалин, измеряли стены, пробовали, податлив ли грунт при раскопках. Подъем духа был всеобщим. Прикосновение к тайне сулило открытия.

Чьими руками были сложены эти стены? Чем занимались люди, ходившие когда-то по улицам города в пустыне? Почему опустел, умер Хара-Хото?

Пока что город лишь задавал вопросы, не давая ключей к ответам.

Незаметно наступившая ночь придала развалинам суровый и мрачный вид. На вершине главного субургана зловеще, резко вскрикивал сыч. Спали в первую ночь плохо, нетерпеливо дожидаясь рассвета.

Вероятно, даже опытный археолог растерялся бы при встрече с мертвым городом. Откуда начинать раскопки? Что и где искать? А ведь у маленького отряда в запасе было всего несколько дней.

Внутри города угадывались улицы. На плане появились условные названия: «Главная», «Торговая». А дальше просто «Развалины № 1», «Развалины № 2», «Развалины № 3».

Обследуя стены, Козлов нашел в одном месте пролом, через который мог проехать конный воин.

Так не подтверждает ли эта брешь правдивость старого предания? Будто во времена незапамятные властелин Хара-Хото был настолько могуществен, что осмелился выступить против самого китайского императора. Но воинское счастье изменило властелину, и после нескольких схваток с китайскими войсками

он отступил под защиту стен Хара-Хото.

Город мог выдержать длительную осаду. Однако императорские войска не пошли на штурм, а принялись заваливать мешками с песком русло протекавшей возле Хара-Хото реки.

Им удалось отвести Эдзин-гол в сторону. Осажденные, оставшись без воды, тщетно копали глубокий колодец: грунт был сухим. Тогда, зарыв в колодце свои сокровища, властелин Хара-Хото повелел тайком пробить в городской стене брешь и через нее ночью вывел свое войско для последней схватки. В этом бою он сложил голову, а китайские войска, ворвавшись в город, разграбили его.

Возле палатки Козлова быстро скопились груды находок. И чего тут только не было! Металлические чашечки, разная утварь, глиняные изображения божеств, маски, множество черепков посуды, монеты, бусы…

А главное — изображения на полотне и рукописи на неизвестном Козлову языке.

Трудно было верно оценить все значение находок. Это могли сделать только специалисты. И Козлов распорядился упаковать собранные предметы для срочной отправки вместе с донесениями через Ургу в Петербург.

Путешественник неохотно покидал «свой» Хара-Хото. «Ночь быстро спустилась на вечно сонный, отживший город. Бивак скоро затих — все уснули. Мне как-то не спалось; я долго бродил по развалинам и думал о том, какая тайна скрыта в добытых рукописях, что откроют нам неведомые письмена?.. Скоро ли удастся разгадать, кто были древние обитатели покинутого города?.. Грустно становилось при мысли, что назавтра в полдень мне суждено покинуть мое детище — Хара-Хото. Сколько радостных, восторженных минут пережил я здесь! Сколько новых прекрасных мыслей открыл мне мой молчаливый друг!»

И уходит караван прочь от мертвого города, уходит надолго. Пересекает пустыню Алашань, достигает берегов Кукунора — «Голубого озера»…

А тем временем Петербург получает сообщения Козлова, ящики с посылками. Собираются ученые — востоковеды. Им-то ясна огромная ценность находок. Надо как можно скорее продолжить исследование Хара-Хото, говорят они, это куда важнее, чем сбор коллекций в Сычуани.

Географическое общество направляет Козлову письмо: открытие в Гоби вызвало огромный интерес среди ученых в России и за рубежом, предлагаем изменить маршрут, возвращайтесь к Хара-Хото, «не жалейте ни сил, ни времени, ни

средств на дальнейшие раскопки».

Там, где находится в это время экспедиция, нет не только почтовых отделений, но и просто дорог. Письмо не летит, а ползет. Где-то его пути, возможно, пересекаются с путями встречных писем Козлова, которые он шлет и шлет с оказиями, запрашивая, получил ли Петербург известия о посещении Хара-Хото, дошли ли до столицы посылки.

Прежде чем повернуть назад, в Гоби, экспедиция переживает минуты смертельной опасности в горной стране Амдо, в предгорьях Тибета, населенных воинственными племенами. Ей приходится отбивать ночное нападение конных разбойников. Много ночей люди спят по очереди, сменяя друг друга в караулах.

Но наступает наконец день, когда после долгого обратного пути Козлов сквозь пыльную дымку пустыни снова видит серые стены мертвого города.

Это уже весна 1909 года.

Той же весной 1909 года за многие тысячи километров от Хара-Хото, в приволжском городе Рыбинске, оканчивает гимназию пока еще никому не известный юноша.

Он пишет ректору Петербургского университета: «Честь имею покорнейше просить ваше превосходительство принять меня на первый курс восточного факультета по отделению китайско-японскому». Подпись: Николай Невский.

Этому имени суждено в будущем встать в истории исследования Хара-Хото рядом с именем Козлова.

А пока что экспедиция вместе с пришедшими на помощь монголами усердно раскапывает Хара-Хото, теперь уже основательно, методично, без особенной спешки.

Среди развалин все так, как было больше года назад. Никто с тех пор не потревожил покой мертвого города, на этот раз спящего среди изнуряющего летнего зноя.

Успешный поиск всегда воодушевляет. И русские и монголы только и говорят о Хара-Хото, о том, что хотелось бы найти. Козлов так передает свое состояние:

«Идешь, бывало, медленно по тихим вымершим улицам и смотришь в землю, покрытую мелкой галькой, точно узорчатым полом… Вот блеснул интересный черепок, вот бусинка, вот монета, а там дальше — что-то зеленое, какой-то нефритовый предмет… Осторожно откапываешь руками находку и долго любуешься ее оригинальными гранями и странной незнакомой формой… Всякая новая вещица, появившаяся на свет из песчаных недр, вызывает в человеке необыкновенную радость и возбуждает у прочих спутников желание вести раскопки особенно интенсивно».

Хара-Хото щедр. Находок много. И вот ведь как устроен человек: обилие создает ощущение однообразия — сегодня много и завтра много. Приходит пресыщение. Для людей, не умудренных в археологии, вещицы кажутся схожими, одинаковыми. И как определить ценность какой-нибудь рукописи, если ты не можешь сказать, на каком языке она написана, о чем в ней речь?

Но когда раскопки начинают уже наскучивать, Хара-Хото неожиданно приоткрывает еще одну свою тайну.

В стороне от города стоит одинокий субурган. Его обследование все откладывается. А он-то и скрывает главный клад, один из тех, находка которых обычно вызывает волнение во всем ученом мире.

Субурган — он войдет в историю как «Знаменитый» — что называется, набит всяческими сокровищами. Не отдельные рукописи, а целая библиотека, удивительное собрание книг в прекрасно сохранившихся обложках, сотни свитков, живописные изображения на холсте, шелковой материи и бумаге, гобелены, керамика, фарфор, множество статуэток… И тут же «хозяин» всего этого: скелет в сидячем положении. Впрочем как определят позднее специалисты, исследовавшие череп, это «хозяйка», особа, вероятнее всего принадлежавшая к знатному роду.

Найденное в субургане превосходит все, что удалось обнаружить до той поры. Рукописи должны заговорить, приоткрыть завесу над тайнами пустыни, над историей загадочно исчезнувшего народа, оставившего непонятные письмена!

Месяц в жаре, когда песок обжигает, в грязи и пыли, проникающей всюду, в тяжелейшем труде с утра до ночи вымотал людей. И все же они покидают Хара-Хото с сожалением. Особенно Козлов. «По мере удаления экспедиции от мертвого города, мною все более овладевало чувство безотчетной грусти; казалось, среди этих безжизненных развалин осталось что-то близкое и дорогое мне, с чем впредь будет неразрывно связано мое имя, что-то, с чем больно было расставаться… Много, много раз оглядывался я на подернутые пыльным туманом исторические стены крепости и, прощаясь со своим седым и древним другом, с каким-то странным чувством сознавал, что теперь над Хара-Хото сиротливо возвышается лишь один древний субурган, тогда как другой неизменный товарищ его безвозвратно погиб — уничтожен пытливостью ума человека…»

Думает ли в эти минуты путешественник о том, чтобы когда-либо снова вернуться в Хара-Хото?

Его книгу, где рассказано об открытии мертвого города, заключат строки о возможности нового путешествия, в котором

он должен выполнить последний из заветов Пржевальского, своего великого и дорогого учителя.

Нет, это не Хара-Хото.

Это Тибет, его столица Лхаса. Маршрут, в самом начале которого оборвалась жизнь Пржевальского.

*

Караван Козлова был еще где-то в Монголии, а в Петербург уже летели отовсюду запросы о Хара-Хото.

Первую партию находок разобрали. Востоковеды могут сказать самое главное. Козлову удалось обнаружить один из городов тангутского государства Си-Ся. Это сильное государство существовало с конца первого тысячелетия нашей эры до походов Чингисхана. Тангуты строили крепости и города. У них была своя самобытная культура, своя письменность.

Но памятники этой письменности почти не сохранились.

На воротах в местечке недалеко от Пекина ученые обнаружили надписи на шести языках. Пять из них прочли, язык шестой был никому не известен. На пяти языках повторялись буддийские заклинания. Можно было предположить, что шестая надпись — те же заклинания. Но на каком языке?

Возникло предположение, что надпись принадлежит предкам маньчжуров.

Однако позднее нашли образцы их письменности: никакого сходства с надписью на воротах.

Но вот в одном из китайских сочинений по истории денег обнаружили описание монеты тангутского государства Си-Ся. Знаки оказались сходными с теми, из которых состояла шестая надпись на воротах под Пекином.

Тогда вспомнили об одной каменной стеле. Рядом с китайским текстом на ней была выбита надпись на неведомом языке. Теперь можно было уверенно сказать, что это письмена тангутов.

Наконец, в самом начале нашего столетия в Пекине случайно наткнулись на книгу с такими же письменами. Французский китаевед Морис сумел расшифровать значение примерно трехсот знаков.

На этом все и кончилось. Надпись на воротах, монета, стела, небольшая книга, вернее, отрывки из нее — слишком мало для того, чтобы по-настоящему воскресить неведомый язык.

И вдруг — потрясающие находки в Хара-Хото. Сначала рукописи, потом известия о целой библиотеке. И она уже на пути к Петербургу!

Козлова за рубежом знали главным образом как спутника, сподвижника и продолжателя Пржевальского. Теперь, после

исследования Хара-Хото, он вернулся на родину человеком, прославившимся новым открытием мирового значения.

О русском путешественнике заговорили крупнейшие археологи и историки. Его избирают почетным членом многих научных обществ. По приглашению Королевского географического общества он едет в Лондон, где ему вручают золотую медаль — награду, которой удостаиваются немногие.

Среди слушателей его доклада о находках в Гоби крупные специалисты по древним языкам.

Между тем русские востоковеды взялись за серьезное изучение сокровищ Хара-Хото. Разбирая рукописи и книги, извлеченные из «Знаменитого» субургана, они обнаружили вещь поистине бесценную, о которой не смели даже мечтать. Это книга с цветистым названием «Жемчужина в руке, отвечающая нуждам времени». Поистине жемчужина: тангутско-китайский и китайско-тангутский словарь, составленный в 1190 году! И, определили специалисты, не просто словарь, но как бы учебник тангутского языка для китайцев и китайского для тангутов.

Кажется, дальше все просто: если знаешь китайский, бери словарь, бери тангутскую книгу и понемногу вникай в смысл написанного.

На самом деле все оказалось настолько сложным, что и сегодня, почти восемь десятилетий спустя после раскопок в Хара-Хото и находки «Жемчужины в руке, отвечающей нуждам времени», еще нельзя сказать, что язык исчезнувшего народа полностью постигнут учеными.

По образному определению современных знатоков тангутской письменности, словарь, увы, не заставил «заговорить» древние книги и рукописи. Он помог «услышать» лишь неясное «бормотание», поскольку можно было в лучшем случае разобрать каждое пятое или седьмое слово, а текст в целом оставался непонятным.

Многие ученые у нас и за рубежом пытались превратить «бормотание» в «разговор». Больше всех преуспел в этом Николай Александрович Невский.

Когда в 1909 году юноша из Рыбинска просил, чтобы его зачислили на восточный факультет Петербургского университета, это не было случайным выбором. По воспоминаниям, он еще в школе обнаружил большие способности к изучению языков. Дружил со студентом-востоковедом, удивительно быстро освоил основы арабского языка.

Вероятно, по настоянию родителей Невский проучился все же некоторое время в технологическом институте, где получал отличные оценки. Но не стал противиться своему влечению.

Понял, что его место — в аудиториях восточного факультета.

Невский изучал китайский и японский языки столь блистательно, что ему пророчили сразу по окончании университета профессорскую кафедру.

В 1915 году Невского для совершенствования знаний надолго командировали в Японию.

Русский филолог жил не только в японской столице, но и в маленьких деревнях, изучал не только разговорный язык, но и обычаи народа. Преподавая русский в коммерческом училище, он одновременно стал одним из признанных знатоков японской мифологии. Увлекся изучением языка и фольклора айнов, небольшого народа, во многом отличавшегося от японцев. Путешествовал на отдаленные острова, посетил Тайвань. В кругу его широких, многогранных интересов оказался и язык тангутов.

Это случилось, вероятно, в начале двадцатых годов, а быть может, и раньше. С 1925 года Невский стал получать из Ленинграда копии тангутских текстов. С поразительной быстротой проник в самую суть вопроса. После того как он вернулся на родину, ему предоставили в распоряжение всю библиотеку тангутских книг и рукописей.

Восемь лет тяжелого труда потребовались Невскому, чтобы из массы находок, обнаруженных и вывезенных Козловым, выделить самое важное, самое ценное. Не просто выделить, но описать, наметить, как использовать каждый памятник тангутской письменности для того, чтобы мертвый язык «заговорил».

Николай Александрович Невский выполнил задачу, по трудности и объему равную той, которую до него выполняли великие, прославленные открыватели древних письменностей.

Вот оценка специалистов: «Вся эта сложнейшая работа была по силам только исследователю, знавшему китайский и тибетский языки, с которых сделаны тангутские переводы, и не в их современном виде, а в том состоянии, в котором они находились 8—10 веков назад. Кроме того, надо было знать буддийскую и китайскую литературу самого различного содержания настолько хорошо, чтобы по одному расшифрованному куску тангутского текста понять, с какого именно — китайского, тибетского или санскритского — сочинения сделан перевод».

Ученый дал миру возможность изучать историю и культуру тангутов по их собственным книгам.

Николай Александрович Невский не дожил до своего полного научного триумфа. Его капитальный труд — двухтомная «Тангутская филология» увидела свет в 1960 году. Два года спустя ученому посмертно было присвоено звание лауреата

Ленинской премии.

Труды Невского были высоко оценены и в Японии. О нем изданы книги на японском языке. Одна из них называется так: «Небесная змея. Жизнь Николая Невского». Странное название? Но змея в японском фольклоре — символ бессмертия…

А что же Петр Кузьмич Козлов?

Ему было суждено увидеть Хара-Хото еще раз.

Путешественнику шел уже седьмой десяток, когда в 1923 году он вновь вступил на караванные пути Монголии во главе первой советской экспедиции.

Когда-то Петр Кузьмич говорил, что Хара-Хото невольно открыл ему «новую отрасль занятий, новую пытливость». Этой новой отраслью стала археология. И случилось так, что именно открытия древностей прославили его шестую экспедицию в просторы Азии.

Эта прекрасно снаряженная экспедиция занялась исследованием слабо изученных районов Монголии. В ее составе были географы, натуралисты, зоологи, ботаники. Правительство молодой Монгольской Народной Республики всячески содействовало советским ученым, которые, помимо прочего, собрали материал о природных богатствах степей и пустынь.

Но сам Козлов с особенным увлечением занимался раскопками обнаруженных им древних курганов. Холодной весной, в полутьме и грязи срубов, он разыскивал ткани, керамику, изделия из золота и нефрита. Содержимое курганов пролежало в земле два тысячелетия, однако хорошо сохранилось и позднее помогло воссоздать картины далекого прошлого монгольского народа.

В другом месте Козлову удалось обнаружить гигантское изваяние черепахи. Его заинтересовали также наскальные письмена. Он тщательно сфотографировал и описал их, а монгольские ученые сумели затем прочесть текст — размышления некогда жившего философа.

Северная часть Гоби подарила путешественнику радость ценных палеонтологических находок. В обрывах красной глины оказались кости трехпалой лошади, жирафов, носорогов.

Мог ли Козлов не побывать в «своем» Хара-Хото?

Однако его ждало там горькое разочарование. После 1909 года к мертвому городу зачастили экспедиции. Козлов узнал, что некоторые громоздкие предметы, которые он не смог взять с собой и надеялся забрать теперь, уже вывезены в Англию археологом Стейном. Небрежные торопливые раскопки вообще почти уничтожили Хара-Хото.

И все же «Знаменитый» субурган сохранил для своего

первооткрывателя обрывки письмен, глиняные украшения и разные вещицы, ускользнувшие от внимания побывавших здесь археологов.

«Я простился со своим детищем, подарившим мне столько прекрасного, и, оставив его досыпать свой сон в глубине песков, вновь повел караван на север».

Это последняя запись Петра Кузьмича Козлова, перед тем как он навсегда покинул Хара-Хото.

Так что же произошло в Гоби?

Развалины Хара-Хото после Козлова посещали экспедиции английских, американских, шведских археологов. Однако ничего принципиально нового, по сравнению с Козловым, им в мертвом городе открыть не удалось.

Мы знаем сегодня о Хара-Хото и государстве тангутов Си-Ся неизмеримо больше, чем в годы путешествий Козлова. Прояснить многое помогла расшифровка древних рукописей и книг, выполненная Невским. Возникла даже особая отрасль науки — тангутоведение.

Итак, теперь нам известно, что район Хара-Хото был оазисом на древнейшем торговом пути. Здесь сходились дороги в Китай, Среднюю Азию, Монголию.

Один бурный век сменялся другим. Приходили и уходили завоеватели, строились и исчезали города. Когда именно тангуты, овладев старой крепостью, перестроили ее, точно не известно. Возможно, это произошло в XI веке.

Город-крепость, названная Эдзиной, а позднее известная у монголов под названием Хара-Хото, стала центром округа тангутского государства Си-Ся. В те времена вокруг нее простирались не бесплодные пески пустыни, а возделанные поля, орошаемые каналами. Следы этих каналов видел Козлов по дороге к мертвому городу.

Крепость, окруженная толстыми и высокими стенами, защищала дворец, храмы, дома богачей и хижины ремесленников. Находки Козлова доказали, что тангуты были искусны в

обработке железа, в ткацком и гончарном ремеслах.

В государстве Си-Ся, просуществовавшем четверть тысячелетия, переводились на тангутский язык сочинения с китайского, тибетского и других языков. У тангутов были свои ученые, писатели, поэты, художники. Выходило много книг.

Козлов думал, что ему удалось открыть развалины столицы тангутского царства. Нет, столицей был город Синцин на реке Хуанхэ, связанный с Хара-Хото караванным путем.

Рукописи, найденные в мертвом городе, рассказывают, что властелину Си-Ся одно время платил дань сам «сын неба», то есть китайский император. Конница тангутов получила устрашающее прозвище «железных ястребов».

Но и она не устояла перед напором монголов. Грозное войско Чингисхана смело с лица земли отчаянно сопротивлявшиеся тангутские города-крепости. Завоеватель распорядился истребить всех тангутов до последнего человека, истребить даже рабов, захваченных тангутами во время их походов.

Хара-Хото не избежал общей участи. Возможно, что в «Знаменитый» субурган сокровища, найденные Козловым, были в спешке спрятаны перед осадой или во время осады города.

Однако разграбленный город возродился снова: уж очень выгодным было его расположение на путях в Каракорум, монгольскую столицу. Вот почему среди находок оказались документы и на монгольском языке.

Окончательно погиб город в 70-х годах XIV века, когда китайцы восстанавливали в этих местах свое господство. Быть может, к тем временам и относится легенда о властелине Хара-Хото, отважившемся на вылазку после того, как осаждавшие отвели от крепости воду.

Об умершем городе забыли. Его лишь изредка посещали китайские путешественники, привлеченные величественным видом развалин.

Открытие Козлова положило начало изучению подлинной истории расцвета и упадка Хара-Хото.

Охотники за динозаврами

Находки ископаемых в пустыне Гоби, сделанные последней экспедицией Петра Кузьмича Козлова, заинтересовали палеонтологов, подтвердили, что обнаруженный здесь ранее Владимиром Афанасьевичем Обручевым зуб третичного носорога — не случайная находка.

Одна из величайших пустынь мира вызывает ощущение беспредельной шири морского простора, только недвижного, застывшего, окаменевшего, где вместо волн вздымаются холмы.

Климат пустыни отмечен крайностями: от нестерпимой жары до морозов, похожих на сибирские, но усиленных порывистыми ветрами. Животный мир Гоби скуден. Здесь, как говорят, условия, близкие к пределу жизни, к которым могут приспособиться лишь немногие.

Но всегда ли пустыня была такой?

Исследователи считают, что там, где сейчас простираются мертвые равнины, прежде текли реки, среди буйной, богатой растительности бродили гигантские ящеры-динозавры. Эти ископаемые были в мезозойскую эру распространены, вероятно, на всех материках. Но именно в Гоби создались особые условия, способствующие сохранению их останков. Дело в том, что, в отличие от многих других мест земного шара, район Гоби, по крайней мере в течение ста миллионов лет, не затапливался морем и не знал наступления гигантских ледников.

Первая большая советская экспедиция «охотников за динозаврами», которой помогали монгольские ученые, начала работать в Гоби после войны. Экспедицию возглавлял видный палеонтолог, профессор Иван Антонович Ефремов, автор «Туманности Андромеды» и многих других произведений, принесших ему известность как писателю-фантасту.

У него есть, в частности, рассказ «Тень Минувшего», где оживают картины бесконечно далекого прошлого, якобы запечатленные в горных породах и при определенных условиях освещения и отражения возникающие перед взором исследователя. Герой рассказа, палеонтолог Никитин, занятый поисками костей динозавров, находит способ увидеть и показать другим как бы оживших ископаемых ящеров.

Рассказ фантастический. А вот выписка из дневника палеонтолога Ефремова — руководителя экспедиции в Гоби. Она работала на «кладбище драконов», находившемся в местности Нэгмэт-Ула, название которой остряки переделали в «Невмоготу»: уж очень суровы здесь условия жизни.

«Странный и необычный ландшафт раскинулся передо мною, — пишет ученый. — На много километров на восток в рядах обрывов чередовались желтые и красные башни и колонны. Ветер

назойливо шумел по обдутой до последней песчинки поверхности плато».

Плита песчаника образовала в одном месте уступ. На нем ученый увидел «множество костей — широкие дуги громадного таза, толстые, как поленья, обломки костей конечностей, изогнутые когтевые фаланги…». Немного подальше бросалась в глаза «груда ребер исполинского динозавра… Хищная лапа еще топырила свои чудовищные когти. На следующем выступе в отломе песчаника выделялась белая челюсть с кинжалообразными черными зубами, эмаль которых блестела, как у живого зверя».

Находки экспедиции Ефремова украшают залы Палеонтологического музея Академии наук и музея в столице Монголии.

Тяжелая болезнь не позволила ученому завершить раскопки. Продолжали его работу советские и монгольские коллеги. Работы в пустыне расширяются, и почти каждый год оттуда приходят известия о новых открытиях.

Теперь общепризнано, что в Гоби одно из крупнейших на земном шаре скопление скелетов динозавров. По разнообразию обнаруженных здесь видов оно превосходит давно известное кладбище ископаемых рептилий в Южной Африке.

Название «динозавр» происходит от греческих слов «дейнос» (ужасный) и «заурос» (ящер, ящерица).

В Гоби водились тиранозавры, относящиеся к наиболее крупным из когда-либо существовавших хищников. Мощным ударом когтистой лапы он мог сразить травоядного ящера-зауропода, достигавшего сорока метров в длину.

Кроме костей тиранозавров и зауроподов, в Гоби найдены кости рогатых, панцирных, утконосых и других динозавров, а также окаменевшие яйца этих рептилий.

Подтверждается гипотеза, называющая Центральную Азию колыбелью некоторых групп позвоночных и млекопитающих: их останки также были обнаружены палеонтологами.

В последнее время мы часто видим в газетах и журналах примерно такие заголовки: «Почему вымерли динозавры?», «Знакомьтесь: динозавр», «По следам динозавра» и даже «Возвращаются ли динозавры?».

Всплеск интереса к десятки миллионов лет назад исчезнувшим «хозяевам Земли» связан, в частности, с многочисленными находками отпечатков их следов в разных районах земного шара, а также с появлением новых гипотез, в том числе, например, о близком родстве динозавров и… страусов.

Гипотеза не столь уж фантастична: в скелетах страуса и

маленьких хищных динозавров немало сходства. Окаменевшая скорлупа яиц рептилий напоминает скорлупу страусового яйца. Впервые обнаруженные недавно скелеты детенышей динозавров напоминают скелеты птенцов. У некоторых ископаемых рептилий — клювы и птичьи лапы.

Но вернемся к особенно часто повторяющемуся заголовку-вопросу: «Почему вымерли динозавры?». Это произошло с катастрофической быстротой примерно 65 миллионов лет назад. В чем причина? В резком изменении климата Земли — похолодании или, напротив, потеплелении? В понижении уровня Мирового океана, многое изменившем на планете? В неизвестной эпидемии, губительной для динозавров? В ослаблении магнитного поля Земли, оставившем на какое-то время планету относительно беззащитной от опасного космического излучения? Или, может быть, Земля столкнулась с гигантским астероидом и небеса заволокло непроницаемой для солнечных лучей мглой?

Однако вот что существенно: причина, какой бы она ни была, привела к уничтожению рептилий-динозавров, тогда как млекопитающие выжили, и после избавления от грозных хищников их жизнь стала куда приятней и безопасней.

Ни одна из существующих сегодня гипотез об исчезновении «властелинов планеты», господствовавших на ней 150–180 миллионов лет, не получила до сих пор полного подтверждения.

Кстати, о властелинах. Они населяли моря, сушу, носились в воздухе. Но не следует думать, что динозавры — непременно колоссы. Брахиозавр действительно достигал в длину 25 метров и весил 80 тонн, примерно столько же, сколько современный мощный тепловоз. Но были динозавры не крупнее зайца, кошки, а судя по недавним находкам, — даже размером с мышь…

Самая впечатляющая и единственная в мире находка, относящаяся к исчезнувшим рептилиям, демонстрируется в Монголии, в музее Улан-Батора. Это скелеты двух сцепившихся 80 миллионов лет назад в смертельной схватке динозавров — травоядного протоцератопса и хищника — велоцираптора. Гибель не разъединила их, кости скелетов переплелись навечно.

Спор о "Большом гвозде"

«Большим гвоздем» прозвали Северный полюс эскимосы.

Полюс, о котором они столько слышали в разговорах белых, представлялся им торчащим среди льдов железным стержнем, почему-то очень важным для всей Земли. Наивно? Однако распевали же дореволюционные гимназисты: «Еще есть земная ось, протыкает шар насквозь».

Может быть, жаркую схватку вокруг права именоваться первооткрывателем Северного полюса газеты назвали спором о «Большом гвозде» именно потому, что спутниками двух белых, оспаривавших честь достижения недоступной точки, было несколько эскимосов.

Но почему «двух белых»?

Распространено мнение, что впервые Северный полюс был достигнут 6 апреля 1909 года американцем Робертом Эдвином Пири. С ним шли негр Меттью Хенсон, эскимосы Ута, Эгингва, Сиглу и Укеа.

Кто же второй белый?

Американец Фредерик Альберт Кук.

Доктор Фредерик Кук утверждал, что ему удалось достичь Северного полюса в сопровождении эскимосов Этукишука и Авелаха раньше, нежели Пири, а именно 21 апреля 1908 года.

Между двумя исследователями шел многолетний ожесточенный спор, который далеко не всегда велся «по-джентльменски». Он не окончился со смертью Пири и со смертью Кука, на десять лет пережившего соперника.

Он не завершен окончательно до сих пор.

Первоначально победителем признали Пири. Но открытия в полярном бассейне, сделанные за последние десятилетия, неожиданно подтвердили правильность некоторых доводов Кука, казавшихся прежде весьма сомнительными. Появились новые работы, заставившие многое пересмотреть и автора этой книги, в свое время писавшего о борьбе за Северный полюс.

Полярные исследователи, географы еще и еще раз тщательно взвешивают факты, связанные с двумя экспедициями. Иные снова приходят к выводу, что Пири заслуживает доверия, тогда как его соперник — лишь ловкий мистификатор и авантюрист. Но другие — и в их числе американский писатель Теон Райт — считают, что прав был Руал Амундсен, один из величайших полярных путешественников, находивший доктора Кука чест-ним человеком. В его отчетах нет неопровержимых доказательств, но ведь и отчеты Пири полны неточностей и противоречий.

Не будем здесь выносить на суд читателей все спорные или малодостоверные моменты двух экспедиций. Это сделали специалисты — и, как уже говорилось, не пришли к единодушному мнению.

Для нас представляют интерес личности Роберта Пири и Фредерика Кука, а также причины превращения вчерашних друзей в лютых врагов.

*

Роберт Пири был человеком незаурядным.

Он с молодых лет определил для себя жизненную цель: успех, который бы возвысил его над окружающими. Пири видел себя рослым, сильным, крепким.

«Я хочу быть выносливым и упорным, с ясным взором, хорошим цветом лица и густыми усами, — набрасывает он в одном из писем матери свой портрет в будущем. — Стрелять я должен без промаха, плавать без устали, великолепно ездить верхом, отлично боксировать и фехтовать».

Но этого ему кажется мало. Пири добавляет черточки, сближающие его идеал с обликом супермена, этакого сверхчеловека, героя американских фильмов наших дней.

«Я хочу быть своим в любом обществе, при этом чтобы всегда создавалось впечатление, что есть во мне что-то от дикого зверя…»

Однако начало карьеры Роберта Пири довольно буднично: чертежник, потом инженер американского морского флота, скромный лейтенант, каких десятки тысяч.

Ему было около тридцати лет, когда, работая на изысканиях канала в джунглях Никарагуа, он прочитал однажды очерк о безлюдных просторах Гренландии и ее вечных льдах. Его словно осенило: вот место для энергичного, честолюбивого и не робкого человека. Почему бы не попытаться, скажем, пересечь ледяной купол огромного острова?

Он загорелся этой идеей. К черту болота Никарагуа с их тропическими лихорадками! Изучив все, что написано о Гренландии, Пири составляет план похода.

Но к новичку относятся с обидным безразличием. Ему не дают на экспедицию ни единого доллара.

Тогда он занимает деньги у матери. Первая атака ледников Гренландии показала Пири, что орешек куда крепче, чем это представлялось в мечтах. Сто миль, только сто миль удалось преодолеть ему почти за месяц пути.

Последовавшие за этим пять лет Пири не покидает мысль о новой экспедиции. Он уже не обращается к своему скуповатому правительству, а ищет поддержку среди богатых людей, жаждущих прослыть патриотами Америки.

Ему удалось снарядить специальный корабль — но какое разочарование ждет Пири еще до выхода в море: пока толстосумы раскошеливались, норвежец Фритьоф Нансен успел пересечь ледяной купол Гренландии!

Однако на этом огромном, слабо исследованном острове есть ведь и другие маршруты. И главное — его северная оконечность ближе к полюсу, чем многие другие земли.

Корабль «Коршун» идет к Гренландии. В пути происходит

нелепый случай. Пири находится на корме, когда румпель, часть рулевого устройства, при маневре во льдах перебивает ему ногу. И какая удача, что Пири выбрал себе в спутники доктора Фредерика Кука! Этот молодой хирург поистине кудесник: нога быстро заживает.

Доктор Кук остается с Пири на берегу Гренландии после того, как «Коршун» уходит из негостеприимных вод. Он вместе с норвежцем Эйвиндом Аструпом занимается подготовкой похода Пири. Позже, когда выйдет книга об этой экспедиции, на многих фотографиях читатели увидят Кука рядом с Пири и прочтут похвалы в адрес доктора, оказавшегося выносливым полярником.

Едва переломы срослись, как Пири вместе с Аструпом на собачьих упряжках отправляется через льды Гренландии. Дело происходит весной 1892 года. Путь длится почти три месяца. Даже для совершенно здорового человека это труднейшее испытание. Пири выдерживает его.

Он становится вторым после Фритьофа Нансена путешественником, которому удалось пересечь остров от одного берега до другого, причем в оба конца и через еще более недоступные ледники на севере Гренландии.

Так Роберт Пири делает первый шаг к вожделенной славе.

Вернувшись в Америку, он замышляет новую экспедицию. Ему нужны деньги, много денег. Пири ездит по городам с лекциями о Гренландии, выступает по нескольку раз в день. Подсчитывает: прочитано 168 лекций, заработано 13 тысяч долларов. Мало. Дельцы советуют Пири показывать за деньги своего помятого льдами «Коршуна». Поколебавшись, он соглашается. Но и это — капля в море.

Тогда Пири снова начинает искать покровителей среди денежных тузов. Разве не доказал он, что способен на большие дела в Арктике? Вкладывать деньги в его экспедиции — значит, способствовать славе Америки. Имена жертвователей останутся в истории, они будут начертаны на картах высоких широт.

В новую экспедицию Пири берет жену. Они вместе зимуют возле берегов Гренландии. Там у Жозефины Пири рождается дочь.

Упорный американец обживает Арктику.

Все тут должно стать ему привычным. Он должен свыкнуться со снегами и морозами, как свыкается эскимос. Без этого трудно осуществить честолюбивые замыслы, все более овладевающие всем его существом: Гренландия должна стать местом для рискованного старта к Северному полюсу.

Однако при попытке предпринять дальнюю разведку Пири теряет почти всех собак на первых этапах пути.

Отступить? Пири говорит жене:

— Возвращайся в Америку. Я остаюсь.

На следующий год он снова пересекает Гренландию, разведывая возможный путь к полюсу. Теперь в его достижении Пири видит уже едва ли не единственную цель и смысл жизни.

В нем крепнет уверенность, что именно ему самой судьбой предназначено сделать то, что не удалось другим. Над Северным полюсом должен развеваться звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов — и никакой другой! Не кто иной, как он, Пири, водрузит его!

О Пири много говорят и пишут. В журналах появляются его портреты. Когда журналисты спрашивают Пири, какую пользу приносят исследования в Арктике, он отвечает:

— А какую пользу приносят состязания яхт, атлетические соревнования, испытания машин и военных судов или какое-нибудь из многочисленных испытаний, бывших со времени младенчества мира единственным средством определить превосходство одних людей, машин, методов, наций над другими?

Пири откровенен: научные исследования в Арктике — не главная его задача. Главное — быть первым на полюсе.

Роберта Пири не назовешь счастливчиком, которому все удается. Год за годом повторяет он свои, в общем-то, безуспешные попытки найти надежную исходную точку для решающего маршрута. У него есть верный постоянный спутник — негр Мэттью Хенсон, выносливый, неприхотливый, втянувшийся в экспедиционную жизнь полярника.

Пири считает себя знатоком Арктики, вполне подготовленным к походу на полюс, но судьба готовит ему очередной удар. Во время пурги он теряет дорогу и, проблуждав двое суток, добирается до хижины с обмороженными ногами.

Как бы пригодилось теперь искусство доктора Фредерика Кука! Но его нет в составе экспедиции.

Часть пальцев приходится ампутировать.

Конец полярным переходам?

Нет, не таков Роберт Пири. На костылях ковыляет он за Мэттью Хенсоном, временами в изнеможении падая на сани, влекомые собаками.

Год за годом обследуя северное побережье Гренландии, Пири убеждается, что идти отсюда к полюсу трудно и рискованно: большие нагромождения торосов, частые полыньи.

И его отряд начинает исследования соседней Земли Гранта в Канадском Арктическом архипелаге. Не раз выходит Пири на льды океана, направляясь в сторону полюса, но снова и снова

возвращается назад.

Наконец в 1906 году ему удается установить рекорд — пересечь 87-ю параллель.

Но оттуда до полюса все же более трехсот километров.

По возвращении в Соединенные Штаты Роберта Пири чествуют как героя.

Находятся, однако, и критики, которые считают, что американскому полярнику недостает многих качеств истинного исследователя. Например, скромности.

В книге, посвященной полярным путешествиям, Пири говорит о своих заслугах в откровенно рекламном тоне:

«Я открыл новый способ полярных путешествий».

«Я могу считать себя инициатором идеи использования самих собак в пищу собакам».

«Я ввел в первый раз и показал годность различных новых методов выдающейся ценности для полярного путешественника».

«Влияние моей экспедиции на эскимосов состояло в том, что подняло их всех до благосостояния».

Да, скромность — не в числе добродетелей Роберта Пири.

Однако разве не так поступают многие в окружающем его мире? Пири не идеалист, он понимает, что снаряжение крупной экспедиции в Америке — это бизнес.

Здесь действуют свои законы. Умелая реклама, даже несколько назойливая, легче найдет дорогу к сердцу и карману американца, чем пространные разглагольствования о бескорыстном служении науке.

Теперь за спиной претендента на покорение полюса — могущественный Арктический клуб Пири во главе с мистером Морисом Джезупом (в Гренландии появился уже мыс Джезупа) и несколькими влиятельными богачами.

Этот клуб напоминает хорошо налаженный трест. Деньги вложены, их должен окупить успех.

Для Пири специально оборудуют судно «Рузвельт». В печати рекламируются «сани Пири», «мыло Пири» и, особенно, «метод Пири», который должен принести победу в скачках к полюсу. Метод не нов, им пользовались и до Пири. Американец внес в него точный и холодный расчет. Он говорит:

— Последние четыре или пять дней своего обратного путешествия от полюса люди будут питаться мясом своей последней собаки, которая предварительно съест всех своих товарок.

Пири тщательно готовится к заключительному ходу в игре. Он знает: завтра будет поздно. Годы берут свое. Он все чаще чувствует недомогание. Если не удастся на этот раз — конец:

Америка безжалостна к ослабевшим.

Конкуренты? Да, тщеславный миллионер Циглер отправил к полюсу свою экспедицию во главе с бывшим кавалеристом Фиала, искушенным не столько в арктических исследованиях, сколько в скачках с препятствиями.

Уэльман? Он собирается к полюсу на воздушном шаре. За шаром будет волочиться по льду пятидесятиметровая чудо-колбаса, начиненная смесью сушеного мяса и гороха. Она устроена так, что в пути от нее будут отрываться куски — готовые склады продовольствия для обратного пути.

Роберт Пири, опытный игрок в «великой полярной игре», не придает особого значения ни «колбаснику», ни «кавалеристу». Но одно сообщение вызывает в нем раздражение и даже тревогу.

Он узнает, что без шума, без помпы Нью-Йорк покинул корабль «Джон Бредли». На нем отправился на штурм Северного полюса не кто иной, как доктор Фредерик Кук, бывший корабельный врач Роберта Пири. И самое главное: будто бы доктор Кук нашел новый путь к полюсу и теперь намерен воспользоваться им.

Что это за путь? Похоже, вопрос остается пока без подробного ответа: экспедиция готовилась скрытно.

Пири рассержен. «Джентльмены так не поступают», — замечает он.

Но в чем же провинился доктор? Разве у Пири — монополия на владение ключами от полюса? Разве Кук решил воспользоваться отмычкой?

Однако первое обвинение брошено.

Начатая в 1908 году новая экспедиция Пири заставляет забыть и о Куке, и о Фиале, и об Уэльмане, и о всех прочих.

— Теперь или никогда, — говорит Пири, прощаясь с друзьями.

Ему скоро 53 года. Едва не половину из них он отдал Северу. Флаг, который когда-то подарила ему жена для водружения на полюсе, укоротился: он много раз отрезал от него полоски, оставляя их в крайних северных точках своих маршрутов.

Теперь или никогда. Это не слова. В случае неудачи у него просто не хватит сил для продолжения игры.

Но что же делал все эти годы доктор Фредерик Кук? Каким образом удалось ему снарядить экспедицию?

Несколько слов о нем самом.

У Кука было трудное детство. Мать его рано овдовела, мальчику пришлось торговать на рынке овощами, работать на стекольном заводе, заниматься развозкой молока, чтобы прокормить себя. Он посещал вечернюю школу. Учителя

отмечали его блестящие способности. Страсть к науке выделяла его и в колледже, где Кук изучал медицину.

Когда Пири понадобился врач для первой экспедиции, профессора Колумбийского университета без колебаний рекомендовали ему Кука.

Дороги сошлись не только во время двухлетнего похода на «Коршуне» к берегам Гренландии. В 1901 году по просьбе Арктического клуба Кук навестил Пири и осмотрел его больные ноги.

Трудно сравнивать, конечно, огромный опыт, накопленный в Арктике Пири, с довольно скромным полярным багажом Кука. Однако и его отнюдь нельзя назвать новичком в высоких широтах. Он ходил на яхте «Зета» вдоль побережья Гренландии, проявил храбрость и находчивость при аварии в гренландских водах судна «Миранда».

Кук был также участником бельгийской экспедиции в Антарктику. Судно «Бельжика» не раз попадало в очень серьезные переделки, и доктор Кук показал себя с самой лучшей стороны. Руал Амундсен, ходивший на «Бельжике», говорил о нем как о «самом надежном человеке», обладавшем несгибаемым мужеством и беспредельной добротой. Кук побывал и на Аляске, где пытался подняться на высочайшую горную вершину Северной Америки.

Его заслуги как путешественника не остались без признания. Доктор Кук был награжден золотой медалью Бельгийского географического общества. Его избрали президентом Клуба исследователей в Нью-Йорке, который хотя и не располагал такими возможностями, как Арктический клуб Пири, но все же мог поддержать Кука при подготовке его экспедиции.

Шхуна «Джон Бредли» ушла в рейс летом 1907 года. Осенью пришло сообщение: доктор Кук высадился на берегу одного из проливов. Он, тщательно изучив материалы экспедиции Нансена на «Фраме», выбрал иной путь, нежели Пири, и намерен идти к полюсу через северную оконечность острова Аксель-Хейберг в Канадском Арктическом архипелаге.

После этого связь с доктором Куком надолго прервалась.

В июле 1908 года покинул Нью-Йорк «Рузвельт», унося Пири и его спутников.

Но видимо, старому полярному волку не давала покоя мысль о конкуренте. Он побывал на его базе в эскимосском селении. То был странный визит.

На дверях домика появилась табличка: «Этот дом принадлежит доктору Ф. А. Куку. Но Кука давно нет в живых и бесполезно искать его. Поэтому я, командор Роберт Э. Пири,

отдаю этот пустой дом лоцману Мерфи».

«Рузвельт» направился дальше. Он достиг мыса, найденного Пири подходящим для старта похода. Здесь полюсная партия стала терпеливо дожидаться конца полярной ночи. К февралю 1909 года все было готово к выступлению в путь.

Тем временем о Куке многие уже забыли. Мир нетерпеливо и с надеждой ждал известий от экспедиции Пири.

И вдруг…

Сентябрь 1909 года. Телеграмма с одного из Шетлендских островов, куда зашел небольшой датский пароход «Ганс Эгеде», посетивший Гренландию и возвращающийся в Европу:

«21 апреля 1908 года достигли Северного полюса. Обнаружили землю далеко на севере. Возвращаюсь в Копенгаген пароходом. Фредерик Кук».

А пять дней спустя, всего пять дней, редакция «Нью-Йорк таймс», газеты, помогавшей Пири, получила телеграмму:

«Достиг полюса 6 апреля 1909 года… Обеспечьте быструю передачу грандиозной новости… Роберт Пири».

Итак, случилось невероятное, неожиданное: выходило, что Кук почти на год опередил Пири, еще ничего не знавшего об этом.

Тут-то и завязалось спорное дело, не проясненное до конца и поныне. Впереди были годы взаимных оскорблений и препирательств, непристойного дележа «курицы славы», вскрытие разных сомнительных и даже подтасованных фактов в отчетах обоих путешественников.

Пароход «Ганс Эгеде» был торжественно встречен в Копенгагене. На банкете Кук сидел справа от королевы Дании. Копенгагенский университет заявил о своем намерении присвоить ему почетное звание.

Сообщение, что Пири достиг полюса, застало Кука еще в датской столице.

— Если это правда, — сказал он, — я готов воскликнуть: «Ура, Пири!» Ему, конечно, пришлось претерпеть много лишений, что придает решенной им задаче еще больше ценности в моих глазах. Впрочем, мы оба — американцы, и, следовательно, не может возникнуть никакого международного конфликта из-за нашего открытия, так сильно и горячо желаемого человечеством.

Вот что, в общих чертах, доктор Кук рассказал позднее в книге о своем пути к полюсу.

Он провел долгую полярную ночь в крохотном эскимосском селении, готовясь к походу. Когда забрезжил полярный день, тронулся в дорогу, сопровождаемый несколькими эскимосами. Потом с ним остались лишь двое.

Маленький караван, подгоняя собак, шел через океанский лед. На привалах строили хижины из снега. Путников остановила большая полынья, и Кук подумал, что эта задержка может стать роковой. Но мороз затянул полынью молодым ледком, по которому они и перебрались, рискуя провалиться в воду.

Чем дальше уходил Кук от суши, тем мрачнее становились его спутники. Их угнетала бескрайность открытого ледяного пространства, полного опасностей.

Они пытались уговорить Кука повернуть к увиденному вдалеке неведомому острову, который тот назвал Землей Бредли. Но Кук боялся потерять время.

Однажды ночью разразился шторм, льдины ходили ходуном, и та из них, на которой стояла снежная хижина, дала трещину как раз под ней…

Все сильнее чувствовались усталость и недостаток пищи. «Мне не забыть печальных людей, бредущих впереди меня, эту ужасающую картину отчаяния», — писал Кук.

Но Типи-Оху, «Большой гвоздь», был уже близок. 20 апреля, в ночь светлую и яркую, когда фиолетовые тени от торосов казались барьерами, трое сделали решающий долгий переход и буквально свалились на снег от усталости.

На другой день шагомер отсчитал четырнадцать с половиной миль. Последние мили? Доктор Кук разбил палатку и сделал наблюдения: 89 59′45″.

Они прошли еще немного и на самом полюсе построили снежную хижину. Эскимосы тотчас заснули. Доктор Кук записал: «Переполнены радостью, но не находим слов выразить ее. Как мы устали и ослабли! Теперь необходим отдых!»

Но троим предстоял не отдых, а долгий обратный путь, когда они едва не погибли от голода.

*

А полярная эпопея Роберта Пири?

У него отличные помощники. Полный сил Роберт Бартлетт, «капитан Боб», опытный моряк, сведущий в астрономии. Молодые ученые: не раз побывавший в Арктике профессор Марвин и доцент-физик, отличный спортсмен Мак-Миллан. Неизменный победитель университетских состязаний силач Боруп. Разумеется, Мэттью Хенсон. Доктор Гудсел, знаток своего дела. Наконец, группа эскимосов; из них можно выбирать самых здоровых, выносливых, неприхотливых.

Много лет назад на арктический лед впервые ступил новичок — волевой, целеустремленный, мужественный. Он развил эти качества в трудных полярных путешествиях. Но, старея, не подавлял в себе черт характера, принижающих самые сильные

натуры.

Теперь на покорение полюса шел человек с непомерным честолюбием. Спутники были для него лишь пешками в продуманной до мелочей решающей игре. Он трезво взвесил, что стоит и на что способен каждый из них. Он знал их слабости и понимал стремление каждого оказаться рядом с ним, Пири, на последних милях скачки. Понятно, что эта честь могла выпасть лишь одному.

Но кому именно?

Подбирая участников экспедиции, Пири поставил условие: до решающих этапов никто, кроме него, не должен знать, как далеко по дороге к полюсу пойдет каждый из них. Пусть стараются!

Февраль 1909 года. Пири, в меховом костюме, сшитом так, что человек кажется обросшим теплой мохнатой шерстью, пропускает мимо себя упряжку за упряжкой. Он должен идти по проторенной дороге, сберегая силы.

Прокладку пути начинает отряд Бартлетта. «Капитан Боб» крушит торосы, протаптывает колею, строит с эскимосами «иглу» — снежные хижины для отряда Пири.

Полыньи дымят паром. Мороз таков, что керосин становится белым и вязким. Ветер валит с ног. Но то ли еще видели Пири и его спутники в прошлые свои экспедиции!

Постепенно Пири отсылает назад людей, которые, по его мнению, сделали свой нужный ход в игре.

Первыми прощаются доктор и опечаленный Мак-Миллан.

За ними отправляется Боруп, только что спасший с риском для жизни сорвавшуюся в полынью собачью упряжку и, по общему мнению, не уступавший эскимосам в выносливости и ловкости.

Затем, выполняя приказ, уже за 86-й параллелью, уходит назад Марвин. Уходит навсегда — на обратном пути его ждет гибель.

«Капитан Боб» и Мэттью Хенсон, сменяя друг друга, прокладывают путь. Пири ночует в готовых снежных хижинах. Он чувствует себя бодрым, полным сил.

Все сулит ему удачу. Мороз перебросил ледяные мосты через полыньи. Эскимосы рвутся вперед: Пири пообещал, что тем, кто пойдет с ним до полюса, он даст лодку, ружье и патроны. Ради такого несметного сокровища любой эскимосский охотник готов заложить душу дьяволу!

Снежный лагерь почти на 88-й параллели. Отсюда предстоит большой последний бросок.

Перед Пири, отдирающим льдинки с рыжих усов, отряд Бартлетта: сам «капитан Боб», только что закончивший астрономические наблюдения, рядом — молодой,

легкомысленный эскимос Укеа, впервые участвующий в арктической экспедиции.

— Укеа, ты пойдешь со мной, — медленно говорит Пири, не глядя на «капитана Боба». — И ты, Хенсон.

Бартлетт бледнеет. Значит, Пири все-таки берет с собой неопытного Укеа и отсылает назад его, Бартлетта?!

— Мне бесконечно жаль… — говорит Пири.

Он не хочет делить славу и деньги с другим белым человеком! Ему не нужны спутники, которые могут стать авторитетными свидетелями его победы… или поражения. Поэтому он берет с собой негра и эскимосов.

— Ну, счастливо, — находит в себе силы сказать «капитан Боб».

Что думает в эти минуты Пири? Просыпается ли в нем сожаление, раскаяние, испытывает ли он угрызения совести?

В своем запроданном газетам дневнике Пири записывает о Бартлетте:

«Мы с ним сердечно простились. Я долго смотрел вслед могучей фигуре капитана… Мне было невыразимо грустно, что пришлось расстаться с лучшим товарищем и бесценным спутником, всегда жизнерадостным, спокойным и мудрым, на долю которого выпала самая тяжелая работа по проложению пути для наших партий. Но делать было нечего…»

Пока усталый, ссутулившийся «капитан Боб» бредет назад по тропе, пробитой им, Пири велит Хенсону вести головную упряжку вместо Бартлетта. Миля за милей остаются позади. Эскимосы Эгингва, Сиглу, Ута и Укеа стараются изо всех сил.

Утром 6 апреля Пири определяет широту: до полюса три мили. Он рядом, совсем рядом, этот вожделенный полюс!

Сказывается нервное напряжение последних дней. Пири еле передвигает ноги. Хенсон и эскимосы поспешно строят хижину.

Читатели впоследствии прочтут в книге Роберта Пири, рассказывающей о путешествии, как он вскочил после короткого тяжелого сна, чтобы записать в дневнике:

«Северный полюс наконец завоеван. Моя мечта и цель двадцати лет моей жизни претворились в действительность. Не верится! Все кажется таким простым и обычным».

Немного отдохнув, Пири совершает несколько поездок в разных направлениях, определяя широту. Да, его отряд находится в районе полюса. В снег воткнуты флаги, записка о достижении северного конца земной оси положена в бутылку. Пири пишет, что, водрузив национальный флаг на полюсе, он «формально присоединил всю эту область к владениям Соединенных Штатов Америки». Какую именно «область» — не очень ясно…

Все трижды кричат «ура». Пири пожимает руку эскимосам и особенно благодарит верного Хенсона.

А позже в своей книге он напишет, что белые спутники могли оказаться на последнем этапе к полюсу в роли пассажиров (это Бартлетт-то пассажир!), «Хенсон же был частью двигательной машины».

И добавил тут же, как бы связывая одно с другим: «Что касается собак, то в большинстве своем это были сильные, крепкие, как кремень, самцы, здоровые, без лишнего жира на теле и, благодаря бережному обращению, в отличной форме, как и люди».

*

Когда же Пири узнал, что будто бы его опередили?

Вероятнее всего, сначала до него дошли слухи лишь о возвращении Кука, а не об его открытии. Однако Пири, еще не зная никаких подробностей, сразу же заявил, что доктор Кук — лжец, каких не видел свет. В одном из писем Пири выразился еще резче: «Когда, наконец, я добился цели, какой-то поганый трусливый самозванец должен все испакостить и испортить».

В поселке Эта Пири учинил настоящий допрос эскимосам, пытаясь, видимо, добиться сведений, бросающих тень на Кука. Затем, узнав, что Кук сделал заявление о достижении полюса, тотчас стал рассылать телеграммы во все газеты и агентства: «Не принимайте версию Кука всерьез», «Кук просто надул публику». Жена получила от Пири сообщение, что Кук вообще у него в руках.

Скандал быстро разрастался. В ход пошли совсем уж грязные приемы. Близкие Пири люди специально отправились в Гренландию, чтобы отыскать тайник с документами Кука и уничтожить их.

Кук первое время не отвечал на обвинения Пири, но потом ожесточился и начал контратаку. При этом он тоже далеко не всегда прибегал к серьезным доказательствам, достойным исследователя. Доктор Кук послал президенту телеграмму, обвиняя Пири в… распространении в Арктике многоженства.

Американская пресса, падкая до сплетен и дешевых сенсаций, всячески подливала масла в огонь. Неистовствовали дельцы из Арктического клуба Пири. Они начали травлю Кука, используя самые бесчестные приемы.

В дело, часто помимо своей воли, были втянуты видные ученые. В него ввязались также конгрессмены, ищущие популярности у публики.

Во время всех этих некрасивых передряг, напоминавших ссору сварливых стряпух на кухне, выяснились поразительные

вещи.

Ни Кук, ни Пири не смогли привести неопровержимых доказательств своих подвигов и, главное, самого факта достижения полюса. У них не нашлось надежных, разбирающихся в астрономии свидетелей: ведь Пири не взял с собой на полюс Бартлетта.

Когда сделали подсчеты, получилось, что на последних этапах к полюсу пожилой Пири передвигался по арктическим льдам в полтора-два раза быстрее, чем в свое время это удавалось таким опытным и куда более молодым полярникам, как Нансен, Амундсен, Шеклтон. Тени на фотографиях, сделанных Пири, часто не соответствовали тем, какими они должны быть на указанных широтах в день и час съемки.

Оказалось далее, что, находясь в районе полюса, Пири почему-то не делал никаких записей — в дневнике были чистые листы, либо пометки вроде таких: «Сорок третий день, двадцать седьмой переход».

Не выдерживали строгой проверки и результаты наблюдений, сделанных на полюсе обоими путешественниками: оба были недостаточно сведущими в астрономии…

Уже упоминалось, что некоторые данные, полученные за последние десятилетия, свидетельствуют в пользу показаний Кука, вызывавших прежде особенные сомнения. Что это за данные?

Прежде всего современное представление о ледяных дрейфующих островах. Один из этих гигантов Кук мог принять за увиденную им «Землю Бредли». Затем — полученные учеными данные о направлении течений в Полярном бассейне. Они в общем согласуются с нарисованной Куком картиной его возвращения, когда из-за передвижения льдов он вышел совсем не туда, куда предполагал, что едва не стало причиной гибели маленькой группы от голодной смерти.

Грустная и пошлая эта история — спор о «Большом гвозде»! Игра мелких страстей и страстишек вокруг дела поистине великого, казалось бы способного лишь утверждать могущество человека.

Кук первым вышел из спора. Победу, хотя и с оговорками, присудили Пири.

Это было при прочих равных условиях справедливо хотя бы потому, что он затратил на достижение цели свыше двух десятков лет, проявив железную силу воли и редкостное упорство.

После всех разбирательств и препирательств многие склонялись к мысли, что в действительности на полюсе не был ни один из претендентов.

Пири получил чин адмирала за исследования в Арктике. При этом в перечислении его заслуг о достижении полюса прямо не говорилось.

…На стене Клуба исследователей в Нью-Йорке висит наиболее известный портрет Роберта Пири. Он снят в меховом костюме, делающем его похожим на «снежного человека». Необычно лицо победителя: усталый, безразличный, старый человек с обвисшими усами и потухшими глазами.

Портрет доктора Фредерика Кука в свое время был снят со стены. Теперь он снова водворен на прежнее место. Весы истории заметно качнулись в сторону Кука.

Ну, а Мэттью Хенсон? Коснулась ли его своим крылом слава? Ничуть. О нем попросту забыли. Человек, побывавший на полюсе, обслуживал автостоянку, потом стал посыльным при таможне.

Лишь в 1949 году, четыре десятилетия спустя после подвига во льдах, престарелый Хенсон под нажимом участников движения за права негров, получил серебряную медаль, отмечающую его вклад «в дело покорения Северного полюса»…

К полюсу!

Проникновение человека в Арктику — это времена незапамятные. Недавние раскопки, произведенные академиком Алексеем Павловичем Окладниковым и его американскими коллегами, подтвердили, что еще в четвертичное время предки современных американских индейцев перебирались из Азии в Северную Америку по перешейку, соединявшему тогда Чукотку и Аляску. Конечно, этих древних охотников, передвигавшихся в поисках пищи, не назовешь путешественниками, однако остается фактом, что они узнали суровость полярных широт.

До нашей эры грек Пифей, возможно, сумел проникнуть в воды, омывающие Исландию. Отважные викинги в X веке от берегов Скандинавии ходили к Гренландии. «Господин Великий Новгород» с XI века посылал большие дружины в «моря студеные».

Поиски новых морских путей к сказочным Китаю и Индии

привели корабли европейских мореплавателей в царство плавающих льдов. Это был уже XVI век, в конце которого голландец Виллем Баренц с командой своего корабля узнал давящую тяжесть полярной ночи на Новой Земле.

А в XVII веке русские мореходы обогнули нынешний мыс Челюскин, крайнюю северную оконечность Азии. По их следам пошли корабли Великой Северной экспедиции, впервые обследовавшие «арктический фасад» России.

В хронике давних плаваний в полярных водах достаточно событий славных и драматических. Главной целью этих экспедиций обычно были поиски новых морских путей. И лишь XIX век воодушевил искателей осознанной идеей достижения Северного полюса.

На долгие годы она становится главенствующей, наиболее популярной, наиболее привлекательной — может, по духу схожей с той, какой для XX века стала идея проникновения человека в космос.

Северный полюс, как одна из целей, называется еще в описаниях плаваний фризов и норманнов. Но это детские наивные попытки.

Вероятно, о Северном полюсе мечтал затем угрюмый Генри Гудзон, в начале XVII века первым из мореплавателей пересекший 80-ю параллель.

В инструкции Василию Чичагову, составленной великим Ломоносовым, помимо всего прочего, говорилось о свободном ото льдов море возле полюса. Это ошибочное представление позднее разделялось многими учеными и привело к безуспешным попыткам проникнуть на корабле в центральную часть Северного Ледовитого океана.

Однако уже в первой четверти XIX века опыт экспедиций подсказал иную схему: на судне — только до непроходимых льдов, дальше — пешком, на санях, на собаках.

Пешком на север от Шпицбергена, куда его доставил корабль, пошел к полюсу англичанин Уильям Парри. Его группа взяла с собой сани-лодки. Первой неожиданностью было то, что торосистые льды в океане дрейфуют по воле ветров и течений; Парри думал встретить гладкий, неподвижный лед. Англичанин шел на север, а его постепенно сносило назад. Все же ему удалось пересечь 82-ю параллель.

Когда Парри хотел было возобновить свою попытку, взяв с собой упряжки северных оленей, нашелся исследователь, предложивший принципиально новый план полюсной экспедиции. Вот он:

«Экспедиционному судну зимовать близ селения эскимосов

около 77-й широты у западного берега Гренландии; туда же должны быть доставлены… 10 нарт с собаками, при ловких, смелых проводниках». Далее говорилось, что во время рекогносцировок надо устраивать промежуточные склады запасов все дальше и дальше к северу. На полюс отряд выступает от последнего, самого дальнего склада. Там его возвращения должна дожидаться партия со свежими собаками.

Именно так и поступали впоследствии многие путешественники.

А чем отличается этот план от метода Пири?

Прежде всего тем, что его автор — русский полярный путешественник Фердинанд Петрович Врангель — предложил новый метод на заседании Русского географического общества еще в 1846 году, за полвека до Роберта Пири.

Едва ли нужно перечислять здесь все экспедиции, снаряжавшиеся в разных странах для достижения Северного полюса. Исследователь Александр Лактионов считает, что с тридцатых годов прошлого века до первой мировой войны их было около трех десятков.

Имена иных путешественников ныне почти забыты. Другие занимают почетное место в истории познания Арктики, поскольку, не достигнув полюса, они все же дали науке новые ценные сведения о природе Полярного бассейна. Жизненный путь третьих окончился трагически.

Гибель американца Джорджа Де-Лонга, корабль которого — «Жанетта» — был раздавлен льдами, а из членов команды, пытавшихся добраться до берегов Сибири, остались в живых лишь немногие… Гибель воздушного шара «Орел», на котором швед Соломон Андрэ с двумя спутниками поднялся со Шпицбергена, вверив свою судьбу северным воздушным течениям… Гибель Георгия Седова: несмотря на тяжелую болезнь, пошел к полюсу и умер на нартах, которые тянули истощенные собаки…

История полярных походов знала и великолепные удачи. Такой была экспедиция Фритьофа Нансена на корабле «Фрам», способном противостоять самым сильным сжатиям льда. «Фрам» в 1895 году достиг почти 86-й параллели, — и этот рекорд продержался свыше сорока лет, пока ледокольный пароход «Седов» не продрейфовал еще севернее.

Покинув «Фрам», Фритьоф Нансен и его товарищ Яльмар Йохансен совершили поразительный поход по льдам, перезимовав в самодельной хижине.

В двадцатых годах нашего века в исследовании Арктики началась новая эра. Следом за слабым, покорным ветрам «Орлом» пошли на штурм полюса дирижабли и самолеты.

В 1937 году «макушку Земли» посетила армада советских воздушних кораблей, высадившая на лед первую в мире научную дрейфующую станцию «Северный полюс».

Человек достиг Северного полюса и способом, рожденным фантазией Жюля Верна. В 1958 году американская подводная лодка «Наутилус» прошла подо льдами Северного полюса, а следом за ней советская атомная подводная лодка высадила на полюсный лед экипаж, водрузивший флаг Страны Советов.

Наконец, летом 1977 года впервые в истории заветной точки достиг надводный корабль.

Это был советский атомный ледокол «Арктика».

На собачьих упряжках, на лыжах…

Итак, Северный полюс достигнут, кажется, всеми способами, доступными человеку, — по льдам, по воде, под водой, по воздуху.

Почти во всех случаях его достижение установлено и подтверждено самыми совершенными навигационными приборами. Исключение… Но вы только что прочитали о спорах вокруг «Большого гвоздя».

Вновь достичь Северного полюса с помощью средств, которые использовали в Арктике Нансен, Пири и другие путешественники, попытался в 1946 году норвежец Стауб со спутниками. Не получилось. Обессиленные, они вернулись с полдороги.

Группа американских и канадских полярников в 1968 году за сорок четыре дня прорвалась к полюсу на санях, но… моторных. Собаки, принадлежавшие членам экспедиции, лишь бежали рядышком, налегке.

Англичанин Херберт и трое его друзей сумели в 1968 году пересечь Северный Ледовитый океан с короткой остановкой на полюсе. Все было почти как в добрые старые времена: собаки, нарты. Но у путешественников работал радиопередатчик, а о пополнении продуктов заботилась авиация.

После группы Херберта поразительное путешествие совершил японец Наоми Уэмура.

Он решил достигнуть полюса в одиночку. Японец взял с собой 18 отличных ездовых собак. Погода благоприятствовала ему, и, стартовав от берегов Канады, Уэмура на 54-й день достиг цели. Это произошло 29 апреля 1978 года.

Наибольшие неприятности доставил путешественнику белый медведь, сожравший корм для собак и сильно повредивший палатку. Для полярных исследователей начала века это было бы непоправимым бедствием. Но один из самолетов, сопровождавших Уэмуру, сбросил ему новую палатку, а также запасы корма. С помощью авиации заменялись свежими ослабевшие собаки.

Кстати, радиопередатчик, установленный на санях японца, автоматически посылал сигналы метеорологическому спутнику, который передавал их в Центр космических полетов. Оттуда при любой погоде путешественнику могли сообщать широту и долготу его очередного лагеря.

С полюса Уэмура вернулся в кабине самолета.

Оставался лишь один, никем не использованный, труднейший способ: без каких-либо вспомогательных средств передвижения, без нарт, без собак. Пешком на лыжах.

На попытку такого достижения полюса отважились в 1979 году советские лыжники.

После десяти лет тренировок в арктических экспедициях группа под руководством московского преподавателя Дмитрия Шпаро стартовала с острова Генриетты.

Ей предстояло пройти по дрейфующим льдам Северного Ледовитого океана полторы тысячи километров.

Какие из них были самыми трудными?

Быть может, первые, когда семеро лыжников шли по дробящимся, сталкивающимся льдинам, разбиваемым ветрами и течениями у островных скал. Или, напротив, последние, когда разверзались трещины, лед местами покрывался водой и плотные туманы заслоняли солнце. Или те, где вздыбились сплошные непроходимые торосы. Или те, что преодолевались при сорокапятиградусном морозе с ветрами. Или, наконец, те, что пришлись на полыньи, в которые спускали надувные лодки. Трудных километров было много, совсем легких, как на подмосковной лыжне, понятно, не было вовсе.

Лыжники двигались с очень тяжелым грузом за плечами. Дрейф льдов далеко не всегда оказывался попутным, и временами семерку смелых тянуло назад, на юг. В торосах ломались лыжи — шли на обломках-коротышках. В дни густых туманов и сплошной облачности уклонялись в сторону от прямой, теряя километры.

Семеро выполнили в пути сложную, обширную программу испытаний и научных наблюдений.

Старт у острова Генриетты состоялся 16 марта 1979 года. Через 76 дней, 1 июня, после самой тщательной суточной проверки, подтвердившей, что группа действительно находится на Северном полюсе, здесь был поднят флаг нашей страны.

1983 год вписал в историю полярных путешествий еще один трудный переход. Нет, на этот раз не к «макушке Земли». Шесть участников похода — пятеро уральцев-свердловчан, шестой коренной северянин, ненец — прошли на собачьих упряжках по арктической кромке Советского Союза свыше 10 тысяч километров. Стартовали в глухую полярную ночь на Чукотке, возле Берингова пролива, финишировали на западном фланге Советской Арктики, в Мурманске, оставив позади весь трансконтинентальный арктический фасад страны.

Небывало длинное расстояние в труднейших условиях шестерка прошла за короткий срок: ровно за восемь месяцев. Восьми месяцам предшествовал десяток лет подготовки и тренировок.

Возглавлял экспедицию молодой ученый Сергей Соловьев. Это был не спортивный поход, а именно экспедиция, действовавшая по хорошо продуманному плану, разработанному Уральским центром Академии наук СССР. Она собрала богатейший научный материал. В пути было опробовано различное оборудование, некоторое — впервые в мировой практике арктических походов.

Почему экспедиция выбрала в помощники не моторные «бураны», а ездовых собак? Вспомним: с помощью четвероногих друзей были завоеваны оба полюса планеты, а в наше время опытные северяне используют и мотор, и собак, причем считают, что с собаками в пути надежнее и безопаснее.

Но вот признание участников экспедиции: «Мы с огромным трудом привыкли к своим собакам». Если бы собаки могли говорить, они, видимо, сказали бы нечто подобное о тех, кто вел упряжки. Хотя в шестерку вошел учитель Филипп Ардеев, опытный ненецкий каюр, участники похода затратили много дней, чтобы «найти общий язык» со своими псами, заслужить их доверие.

Вдоль арктического фасада не проложены дороги. Случалось, что на протяжении 500–800 километров путники не видели дымка человеческого жилья. На реке Индигирке неистовая пурга без малого двое суток держала людей прижатыми ко льду. «Лежали без еды, без питья, без огня — ни живые ни мертвые. Три собаки погибли, вмерзнув в лед». Случалось, голодали по четыре-

пять дней. Собаки жевали упряжь, жестяные банки из-под консервов.

Вот три из множества ответов на вопросы, которые задавали участникам экспедиции:

— Что было самым трудным в пути?

— Уходить от людей. Они остаются в тепле, а мы уходим.

— Представление в пути о счастье?

— Очень простое: «Хорошо бы никуда не идти…»

Но они вставали и шли. Сквозь пургу, когда не видишь за несколько шагов собак, тянущих нарты. В пятидесятиградусный мороз с ветром, который знатоки Арктики приравнивают к девяностоградусному, а то и стоградусному при безветрии. Без спальных мешков, без палатки, без керосина, ночуя в снегу и часто отказываясь от глотка горячего чая.

Они шли — и дошли.

— Предмет вашей гордости?

— Сознание, что ты способен на нечто большое и важное.

Приятное путешествие профессора Вавилова

Он гений, и мы не сознаем этого только потому, что он наш современник.

Так говорил о Николае Ивановиче Вавилове академик Прянишников.

Вавилову не было тридцати лет, когда он выступил перед Русским ботаническим обществом с обоснованием нового взгляда на происхождение ржи. Доклад заинтересовал ботаников смелостью и оригинальностью.

Вскоре тридцатитрехлетний профессор Вавилов рассказал съезду селекционеров в Саратове об открытом им законе гомологических рядов. Делегаты бурно аплодировали ему, и один из присутствовавших воскликнул:

— Биологи приветствуют своего Менделеева!

Это было в 1920 году. Событие не затерялось в хронике тех трудных дней, вышло за пределы Поволжья. Телеграмма из Саратова в Москву, в Совнарком, сообщала об исключительном научном и практическом значении теории Вавилова, представляющей собой крупнейшее событие в мировой биологической науке.

Летом 1927 года труд профессора Вавилова «Центры происхождения культурных растений» прочитал Алексей Максимович Горький. «Как все это талантливо, как значительно!» — написал он после ознакомления с работами ученого.

Прошло еще некоторое время — и Николай Иванович Вавилов, теперь уже академик, становится во главе крупнейших научных организаций страны, в том числе получившего всемирную известность Всесоюзного института растениеводства.

Многолетний бессменный президент Географического общества Юлий Михайлович Шокальский, достигнув преклонного возраста, стал искать человека, который мог бы заменить его на важном посту. Выбор пал на Вавилова — и старейшина отечественных географов так отозвался о своем возможном преемнике:

— Академик, путешественник, где он только не успел побывать: и на Памире, и в Эфиопии, и в Центральной Азии, и в Японии, о Европе я уже не говорю. Вот теперь он в Америке. Заграница его тоже хорошо знает, а это тоже важно. А главное, самое главное, я ему верю. Это человек дела и долга.

И весной 1931 года академик Вавилов был избран президентом Географического общества. К этому времени, как справедливо сказал о нем видный английский ученый Эдуард Рассел, он стал не только крупнейшим ботаником, но и выдающимся путешественником современности. Окажись среди приветствовавших избрание Вавилова человек достаточно экспансивный, он, возможно, воскликнул бы:

— Географы приветствуют Пржевальского наших дней!

Широта научных интересов Николая Ивановича Вавилова была поистине поразительна. В ученом мире он был известен как крупный генетик, как селекционер-теоретик, как агроном, как ботаник-растениевод, как эколог.

Но в нашем очерке речь пойдет лишь о Вавилове-путешественнике.

Говорили, что легче назвать места, где академик еще не успел побывать, чем те, которые ему уже знакомы. Вавилов путешествовал на самолетах в ту пору, когда они считались самым ненадежным, самым рискованным видом транспорта, — и однажды машина, на которой он летел, из-за неисправности мотора едва не разбилась в Африке.

Но ученый никогда не пренебрегал также способами передвижения древними, как мир. Не сотни, а многие тысячи километров он прошел пешком. В седле чувствовал себя как опытный наездник, пересекал пустыни на верблюде, тащился по пыльным дорогам верхом на ишаке.

Маршруты академика и его сотрудников — это пять континентов планеты.

— Проникая в любую страну, хотелось сделать очень много, понять «земледельческую душу» этой страны, — говорил он.

А познание «земледельческой души» было нужно ему для глубоких обобщений, для понимания эволюции всего мирового земледелия.

Может показаться странным его выражение: «проникая в любую страну…», Но оно точно отражает суть дела. В те годы на пути человека, путешествовавшего с советским паспортом, возникало множество препон.

Ну, взять хотя бы визы, самые обыкновенные визы, разрешающие пересечение границы. В первые десятилетия Советской власти дипломатические связи нашей страны не были ни обширными, ни прочными. Визы советским гражданам давали ох как неохотно.

Если даже теперь власти некоторых государств относятся к гостям из Советского Союза не без предубеждения, то в прежние годы им едва ли не в каждом советском человеке мерещился «красный агент». Впрочем, когда еще в 1921 году Вавилов посетил Соединенные Штаты Америки, где были очень сильны антисоветские настроения, газеты писали, что если многие русские похожи на этого гостя из далекой страны, то, может, американцам следует пересмотреть политику и дружить с новой Россией.

Странствования по материкам и океанам с советским паспортом Вавилов начал в те времена, когда была свежа память

о делах и днях блестящей плеяды русских путешественников. Некоторые ветераны еще с честью служили науке. Петр Кузьмич Козлов готовил последнюю свою экспедицию в Монголию.

Происходила как бы смена вахты. На нее успешно вставало молодое поколение советских исследователей — и об этом свидетельствовало присуждение Вавилову высшей награды Географического общества, золотой медали имени Пржевальского «за географический подвиг».

Этим подвигом была экспедиция в Афганистан.

Границу соседней страны Вавилов пересек летом 1924 года. Хребты и пустынные нагорья Афганистана не страшили его. К этому времени у него уже был опыт путешествий по трудным тропам.

Разыскивая редчайшую «персидскую пшеницу», он пересекал каменистые плато Ирана, когда термометр показывал 50 градусов в тени и все живое укрывалось от нестерпимого зноя. Он успел побывать и на высотах Памира, где после ночевок у ледников смог по личным впечатлениям описать ощущения замерзающего насмерть человека.

Как-то лошадь Вавилова, испуганная неожиданно взлетевшим со скалы орлом, понеслась по горной тропе над пропастью. В другой раз он переполз глубокую трещину по живому мосту: проводники легли на края уступов, крепко сцепившись руками. В общем, по словам Вавилова, в памирском путешествии было немало таких минут, которые дают закалку на всю жизнь.

Это же можно сказать и об экспедиции в Афганистан, оцененной как географический подвиг. Пять месяцев кочевой жизни с ночевками в караван-сараях и под холодным небом. Пять тысяч километров экспедиционного маршрута, который проходил через заоблачные перевалы грозного Гиндукуша на почти пятикилометровой высоте, доступной лишь опытному альпинисту, и пересекал отдаленный, наиболее дикий, неизученный район страны. Семь тысяч образцов всевозможных культур, коллекции, позволяющие заполнить пробелы в истории древнего земледелия.

А чего стоили, какой выдержки требовали бесконечные, изнуряющие препятствия на каждом шагу, подозрительность властей, нетерпимость мусульманских священнослужителей, которые, разжигая в толпе религиозный фанатизм, призывали забросать «неверных» камнями?

Вся обстановка путешествия напоминала о веках минувших, а не о первой четверти XX столетия. Прикрытые козьими шкурами, изумленные горцы сбегались к каравану, чтобы поглазеть на невиданных пришельцев, которые казались им существами из

другого мира. Первобытные плетеные мосты раскачивались над пропастями. Тревожные слухи о разбойниках приводили в трепет проводников.

Достаточно перелистать записки Вавилова, очень сдержанные, почти лишенные эмоций, чтобы хотя бы приблизительно представить, что пришлось ему испытать. Возьмем всего четыре дня пути.

Дорога на перевал Парун в Гиндукуше: «Караван передвигается с трудом. Лошадей приходится вести, люди и лошади вязнут в снегу. Никаких следов не видно».

После перевала: «Разводим огромный костер, чтобы не беспокоили звери».

День спустя: «Несколько раз разгружаем вьюк и переносим его на руках, а лошадей с усилием переводим с обрывов… Вот лошадь повисла над обрывом, ноги в трещине…»

Надежда — на отдых в горном селении. Действительно, на противоположной стороне ущелья виден кишлак, но как туда проникнуть? «На высоте 400–500 метров выше дороги, словно птичьи гнезда, видны деревянные многоэтажные постройки в окружении дубового леса… Кишлак буквально на высоте птичьего полета и недоступен для каравана».

Недоступен? Но идти надо. И маленький караван карабкается по кручам. Путников вознаграждает теплый прием. «Люди оказались приветливыми, снабдили лепешками из проса, кислым виноградом, дали семена всех возделываемых растений». Не поленились при свете чадящих факелов ночью сходить в соседнее селение, чтобы принести корм для лошадей.

Запись в день, когда Вавилов покинул кишлак: «Проходим полуразвалившийся мост. Первая лошадь провалилась в переплет моста из сучьев… Проводники бросают караван и быстро убегают…»

Столько событий за четыре дня! А ведь путешествие длилось не дни, не недели — месяцы.

За эти трудные месяцы Вавилов получил полное подтверждение своей давней мысли, что Афганистан исключительно интересен для ботаника и растениевода.

Результаты экспедиции он обобщил в капитальном научном труде. Книга «Земледельческий Афганистан» содержала ценнейшие сведения о сельском хозяйстве и растительном мире страны.

А что было после путешествия в Афганистан?

В одном биографическом очерке сказано:

«В следующем году (1926) Н. И. Вавилов изучал Сирию, Палестину, Трансиорданию, Алжир, Тунис, Марокко, Египет,

Францию, Италию с островами Сицилией и Сардинией, Грецию, острова Крит и Кипр…

Путешествие по странам Средиземного моря оказалось легким и приятным».

Последняя фраза вызвала у меня некоторое недоверие. Ведь все же десять стран за один год! И в девяти из них Николай Иванович побывал сам, лишь в десятой, в Египте, куда не получил визу, его поручения выполняли другие.

Можно было еще поверить в легкость и приятность путешествия по Франции, Италии, Греции. Но Сирия, Палестина, Трансиордания, Алжир, Тунис, Марокко? Летняя изнуряющая жара, скверные дороги, бурные политические конфликты 1926 года, вооруженные столкновения, а то и восстания…

Мне хочется здесь по возможности подробнее рассказать о путешествии Николая Ивановича по первой из названных биографом стран Средиземноморья — по Сирии.

Сам Вавилов в неоконченной книге «Пять континентов» уделил ей всего несколько страниц. Речь там шла о местах, где тридцать лет спустя довелось побывать и мне.

Год, когда путешествовал советский ученый, был достаточно памятным в истории Сирии. У сирийских авторов я нашел подробные рассказы о событиях, лишь мельком упомянутых Николаем Ивановичем: в его и без того кратком отчете главное место занимают описания найденных образцов и собранных коллекций. Мне помогло и то, что моим спутником в поездке по стране был научный работник, уже не раз бывавший в Сирии. Свободно владея арабским языком, он по моей просьбе расспрашивал участников событий 1925–1926 годов.

Итак, попытаемся воссоздать некоторые обстоятельства одного из «легких и приятных путешествий» Николая Ивановича Вавилова.

*

Обнаженные трупы, привязанные вместо седоков, раскачивались в такт шагу верблюдов. Лица убитых были обезображены, над запекшимися ранами густо роились мухи.

— Так будет со всеми, кто восстанет против законных французских властей! — время от времени выкрикивал в рупор глашатай, ехавший в автомобиле впереди «каравана смерти».

За автомобилем шагал отряд, только что вернувшийся в Дамаск, столицу страны, после карательного похода по ее окрестностям.

Трупы сирийских партизан до заката возили по улицам, а потом выставили на площади.

Дамаск как будто притих. Но французские солдаты,

пришедшие на рассвете, чтобы сменить караул у ворот Баб аш-Шарки, увидели, что сменять некого.

Спустя еще день Дамаск восстал. Партизаны вошли в город, начались уличные бои. Французские танки носились на полной скорости, давя и расстреливая всех, кто не успел укрыться.

Однако после нескольких ожесточенных стычек войска колонизаторов стали отступать. Сам Саррайль, глава французских властей, нагрузив добром семь автомобилей, бежал в соседний Ливан.

Покидая Дамаск, он приказал проучить восставших. Батареи тяжелых орудий открыли огонь. Снаряды разрывались на улицах, площадях, во дворах мечетей, в густонаселенных кварталах сирийской бедноты. Обстрел продолжался двое суток, и ночью зарево пожаров видели за десятки километров.

Все эти события были лишь очередной вспышкой кровопролитной борьбы, которая продолжалась в Сирии несколько лет. С тех пор как Франция установила в стране колониальное господство, восстания вспыхивали то тут, то там. В 1925 году они охватили всю Сирию.

Партизаны некоторое время спустя ушли из столицы, опасаясь, что при обстреле могут погибнуть национальные святыни одного из древнейших городов мира. Французы вернулись в Дамаск, получив приказ превратить его в крепость.

Схватки в окрестностях столицы продолжались всю весну 1926 года. Вот в эту-то пылающую Сирию и намеревался проникнуть Николай Иванович Вавилов.

В те дни, когда он хлопотал о въездной визе, французы готовили крупнейшую операцию против очага восстания — горной области Джебель-Друз. Карательные отряды сосредоточились в соседней провинции Хауран, которую Вавилов собирался посетить прежде всего.

Надо ли говорить, что в визе ему решительно отказали.

Но он не был обескуражен: ведь это случалось достаточно часто. В Париже у него нашлись влиятельные друзья. Совладелица знаменитой фирмы, занимающейся селекцией и продажей семян, добилась приема у премьер-министра Франции. Она с жаром доказывала, что господин Вавилов вовсе не красный комиссар, а знаменитый русский ученый, который увлечен вопросами, имеющими огромное значение для мировой науки, и отнюдь не будет заниматься в Сирии большевистской пропагандой. Премьер-министр выслушал все это, но дать визу все же не решился. Тогда настойчивая парижанка направилась во дворец президента.

— Мой друг, — сказала она Вавилову после возвращения, —

вам разрешено ехать туда, куда вам будет угодно. Получайте визы и заходите к нам на прощание.

Чиновники министерства иностранных дел, к которым Вавилов пришел за визой, были изумлены до крайности. Заподозрив ошибку, не выпустили паспорт из рук ранее, чем получили сообщение по телефону, что большевику действительно разрешают въезд в Сирию.

— Но знаете ли вы, по крайней мере, что там происходит и какой опасности вы себя подвергаете? — спросили Вавилова.

Тот подтвердил.

Парижские газеты много писали о новых операциях против сирийцев. Николай Иванович беседовал с нашим послом во Франции Леонидом Борисовичем Красиным. Вавилов возмущался политикой колонизаторов, но знал, что нужно быть предельно сдержанным, чтобы не дать властям повода отменить или прервать его поездку.

На пароходе средиземноморской линии, идущем в Бейрут, столицу соседнего с Сирией Ливана, пассажиров было мало. Всю дорогу в салоне шумели офицеры, провозглашая тосты за скорую победу, за то, чтобы веревка наконец стянулась вокруг шеи Султана аль-Атраша, за то, чтобы осенью все они снова собрались в Париже.

На рейде Бейрутского порта разгружались военные транспорты. Грузовые стрелы осторожно переносили по воздуху горные пушки. К трапу корабля подошли жандармы.

— Мсье?

Вавилов протянул паспорт. Жандармский офицер не верил глазам: как, большевик собирается спокойно сойти на берег страны, куда даже француз не может приехать без особого разрешения властей?!

Пока таможенники занялись багажом, перетряхивая и просматривая каждую вещь, жандармы повели Вавилова в префектуру. Это напоминало арест. Но местные власти, снесясь с Парижем, получили указание пропустить ученого.

…Если о поезде можно сказать, что он идет ощупью, то состав из четырех вагонов, отправившийся из Бейрута, двигался именно так. Бронированный паровоз, как бы не решаясь набрать скорость, тяжело, медленно катился по рельсам. На тендере устроились солдаты. Стрелки с карабинами в руках сидели на подножках вагонов.

Остановка: контрольный пункт. Предупреждение о том, что нельзя поднимать шторы на окнах. Французский офицер, проверявший документы пассажиров, сказал Вавилову: во время путешествия русский всюду должен незамедлительно являться к

представителям французского командования.

Поезд тронулся дальше. Духота в вагоне была нестерпимой. Пыль клубилась над тянувшимися вдоль дороги развалинами глиняных заборов и хижин. Свежие пеньки торчали вместо густых садов, посаженных когда-то возле железнодорожного полотна. Дома разрушили, а сады вырубили, опасаясь партизанских засад.

В привычный стук колес ворвался новый дробный звук. Пулеметная очередь?

Вавилова предупредили: пусть Париж дал разрешение, однако французские власти не гарантируют ему безопасность и не будут ограждать путешественника от возможных прискорбных недоразумений.

Да, трудно было выбрать время, менее подходящее для путешествия по Сирии! Но что же заставило Вавилова спешить с поездкой в эту беспокойную страну?

…Может показаться почти невероятным, что за долгие столетия человек ничтожно мало узнал о родине своего хлеба насущного. В начале прошлого века Александр Гумбольдт не без горечи говорил, что место происхождения тех растений, которые сопровождают человечество с его раннего детства, покрыто таким же мраком, как и родина большинства домашних животных. «Мы не знаем родины хлебных злаков — пшеницы, ячменя, овса, ржи…» — отмечал ученый.

Полвека спустя швейцарец Декандоль выдвинул казавшееся весьма разумным предположение: у всех культурных растений должны быть дикие предки. Значит, надо хорошенько поискать их. Места находок сохранившихся «дикарей» и определят прародину пшеницы, овса, кукурузы.

Привлекательная простотой, гипотеза эта, однако, не получила крепких подпорок опыта: родословное древо некоторых наших кормильцев осталось без корней, поиски их диких предков оказались безуспешными.

Крупнейший ботаник академик Владимир Леонтьевич Комаров справедливо заметил, что Декандоль собрал большой фактический материал, но не осветил его никакими обобщающими научными соображениями: у него не сложилось убедительной теории.

А без правильного ответа на вопрос о происхождении культурных растений трудно было успешно решать многие важные практические задачи. Одной из них была так называемая интродукция — выращивание на полях какой-либо страны или области растений из других мест.

Охоту за растениями для этой цели давно вели американцы. Новый Свет при этом заимствовал весьма многое в России.

— Богатство полей Канады и Соединенных Штатов в значительной мере обязано хлебным злакам нашей страны, — говорил Вавилов.

Ему приходилось бывать в Вашингтоне, в главном центре агрономической разведки, которой руководил департамент земледелия. Там еще хорошо помнили Марка Карльтона и его русские находки.

Карльтон жил в штате Канзас. Он заметил, что твердые пшеницы, семена которых привезли в Америку переселенцы-сектанты, бежавшие от преследования царских властей, куда лучше местных переносят капризный климат. Тогда Карльтон сам поехал в Россию, долго колесил по засушливым местам нашей страны и отовсюду отправлял посылки в Америку. Особенно много было в них «кубанки» и «харьковской красной пшеницы». У киргизских юрт в Тургайской степи американец покупал зерно, которое, по его выражению, могло бы прорасти и дать урожай хоть в пекле ада.

Вернувшись в Соединенные Штаты, Карльтон принялся распространять новые сорта. Его крупную фигуру в привезенной из России войлочной мужицкой шляпе видели на тысячах ферм в засушливых степях.

Вскоре Карльтону не было нужды убеждать кого-либо, кроме чиновников из департамента земледелия. Русские твердые пшеницы сами постояли за себя. В 1919 году потомки выходцев с полей России заняли треть всех посевов пшеницы в стране.

Когда Вавилов был в Соединенных Штатах, Марк Карльтон, забытый всеми, уволенный из департамента земледелия, доживал последние горькие дни в одном из маленьких городков Перу.

Кроме Карльтона, по земному шару путешествовало много других американцев — охотников за растениями. Они занимались сбором семян в долинах Янцзы и Лены, доходили до сибирской тундры и азиатских пустынь.

Но исследованиям американцев недоставало направляющей, главенствующей идеи. Их поиски, их охота за растениями часто определялись случайными, а то и просто ошибочными предположениями.

И вот в научных кругах стало известно, что в Советской России появился наконец компас, способный указать верное направление поисков исходного материала для селекции, для выведения новых сортов. Этот компас — открытие советского профессора Вавилова.

Агроном с большой буквы, патриот своей страны, Вавилов был одержим идеей обновления нашей земли, в частности, путем замены малоурожайных, нестойких против стихийных бедствий

сортов другими, более выносливыми.

Одно из его любимых выражений — «причесывать землю» — в широком смысле означало заботу об улучшении ухода за землей, о совершенствовании земледелия, о том, чтобы земля была кормилицей и в горах, и в пустынях, и на знойном юге, и на границах вечной мерзлоты.

Природное богатство отечественной флоры Вавилов приумножал за счет тех видов, которые не произрастают в нашей стране. В поисках полезных растений, которые можно было бы переселить на наши земли, он и его сотрудники путешествовали по всему земному шару.

В Ленинграде, в возглавляемом Вавиловым Всесоюзном институте растениеводства, были созданы огромные коллекции культурных растений мира, поистине золотые россыпи для селекционеров. Эти коллекции непрерывно пополняли экспедиции, снаряжаемые с точно разработанной целью.

В тот год, когда Николай Иванович отправился в Сирию и другие страны Средиземного моря, на родине печаталась его книга «Центры происхождения культурных растений» — труд, отмеченный премией имени В. И. Ленина. По существу, впервые в истории исследователь, посвятивший себя изучению достаточно старой и сложной проблемы, давал ясный ответ на вопрос не только о том, что искать, но и где искать.

Учение Вавилова о центрах происхождения культурных растений, об историко-географических очагах развития культурной флоры, выкристаллизовалось далеко не сразу. Сам Николай Иванович на протяжении всей жизни уточнял, развивал, шлифовал его. Многое сделали позднее сотрудники и последователи ученого.

Вавилов стремился установить первичные области распространения культурных растений. Он считал весьма важным найти такие очаги, где они еще на заре земледелия были введены в культуру из местной флоры или занесенных из других стран видов и форм.

Обобщив все доступные ему материалы (а их было тогда не столь уж много), Николай Иванович первоначально наметил восемь очагов, или центров. Он считал, что для возникновения крупного очага изначальное богатство местной флоры растениями, пригодными для введения в культуру, должно сочетаться с развитием в этом месте древней цивилизации. Другими словами, там должны быть исходный растительный материал и прилежные человеческие руки.

Но всегда ли совпадают эти два условия? Нет. Скажем, древняя земледельческая культура Египта не смогла бы

развиваться, если бы ее основой были лишь растения песчаных отмелей или болот, появляющихся после разлива Нила. Еще в доисторические времена в Египет завезли растения с соседних территорий, входящих, по определению Вавилова, в более обширные Средиземноморский и Переднеазиатский очаги.

Границы очагов были лишь намечены, но не окончательно уточнены ученым. Он дал мощный толчок научной мысли, побудил ее к дальнейшим исследованиям в новом, верном направлении.

…Итак, едва завершив подготовку к печати своего труда о центрах происхождения культурных растений, профессор Вавилов спешит в Средиземноморье. Здесь широкое поле для дополнительной проверки теоретических выводов. Здесь страны, давно интересовавшие его. И среди них — Сирия.

Эта страна знала земледелие уже тысячелетия назад. С ней связаны древнейшие культуры пшеницы и ячменя. О ней же не раз спорили селекционеры.

Именно в Сирии охотники за растениями сделали нашумевшее открытие. Ботаник Аронсон обнаружил там дикую пшеницу. Срочно снаряженные американцами экспедиции принялись собирать ее колосья для отправки за океан. Засухоустойчивая, неприхотливая «дикарка», растущая, как говорили, едва не на голых камнях, могла, по мнению американских селекционеров, улучшить культурные сорта.

Вавилов сомневался в чудодейственных свойствах находки Аронсона, поторопившегося с рекламным шумом провозгласить новую эру в селекции главного хлеба земли. Но со щепетильностью истинного ученого Николай Иванович хотел все проверить на месте.

Кроме того, верный своему стремлению прежде всего искать растения, пригодные для полей нашей страны, он намеревался также собрать семена скороспелых, засухоустойчивых пшениц, выращиваемых сирийцами в нагорьях Хаурана, неподалеку от того места, где Аронсон сделал свою находку.

В общем, Николай Иванович Вавилов считал, что у него достаточно причин не откладывать поездку в бурлящую Сирию «до лучших времен».

*

Я и не пытался разыскивать в Хауране людей, которые встречались с ученым из России: слишком много воды утекло с тех пор. Да и вряд ли кто мог хорошо запомнить русского, собиравшего растения: в тот бурный год совсем другие события волновали жителей этой части Сирии.

Хауран, или, как его иногда называют, Хоран, — южная

окраина страны. При римлянах это был цветущий край. Со времен империи здесь сохраняются колодцы и вырубленные в базальте водоемы для сбора дождевой воды; путника поражает грандиозный амфитеатр, на каменных скамьях которого двадцать тысяч зрителей неистовствовали во время боев гладиаторов.

Восточнее Хаурана — область Джебель-Друз. Племена друзов, населявших эти места, первыми поднялись на освободительную войну против колонизаторов.

Я записал рассказы бывших повстанцев. Сподвижники Султана аль-Атраша охотно вспоминали дни героической молодости. Мне показали фотографию: невысокий усатый сириец в напоминающей халат крестьянской «галабие», в клетчатом платке, прикрывающем не только голову, но и плечи. Толстый «укаль» — шерстяной крученый шнур — поддерживает платок на голове. Сириец скорее добродушен, чем воинствен: у него не видно никакого оружия.

Это и есть знаменитый Султан аль-Атраш, который летом 1925 года вместе с горсткой односельчан покинул свою горную деревню и вскоре поднял успешное восстание во всей провинции. Оно перекинулось в другие районы страны.

Я видел обелиски, поставленные в память партизанских подвигов. Султан аль-Атраш дожил до освобождения своей родины. Благодарное правительство независимой Сирии хотело воздвигнуть ему памятник при жизни. Только тот, кто знает обычаи мусульман, запрещающие изображать людей даже после их смерти, сможет оценить, какую честь собирались оказать народному вожаку.

Султан аль-Атраш велел отдать деньги на постройку школы, заявив, что никакого памятника ему не надо, а если этот памятник все же соорудят, то он, как опытный партизан, сумеет его взорвать…

Хауран — довольно угрюмая местность у края аравийских пустынь. Здесь преобладают темные, мрачные тона. Базальтовые глыбы, то почти черные, то серые, торчат у дорог и посреди полей. Местами такой же мрачный оттенок имеет и почва. Издалека кажется, что на всхолмленную равнину падают тени облаков. Но небо безоблачно, солнце печет «вовсю, а «тени» — просто пятна обнаженной земли.

Вот в этих местах и началось знакомство экспедиции Николая Ивановича Вавилова с полями Сирии.

При слове «экспедиция» воображение рисует нам, в зависимости от места и времени ее действия, то тяжело навьюченный караван верблюдов, то колонну вездеходов, то лагерь в тайге, где среди свежих пней поднимается буровая

вышка.

Экспедиция Николая Ивановича Вавилова — это чаще всего сам Николай Иванович Вавилов. Один. Один среди чужих. Далеко не всегда его мог сопровождать даже кто-либо из ближайших сотрудников.

В переводчиках Вавилов нуждался в редчайших случаях. У него были поразительные способности в лингвистике. Пробыв недолго в Иране, он смог объясняться с иранцами на их родном языке, а во время путешествия по Афганистану начинал день с заучивания грамматики языка горцев по руководствам, составленным… на арабском языке.

Николай Иванович хорошо ездил верхом и свободно водил автомашину по самым скверным дорогам и вовсе без дорог. Когда-то немецкий поэт и натуралист Адельберт Шамиссо говорил, что лучший головной убор путешественника — докторская шляпа. Познания Вавилова в медицине были достаточными, например, для того, чтобы лечить раненого губернатора горной области Афганистана…

В Сирии же Вавилову пришлось действовать в духе древнего изречения: «Врачу, исцелися сам!» Приступы малярии были особенно изнурительными в краю, где солоноватая вода редких колодцев не утоляет жажду, где пыльные смерчи проносятся над пустынными нагорьями и солнце, едва успев подняться из-за горизонта, уже раскаляет камни.

Николай Иванович обычно вставал рано, задолго до рассвета. У себя на родине он во время летних поездок по полям начинал рабочий день в четыре часа утра. В экспедициях иногда допускалась поблажка: подъем в пять, реже в шесть часов. Быстро седлалась лошадь — и в путь.

От хины, принимаемой для облегчения приступов лихорадки, звенело в ушах. Когда начинался озноб, Николай Иванович еще оставался в седле. Затем искал тень, несколько часов, обливаясь потом, метался, пил противную теплую воду — и снова седлал коня.

Он дорожил каждой минутой. Военная обстановка все обострялась. Кроме того, летняя жара ускоряла созревание хлебов. Когда Вавилов нашел наконец первые стебли дикой пшеницы, колоски уже осыпались и зерна надо было подбирать с земли.

Они были не столь крупными, как описывал Аронсон. Действительно, на первый взгляд казалось, что «дикарка» растет едва не на голых камнях. А присмотришься — она укоренилась в трещинах, куда ветры принесли плодородную почву и где дольше держится влага. В таких условиях будет расти и обыкновенная

пшеница.

Важно было выяснить также, бедны или богаты культурными формами пшеницы крестьянские поля по окрестным нагорьям. А эти нагорья — в районе, занятом повстанцами.

— Попробуйте рискнуть, — неожиданно предложил Вавилову офицер французской заставы. — Друзы опасны только для нас. Вы — русский, вы — большевик. Но если вас примут за француза раньше, чем вы успеете сказать, кто вы, то…

Выбрав время между приступами малярии, Вавилов, размахивая палкой с белым платком, направился к горному селению. Он, конечно, рисковал. Его встретили недоумением и подозрительностью.

Но человек из далекой страны обладал даром располагать к себе сердца. Он улыбался приветливо и открыто, нисколько не приноравливаясь к обстановке, а просто оставаясь самим собой.

Ведь вся его жизнь проходила «на людях», в его кабинете всегда было полно званых и незваных, в его ленинградской квартире шумные споры нередко продолжались за полночь. И друзы, настороженные и недоверчивые друзы, должно быть, почувствовали в пришельце с белым флагом доброжелательного, искреннего человека, не похожего на офицера или чиновника.

Они проводили ученого до железнодорожной станции. Отсюда его путь лежал в Дамаск.

В вагоне он подвел первые итоги. Культурные сородичи дикой пшеницы на окрестных полях не отличались разнообразием сортов. Более чем сомнительно, чтобы Сирия вообще порадовала богатством форм главного хлеба земли. Находка Аронсона не дала ответа, откуда пошло все поразительное разнообразие видов пшеницы, возделываемых на земном шаре. Дикие виды не всегда прямые предки культурных. Сирийская «дикарка» — особый вид, трудный для селекции. Надо продолжать поиски, нужны экспедиции в Абиссинию, к подножиям Западных Гималаев.

Собранные же на полях возле сирийских горных деревушек образцы твердой пшеницы, засухоустойчивой, с крупным зерном, с неполегающей соломой, вполне могут пригодиться для «причесывания земли» на засушливом юге Советского Союза. Уроженка Хауранских нагорий может прижиться, скажем, на полях Азербайджана.

*

Один журналист рассказывал, как он познакомился с Вавиловым в вагоне поезда, идущего в Ленинград.

Еще не зная, кто перед ним, журналист попросил соседа по купе дать для чтения какую-либо из книг, стопкой лежащих на

столике. Тот протянул «Георгики» Вергилия на латинском языке, сочинение о народностях Синьцзяна на английском и роман на французском. Журналист удивился, что собеседник владеет тремя языками (он удивился бы еще больше, если бы знал, что тот может изъясняться не на трех, а на двадцати двух языках и диалектах!).

Журналиста поразили также пометки на полях книги. У Вергилия они касались романского плуга. На страницах, посвященных народностям Синьцзяна, имелась запись об опытах с мушкой-дрозофилой. Роман, повествующий, как французский поэт Артюр Рембо во время скитаний попал в Абиссинию и заболел там слоновой болезнью, также испещряли бисерные буквы пометок. Но что это были за пометки? Рембо изнемогал от приступов своей ужасной болезни, а читавший роман восхищался своеобразием абиссинского ячменя!

В этой, зорко подмеченной журналистом, почти фанатической приверженности главному делу, вероятно, и разгадка того, что нередко в путевых записях Николая Ивановича Вавилова опаснейшим приключениям уделяется несколько строк, тогда как описание встреченного в придорожной канаве какого-нибудь растения занимает страницы.

У Вавилова был свой взгляд на географическую литературу. Эта литература обширна, говорил он, но каждый исследователь видит разное, пропуская факты через фильтр, зависящий от его целей и стремлений.

Факты, касающиеся Сирии, которую наблюдал Вавилов, проходили прежде всего через фильтр биолога, ботаника, охотника за растениями.

Попав в Дамаск, он восхищался географическим положением города, расположенного между пустынных гор, но окруженного морем зелени и поясом тучных полей. Здесь путник, истомленный переходами через пустыню, находит вожделенное «эльдорадо», слушая журчание воды и наслаждаясь тенью деревьев.

Вавилов говорит о поливном земледелии оазиса, окружающего город, о климатических условиях, благоприятных для произрастания плодов, винограда, злаков, а потом замечает как бы мимоходом: «Дамаск был на военном положении, ему угрожало наступление друзов. Окраины города были защищены баррикадами, и выходить далеко за город в окрестности не рекомендовалось властями».

Только и всего.

А ведь на самом деле под Дамаском да и на его окраинах ожесточенная партизанская война не затихала ни на один день.

Перестрелка вспыхивала вдруг под крытыми сводами знаменитого дамасского базара; офицерский автомобиль падал в обмелевшее русло реки, пересекающей город; с башни над древними воротами на французов падали камни; дым подожженных складов застилал улицы, где на перекрестках за колючей проволокой, за баррикадами из мешков с песком дежурили посты. Они проверяли всех, кто хотел выйти из города или войти в него. Задержанных с оружием расстреливали на месте. Вот что скрывалось за фразой о «рекомендации» властей не выходить далеко за город.

И все же Вавилов отваживался вопреки запрету на вылазки к пригородным полям. Однако главную «жатву» он собирал по дамасским базарам.

Базары были жалкими. Подвоз почти прекратился. Кое-где на циновках лежали горки молодого зеленого миндаля, оливки, фисташки, длинные сирийские дыни, похожие на огурцы.

Вавилов не расспрашивал продавцов о том, что происходит в окрестностях Дамаска. Он интересовался, где и как выращен необыкновенно крупный виноград. Приценяясь к зерну, не удивлялся дороговизне: казалось, его волновали лишь сорта сирийских пшениц…

Тут в голову, пожалуй, может закрасться мысль: как же так, вокруг идет борьба, сирийцы отважно дерутся за независимость, а русский профессор как ни в чем не бывало бродит по базарам, запуская руки в плетеные сосуды с пшеницей?

Но что же он должен был делать? Неосторожный вопрос, малейшее открытое выражение сочувствия повстанцам — и французские власти немедленно выслали бы из страны нежелательного иностранца.

Он вызвал неудовольствие даже тем, что слишком много времени проводил в арабской Академии наук, беседуя с сирийским ученым Курдали. Десять лет спустя, когда научная общественность чествовала выдающегося советского арабиста Игнатия Юльевича Крачковского, академик Вавилов с трибуны вспомнил о тех днях:

— Вот, товарищи, когда я был в Сирии, то президент Академии наук — а мы с ним говорили там, конечно, насчет всякой ботаники — вдруг спросил меня, а не знаком ли мне в России, в большом городе Ленинграде, один русский профессор, который знает арабскую литературу и арабский язык лучше арабов, и его фамилия Крачковский.

Мягкость, человечность, благородство Вавилова не оставляют сомнения в его сочувствии борющимся сирийцам. Мы не знаем, о чем говорил он с Курдали: уж наверное не только «насчет всякой

ботаники».

Но о ботанике он действительно не забывал ни на минуту. Из города, переполненного ненавистью и жестокостью, из города баррикад и колючей проволоки уходили в Ленинград посылка за посылкой с зерном, выращенным на полях сирийских феллахов, зерном, которому суждено было дать всходы на советской земле…

Из Дамаска Вавилов поехал на север, где французам удалось «овладеть положением». Ученый нанял автомобиль и в дороге подменял уставшего шофера. Машина была старой: колеса со спицами, тент, натянутый как на извозчичьей пролетке, жестянки с бензином, прикрепленные к подножке.

За сизыми оливковыми рощами, окружавшими Дамаск, началась всхолмленная степь. Овцы шарахались прочь от автомобиля, и пастухи, опираясь на длинные палки, с ненавистью смотрели вслед «французу». Жалкие деревни ютились по горам, сглаженным миллионолетней работой ветра.

Вавилов останавливал машину, разговаривал с крестьянами-феллахами, получал от них горстки зерна. Он видел, как бьется феллах на своем клочке, в неутолимой тоске по воде раздирая деревянной сохой неподатливую землю. Жнет феллах серпом, молотит так, как молотили далекие его предки во времена Римской империи, а может быть, и задолго до нее: деревянная доска, в которой укреплены острые камни, волочится по току. Это всюду — и на юге страны, и на севере, возле древнего Халеба, над которым высится цитадель, помнящая крестоносцев.

Вавилов поднимается в горы Средиземноморского побережья. Машина забита снопами, мешочками с семенами пшеницы и ячменя, со стручками дикого гороха. Коллекции позволяют говорить об особой сирийской группе растений. Здесь есть также интересные дикие формы.

Он заканчивает поездку с горькими мыслями о том, что далекое прошлое Сирии куда богаче, полнее, интереснее ее последующих лет. Сколько нелепости и зла на земле!

*

Пожалуй, путешествие по Сирии действительно можно назвать легким и приятным в сравнении со многими другими экспедициями академика Вавилова, которые дали современникам основания ставить его в один ряд с Ливингстоном, Миклухо-Маклаем, Пржевальским.

Николай Иванович говорил, что его жизнь — на колесах. Он ни разу не был в отпуске: «Наша жизнь коротка — нужно спешить». Он успел сделать много, очень много, а мог бы сделать еще больше, если бы жизнь его не оборвалась преждевременно и

трагически.

Лето 1940 года застало академика в Карпатах. Он предполагал, что в замкнутых горных земледельческих районах можно обнаружить полбу — древний вид пшеницы.

Такая находка подтвердила бы, что «воротами» распространения пшеницы в Европе из Передней Азии были не только Кавказ, но и Балканы.

Последний экспедиционный день Николая Ивановича Вавилова начался на рассвете 6 августа 1940 года. Он отправился в горы с заплечным мешком.

Ему уже не суждено было самому разобрать свои находки. Но его сотрудники в набитом растениями заплечном мешке нашли зеленый колосящийся куст полбы-двузернянки…

Значение работ Николая Ивановича Вавилова для советской географии, биологии, агрономии было и остается поистине выдающимся. Его научное наследство огромно.

И мы снова вспоминаем слова Прянишникова о том, что Николай Иванович Вавилов — гений.

Осознать это работавшим рядом с ним мешало то, что он был их современником.

Годы устранили эту помеху.

В блокадную страшную зиму…

Все, что удалось собрать во время экспедиций по сорока зарубежным странам и в бесчисленных поездках по родной стране самому Николаю Ивановичу Вавилову, все, что собрали его сотрудники, — все это хранилось в фондах Всесоюзного института растениеводства.

Под сводами здания на Исаакиевской площади в Ленинграде за считанные годы образовалось самое большое в мире хранилище семян. Двести тысяч образцов, по существу, отражали почти все богатство флоры, которое люди с древнейших времен научились использовать.

Это была не просто коллекция, а коллекция-хранилище. В чем разница? Коллекционируют чаще всего предметы старины

или искусства. Монета Древнего Рима, найденная среди развалин, практически может неприкосновенно сохраняться под стеклом музейных витрин еще не одно тысячелетие.

Семена же — часть живой природы. Их не просто хранят. Нужно, чтобы они не теряли свои качества, чтобы каждое зерно могло прорасти, дать всходы.

Хранилище семян создано для работы. С его помощью селекционеры улучшают старые сорта, выводят новые. Мертвое семя исчезнувшего или редкого вида растения не дает потомства. Поэтому, например, семена некоторых растений время от времени пересевают, заменяя теряющие всхожесть образцы новыми, полноценными.

Когда началась война и Ленинград оказался под угрозой блокады, было решено вывезти сокровища Всесоюзного института растениеводства в тыл. Статую «Медного всадника» можно было укрыть от осколков бомб, насыпав над ней холм земли. Образцы семян требовали постоянного внимания и ухода.

Когда коллекция — будем все же условно пользоваться этим определением — была с большими предосторожностями погружена в специальный состав, замкнулось кольцо блокады. Некоторое время ящики с семенами находились в вагонах.

Между тем приближалась зима. Положение Ленинграда осложнялось день ото дня. Уже трудно было получить машины для того, чтобы вернуть коллекцию в помещение института. И тогда научные сотрудники принялись перевозить ее на трамвае и на саночках. Они, конечно, не сумели бы перевезти все, если бы не помогли солдаты.

Не было уверенности, однако, что вражеская бомба не попадет в здание института. Опасаясь за судьбу особенно ценных образцов, научные работники сумели часть их переправить в тыл вместе с ленинградцами, эвакуируемыми по Дороге жизни, проложенной через Ладожское озеро.

Здание института опустело. Многие ушли на фронт. Когда началась голодная блокадная зима, возле коллекции осталось четырнадцать человек.

Четырнадцать человек получали по 125 граммов хлеба в день. Они охраняли запасы пшеницы, бобов, картофеля, вполне достаточные для того, чтобы прокормить в десять, двадцать, пятьдесят раз большее число людей.

Их было четырнадцать. Они пухли от голода, как пухли тысячи других ленинградцев. Они разделяли общую судьбу, которой, казалось бы, могли избежать. Достаточно было лишь протянуть руку… Но ни один из четырнадцати этого не сделал.

Из хроники блокадной зимы в стенах Всесоюзного института

растениеводства:

«От голода умер хранитель риса Дмитрий Сергеевич Иванов. В его рабочем кабинете остались тысячи пакетиков с рисом.

За своим письменным столом умер хранитель арахиса и масличных культур Александр Гаврилович Щукин. Разжали мертвые пальцы — на стол выпал пакет с миндалем. Щукин готовил дублет коллекции, надеясь самолетом переправить его из Ленинграда на Большую землю.

Умерла от голода хранительница овса Лидия Михайловна Родина».

Умирали на посту, умирали дома, умирали на улице. Заведующий гербарием Вульф был смертельно ранен осколком снаряда. У порога своей квартиры упал и не поднялся научный работник Леонтьевский. Агрометеоролог Молибога сгорел в доме, подожженном зажигательной бомбой: у него не было сил, чтобы пройти к лестнице.

Люди не просто охраняли коллекцию. Они должны были поддерживать ее в «рабочем состоянии». Боясь, что мороз повредит некоторые образцы, жгли в печках канцелярские столы и стулья.

Особенно сильно могла пострадать уникальная коллекция картофеля. По весне клубни надо было непременно высаживать. И это сделали на «ничейной земле», простреливаемой фашистами.

А еще хранители коллекции воевали с крысами.

Из воспоминаний доктора сельскохозяйственных наук Вадима Степановича Лехновича:

«На здание института началось нашествие крыс. Голодные грызуны ухитрялись сбрасывать с полок коробки с семенами. Ударяясь об пол, те раскрывались, и крысы набрасывались на драгоценное зерно. Пришлось принимать экстренные меры. Обессилевшие от голода люди снимали с высоких стеллажей коробки — жесть обжигала холодом, к ней нельзя было прикоснуться, — перевязывали шпагатом, соединяли по девять штук (такая тяжесть крысам уже не под силу) и снова ставили по местам. Так было спасено 120 тысяч коробок».

Коллекция Всесоюзного института растениеводства была известна всему миру. Когда кончилась война, о ней вспомнили в Европе и Америке. Вспомнили, как еще об одной невосполнимой потере. Судьба сокровищ, собранных Вавиловым и его сотрудниками, не вызывала сомнений.

«…Обезумевшие от голода ленинградцы съели знаменитую коллекцию», — писал английский профессор Дарлингтон.

По его представлению, могло быть только так. Он просто счел излишним наводить какие-либо справки.

Банк в поселке Ботаника

— Давайте поставим вопрос на глобус!

Это было одно из любимых выражений Николая Ивановича Вавилова. Он стремился рассматривать любую проблему во всей ее широте и глубине, стремился увидеть за сегодняшними повседневными мелочами даль завтрашнего дня.

Он считал, например, что когда-либо станет неизбежностью всемирная перепись растений. Пока что человек изучал лишь их сравнительно небольшие группы. Но только тщательное исследование биологических признаков всего растительного мира поможет сберечь с пользой для грядущих поколений великолепное разнообразие и богатство флоры планеты Земля.

Коллекция Всесоюзного института растениеводства была началом практического решения этого вопроса, «поставленного на глобус».

Сегодня институт, носящий имя Николая Ивановича Вавилова, — крупнейшее научное учреждение. Его экспедиции, как и прежде, работают на пяти континентах. Были повторены все маршруты академика Вавилова. Сотрудники института побывали и в тех районах земного шара, которые он не успел посетить. Многое сделано для изучения растительности отдаленных уголков Африки, Австралии, Азии.

Внутри страны у института — десятки опытных станций. Они есть в субтропиках, пустынях, тундре, в сибирской тайге и на Тихоокеанском побережье.

Институт, как и прежде, в Ленинграде. Но основная часть его знаменитой коллекции, спасенной в годы войны и очень существенно пополненной за последующее время, размещена теперь в специально построенном хранилище.

Говорят, это место в кубанской степи выбрал еще сам академик Вавилов. Здесь белое массивное здание почти без окон. На стене — панно: хлеборобы подносят ученому пышный каравай. Ведь именно Вавилов особенно заботился о создании коллекции различных видов главного хлеба земли. Теперь в хранилищах

кубанского поселка Ботаника собрано свыше 30 тысяч образцов одной только пшеницы — огромное богатство для создания новых сортов!

У главного здания Национального хранилища семян мировых растительных ресурсов кроме надземного — подземные этажи. Каждый вид семян требует особых условий хранения. Он проходит несколько операций, прежде чем его в стеклянной баночке спустят в подземные камеры, где поддерживается постоянная температура и влажность.

Смысл предварительных операций — удлинение сроков сохранения всхожести образцов. Прежде их пересевали каждые пять лет. Теперь генный банк хранит семена без пересева до тридцати и даже пятидесяти лет.

Коллекции разрослись, и человеческая память не способна удержать полезные свойства каждого образца. На помощь селекционерам пришли электронно-вычислительные машины.

Дублеты сокровищ, собранных и непрерывно пополняемых институтом, — в других хранилищах, с ними работают на опытных станциях.

В банке среди прочих растения, которые сегодня не кажутся перспективными. Но кто может сказать, какие генетические признаки будут цениться селекционерами, скажем, середины XXI столетия, озабоченными прокормлением быстро растущего населения планеты?

Под воздействием человека многие растения меняют свойства, иные исчезают вовсе. Все меньше на земном шаре нетронутых земель, все меньше остается дикорастущих сородичей главных культур, а ведь в них ценнейший генетический резерв для селекционеров.

Николай Иванович Вавилов понял это одним из первых. И вот теперь его ученики создают заповедники в местах произрастания диких злаков. Они стремятся сохранить семена сортов, видов, подвидов используемых человечеством культур, их диких предков, а также полезных дикорастущих растений. Это необходимо для «причесывания» нашей Земли, которое было целью яркой творческой жизни академика Вавилова.

Тунгусское диво

В купе вагона было жарко и тесно. Собеседники сидели друг против друга.

— Значит, вы говорите, что это все-таки был гигантский метеорит? Но ведь, извините, многие сомневаются…

Корреспондент вопросительно поднял глаза на соседа. Тот

сердито нахмурил брови, видимо, хотел сказать что-то резкое, но сдержался. Корреспондент был совсем юным, ему можно было простить невольную бестактность. И начальник экспедиции вместо ответа на вопрос начал не без лукавства:

— Вот вам маленькая притча, молодой человек. Это было в восемнадцатом веке. Во французском городе Жульяке упал с неба камень. Многие горожане видели, как все произошло. Но в те годы, по мнению ученых, камням с неба падать не полагалось. Все же мэр города, собрав триста подписей наиболее уважаемых горожан, направил письмо с описанием события во французскую Академию наук. И получил ответ: ах, как печально, что городские власти распространяют сказки, которые ничем разумным объяснить нельзя. Вот видите, с метеоритами всякое бывало…

Корреспондент торопливо записывал, сердясь на вагонную тряску.

— А вот не угодно ли еще. Это уже девятнадцатый век. Президенту Соединенных Штатов, человеку просвещенному, доложили, что в одном месте на землю выпал каменный дождь. Президент попросил впредь не беспокоить его вымыслами. Было же это после того, как… Простите, вы сами родом отсюда, из Красноярска?

Журналист подтвердил.

— Так, может, вам приходилось слышать, что из ваших родных мест, с берегов Енисея, уже в конце восемнадцатого века путешественник Петр Паллас отправил в Петербург большой железный метеорит — его с тех пор называют «Палласовым железом». А отец метеоритики Эрнст Хладни задолго до того, как президент попросил не беспокоить его вымыслами, доказал, что тела из небесного пространства падали, падают и будут падать на нашу планету.

Поезд, в котором происходил этот разговор, прогремев по длинному мосту через Енисей, бежал мимо гор, освещенных негреющим зимним солнцем. Окна вагона искрились морозными узорами, под насыпью голубела тень, дым над домиками придорожного поселка поднимался золотисто-розовыми столбами.

Корреспондент появился во время стоянки поезда в Красноярске. Ему поручили взять интервью у Леонида Алексеевича Кулика, начальника первой советской экспедиции, направляющейся к месту падения знаменитого Тунгусского метеорита. Взять, что называется, «на ходу» и с ближайшим поездом вернуться обратно.

— Разумеется, в наше время никто не станет утверждать, что падение метеоритов — вещь невозможная. Однако Тунгусскому

не повезло с самого начала. Но давайте по порядку, вам будет легче.

И Кулик напомнил, как все было.

Утром 30 июня 1908 года жители центральной Сибири стали свидетелями явления, до той поры здесь невиданного.

Огненный шар, яркий, как солнце, пронесся в безоблачном летнем небе. Он летел с устрашающим гулом и грохотом. Некоторые видели лишь его огненный след, слышали раскаты, напоминавшие отдаленный гром.

Грозное явление вызвало ужас у суеверных людей. Еще бы! Тряслись прочные стены сибирских изб, из окон сыпались стекла, сами собой распахивались двери, по дворам метался испуганный скот.

Эхо неведомой катастрофы докатилось до дальних уголков планеты. Была отмечена мощная взрывная волна, дважды обежавшая вокруг Земли. В подвалах Иркутской обсерватории, ближайшей к месту событий, сейсмографы зарегистрировали землетрясение, притом какое-то необычное, как бы не связанное с процессами, происходящими внутри земного шара.

Но если самого небесного гостя видели только сибиряки, то последствия его вторжения в атмосферу могли наблюдать жители европейской части страны и даже обитатели многих городов Западной Европы.

Было похоже, будто белые ночи вдруг продвинулись далеко на юг. Во всяком случае, в полночь на 1 июля 1908 года над городами, где в это время года обычно тьма бархатных летних ночей, небосвод светился отблеском ясной зари. Странные серебристые облака, появившиеся вслед за этим, также весьма смутили метеорологов.

— Не понимаю, почему все же некоторые сомневаются, — искренне сказал корреспондент. — Подумайте, столько доказательств!

— Да, но доказательства чего именно? — насмешливо прищурился собеседник. — Это нам сейчас многое ясно, да и то не все и, к сожалению, далеко не всем. А что вы хотите в те времена? Конечно, надо было послать людей, собрать все сведения по горячим следам. Но ведь это стоило бы уйму денег! И никого не послали. Пошумели и забыли. Надолго. Когда я в двадцать первом году поехал, чтобы узнать кое-что о метеоритах, падавших в Поволжье и Сибири, мне, между прочим, дали листок из старого календаря. Смотрю — на обороте заметка о падении огромного метеорита возле разъезда Филимоново, неподалеку от города Канска. «Нет дыма без огня, — сказали мне. — Проверьте».

— Так неужели какой-то календарный листок?.. —

взволнованно воскликнул корреспондент.

— «О святая простота!» — говаривали древние. Нет же, конечно! Но и он, этот листик, помог мне. Еще одно звенышко в цепи. Мы как раз едем с вами к Канску, будем проезжать Филимоново. Я побывал там в двадцать первом.

Как, вы думаете, возникла версия, что метеорит упал именно в тех местах? А вот так. Шел будто бы пассажирский поезд. Вдруг — резкий толчок. Это машинист, заметив в небе неладное, резко затормозил. И пассажиры, представьте, совершенно ясно увидели, как огненный шар упал совсем рядом и врезался в землю. В действительности поезд был товарный, и машинист слышал только сильный гул.

Между прочим, вскоре после событий появился в Филимоново ваш коллега из дореволюционной томской газеты. Он, к его чести, опроверг сообщения, проникшие в сибирскую и московскую печать, а оттуда — в календарь. На самом деле, как мы с вами теперь знаем, метеорит упал не возле Канска, а почти на тысячу километров севернее, возле реки Подкаменная Тунгуска. Просто он был столь ярким, что людям во многих местах казалось, будто огненный шар летит совсем низко и непременно упадет поблизости.

В том же девятьсот восьмом году Иркутская обсерватория разослала в разные места письма с просьбой сообщить, кто что видел в то памятное утро. Ответы сохранились. Мне тоже удалось опросить некоторых очевидцев.

Начальник экспедиции, достав полевую сумку, стал перебирать листки:

— Пожалуйста. Это житель Канска. «Находясь во дворе, я слышал в северо-восточной стороне сильный шум или гул, похожий на гром… Во время этого гула воздух пришел в сотрясение». Как видите, ничего особенного. Свидетель с Ангары: «Были какие-то сильные удары, вроде громовых, от которых в рамах дрожали стекла, нагибались деревья… Местные крестьяне передавали, что они видели какой-то летевший в северной стороне огненный шар, от которого будто бы происходили такие сильные удары, вроде взрывов». Тут описывается уже более грозное явление. А вот это — из поселка севернее Ангары: «С неба прилетело что-то, повалило лес, после чего произошел пожар». Ну и дальше в таком же роде… Кстати, мне уже тогда, в двадцать первом году, удалось повидать людей, рассказывавших, что у лесного народа — эвенков — «небесный огонь» погубил оленей и выжег тайгу. Вот там, где это произошло, и следовало искать метеорит, а не в Канске и даже не на Ангаре. И по данным Иркутской обсерватории, центр таинственного «землетрясения»,

отмеченного приборами, также находился на севере, далеко от Канска. Астроном Вознесенский, сын знаменитого нашего академика геолог Обручев, побывавший на Подкаменной Тунгуске, а также знаток сибирской тайги Суслов уточнили место падения. Вот вам карта. Видите крестик? Должно быть, где-то здесь и упал наш метеорит. Или вот здесь, восточнее.

— Но как же вы попадете туда сейчас, зимой? Ведь далеко же!

— Да, не близко, — согласился начальник экспедиции. — От Тайшета на санях проберусь к Ангаре по таежной дороге, а дальше… Дальше — посмотрим.

— У меня такой вопрос, если хотите, м-м… не для печати, а так… Очень трудно было вам организовать экспедицию?

— Почему же не для печати? — Кулик насмешливо посмотрел сквозь очки на корреспондента. — Именно для печати. Чего ради мне скрывать, что нашлось достаточно людей в научной среде, которые твердят: метеорит — плод досужей фантазии, а Кулик — человек, который вымогает дорогостоящую командировку ради саморекламы.

— Так и написать?

— Так и напишите. На помощь таких людей рассчитывать было трудно. И если бы не академик Вернадский, едва ли мы бы с вами сидели сейчас в этом вагоне.

— Леонид Алексеевич, — решился корреспондент, — это, конечно, глубоко личное, я понимаю… Очень хочется вам найти его?

— А как вы думаете, юноша?

За окном вагона уже синели ранние сумерки. Первые звезды стремительно мчались над верхушками черных елей. К ночи, как видно, собирался мороз. Корреспондент невольно поежился, представив, как его спутнику придется ночью выходить на маленькой станции, искать ночлег, рядиться с ямщиками…

— Хотите, — сказал вдруг Кулик, — я прочту вам стихи?

И, не дожидаясь ответа, начал:

Гром… Встрепенулась тайга и затихла,
Пламя. Свет солнца ослаб и померк.
С грохотом мчится по небу светило —
Сыпятся искры и тянется след…
Мечутся люди, и гибнут олени.
Рев и проклятья. А небо гремит.
Где же виновник всех этих явлений?
Где же Тунгусский наш метеорит?

— Да, — неопределенно промямлил корреспондент. —

Стихи, в общем, недурные, с настроением…

— Перестаньте! — рассмеялся Кулик. — Стихи плохие… Очень плохие. Из меня не выйдет поэта. Я еще в двадцать втором году их сочинил, вернувшись из экспедиции. «Где же Тунгусский наш метеорит?» — вот в чем главное… А вам пора собираться, скоро Канск, там пересядете на встречный. Да и до моего Тайшета уже недалеко.

— Леонид Алексеевич, — заторопился корреспондент, — вы все о метеорите. А об экспедиции? О себе?

— Напишите: экспедиция крупная, прекрасно организованная. Состав… два человека, я и мой помощник, он в соседнем купе. О себе? Учился в университете и в Лесном институте. По революционным делам отсидел в крепости. Потом участвовал в экспедициях Академии наук. В войну 1914 года дрался с немцами. После демобилизации занялся метеоритикой — самой увлекательной, на мой взгляд, наукой в мире. Последнее время доказывал, что Тунгусский метеорит стоит того, чтобы снарядить на поиски его экспедицию. Как видите — доказал. Пока все.

В Канске они расстались.

Жесткий снег скрипел под ногами. В бархатном небе переливались звезды. Оттуда, из черной бездны, прилетел на землю загадочный гость, и высокий, худощавый человек в круглых очках, который машет рукой из вагонного окна, будет искать его в этом морозном неуютном мире.

Поезд, показав три красных огня последнего вагона, умчался в темноту.

Был февраль 1927 года.

*

От Тайшета на север, к Ангаре, пролегла дорога, заставившая Кулика в своих записях вспомнить анекдотическую фразу одного французского путешественника: «По пути нам часто попадались сооружения, которые приходилось объезжать стороной и которые по-русски назывались ле мост».

Но и эта дорога с расшатанными, хлипкими «ле мостами» кончилась в приангарском селе Кежма. Дальше тянулась зимняя охотничья тропа. Она-то и привела маленький караван к избушкам фактории Вановара, торчащим на крутом берегу Подкаменной Тунгуски.

Поселок был мал, но здесь сходились многие таежные дорожки. Сюда приезжали охотники, чтобы продать пушнину и закупить в местной лавке все нужное, от пороха до бисера, которым эвенкийские модницы расшивают одежду.

На вановарском раздорожье можно было узнать последние

новости, а главное — послушать кое-что о «небесном госте»: тут его помнили очень хорошо.

Один очевидец рассказывал, как в то памятное утро сидел он, значит, на крыльце. Вдруг «небо раздвоилось», появился огонь. И от того «огненного воспламенения» стало так жарко, «будто рубашка на мне загорелась». В ту же секунду неведомая сила сорвала его с крыльца и бросила на землю. Ну, а что стекла все повыбило — это уже само собой.

Но наиболее интересным был рассказ эвенка Ильи Петрова, прозванного Лючетканом.

Летом 1908 года он с вдовой брата и старым знакомым, Василием Охченом, пасли оленей возле речки Дюлюшмы. В то утро все трое спали в чуме.

Огненный шар они не видели. Их сон был прерван самым невероятным образом: «что-то» сдуло чум, а спавших разметало вокруг.

Сам Лючеткан, пролетев по воздуху, сильно ударился о дерево, и у него «ум кружал». Когда «кружение ума» прекратилось, эвенк увидел такое, что подумал, будто продолжается страшный сон. Тайги, такой знакомой и привычной, не было.

Деревья, сломанные, вырванные с корнем, дымящиеся, лежали на земле. Исчезли и олени. Несколько опаленных туш валялось неподалеку от стойбища.

В тех же местах памятным летом пас стада сват Лючеткана, Онкуль. «Он» сжег у свата разное добро, которое тот хранил в лабазах на столбах, чтобы не добрались лесные звери.

Может ли Лючеткан сказать, в каких местах все это было? Может: однако, где-то между речками Хушмо и Кимчу. Шибко плохое место! А как туда добраться? Лючеткан отвечал неохотно, но толково.

Кулик помнил: карта, вырезанная ножом на куске бересты неграмотным эвенком, помогла когда-то путешественнику Петру Кропоткину разобраться в путанице рек и хребтов глухого уголка Сибири. У народа, тысячелетиями живущего в тайге, для обозначения различных особенностей рельефа местности куда больше слов, чем у европейских географов.

Если Лючеткан сказал, что огонь «палил лес» где-то у Хушмо — значит, так оно и есть.

…Кулику не терпелось. Даже не выспавшись с дороги, стал искать лошадей. Он понимал, что далеко ему не пробраться. Но хотя бы своими глазами увидеть поваленный и сожженный лес!

В тайгу вела тропа, натоптанная легкими оленями. Лошади проваливались на ней по брюхо. Их спины быстро взмокли.

Поторопился русский начальник, зря поторопился!

Вернувшись в Вановару, раздосадованный Кулик вступил в переговоры с эвенком Охченом. Ну что же, раз Лючеткан пойдет, то и он, Охчен, пожалуй, готов довезти русского начальника на своих оленях поближе к страшному месту. Туда, где «он» лес палил, Охчен идти не согласен, но русский пусть идет, Охчен будет ждать его четыре дня.

Все получилось, однако, опять не так, как хотелось Кулику. Охчен оказался изрядным лентяем и хитрецом. Он взял с собой свое многочисленное семейство. С утра ловля рассеявшихся по тайге в поисках корма оленей, бесконечные сборы, долгое чаепитие, потом неторопливый, без понукания упряжек, ход по тайге, — а глядишь, уж скоро вечер, да и у Охчена что-то поясницу беда как разламывает…

Хорошо, если за день удавалось пройти несколько километров. Кулик кипел, но не подавал вида, хотя ему временами хотелось бросить эвенков и бежать вперед на лыжах: ведь караван втянулся в зону бурелома.

Да, вот они, следы катастрофы. Весь крупный лес по холмам повален рядами — и какая же дикая сила смела его, если вековые стволы либо выворочены из земли вместе с черными переплетениями корней, либо переломаны, будто спички. И стволы и ветви покрыты тонким обуглившимся слоем. Пронесись здесь лесной пожар, мелкие сучья не обуглились бы, а сгорели дотла. Значит, здешний лес обожжен, опален метеоритом. Надо пройти еще немного, и картина станет яснее.

Но вот тут-то Охчен и заупрямился. Нет, дальше ему идти никак нельзя. Да и зачем идти, если туша лося, которого он подстрелил в начале зимы, зарыта вон в том сугробе?

Однако Кулик проявил твердость. Его проводники не хотят идти дальше? Хорошо, пусть так.

А как насчет четырех дней, о которых договорились? Эти четыре дня будем ходить вместе по окрестным горам. Не дальше, а вокруг.

Проводники нехотя согласились.

Стояли солнечные апрельские дни. Подтаявший снег тяжелыми комьями подлипал к лыжам. Кулик отирал пот, карабкаясь по крутому склону. Он выбрался к вершине — и замер.

Перед ним лежало плоскогорье, замкнутое цепью белоснежных гор. На них, насколько можно было судить, ни одного взрослого дерева, одна мелкая поросль. И на плоскогорье — то же. Все лесные великаны повержены на землю. А по бокам — могучая синева плотной тайги.

Из-под горы, кряхтя, появился отставший эвенк. Оглядевшись, он подозрительно покосился на Кулика. Но тот равнодушно смотрел вдоль хребта.

— А что, амикан в здешних местах водится?

Амиканом эвенки называют медведя.

— Есть, однако, маленько.

— А белка?

— Бывает, однако. Только нынче белка далеко ушла: шишка не уродилась, белке кушать нечего.

И эвенк стал рассказывать, как белка в поисках корма кочует из одного конца тайги в другой. Говорил он долго, а Кулик внимательно слушал. Помолчали. Эвенк набил огромную трубку, искусно вырезанную из какого-то корня и украшенную медной крышкой с отверстиями. Покурил, ожидая вопросов. Кулик молчал и только рукой отмахивался от дыма: он смолоду чувствовал отвращение к табаку. И вдруг эвенк, не вытерпев, возбужденно заговорил, указывая рукой на далекие снежные горы.

— Там, сказывают, лес валил во все стороны и все палил, досюда палил, а дальше огонь не ходил…

Сказал — и осекся. Но Кулику и этого было достаточно. Слова эвенка только подтверждали то, что он видел сам. Если у гор «он» валил лес во все стороны, значит, где-то там и был центр падения.

Но что это за горы? На карту надежда плоха — она составлена на глаз, по расспросам. Надо найти какие-то знакомые ориентиры. Он припомнил разговор на фактории.

— Скажи, друг, речка Хушмо далеко от тех гор?

Эвенк посмотрел на снежные вершины хребта:

— Видишь, однако, дыру? Там ручей, он к Хушмо бежит. Из большого болота бежит.

Среди гор темнела узкая долина. Терпеливо, по нескольку раз повторяя вопросы, Кулик выспросил у спутников все, что те знали об окрестных хребтах и реках.

Следующие два дня он, предоставив эвенкам наслаждаться чаем с утра до вечера, один бродил с буссолью по окрестным горам, намечая ориентиры и набрасывая план местности. Нет, надо все же уговорить кого-либо из проводников пройти еще немного на север.

Попробовал уговаривать. Запись о результате: проводник «весь посерел, затрясся и с непонятной для меня тогда горячностью наотрез мне заявил, что он на Хушмо не пойдёт». Позднее Кулик узнал, что шаманы объявили место падения метеорита запретным.

Отряд вернулся в Вановару.

Третий поход был задумал по рекам: дольше, зато надежнее. По изрядно подтаявшей тропе, проложенной зимой на соседнюю факторию, прошли к берегам реки Чамбэ. Два проводника, охотники с Ангары, взяли с собой коня. Погрузились на плоты, подхваченные быстрым течением, и понеслись вместе с последними весенними льдинами. Натыкались на ледяные «заторы», растаскивали баграми «заломы» из вырванных рекой деревьев, застрявших на перекатах. Останавливаясь на ночь, привязывали коня возле шалаша: по берегам бродили медведи, вышедшие к реке на весеннюю кормежку.

Так добрались до устья впадающей в Чамбэ речки Хушмо. Теперь течение превращалось из союзника в противника: надо было, преодолевая его, подниматься вверх по быстро мелевшему руслу Хушмо.

Сделали легкий плотик, превратили коня в бурлака, сами тоже впряглись в лямку.

Кулик тянул вместе со всеми, он никогда не давал себе никаких поблажек. Привычные ко всяким превратностям таежной жизни ангарцы удивлялись, как быстро этот «городской» сравнялся с ними в выносливости и сноровке.

Вставал он раньше всех, томимый беспокойной мыслью: верный ли путь выбран, действительно ли прихотливые извивы Хушмо ведут к цели?

Искал вокруг холм повыше, иногда взбирался на деревья. Красноватое солнце, поднимавшееся в дымке испарений, освещало угрюмую таежную страну. Правда, признаки бурелома были несомненны, тут и там валялись отломленные вершины могучих лиственниц, но Кулик искал на горизонте очертания знакомых гор с долиной ручья, которую показал ему эвенк.

Кончилась вторая неделя изматывающей бурлацкой жизни, у людей впали щеки, конь совсем отощал. И вот наконец в дневнике Кулика восторженная запись:

«Вдруг с одной макушки глянул на меня взволнованный, как толчея речного порога, ландшафт остроконечных голых гор с глубокими долинами между ними.

О, это он! Неоспоримо — он! Тот самый вид, что так недавно белел передо мной на горизонте, сверкая чистотой своих снегов. Вперед, еще вперед! Глубокое ущелье пересекло с севера на юг ряды хребтов; гремучие каскады в воротнике из ледников прорезали изверженный массив и бурной горной речкой, пройдя ущелье, влились в Хушмо. Так вот и он, Ручей Великого болота!»

У ручья оставили плот, пошли по ущелью. Оно привело к огромной заболоченной котловине. Да, поистине Великое болото,

Великая котловина.

Именно тут и пришел Кулик к важному открытию.

Бродя по замкнувшим котловину горам, словно заштрихованным поваленными стволами, он был сначала сбит с толку: в одном месте деревья лежали вершинами к северу, в другом — к югу, в третьем — к западу.

Но когда ему удалось обойти кругом всю котловину и нанести направления вывала леса на карту, случайно мелькнувшая догадка превратилась в уверенность. Вершины деревьев всюду обращены из котловины к горам, котловина как бы ощетинилась ими во все стороны. Но ведь так могло произойти только в одном случае: если центр падения находился где-то в котловине, которую Кулик обошел вокруг!

И у Кулика сложилась картина грандиозного явления. Метеорит ударил в котловину струей раскаленных газов воздушной подушки, образовавшейся при его вторжении в земную атмосферу. Как струя воды, ударившись о плоскую поверхность, рассеивает брызги во все стороны, так точно и эта струя с роем твердых тел вонзилась в землю, вызвав мощные разрушения непосредственным воздействием, а также взрывной отдачей.

Вот причина радиального вывала леса, его отчетливо заметный «веер». Вот почему на стволах и ветках следы мгновенного ожога.

В котловине Кулик обнаружил десятки кратеров-воронок, схожих с теми, какие астрономы наблюдают на поверхности Луны. Следы обломков метеорита?

Но для раскопок хотя бы одной воронки не было ни времени, ни сил: кончились продукты.

«Это было бегством в полном смысле слова» — так назвал Кулик обратный путь. Питались таежными растениями, ведя за собой «последний резерв» — отощавшего коня.

*

Надеялся ли Кулик, что по возвращении его встретят всеобщее признание и слава первого человека, своими глазами увидевшего место падения самого гигантского метеорита последних столетий?

Едва ли. Скептики ведь не пробирались вместе с ним по трясине Великого болота, наверняка у них найдутся возражения и нескончаемые сомнения…

Результаты экспедиции обсуждались видными учеными под председательством весьма уважаемого Куликом академика Владимира Ивановича Вернадского. Нашлись крупные авторитеты, почти полностью поддержавшие выводы Кулика. Но были и не менее авторитетные ученые, которые полагали, что

повалить деревья мог ураган, а обжечь — быстро пронесшийся лесной пожар. Сомнения вызвали и воронки. Не принял ли уважаемый коллега за следы «небесного гостя» обыкновенные шутки вечной мерзлоты, наблюдаемые на некоторых болотах Сибири?

Наука ничего не принимает на веру. Сомнения возможны, проверки любых гипотез необходимы.

Быть может, при обсуждении результатов поисков в Тунгусской тайге некоторые мнения высказывались с излишней резкостью, но не больше того. А Кулик записал в дневник пышущие гневом и болью строки о бешеных контратаках обеспокоенных «жрецов науки», о глумлении «кое-каких авторитетов», о травле со стороны подхалимов…

Он как-то очень быстро уверовал в свою неоспоримую правоту, хотя его выводы были основаны пока лишь на беглом осмотре возможного места падения метеорита.

Горячий, увлекающийся, он надеялся во второй экспедиции любой ценой посрамить сомневающихся. Готов был отправиться на поиски даже в одиночку, если не найдется денег для снаряжения новой экспедиции.

Деньги все же нашлись. Правда, очень немного. Их не могло хватить на аэрофотосъемку места падения метеорита, которая, конечно, сразу прояснила бы многое. Пришлось ограничиться новым походом к Великому болоту.

На этот раз Кулика сопровождал кинооператор. Снимая с берега подъем лодок через порог Хушмо, он запечатлел на пленке эпизод, который вполне мог стать последним в жизни искателя метеорита.

Кулик, верный своему правилу никогда не прятаться за спины других, сам управлял лодкой, которую остальные на бечеве тянули навстречу несущемуся валу вспененной воды.

Возможно, кто-то из бурлаков поскользнулся, бечева на секунду ослабла, лодка дернулась поперек течения и тотчас перевернулась. Кулик исчез в водоворотах. Несколько раз мелькнуло днище лодки.

Кинооператор почти автоматически продолжал съемку, уверенный, что в кадре — трагическая гибель исследователя.

Но Кулик выбрался на берег ниже порога. Когда к нему подбежали, он вполне овладел собой и, улыбаясь, протянул на ладони очки:

— Нет, вы посмотрите: целехоньки! Вот это называется повезло!

Помощником Кулика на этот раз был молодой зоолог-охотовед Виктор Сытин. Его поразила угрюмая мрачность

«Страны мертвого леса», куда экспедиция пришла после плавания на лодках. Голые, безжизненные хребты, ветер, свистящий среди пней. А белыми ночами — туман, космы которого стелются меж черных деревьев. Тишина, безмолвие. Только летучие мыши чертят густеющий в сумерках воздух зигзагами своего бесшумного полета. «И жутко тогда… И хочется думать о том мире труда и света, который лежит далеко, далеко… Кажется, невозможно далеко…»

Лето 1928 года в Тунгусской тайге выдалось жаркое и засушливое. Пересохли речки, рыба ушла в далекие омуты, ягода не уродилась, грибов не было. Куда-то улетели птицы, ушли звери, и лишь полосатые бурундуки, земляные белки, носились по бурелому.

Экспедиция рассчитывала пополнять продовольствие охотой и рыбной ловлей. Не вышло. Запасы быстро уменьшались. Кулик отправил на Вановару оператора и троих рабочих. Остался с Сытиным и двумя парнями.

Кажется, за весь этот второй поход Кулику повезло только с очками, уцелевшими при аварии.

Нет, удалось все же сделать довольно много, и прежде всего, произвести топографическую съемку предполагаемого места падения небесного гостя. Однако лето не дало пока никаких новых доказательств, которыми Кулик мог бы посрамить скептиков.

Он пробовал раскапывать одну из воронок в надежде добраться до осколка метеорита, но воронку заливало водой. Изготовили из ствола кедра самодельный насос — куда там, это все равно, что вычерпывать ложкой бочку.

Оставались надежды на магнитометр. Осенью, когда болота подмерзнут, с его помощью можно было «прощупать» воронки: если метеорит был железным, то чувствительный прибор отметил бы, где лежат осколки, вонзившиеся глубоко в землю.

Но еще задолго до холодов у Сытина и двоих рабочих началась цинга. Вялые, слабые, апатичные, они уже не могли помогать Кулику, на котором внешне никак не отразились ни тяжелая работа, ни скудость питания.

Кажется, выход был возможен лишь один — всем уходить из тайги, притом как можно быстрее.

Но вот какой разговор произошел у Кулика с «Витторио» — так на итальянский лад переделал он имя своего помощника:

— Я решил остаться здесь. Останусь один. Вы же раскисли, Витторио. Наши рабочие тоже теперь не работники.

Сытин, конечно, с горячностью возразил. Как это — остаться одному в тайге?!

Кулик стоял на своем. Сытин должен рассказать все Вернадскому, попросить денег на продолжение экспедиции…

— Леонид Алексеевич, я не уйду, — твердо произнес Сытин. — Или уйду, чтобы вернуться сюда…

Кулик крепко обнял Витторио. Договорились: Сытин постарается вернуться с деньгами к началу октября, и тогда они завершат дело, непременно завершат.

*

«Один в тайге…»

Эта статья появилась в ленинградской вечерней газете и вызвала множество откликов. В редакцию приходили десятки писем читателей, желающих отправиться на помощь Кулику.

Академия наук, пороги которой обивал отчаявшийся Сытин, после появления статьи сразу нашла деньги на командировку в тайгу.

Судьбой Кулика заинтересовались в Москве, в Новосибирске, в Красноярске.

Вдобавок ко всему, пронесся тревожный слух: по ангарской тайге бродит шайка беглых уголовников, расспрашивающих дорогу к зимовью Кулика. Бандиты уверены, что ученый напал на богатую золотую жилу, иначе чего же ради ему маяться в тайге?

И осенью на Подкаменную Тунгуску отправилась уже целая спасательная экспедиция во главе со знатоком тайги Иннокентием Сусловым.

К ней, в числе прочих, примкнули сотрудник журнала «Всемирный следопыт» Смирнов и молодой журналист Попель, который годом раньше познакомился с Куликом в поезде. Сытин вылетел в Кежму на самолете, чтобы подготовить поход экспедиции в тайгу.

На Ангаре никто о Кулике ничего нового не слышал. В Вановаре он тоже не появлялся. Тревога нарастала.

Она оказалась напрасной.

20 октября 1928 года среди по-зимнему белой тайги Сытин первым увидел темную избушку и дымок над ней. Тотчас принялись палить из ружей и кричать «ура».

Кулик, исхудавший, но бодрый, вышел навстречу в зипуне, в шапке-треухе, с длинной палкой в руке. Он был, кажется, не столько обрадован, сколько удивлен.

Откуда все эти люди?

Спасательная экспедиция?! Что еще за новость!

Ему рассказали. Он сердился, но недолго: может быть, теперь, когда вокруг поисков Тунгусского метеорита поднялся шум, будет легче готовить новую экспедицию? И кроме того, раз уж к Великому болоту пожаловало столько добровольных

помощников, то без промедления надо приниматься за дело.

Как он провел эти месяцы в тайге? Во-первых, жил не один, к нему присоединился ангарский охотник Китьян Васильев. Ну, было голодно, жарили белок, затем удалось подстрелить лося. И вообще рассказы — потом, а сейчас надо искать осколки, вон термометр показывает восемнадцать градусов мороза, значит, болота подмерзли.

За работу принялись дружно. Копали от темноты до темноты, отводили из воронок воду, исследовали воронки с помощью магнитометра. И… никаких результатов.

Перед тем как покидать Великое болото, между Куликом и Сытиным состоялся разговор, о котором Сытин рассказал лишь много лет спустя.

Дело в том, что во время полета над ангарской тайгой помощник Кулика, к своему удивлению, заметил болота, очень похожие на Великое, с такой же волнистой поверхностью и с округлыми пятнышками, напоминавшими кратеры.

Теперь, после неудачных поисков, Сытин решил поделиться с Куликом своими соображениями.

Они сидели вдвоем в тесном лабазе. Тускло горела свеча. И вот как описывает Сытин дальнейшее:

«— Леонид Алексеевич, — сказал я тихо, — Леонид Алексеевич… А может быть, метеорит упал не тут, а пролетел дальше? Я видел болота…

Продолжать мне не пришлось. Кулик резко отодвинул, вернее, оттолкнул меня. Отклоняясь к противоположной стенке лабаза, я задел рукой за свечу, она упала и погасла. И в полной темноте я услышал чужой жесткий голос:

— Предатель… Как я мог вам верить, старый дурак! Я должен был предвидеть, что академики вас убедят… не верить мне! Уходите…»

Обвинение было несправедливым. Сытин тяжело переживал разрыв. Попытки на обратном пути как-то наладить прежние отношения с Куликом ни к чему не привели.

Суслов, с которым Сытин поделился своими огорчениями, сказал, что «дело дрянь».

— Но ведь я высказал только предположения… — возразил Сытин.

Суслов прервал его:

— Вы засомневались — для Леонида Алексеевича этого достаточно! Слишком много ему пришлось воевать с сомневающимися. Наверное, это его и ожесточило.

…На следующий год, вновь отправившись к Подкаменной Тунгуске, Кулик не пригласил Сытина. Помощником стал

молодой ученый Евгений Кринов. В состав экспедиции вошли специалист по исследованию болот, буровой мастер и несколько добровольцев-любителей.

Лето 1929 года принесло Кулику немало огорчений и тревог. Экспедиция, снаряженная гораздо лучше предыдущих, должна была стать его триумфом. Однако факты лишь расшатывали гипотезу Кулика.

Он возлагал надежды на большую воронку, названную Сусловской. Когда с помощью кирок и лопат пробили в неподатливой земле траншею и спустили воду, на дне воронки увидели… торчащий пень.

Но ведь если бы здесь вонзился в землю осколок метеорита, пень, конечно, никак не мог бы сохраниться.

Кулик был смелым человеком, стойко переносившим тяжелые испытания таежной жизни. Но на этот раз у него не нашлось мужества признать свои заблуждения. Он распорядился бурить дно воронки.

Между тем члены экспедиции стали понимать, что их силы растрачиваются зря. Энтузиазм сменился усталостью, безразличием.

Обострились расхождения между Куликом и Криновым.

Кринов убедился, что кратеры-воронки довольно обычны для этих мест и образование их связано, вероятно, с вечной мерзлотой. Изучая вывал леса, он стал склоняться к мысли, что, скорее всего, метеорит упал не там, где предполагал Кулик, а в районе так называемого Южного болота.

Произошла размолвка, притом серьезная. Кринов вынужден был покинуть тайгу.

И только после этого Кулик, оставшийся для продолжения работ на зиму, кажется, заколебался. Он все пристальнее присматривался к Южному болоту.

Из воды кое-где торчали затопленные стволы деревьев. Значит, либо болото образовалось сравнительно недавно, либо уровень воды в нем резко поднялся под воздействием какой-то внешней силы.

Эвенк Лючеткан, который убедился, что с людьми, проникшими к запретному месту, не происходит ничего дурного, решился посмотреть место, где стояли лабазы его свата.

Его поразил вид Южного болота. Эвенк уверял, что тут было сухое место.

Кулик повел Лючеткана к одной из воронок. Эвенк, по словам Кулика, разволновался:

— Свежий! Земля! Какой такой? Кто ковырял? Здесь упал! Копать надо!

Это было уже в 1930 году: работы в тайге продолжались. Но интерес к поискам метеорита заметно снизился.

В конце концов, что реально удалось найти Кулику? Он утверждал, будто в землю вонзились обломки весом в несколько сот тонн. Обнаружил же лишь какой-то «мельчайший остроугольный не выветрившийся еще материал», образованный взрывным измельчением горных пород.

В конце тридцатых годов над предполагаемым местом падения кружили самолеты, производя аэрофотосъемку. Кулик руководил этими работами, а также дополнительно обследовал Южное болото. К этому времени он отказался уже от некоторых своих прежних заблуждений.

С другой стороны, аэрофотосъемка вывала леса убедила многих сомневавшихся, что метеорит действительно упал где-то в тех местах, которые владели всеми помыслами Кулика. Академик Ферсман предложил даже спустить воду из Южного болота и предпринять там раскопки.

Очередной доклад Кулика в Академии наук был встречен вполне благожелательно.

Собравшиеся ученые отметили не только значительные достижения своего коллеги, но и его исключительные упорство и энтузиазм на протяжении многих лет поисков. Было постановлено принять все меры, чтобы довести дело до конца.

Наконец-то победа!

Большую поисковую экспедицию наметили на лето 1941 года.

Она не успела покинуть Москву.

На второй день войны Леонид Алексеевич Кулик подал заявление о вступлении в партию. Как доброволец народного ополчения, он в рядах Московской дивизии имени Ленина ушел на фронт.

Ему было тогда около шестидесяти лет, без очков он становился совершенно беспомощным, но никакие уговоры, никакие запреты врачей не могли поколебать его.

Академия наук направила в штаб дивизии письмо с просьбой откомандировать в ее распоряжение бойца Кулика — крупного ученого и одного из немногих специалистов по метеоритам. Леонида Алексеевича вызвали в штаб. Он наотрез отказался даже разговаривать об откомандировании в тыл.

Последнее письмо от него получил Сытин, с которым ученый в конце концов помирился:

«Витторио! Если мое послание дойдет до вас, сообщите свой номер полевой почты. Уверен, что вы где-нибудь летаете и бомбите фрицев. Может быть, и поблизости? Желаю полного успеха… До Победы!»

Часть, где служил Кулик, попала в окружение. Ученый был тяжело ранен в ногу. Товарищи пытались вынести раненого в тыл, но он, опасаясь, что из-за него могут погибнуть другие, остался в укромном месте.

Фашисты обнаружили его. Ученый попал в лагерь. Он не смирился с судьбой узника. Сумел связаться с партизанами, готовил побег группы заключенных.

Об его последних днях мы знаем мало. Быть может, узников выдал предатель. По одним сведениям, Кулика перевели в барак смерти, где без присмотра и помощи валялись в бреду больные сыпным тифом. Там он заразился и умер. По другим сведениям, ученый был жестоко избит на допросе, и его жизнь оборвалась в холодном подвале.

Память погибшего отметили лишь в первый послевоенный год. В некрологе говорилось, что Леонид Алексеевич Кулик был единственным человеком, первоначально правильно оценившим масштабы и характер необыкновенного явления в Сибири. «Несмотря на большую критику, которую он встретил в самом начале, он настойчиво и упорно продолжал работу по Тунгусскому метеориту, обратив впоследствии внимание на это падение ученых всего мира», — подчеркивалось в некрологе.

Вниманию ученых к Тунгусскому метеориту, привлеченному Куликом, уже не суждено было угаснуть: приближалась эра освоения космоса, и все, что связывалось с вторжением небесных тел из космического пространства, приобретало особое значение.

Его тропа

Я познакомился с Леонидом Алексеевичем Куликом за несколько лет до войны. Но многое знал о нем гораздо раньше, со времени первых его экспедиций.

Красноярск в конце двадцатых годов оставался еще довольно тихим, провинциальным, и такое событие, как поиски Тунгусского метеорита, было в жизни города явлением выдающимся, обсуждавшимся очень широко.

Газету «Красноярский рабочий» расхватывали в киосках. Об

экспедициях Кулика судили по-разному. Находились очевидцы событий 1908 года, вспоминали белые ночи, слухи о небывалых пожарах в тайге, о «конце света».

Хорошо помню, что и у нас в Сибири нашлось достаточно людей, с недоверием относившихся к поискам метеорита. Некоторым вообще казалось непонятным, зачем его искать, тратя на это народные денежки.

А когда снаряжалась экспедиция на помощь Кулику, многие попросту смеялись над этой затеей: что за невидаль — один в тайге? Тысячи охотников уходят в одиночку на промысел зверя, и никто их не ищет.

Неподалеку от дома, где прошло мое детство, на той же улице жило семейство Попелей. Ребята были постарше меня, но не настолько, чтобы называть их иначе, чем Сашка и Димка.

И вдруг на страницах газеты «Красноярский рабочий» стали появляться заметки, подписанные: «Д. Попель». Неужели Димка?! Не может быть!

Оказалось, может. У него выявился талант журналиста. Вскоре корреспонденции Дмитрия Попеля стал печатать и Новосибирск, тогдашняя «столица Сибири».

Дмитрий Попель не раз брал интервью у Кулика, а затем, как вы знаете, участвовал в экспедиции, организованной для помощи ученому. От него я и по горячим следам, и позднее услышал и узнал многие подробности.

Расспрашивал также Витторио, спутника Кулика во второй его экспедиции, писателя Виктора Александровича Сытина. «Я любил его», — так назвал он свои воспоминания о Кулике. В них, как мне кажется, проникновение в самую суть характера такого замечательного человека, каким был Леонид Алексеевич Кулик.

Люди одержимые, в науке да и в любом творческом деле, иногда трудны для окружающих. Увлеченность, страстная вера в свое дело порой доводят до нетерпимости к тем, кто сомневается в их заключениях, выводах, идеях.

Это далеко не лучшее качество ученого. Но пожалуй, у Кулика оно развивалось под влиянием той действительно странной атмосферы, в которой он жил и работал. То была атмосфера, где вполне закономерные сомнения сменялись порой открытым недоверием, а иногда и едва скрытой насмешкой. Его поддерживали несколько крупных ученых, но тем не менее каждая экспедиция давалась ему с боем.

Он, как мы знаем, ошибочно объяснил происхождение воронок на болотах. Однако после первой экспедиции высказывались сомнения решительно во всем, и даже в том, что в районе Подкаменной Тунгуски действительно упал метеорит. Тут

трудно было сохранять спокойствие.

В 1939 году, когда Кулик готовил свою четвертую экспедицию, я работал в газете «Красноярский рабочий», корреспондентом которой был в свое время Дмитрий Попель.

К этой газете Леонид Алексеевич питал определенное расположение.

Он вспоминал, что «Красноярский рабочий» всегда поддерживал его, а в 1927 году даже напечатал приложение к воскресному номеру: тоненькую брошюру «За тунгусским дивом» — первый рассказ Кулика о поисках метеорита, откуда я и позаимствовал для своего очерка забытые со временем подробности. Он был удивлен и даже растроган, когда при встрече я принес ему сохранившийся у меня экземпляр. Но сделать на нем авторскую надпись почему-то отказался.

Годом раньше мне довелось самому побывать на Подкаменной Тунгуске вблизи Вановары. Я сказал ему об этом. Он рассеянно кивнул головой.

Интервью, которое я взял у Леонида Алексеевича, было коротким и сдержанным.

— Сейчас преждевременно. Будем говорить подробно, когда вернусь из тайги.

Последний раз я видел ученого немного спустя на Ангаре в таежном селении Кежма.

Высокий, чуть сутуловатый, он шагал, стуча тяжелыми башмаками по доскам тротуара. На голове ученого красовалась пестро вышитая тюбетейка, в руках он держал кожаный шлем летчика: Кулик только что прилетел сюда из Красноярска.

Из Кежмы Леонид Алексеевич намеревался идти к Вановаре пешком вместе с маленькой группой туристов Московского горного института. А там — полетать над своим метеоритом.

Я попытался было узнать кое-какие детали. Все ли предусмотрено, чтобы не получилось так, как в 1937 году, когда самолет Кулика потерпел аварию на Подкаменной Тунгуске?

Леонид Алексеевич приложил палец к губам и посмотрел на меня сквозь очки предостерегающим взглядом. Я знал уже его маленькую слабость: иногда он окружал свои планы некоторой таинственностью.

Тогда это казалось мне чудачеством, но теперь я думаю, что то был способ самозащиты: зачем давать повод для лишних пересудов?

Наш короткий разговор при последней встрече Леонид Алексеевич закончил словами:

— Мы с вами еще не раз услышим о Тунгусском метеорите, запомните мои слова!

Теперь я думаю, что даже он не представлял, сколько сил будет привлечено для раскрытия тайн тунгусской тайги, в которую ему выпала честь проложить первую тропу.

Встреча на Енисее

С Евгением Леонидовичем Криновым, сотрудником Кулика в третьей экспедиции, мы совершенно неожиданно встретились на Енисее. Кринов уже давно возглавлял Комитет по метеоритам Академии наук СССР. На этот раз в Сибирь его привели дела, связанные с «Палласовым железом».

Метеорит, найденный в 1749 году возле берегов Енисея казаком Медведевым и затем вывезенный в Петербург академиком Палласом, занимает особое место среди «небесных гостей». От него ведет свою родословную метеоритика как наука. До той поры не удавалось найти неопровержимых доказательств падения небесных тел на поверхность Земли.

Теперь место падения исторического «Палласова железа» было решено отметить памятной стелой.

Но где именно следует поставить мемориальный знак, как он должен выглядеть? Ради этого Евгений Леонидович и оказался в Сибири.

Воспользовавшись случаем, я, конечно, стал расспрашивать его о «тунгусском диве», и особенно о Кулике. В своих книгах Кринов очень сдержан, это научные отчеты, а не воспоминания.

Но быть может, то, что встреча у нас произошла вблизи тех мест, где почти полвека назад будущий ученый, тогда еще совсем молодой человек, бродил по обожженному мертвому лесу, придало нашему разговору оттенок теплоты и доверительности.

Думаю, что Евгению Леонидовичу хотелось оглянуться назад, чтобы еще раз вспомнить давние события, попытаться лучше понять противоречивую натуру первого искателя Тунгусского метеорита. Отрывки из рассказа ученого я привожу здесь почти дословно.

— До нашего последнего расставания в сорок первом году нас связывало многое. Кулик был человек контрастов. Иногда —

резкий, категоричный чуть не до грубости. Но чаще — мягкий, сердечный, готовый поделиться всем, что у него есть. Знаете ли вы, что он очень любил детей, а те обожали его? Соберет, бывало, в своей квартире у Рижского вокзала мальчишек со всего двора и весь вечер показывает им диапозитивы.

Мягкость, душевность странно уживались в нем едва не с самодурством. Ну, вот, в двадцать девятом решили мы определить астрономический пункт возле Южного болота на горе Фаррингтона. И что вы думаете? Заставил всех поднимать к вершине огромный камень, чтобы пункт был приметен. Как этот камень нас не придавил…

У Леонида Алексеевича была довольно распространенная человеческая слабость: он медленно, с трудом отказывался от собственных заблуждений. Факты против? Тем хуже для фактов! Порой переубедить его было просто невозможно.

Вот одна из причин, почему у него появилось много недоброжелателей. Иные открыто обвиняли Кулика в деспотическом навязывании своего мнения. А ведь метеоритика делала тогда первые шаги, мы все — и он в том числе — знали очень мало, истина могла рождаться только в свободной дискуссии, когда каждый отстаивал бы свое мнение.

Возьмите эту пресловутую Сусловскую воронку… Мне да и другим стало ясно: Кулик ошибся. А он свое: нет, надо рыть, отводить воду. Я думаю теперь, что за этим могла скрываться и растерянность. Ведь он так верил в эти воронки, они должны были подкрепить его, оспариваемое многими, твердое убеждение, что метеорит можно найти, — и вдруг…

Мы с ним тогда серьезно разошлись. Я не писал об этом в своей книге, но он отстранил меня от работы. Послал в Ленинград, куда я поехал, телеграмму: «Кринов мною уволен, никаких полномочий ему не дано». А потом, когда составлял отчет, увидел копию этой телеграммы, смутился. Скомкав, бросил ее в корзину, взглянул на меня, произнес извиняющимся тоном: «Написал вот на посрамление себя».

Наши споры продолжались и в Ленинграде, потом в Москве. Иногда яростные. Но представьте, это стало скорее сближать, чем разделять нас.

Мне кажется, что в глубине души он, как человек сильный, испытывал уважение к людям, возражающим ему. Может, к тому времени понял, что, упорствуя в заблуждениях, многое теряет как ученый.

И еще одно: он уже перестал быть несколько озлобленным одиночкой, воюющим за «свой» метеорит. Метеорит был признан, дело, которое Леонид Алексеевич первым сдвинул с мертвой

точки, развивалось.

Чем дальше, тем теснее мы сближались. Временами он был не просто добр, но даже нежен ко мне. Когда я перебрался в Москву, Леонид Алексеевич, потеснившись, поселил меня в своей квартире. Факт, к науке отношения не имеющий, но к личности ученого…

За окном шелестели сосны. Влажный ветер тянул от Енисея. Возможно, моему собеседнику вспоминалась бродившая по бурелому тунгусской тайги высокая фигура, поблескивающие очки, скрывавшие глаза то неистового фанатика, то мечтателя, то отзывчивого добряка.

Свыше ста двадцати гипотез

Эта цифра может показаться неправдоподобной.

Но ее назвал мне научный сотрудник Комитета по метеоритам. Комитет регистрирует все гипотезы, связанные с происхождением и падением Тунгусского метеорита. Среди них есть и вовсе не выдерживающие критики, почти анекдотические. Однако они существуют и занесены в картотеку.

На моей памяти в разное время появлялись статьи и заметки, озаглавленные примерно так: «Тайна наконец раскрыта», «Экспедиция допросила тайгу», «Ученые дают ответ», «Разгадка «тунгусского дива».

В первые послевоенные годы вновь возбудить общественный интерес к Тунгусскому метеориту удалось писателю Александру Казанцеву.

Он опубликовал рассказ «Взрыв». Писатель выдвинул смелую гипотезу: в Сибири приземлился межпланетный корабль, использовавший атомную энергию. Когда инопланетяне разошлись для обследования местности, на корабле случилась какая-то авария. Подброшенный на высоту трехсот пятидесяти метров, он взорвался. Произошел мгновенный распад радиоактивного топлива, вызвавший катастрофу в тайге.

Рассказ был опубликован в 1946 году, вскоре после появления атомной бомбы. Гипотеза поражала своей новизной,

необычностью, созвучием духу времени.

Однако самая смелая гипотеза поражает, удивляет, но далеко не всегда убеждает. Нашлись ее сторонники, в том числе и среди ученых. Но большинство доказывало ее несостоятельность. Среди последних был и Евгений Леонидович Кринов.

Устраивались публичные диспуты. Появилась едкая карикатура: противники гипотезы об атомном взрыве, о межпланетном корабле были изображены, как «птицы без крыльев», этакие неповоротливые пингвины, топчущиеся на месте.

Но романтическая гипотеза с годами расшатывалась все больше под напором новых идей и фактов.

Впрочем, уязвимые места обнаружились и у многих других гипотез, в том числе у самой простейшей, которой в основном придерживался Кулик. Если предположить, что на Землю упал обычный метеорит, но огромных размеров, то многочисленным экспедициям, чуть не каждый год работающим в тунгусской тайге, давно уже удалось бы обнаружить хотя бы воронки от его осколков.

Быть может, в земную атмосферу вторглось ядро небольшой кометы?

Однако противники кометной гипотезы приводят расчеты, согласно которым энергия взрыва и некоторые сопутствующие явления были бы иными, чем во время тунгусской катастрофы.

Существует гипотеза, предполагающая вторжение космического гигантского рыхлого кома из снега с примесью пыли. При входе в плотные слои атмосферы ком резко затормозил, вызвав ударную волну огромной силы. Взрывоподобное испарение при очень высокой температуре превратило его как бы в облако. Раскаленные газы и частицы пыли могли поджечь тайгу.

Гипотеза американских астрофизиков связана с так называемыми «черными дырами», сверхплотными и сверхтяжелыми небесными телами. Крохотная частица «черной дыры» могла бы пробить земной шар, что называется, навылет, вызвав в месте столкновения сложные физические явления, напоминающие ударную волну, и в то же время не оставив после себя сколько-нибудь значительного кратера.

Земной шар навылет? Но тогда где-то в Северной Атлантике 30 июня 1908 года должен был бы возникнуть водяной столб, напоминавший извержение гейзера. Это могло произойти и в совершенно пустынных водах, однако американские ученые пытаются найти в старых морских архивах записи, хотя бы косвенно сообщавшие о чем-либо подобном.

Не будем пересказывать здесь многие другие гипотезы. Поговорим лишь о результатах почти тридцатилетней работы КСЭ — Комплексной самодеятельной экспедиции. Здесь «самодеятельная» вовсе не означает «любительская». Просто в Томске образовалась группа ученых, которая привлекла специалистов из многих других городов, согласных работать на общественных началах. Их объединяет желание разгадать, наконец, тайну этого явления, явления настолько сложного, что теперь чаще говорят о «Тунгусском космическом теле», или заключают слова «Тунгусский метеорит» в кавычки.

Члены экспедиции работают непосредственно на месте, в тайге, а собранный материал исследуется во многих научных центрах страны, иногда далеко за пределами Сибири. Интерес к тунгусскому феномену растет год от года. Американец Ганапати предпринял поиски выпавших после взрыва возможных осадков вещества… на ледяном покрове Антарктиды.

Давно уже никто не разрывает болотные воронки в надежде обнаружить увесистые осколки небесного гостя. Как это ни поразительно, почти за восемь десятков лет, прошедших после появления «небесного гостя», и по крайней мере за четверть века поисков, ведущихся уже во всеоружии современной науки, не найдено ни одного миллиграмма вещества, о котором можно было бы твердо сказать: «Вот «его» кусочек!»

Довольно точно известно, как все было в 1908 году. Но до сих пор нет ответа на вопрос: что же все-таки было?

Одно время казалось, что Кулик, искавший хотя бы частицу «своего» метеорита, сам того не ведая, держал предмет своей страстной мечты в руках и даже доставил его в Москву. Это были образцы почвы и торфа из тунгусской тайги. Много лет спустя в них нашли совсем крохотные, диаметром в десятки микрон, стеклянные, вернее, силикатные шарики.

Их находят и сейчас. Из силикатных частиц удалось выделить углеродистые сростки. Космическое происхождение частиц не вызывает сомнения. Но имеют ли они прямое отношение к «метеориту»? Ведь на нашу планету ежегодно выпадает до миллиона тонн космического материала…

Изотопный анализ свинца, углерода, водорода на месте катастрофы, общий ее характер, приводит часть ученых к мысли, что «тунгусское диво» принадлежит к редкому классу метеоритов — углистым хандри-там. Сегодня это наиболее основательная гипотеза, с помощью которой можно истолковать ряд явлений, сопутствующих катастрофе.

Другие ищут ее генетические последствия, изучая изменение растительности в районе взрыва. Третьи пытаются найти

объяснение загадочным светлым ночам, которые поражали обитателей Сибири, Средней Азии и большей части Западной Европы в 1908 году.

Среди исследователей преобладает мнение, что разгадка «тунгусского дива» — дело не сегодняшнего и не завтрашнего дня.

Нужны новые методы, новые подходы, серьезные теоретические разработки. С заголовком «Тайна наконец раскрыта» придется подождать.

Долго ли? Возможно, до конца нашего века. Тунгусская катастрофа — явление единственное в своем роде, одна из мировых загадок.

А первую тропу в глухие места, где еще свежи были следы катастрофы, в места, которые далеко обходили стороной суеверные эвенки, в места, о которых ученый мир не знал решительно ничего достоверного, проложил одержимый искатель, выдающееся значение подвига которого с годами становится все очевиднее.

Потерянные следы

— Надеюсь, вы не собираетесь направить туда мистера Шерлока Холмса?

Тот, к кому был обращен вопрос, усмехнулся:

— О нет, дорогой майор! Ему вполне достаточно дела и здесь, в цивилизованном мире. Итак, горы, называемые Рикардо Франко, говорите вы? И это было…

— Осенью девятьсот восьмого года. Мы попали в отчаянное

положение, по правде говоря. Умирали с голоду в самом прямом смысле слова. Вы знаете, что в тропическом лесу зверей и птиц слышишь, но не видишь. А этот был особенно дик. И, увы, пуст. Обычно в этих местах белые всячески избегают встреч с дикарями. Но как мне хотелось увидеть хотя бы одного! Где люди — там пища.

— Однако, говорят, эти места населены людоедами. Вы не боялись попасть им на ужин, майор?

Майор небрежно набил трубку. Он не делал из этого священнодействия, как некоторые курильщики.

— Видите ли, господа работорговцы готовы обвинить индейцев во всех смертных грехах ради оправдания собственного варварства. Что касается меня, то я знаю по опыту: обитатели лесов Амазонки редко нападают первыми. Но позвольте вернуться к Рикардо Франко. Эти горы высились над лесом, манящие, недоступные, таинственные….

— Уверены ли вы, — перебил собеседник, — что они действительно неприступны?

— Уверен ли? Вот, взгляните сами. Разумеется, фотографии не так хороши, многие снимки вообще погибли, но все же…

На снимках, которые передал майор, отвесные утесы уходили в небо. Глубокие трещины рассекали их. Снимки были довольно тусклыми, однако достаточно передавали ощущение мрачного величия горной громады.

— Тогда-то у меня и мелькнула мысль, — продолжал майор, — что на этих высотах все еще могут скитаться чудовища зари человечества. Воображение рисовало картину оставшихся на горных высотах следах далекого прошлого, исчезнувшего в других местах. В этом затерянном мире их не тронули ни время, ни человек.

— Да, затерянный мир, — повторил собеседник. — Именно затерянный мир…

— Быть может, все эти мысли пришли мне под влиянием рассказов, услышанных нами по дороге к Рикардо Франко. Индейцы говорили о следах какого-то гигантского животного, оставленных на болотах. Правда, никому из них не доводилось видеть это существо своими глазами. Но если в неисследованных уголках Южной Америки натуралисты то и дело находят неведомые растения, обнаруживают странных рептилий, то почему бы здесь не быть и каким-нибудь чудовищам, в безопасности доживающим век в диких болотах?

— Или на недосягаемых плоских вершинах, подобных вашему Рикардо Франко. Вы слышали, конечно, и о неприступных плато Ауян-Тепуи на Гвианском плоскогорье? Горные миры, отрезанные

от влияний окружающих… Законы природы потеряли для них свою силу. Древнейшие животные земли там не вымерли, а продолжают размножаться. Что вы скажете на это, майор?

— Что вы идете гораздо дальше моих предположений, господин Конан Дойл. Если я правильно понял вас, в будущем романе наши современники попадут к живым ископаемым, не так ли?

— Совершенно верно, господин Фосетт. И вы можете оказать мне неоценимую услугу, подробно рассказав о ваших приключениях. Мне приходилось бывать в Африке, однако атмосфера лесов Амазонки…

— Но я не зоолог и не палеонтолог! Цель моих путешествий далека от той, которую вы, насколько я понимаю, собираетесь поставить перед своими героями.

— И прекрасно! Для меня гораздо важнее ваши рассказы о тропическом лесе, об индейцах, о москитах, об ягуарах. О подлинной жизни исследователя.

— Ваш роман будет фантастическим? Боюсь, что читатель отнесется с недоверием к мысли, которая мне, как и вам, кажется достаточно естественной. Живые ископаемые — с этим трудно примирить наш век!

— Представьте, некоторые ученые думают иначе. Я не хочу сказать, что они считают естественным существование уголков, где летают птеродактили и разгуливают динозавры. Однако палеонтологи говорят нам: господа, среди существ, к которым вы привыкли, достаточно живых ископаемых. Например, морские губки. Они мало изменились за последние пятьсот миллионов лет. А пауки, обыкновенные пауки? Их отпечатки найдены в отложениях каменноугольного периода истории Земли.

— Однако от паука до птеродактиля… Впрочем, на притоках речки Акри в обрывах я нашел череп и кости окаменелого ящера.

— А слышали вы о гоацине, птице, которая водится как раз в Амазонии? Так вот, зоологи обратили внимание, что у птенцов гоацина крылья снабжены небольшими когтями. Птенцы пользуются ими при лазании по ветвям. Не заставляет ли это вспомнить археоптерикса, первоптицу, сохранявшую некоторые признаки пресмыкающихся юрского периода? А тапир?

— Отличное мясо! Мне приходилось стрелять их на той же Акри. Но туземцы говорят, что эти травоядные иногда пожирают ядовитые растения, и тогда их мясо есть опасно.

— Возможно, возможно. Однако для нас с вами важнее другое: тапиры водились на нашей старой планете уже семьдесят миллионов лет назад. Надеюсь, подобные факты говорят в пользу нашей гипотезы? А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы

услышать обстоятельный и неторопливый рассказ о вашем путешествии к Рикардо Франко. Пожалуйста, как можно подробнее: что ели, где спали, что за спутники сопровождали вас, о чем вы думали. Это займет, возможно, не один вечер, но вы очень обяжете меня. Мы могли бы начать хоть сейчас.

*

Если вы читали или будете читать «Затерянный мир» сэра Артура Конан Дойла, не ищите внешнего сходства у кого-либо из героев романа с Перси Гаррисоном Фосеттом, чьи путешествия дали дополнительный толчок неистощимой фантазии автора «Приключений Шерлока Холмса».

Спокойный, сдержанный Фосетт, высокий, худощавый, с трубкой в зубах, совершенно не похож на коренастого бородатого коротышку профессора Челленджера, бешеный нрав которого отталкивал от него многих. Сходство, возможно, лишь в одержимости своим делом, верой в свои гипотезы, в готовности идти на любые испытания ради поисков истины. И еще, конечно, в некоторых приключениях, которые, раньше, чем выпасть на долю профессора Челленджера и его спутников по дороге к «затерянному миру», стали уделом майора Фосетта.

Уже после выхода «Затерянного мира» к Фосетту как бы перешла частица судьбы литературного героя. Профессор Челленджер, как известно, не нашел в научном мире сторонников своей гипотезы. Одни его выслушивали с плохо скрываемым раздражением, другие считали фанатиком, третьи — едва не шарлатаном.

Так вот, несколько лет спустя, когда книгой давно зачитывались, Фосетту пришлось записать в дневнике, что его, человека, награжденного почетной медалью Королевского географического общества, «почтительно выслушивали пожилые джентльмены, археологи и музейные эксперты в Лондоне, но заставить их поверить хоть в частицу того, что я доподлинно знал, было решительно не в моих силах».

Но кто же такой майор Фосетт, имя которого стало известно многим в конце двадцатых годов нашего века, а с тех пор время от времени появляется снова и снова в коротких газетных сообщениях из Южной Америки?

Он родился в Англии в 1867 году. Ему было четыре года, когда Стэнли встретился с Ливингстоном в дебрях Африки. Вряд ли, однако, мальчугана сколько-нибудь беспокоило, что к тому времени, когда он подрастет, на картах мира исчезнут почти все «неведомые земли». Нет никаких свидетельств его страстных юношеских мечтаний о путешествиях и открытиях.

Юный Фосетт не сбежал на корабле, уходящем в тропические

моря, а поступил в учебное заведение, казалось бы ничего общего не имевшее с музой дальних странствий: то было артиллерийское училище. Окончив его, Фосетт надел офицерскую форму и почти до сорока лет носил ее, ничем не выделяясь среди сослуживцев.

В 1906 году правительству Боливии понадобился опытный геодезист-топограф для точного установления границ с соседними Бразилией и Перу. Выбор пал на Фосетта: он славился среди офицеров своим искусством в топографической съемке местности. Королевское географическое общество поручило ему попутно заняться некоторыми спорными географическими проблемами этого уголка Южной Америки и собрать сведения о народах, там обитающих.

Прибыв к месту работ, он сразу попал в особый мир, полный странностей и опасностей.

Ну, вот постоялый двор. Что может быть обычнее? Но оказывается, в одной из его комнат постояльцев иногда не могли добудиться по утрам: под одеялом находили их почерневшие трупы. Убийцу обнаружили случайно. Им оказался громадный черный паук-тарантул, гнездившийся в тростниковой крыше. Его укусы были опаснее удара кинжалом.

А что такое горная дорога в Андах? Узкая тропа, то карабкающаяся вверх по немыслимой крутизне, то вырубленная карнизом над пропастью. Настолько узкая, что мул или вьючная лошадь только-только умещаются на ней.

При этом животные обязательно шагают по наружному краю, у самой бездны. Они боятся задеть тюком о скалу, это и опасно, и болезненно для их натруженной спины.

Но у наружной кромки бывают шатающиеся камни или скользкая галька. Один неверный шаг — и предсмертный рев сорвавшегося животного сливается с отчаянным криком человека.

Временами тропы пересекают ущелья, над которыми натянуты мосты из проволоки и веревок, такие шаткие и ненадежные, что животных ведут туда поодиночке.

А реки? Разве они хотя бы отдаленно напоминают те великолепные, тихие и спокойные водные дороги, которые знает Европа? Здесь, в пограничных районах Боливии, Бразилии и Перу, они злы, дики, своенравны и служат не столько средством сообщения, сколько источником тревог и опасностей. Многие из них кое-как нанесены на карту, которой вообще не следует особенно доверять.

Они внезапно и буйно разливаются после тропических ливней, пронесшихся где-то за десятки километров. Только что вода лениво струилась среди камней — и вдруг с грохотом несется мутный вал, сметая все на своем пути.

Реки, продирающиеся сквозь горы, порожисты, извилисты, то и дело крутят водовороты, и, если лоцман, ведущий плот из стволов легчайшего дерева бальсы, зазевается на минуту, бревна рассыпаются при ударе о скалу или торчащий из воды камень.

Когда река петляет в дебрях тропического леса — еще хуже. Деревья падают в ее русло, образуя либо завалы, либо подводные коряги. Последние особенно опасны: их острые сучья торчат словно шипы и легко протыкают насквозь днище крепкого суденышка, не говоря уже о лодке.

А упасть в воду, если судно наскочит на корягу, — значит подвергнуть жизнь опасности. Реки изобилуют электрическими угрями, удар которых парализует человека, и, беспомощный, он идет на дно; недаром индейцы боятся прикоснуться пальцем даже к мертвому угрю, особенно к его хвосту.

Возле места аварии могут оказаться крокодилы. А скаты, лежащие на песчаном дне? Достаточно наступить ногой на их ядовитые шипы, чтобы получить долго не заживающую рану. А маленькая рыбка кандиру, чьи загнутые крючки на жабрах вонзаются в кожу, и нужен нож хирурга, чтобы освободиться от них?

Однако страшнее всех пираньи, плотоядные рыбы. Они нападают на животных и людей, мгновенно обгладывая до костей живое существо. Рассказывали о рыболове, которому на крючок попалась такая крупная рыба, что он не удержал леску и свалился в воду. Рыболов тотчас же вынырнул и, схватившись за край лодки, наполовину высунулся из воды.

Услышав его крик, другая лодка подплыла к рыболову. Несчастный был мертв: ниже пояса оставался лишь обглоданный скелет.

В эти края и попал майор Фосетт.

Южная Америка сразу стала испытывать его. В короткое время он узнал удушающий, тепличный воздух тропического леса и пронизывающий холод ночевок в горах.

При крушении плота погибли ящики с важным грузом.

В другой раз ночью во время грозы при быстром подъеме воды перевернуло баркас. Вал схлынул так же внезапно, как налетел, оставив на берегу «подарки» — массу пауков, таких огромных, что их жертвами становятся даже небольшие птицы, а также полный набор змей, которыми кишат приречные болота.

Некоторое время спустя, когда Фосетт спускался на небольшой лодке по реке, под самым носом из воды высунулась сатанинская треугольная голова и извивающееся тело гигантской змеи. То была анаконда!

Фосетт удачно всадил в нее пулю, хотя спутники умоляли его

не стрелять: раненая анаконда способна напасть на лодку и переломить ее.

Сила этого пресмыкающегося, достигающего десяти и больше метров в длину, огромна, и человек, вступивший в края, изобилующие анакондами, начинает игру со смертью.

Однажды люди в лесном лагере были разбужены сдавленным криком. Вскочив, они увидели, что гамак, в котором спал их товарищ, оплела железными кольцами анаконда. Началась беспорядочная стрельба, заставившая змею выпустить жертву. Человек в гамаке был превращен в мешок с переломанными костями.

Места, в которые попал Фосетт, заставили его усомниться, действительно ли все, с чем он сталкивался, происходит в XX веке. Люди в тропическом лесу жили по жестоким законам джунглей. И это относилось не столько к туземцам, сколько к белым.

В те годы мир стал испытывать острую нужду в каучуке. Леса бассейна Амазонки изобиловали каучуконосными деревьями. Предприниматели, обычно самые настоящие подонки, которым нечего было терять, хлынули сюда из Европы. В полускрытой форме возродилась работорговля.

Однажды Фосетт услышал возглас на берегу реки:

— Вон скот везут!

Взглянув в указанном направлении, он увидел караван лодок, на которых, к его удивлению, оказались белокожие люди. Когда лодки причалили, надсмотрщики, вооруженные бичами, согнали их на берег.

— Кто это? — спросил Фосетт, не веря своим глазам.

— Разумеется, рабы, — ответил ему чиновник.

— Вы хотите сказать, что этих людей привезли сюда для продажи?

— О нет, сеньор! В открытую продают только диких лесных индейцев.

И он пояснил, что эти люди задолжали своим хозяевам и не в состоянии расплатиться с ними. Сумма долга — продажная цена: заплати ее хозяину и получай человека, который теперь будет работать на нового владельца.

Фосетт узнал о налете на индейцев, совершенном кучкой негодяев во главе с немцем и шведом. Бандиты вырезали все население деревни. Детей же убивали, расшибая им головы о деревья или подбрасывая вверх и ловя на острие ножей.

И после этого белые смеют говорить о жестокости и мстительности индейцев! «Мой опыт показывает, — записал Фосетт, — что лишь немногие дикари «дурны» от природы, если

только общение с «дикарями» из внешнего мира не сделало их такими».

Первая экспедиция Фосетта продолжалась пятнадцать месяцев. Ему удалось успешно выполнить все работы, связанные с установлением линии границы. Президент Боливии попросил продолжить их на другом участке. Фосетт согласился, однако надо было получить еще и согласие военного начальства в Лондоне. Уезжая, он не был уверен, что ему разрешат вернуться в Южную Америку, и, по правде сказать, не думал настаивать на таком возвращении.

В Англии, где Фосетта ждали жена и двое детей, все было так, как ему представлялось во время скитаний по Амазонии: тишина, уют, покой, свежая газета за кофе, ласкающее тепло камина в зимние вечера…

В марте 1908 года майор Фосетт был уже на борту корабля, идущего к берегам Южной Америки. Он понял, что отныне зов диких, неведомых мест станет компасом его жизни.

Казалось, судьба особо подготовила ему еще одну проверку: подумай, для тебя ли эти скитания, есть еще время остановиться! Это произошло во время экспедиции в Бразилии, о которой он позднее рассказывал Конан Дойлу.

Фосетт взялся отыскать истоки реки Верди. Сама по себе река как будто не представляла особенного интереса, но именно по ней проходила граница. И если на картах реку изображали неправильно — а, судя по всему, это было именно так, — то, значит, оставался спорный пограничный участок, повод для стычек и раздоров.

Предполагалось, что отряд Фосетта сумеет подняться вверх по реке Верди на лодках. Но непрерывные мелководные перекаты вскоре заставили бросить эту затею и прорубать тропу сквозь прибрежную чащу.

Запасы пищи быстро иссякли. Почему-то в реке не было рыбы, а в лесу — дичи. Несколько местных жителей, отважившихся идти в неведомые места, сдали первыми. Их старшина, по обычаю предков, лёг в кусты, готовясь к смерти. Фосетт поднял его, тыча ножом в ребро. Это было жестоко, но слова не действовали на индейца, решившего уйти к праотцам.

Когда от голода пали собаки, сопровождавшие отряд, когда, казалось, иссякли все надежды, Фосетт увидел оленя. Меткость выстрела решала: жизнь или смерть. Ослабевшими руками Фосетт едва поднял ружье…

Мясо ели вместе с кожей и волосами.

Из шести индейцев — спутников Фосетта пятеро умерли вскоре после возвращения из похода: сказались перенесенные

лишения.

*

Страшны были испытания — а Фосетт все острее чувствовал, что Южная Америка уже не отпустит его, что тут он нужен, что тут его судьба, его будущее. Перед ним вырисовывались иные, куда более важные и увлекательные цели, чем топографические работы в пограничных районах.

Это началось незаметно, исподволь.

В краю, где встречаются следы цивилизации империи инков, уничтоженной испанскими и португальскими завоевателями, мыслью исследователя невольно завладевает далекое прошлое.

Еще во время первой экспедиции Фосетт услышал о «белых индейцах». Само сочетание этих слов казалось странным. И тем не менее находились очевидцы, встречавшие в глуши лесов рослых, красивых дикарей с чистой белой кожей, рыжими волосами и голубыми глазами. Это не могли быть потомки инков. Тогда кто же они, белые индейцы?

И еще слышал Фосетт: в каких-то таинственных пещерах найдены удивительные рисунки и надписи на неведомом языке. Доходили смутные слухи о развалинах древних городов. И все это, казалось Фосетту, образует единую цепочку.

Возможно, что еще до инков и помимо них в Южной Америке существовали народы с развитой древней цивилизацией. Обнаружить их следы — значит открыть новую страницу в истории континента. Или в истории человечества вообще: разве можно совершенно исключить предположение, что в Южной Америке могли оказаться пришельцы с легендарного затонувшего материка Атлантиды?

В 1909 году Фосетт направился к истокам реки Верди, на этот раз в сопровождении представителей властей Боливии и Бразилии, которые поставили пограничные знаки. Ему тут же предложили заняться работами в пограничной зоне между Боливией и Перу. Однако для этого пришлось бы бросить службу в армии: он и так слишком долго занимался делами, несвойственными британскому офицеру.

Может быть, год-два назад Фосетт испытывал бы колебания. Но теперь мысль о поисках исчезнувших цивилизаций все более овладевала им.

Майор Перси Гаррисон Фосетт решил уйти в отставку.

В этот период он делит время между новыми маршрутами и чтением книг, посвященных Южной Америке. Здесь много недостоверного, много устаревшего и просто вздорного, и все же Фосетту кажется, что он находит новые и новые подтверждения своей гипотезы.

В библиотеке Рио-де-Жанейро ему удается обнаружить порванную во многих местах рукопись неизвестного автора, написанную на португальском языке. Она рассказывает о событиях первой половины XVIII столетия. Некий португалец, уроженец Бразилии, отправился по следам многих без вести пропавших экспедиций, на поиски богатейших серебряных рудников древних индейцев.

Его отряд бродил по затерянным уголкам Бразилии десять лет. Однажды он достиг высоких гор с крутыми обрывами. Путь наверх был необыкновенно тяжелым, зато увиденное с вершины вознаградило людей за все трудности.

Они обнаружили внизу на равнине большой город. Жители давно покинули его. На стенах арок, сложенных из каменных глыб, были высечены непонятные знаки. В центре города высилась колонна из черного камня со статуей человека на вершине. Тут же находились руины дворца и храма. Почти все здания были превращены в бесформенные груды камня. Город во многих направлениях пересекали зияющие трещины. Португальцы поняли, что его разрушило катастрофическое землетрясение.

Возле города отряд обнаружил следы горных разработок, где валялись куски руды, богатой серебром.

У португальцев не было сил да и желания немедленно продолжать разведку. Они предпочитали вернуться сюда позднее, чтобы разбогатеть, а пока что решили об открытии не сообщать никому, кроме самых высокопоставленных особ.

Рукопись, которую с величайшим вниманием изучал Фосетт, и была донесением вице-королю.

Предпринималось ли позднее что-либо, чтобы разыскать затерянный город? Если такие попытки и были, то они не увенчались успехом. Путь отряда не повторил никто, о рукописи со временем забыли.

Фосетт уже достаточно знал Амазонию, чтобы приблизительно представить, где мог находиться таинственный город. Во всяком случае, ему так казалось.

Но прошло немало лет, прежде чем Фосетт смог отправиться в экспедицию, где поиски не дававшего ему покоя города стали единственной целью. До этого были две экспедиции в приграничные районы Боливии и Перу. Затем экспедиция 1913–1914 годов по новым маршрутам в малоисследованные районы Боливии. Эти экспедиции были трудны, полны приключений, они дарили радость географических открытий, уточняя карту. Но мечты уносили Фосетта в совсем другие места, где ждут своего часа руины затерянного города…

Известие о начале мировой войны заставило Фосетта изменить все планы. Он поспешил к побережью, чтобы с ближайшим судном вернуться в Англию.

Войну Фосетт закончил полковником. Прожитые четыре года «в грязи и крови» оборвали нити его начинаний, и, как он признавал, «подхватить эти нити представлялось весьма трудным».

Ни Королевское географическое общество, ни другие научные организации Лондона не собирались тратить деньги ради поисков каких-то мифических городов в далекой Южной Америке. Фосетта вежливо выслушивали и вежливо ему отказывали.

Вскоре семья полковника покинула Англию. Жена и дети отправились на Ямайку. Сам он в 1920 году вернулся в Бразилию.

Новая экспедиция, организованная здесь, по существу, провалилась. Фосетту вообще редко везло на спутников — да и трудно было найти людей, хотя бы приблизительно равных ему по выносливости и целеустремленности. Однако на этот раз спутники стали просто тяжелой обузой. Один оказался лгуном и проходимцем, другой в трудные минуты ложился на землю и произносил замогильным голосом: «Не обращайте на меня внимания, полковник, идите дальше и оставьте меня здесь умирать».

А пока зря растрачивалось время, до Фосетта доходили слухи, укреплявшие его в том, что надо спешить, непременно спешить, чтобы другие не достигли цели раньше.

В одном месте нашли серебряную рукоятку старинного меча, в другом видели надписи на скалах. Наконец, какой-то старик, разыскивая пропавшего быка, неожиданно вышел по тропе к развалинам города, где на площади возвышалась статуя человека. Правда, этот город оказывался подозрительно близким к населенным районам, и не там, где его думал искать Фосетт. Все же эти слухи будоражили, подхлестывали, заставляли нервничать.

Фосетту временами начинало казаться, что созданная им гипотеза зыбка и недостоверна, что затерянные города существуют только в его воображении. Но он гнал прочь эти сомнения.

И наконец пришло время решающей проверки.

*

«Наш нынешний маршрут начнется от Лагеря мертвой лошади… По пути мы обследуем древнюю каменную башню, наводящую ужас на живущих окрест индейцев, так как ночью ее двери и окна освещены. Пересекши Шингу, мы войдем в лес…

Наш путь проляжет… к совершенно не исследованному и,

если верить слухам, густо населенному дикарями району, где я рассчитываю найти следы обитаемых городов. Горы там довольно высоки. Затем мы пройдем горами между штатами Байя и Пиауи к реке Сан-Франциску, пересечем ее где-то около Шики-Шики и, если хватит сил, посетим старый покинутый город.

Между реками Шингу и Арагуая должны быть удивительные вещи, но иной раз я сомневаюсь, смогу ли выдержать такое путешествие. Я стал уже слишком стар…»

Эти строки написаны полковником Фосеттом в 1924 году. Ему исполнилось пятьдесят семь лет, и он понимает, что если намеченное путешествие окажется безрезультатным, придет конец его давним стремлениям.

На этот раз экспедиция совсем невелика. Для снаряжения большой у Фосетта нет денег, да он, наученный опытом, и не старался сколотить крупный отряд.

С ним пойдет старший сын, Джек. Сколько лет мечтал отец, чтобы это случилось, как нетерпеливо следил за возмужанием своего первенца! И вот Джек — крепкий, тренированный юноша, которого отец научил, кажется, всему, что нужно для трудной экспедиции.

С Джеком отправится его школьный друг, Рэли Раймел. Оба они успели окунуться в гущу трудовой жизни. Рэли поработал на плантации кокосовых пальм, Джек был подпаском на большой ферме, сборщиком апельсинов, паромщиком.

Несколько местных жителей, которые возьмут часть поклажи, должны дойти только до определенного места. После этого трое углубятся в дебри и надолго исчезнут из привычного цивилизованного мира в поисках «цели Z» — так Фосетт условно обозначал свой затерянный город.

Незадолго до отправления в поход он пишет:

«Мы выходим, глубоко веря в успех…

Чувствуем себя прекрасно. С нами идут две собаки, две лошади и восемь мулов. Наняты помощники…»

Далее рассказываются последние обнадеживающие новости. По дороге туда, куда они идут, обнаружены новые таинственные надписи на скалах, скелеты неизвестных животных, фундаменты доисторических построек, непонятный каменный монумент. Получены также новые подтверждения слухов о покинутых городах.

Но говорят и другое: места, которые предстоит посетить, населены воинственными племенами, находящимися на низкой ступени развития и живущими в ямах, пещерах, а то и на деревьях.

Экспедиция выступает в поход весной 1925 года.

29 мая того же года полковник пишет письмо жене из пункта, где трое должны расстаться с сопровождавшими их местными жителями. Он сообщает, что Джек в отличной форме, у Рэли основательно побаливает нога, но парень и слышать не хочет о том, чтобы вернуться назад.

Письмо заканчивается словами: «Тебе нечего опасаться неудачи». Это последние слова полковника Фосетта.

Ни он, ни двое его спутников не вернулись из экспедиции. Их следы исчезли там, где в то время предполагалось существование «затерянных миров».

Узнаем ли мы когда-либо, как далеко проникли в дебри и что увидели трое? Будет ли когда-нибудь раскрыта тайна их исчезновения?

На эти вопросы пока что нет ответа.

Его «видели», о нем «слышали»

Полковника Фосетта «видели» и «находили» много раз.

«Видели» возле обочины глухой дороги; он, больной и несчастный, казалось, лишился рассудка. «Видели» в лагере индейцев, где будто бы его держали в плену. «Видели» во главе другого индейского племени. «Слышали», что Фосетт и его спутники были убиты свирепым предводителем дикарей. Указывали даже могилу полковника.

Ни одна из этих и многих других версий не была подкреплена вполне достоверными данными. Многочисленные поисковые экспедиции проверяли одну версию за другой. Была вскрыта и «могила Фосетта». Останки исследовали видные эксперты Лондона и пришли к выводу: нет, здесь похоронен кто-то другой.

Многие находили следы троих. Глава индейского племени утверждал, что провожал белых людей до дальней реки, откуда они пошли на восток. Офицер бразильской армии нашел компас и дневник Фосетта; однако компас оказался игрушкой, а «дневник», судя по содержанию, — записной книжкой какого-то миссионера.

Высказывалось множество предположений, куда именно

направилась маленькая экспедиция после того, как спутники покинули ее в Лагере мертвой лошади, взяв с собой последнее письмо. Дело в том, что Фосетт умышленно не назвал точно свой предполагаемый маршрут.

Он писал:

«Если нам не удастся вернуться, я не хочу, чтобы из-за нас рисковали спасательные партии. Это слишком опасно. Если при всей моей опытности мы ничего не добьемся, едва ли другим посчастливится больше нас. Вот одна из причин, почему я не указываю точно, куда мы идем».

Видимо, он был прав. Не все, кто пытался найти следы экспедиции, благополучно вернулись назад. Так, пропал без вести журналист Альберт де Винтон, которому повезло куда меньше, чем его коллеге мистеру Мелоуну, от лица которого ведется рассказ об экспедиции профессора Челленджера в «Затерянном мире».

Значит ли все это, что мы никогда не узнаем о судьбе полковника Фосетта и его спутников?

Разумеется, нет! Тропический лес Южной Америки умеет хранить тайны, но со многими из них он расстался и расстается за последние годы.

«Неоконченное путешествие»

Полковник Фосетт не сумел дописать книгу о своей жизни и приключениях. Это сделал за него младший сын, Брайн Фосетт, использовав рукописи, письма, дневники и отчеты отца.

Книга называется «Неоконченное путешествие». Она клочковата, во многих местах чувствуются пробелы. Перси Гаррисон Фосетт намеревался основательно поработать над рукописью после того, как последнее путешествие, восьмое по счету, даст ему возможность написать заключительную главу об открытии затерянного мира и подтверждении своей гипотезы.

Страницы «Неоконченного путешествия» помогают понять, почему оно вполне могло стать неоконченным, и Фосетт ясно сознавал это.

Листаешь страницы. Короткие записи: «Мы расположились лагерем на другой стороне реки, где нас посетили крокодил, ягуар, тапир…», «Однажды нам удалось подстрелить трех обезьян, но бродивший поблизости ягуар унес двух из них, и мы продолжали двигаться дальше, довольствуясь восемью орехами в день на каждого». Для иного путешественника встреча с ягуаром — событие, достойное подробного описания и воспоминаний на всю жизнь. Для Фосетта — две строчки.

Немногим больше места уделяет он встрече с бушмейстером, одной из самых опасных змей, на которую случайно оперся рукой, карабкаясь по обрыву. Упав вместе с плотом в темную бездну водопада, замечает мимоходом: «Как мы остались живы — не знаю».

Читая «Неоконченное путешествие», чувствуешь, что Конан Дойл узнал от Фосетта много важных деталей, сделавших описание приключений профессора Челленджера к «Затерянному миру» столь достоверным. Мы найдем на страницах обеих книг Курупури, злого духа индейцев, сходные приметы пейзажа, кишащие змеями болота…

Но что говорит современная наука о возможности существования «затерянных миров», где сохранились бы живые ископаемые?

Представьте, ученые выражаются весьма осторожно. В комментариях к «Неоконченному путешествию» мы прочтем: «Никаких достоверных сведений о наличии в настоящее время в Южной Америке гигантских животных (например, тихоходов, бывших еще современниками первобытного человека) не имеется».

Профессор Саммерли, непримиримый научный противник профессора Челленджера, высказывал по этому поводу куда более категорические суждения. Слово «чушь» было не последним в его лексиконе, пока он своими глазами не увидел птеродактиля.

Можно ли было их найти?

Город, который искал полковник Фосетт, не найден до сих

пор.

Более того, в тех местах, куда стремилась его последняя экспедиция, никакого древнего города нет. К этому выводу пришел младший сын полковника, отправившийся по следам отца. Воздушная разведка также не обнаружила ничего похожего на покинутый город.

Но в Бразилии, Боливии, Перу, с тех пор как там путешествовал полковник Фосетт, открыто много других памятников древности. Эти открытия, возможно, мало обрадовали бы Фосетта. Они доказывают, что поражающие нас высоким уровнем развития древние цивилизации Южной Америки не привнесены пришельцами (Фосетт считал возможным переселение части уцелевших обитателей легендарной Атлантиды), а созданы самими индейцами.

К середине восьмидесятых годов нашего века удалось обнаружить «затерянный город» в Колумбии. Он построен в доколумбову эпоху древним народом тайронов, и размерами, сложностью и совершенством сооружений превосходит, пожалуй, город, рисовавшийся воображению Фосетта.

«Обнаружен «затерянный мир»!

Люди, читавшие роман Конан Дойла, торопливо и разочарованно пробегают помещенные под таким заголовком сообщения: найден, да не тот!

Чаще всего речь идет о встречах с представителями племен, живущих по законам каменного века. Их находят в самых глухих, отдаленных уголках планеты. Так, труднодоступные горы филиппинского острова Минданао издавна служили приютом племени тасадаев. Эти обитатели пещер пользовались самодельными каменными орудиями. Подобные племена обнаружены также в некоторых других местах.

Но вот сообщение, которое, вероятно, заинтересует почитателей Конан Дойла. В джунглях Амазонии есть горный массив Ле-Неблина, внешне весьма напоминающий тот, куда поднялись герои романа.

Для обследования Ле-Неблины правительство Венесуэлы в 1984 году снарядило большую международную экспедицию. Первые результаты были ошеломляющими. Ученые, разумеется, не надеялись встретить живых динозавров. Но они убедились, что «затерянный мир» Ле-Неблины сохранил некоторые виды живых существ, давно вымерших в других местах. Среди них доисторические лягушки, гигантские тарантулы, неизвестные науке растения, возможно не существующие на земном шаре нигде, кроме Ле-Неблины.

— Мы обнаружили такое множество древних жизненных форм, что, как и Конан Дойл, действительно можем говорить о затерянном мире, — заявил один из руководителей экспедиции.

Полярный детектив

Странно порой переплетаются пути и судьбы людей!

История полярных исследований по сей день полна загадок и нераскрытых тайн. Но бывает, что загадки, которые давно считались разгаданными, вдруг возникают снова. Стройную версию разрушает случайная, казалось бы, совсем незначительная находка, какая-нибудь медная пуговица в золе костра.

И даже не обязательно находка: просто кто-то более

внимательно вчитался в давние, всем известные документы и обратил внимание на то, что упускали другие. Рвется цепочка общепризнанных доказательств, рождаются неожиданные предположения.

Так случилось и на этот раз в истории жизни и смерти последнего землепроходца. Почти через полвека после его странной гибели всплыла загадка исчезновения двух полярников, разгадку которой он считал одним из своих главных дел. Всплыла и оказалась связанной с прояснением эпилога еще одной драмы в Арктике.

«На могиле сохранился деревянный некрашеный крест пепельно-серого цвета, местами истлевший, покрытый плесенью, лишайниками и подгнивший у основания.

При осмотре креста на доске, расположенной под второй крестовиной, была обнаружена давно выцарапанная и выветрившаяся надпись: «…егичев…».

После наружного осмотра приступили к вскрытию могилы».

Так записали криминалисты, по поручению Генерального Прокурора СССР распутывавшие старое сложное дело. Поводом для расследования, сообщала прокуратура, была статья в одной из центральных газет, настаивающая на тщательной проверке всех обстоятельств смерти Никифора Бегичева.

Написал статью автор книги, которую вы читаете.

Среди многочисленных историй, рассказываемых на Таймыре, затрудняюсь назвать хотя бы одну, схожую с историей жизни боцмана Бегичева. Приключения этого полярного следопыта людская молва расцветила полулегендарными подробностями.

Особенно же много разговоров и пересудов вызвала его загадочная смерть.

Впервые об убийстве Бегичева я услышал еще в юности от доброго знакомого нашей семьи, капитана Михаила Ивановича Драничникова. Он командовал буксирным пароходом, который каждый год уходил в низовья Енисея. Приведя свой пароход на зимовку в Красноярск, капитан зашел к нам в гости и рассказал матери историю, о которой «шумят на Севере».

Вот суть его рассказа.

Весной 1926 года Бегичев ушел в тундру во главе артели охотников. До лета следующего года о нем никто ничего не слышал. Летом охотники вернулись и сказали, что Бегичев «оцинжал», то есть заболел цингой и умер на побережье Северного Ледовитого океана.

Но в селении Дудинка, откуда артель ходила на промысел, знающие люди по секрету рассказывали капитану: Бегичева убил

в ссоре один из охотников. Кто поверит, что такой опытный полярник, как Бегичев, «оцинжал», а новички все уцелели?! Охотники решили скрыть убийство — «затаскают по следствиям да судам, а мертвого все равно не воротишь». Но потом кто-то будто бы проговорился во хмелю…

Слухи об убийстве дошли до прокуратуры. В 1928 году началось следствие по уголовному делу «О нанесении тяжелых побоев и последующих мучительных истязаниях Бегичева Никифора Алексеевича, приведших к его смерти».

К сожалению, материалы следствия затерялись в архивах, и позднее криминалисты не могли использовать их. Сохранились лишь заметки, сделанные много лет назад местным краеведом.

Судя по ним, все члены охотничьей артели подтвердили на следствии: да, Бегичев умер от цинги.

Все, кроме кочевника Манчи.

Он утверждал, что хотя Бегичев действительно болел цингой, но не она была причиной смерти. Один из членов артели, некий Н., который мечтал занять место Бегичева, поссорился с ним из-за собачьей упряжки, повалил больного на землю и жестоко избил. После побоев Бегичев уже не вставал с лежанки…

Если все обстояло так, то на теле должны были сохраниться следы побоев. Вскрытие могилы могло дать доказательства насильственной смерти либо опровергнуть свидетеля обвинения.

Но в те годы Таймыр был дик и труднодоступен. Чтобы попасть на берег Северного Ледовитого океана к устью реки Пясины, к мысу Входному, где был похоронен Бегичев, требовалась специальная экспедиция.

Следователь, отправившийся на вскрытие, застрял в пути, просидел в тундре два месяца и вернулся обратно. Вскоре уголовное дело было прекращено за недоказанностью преступления. Однако слухи об убийстве не прекратились, да и в печати время от времени появлялись статьи: не худо бы, мол, снова заняться этим делом.

В 1936 году я участвовал в арктической экспедиции. Во время короткой стоянки судов у мыса Входного попытался искать могилу Бегичева. На мысу только что начали строить рыбацкий поселок. Рыбаки слышали о могиле, но никто не видел ее. Один из них нехотя согласился пойти со мной в раскисшую летнюю тундру. Я взял капитанский морской бинокль. Бродили мы часа четыре. Но креста нигде не было видно, а то, что мы принимали иногда за могилу, оказывалось холмиком, каких в тундре много. Вернулись в поселок ни с чем.

В том же году журнал «Советская Арктика» напечатал очерк о Бегичеве, выразительно озаглавленный «Последний одиночка».

Автором его был полярник и литератор Никита Яковлевич Болотников.

С редкой настойчивостью он много лет по крупицам собирал все, что относилось к жизни Бегичева, и написал книгу о русском исследователе-самородке. В ней описана и смерть Бегичева, умершего от цинги.

Но другой путешественник по сибирскому Северу, поэт Казимир Лисовский, никак не хотел согласиться с тем, что Бегичев с его опытом жизни в снегах мог погибнуть столь нелепо. Он разыскал в тундре свидетеля, глубокого старика, рассказ которого в общих чертах совпал с давними показаниями Манчи.

Поэт обнаружил и могилу Бегичева.

Крест давно подгнил и свалился — вот почему я не увидел его. К нему была прибита ржавая иконка. Рядом валялась дощечка с едва заметной надписью о том, что здесь покоится прах известного путешественника Бегичева, скончавшегося 53 лет от роду.

Для того чтобы окончательно удостовериться, что чуть заметный холмик — действительно могила следопыта, Лисовский и помогавшие ему рыбаки начали копать оттаявшую землю. Вскоре показалась крышка гроба.

«Одна из досок гроба, сохранившихся совершенно свежими, немного отстала, — записал поэт. — Мы приподняли ее. Гроб оказался сплошь забитым мутным льдом. Сквозь толстый слой льда еле виднелись очертания тела…».

Значит, тайна смерти Бегичева может быть наконец раскрыта!

Обо всем этом я, сопоставив результаты многолетней работы двух исследователей, и написал в статье, заинтересовавшей Генерального Прокурора СССР.

К мысу Входному, к могиле Бегичева, вылетели московские криминалисты. Это было летом 1955 года.

*

Никифор Бегичев родился на Волге, в тихом городке Цареве. Когда пришло время военной службы, попросился на флот.

Парусный учебный фрегат «Герцог Эдинбургский», куда его зачислили, ходил в плавание к Вест-Индии, побывал в водах Средиземного моря.

Круто повернулась жизнь Бегичева после того, как однажды на фрегате появился лейтенант, искавший добровольцев для рискованной экспедиции в Арктику. Он набирал команду для яхты «Заря», которая отправлялась на поиски таинственной Земли Санникова.

Через несколько дней Бегичева зачислили боцманом экспедиционного судна.

Руководил экспедицией ученый и мечтатель Эдуард Васильевич Толль. Поиски земли, ускользавшей от исследователей, стали делом его жизни.

Командовал «Зарей» лейтенант Коломейцев, его помощниками были лейтенанты Матисен и Колчак. Нет, не однофамилец будущего «кровавого адмирала», «верховного правителя». Он самый, Александр Колчак, в те годы никому не известный гидрограф.

Плавание «Зари» началось летом 1900 года. Оно продолжалось две полярные навигации. Землю Санникова обнаружить не удалось. И тогда Толль с тремя спутниками покинул судно. На собаках и байдарках они намеревались добраться до далекого острова Беннета, а оттуда двинуться дальше на север в поисках земли-мечты, а вернее, земли-призрака. Потому что она не найдена и по сей день…

Из этого похода ученый и его спутники не вернулись. «Заря» пыталась пробиться к острову Беннета, но льды не пустили ее.

На следующий год для поисков Толля на островах Северного Ледовитого океана Академия наук отправила два отряда. С одним на весельном вельботе — большой шлюпке — ушел Бегичев.

Этот отряд, которым командовал Колчак, достиг острова Беннета. Удалось обнаружить стоянку Толля и его письмо: ученый, так и не найдя своей земли, рискнул полярной ночью идти к материку. На этом обратном пути следы Толля и его спутников оборвались.

Бегичев был душой отряда и его вожаком во время многотрудных, опасных поисков.

Моряки вернулись на материк накануне русско-японской войны. Бегичев получил назначение на миноносец «Бесшумный», воевал под Порт-Артуром, был награжден Георгиевским крестом за умелую заделку пробоины в корабле.

Кончилась война. Бегичев мог остаться на флоте, мог поселиться в родном Цареве. Но он еще во время экспедиции на «Заре» «заболел» Севером.

Один из друзей прислал Бегичеву письмо: приезжай в Туруханский край, на Таймыр, там просторно, вольготно, край нехоженый, зверь непуганый…

Летом 1906 года Бегичев появился в небольшом поселке Дудинка, расположенном на берегу Енисея севернее Полярного круга.

Высокий, бравый, с закрученными кверху, по-флотски, кончиками усов, он понравился дудинцам. Было ему 32 года, знал он множество занятных историй, оказался человеком компанейским, веселым, но чувствовалось, что это человек «с

характером».

В начале зимы Бегичев уехал в тундру. Вернулся только по весне. Мешки, привязанные к его оленьим санкам-нартам, распирало от шкурок полярной лисицы — песца. Дудинцы поначалу решили, что приезжий скупил пушнину у кочевников. Их легко было обмануть, на этом наживались многие.

Но потом услышали от охотников: новичок сам ставил ловушки, сам добывал песца. Он, оказывается, успел изрядно помотаться по тундре. Кочевники дали моряку имя «Улахан Анцифер» — «Большой Никифор». Было похоже, что моряк приживается на Таймыре.

На следующий год Бегичев опять уехал на промысел.

Однажды он грелся в чуме старого Захара Бетту и рассеянно слушал его рассказы, где быль мешалась с небылицами. Захар вспоминал прежние времена и, конечно, говорил, что раньше люди были крепче, храбрее, вообще — лучше.

— Ходили, однако, к «Шайтан-земле»… Теперь кто пойдет? Далеко, боятся идти…

Бегичев насторожился. Что это за земля?

— Я был молодой, сам ходил к ней, с берега ее видел. На ту землю, однако, никто не ходит, там шайтаны своих волков пасут.

Мало ли небылиц рассказывают на Таймыре? Послушать стариков, так в тундре за каждым камнем шайтан.

А Бетту продолжал: плохой остров, много там людей погибло. Большой остров, «Шайтан-земля», «Земля дьявола». Хоть и недалеко от берега, как раз против Хатангской губы, да только нет теперь смельчаков, чтобы туда добрались…

Против Хатангской губы? Там на карте — синь, простор.

— Слушай, Бетту, я бы пошел на «Шайтан-землю». Да ведь это все сказки, нет такой земли.

Старик разволновался. Как это нет?! Пусть у него отнимутся ноги, пусть отсохнут руки, если он врет! Есть «Шайтан-земля», своими глазами видел ее с Соляной сопки!

Он, Бетту, такой человек, что врать не будет: ходить на ту землю не ходил, побоялся, а видеть видел. Ходить туда страшно, шайтан напускает на людей свирепых волков. Был такой охотник Сизой, храбрец из храбрецов, добрался до «Шайтан-земли», да только там и сложил свои косточки…

В начале 1908 года Бегичев опять отправился в тундру. К весне с двумя спутниками он пересек весь Таймыр. Они нашли сопку, о которой говорил Бетту. Морозная дымка размывала дали. В стекле бинокля надо льдами маячила призрачная синеватая полоска.

Земля! Взять на нее направление по буссоли было делом

нескольких секунд.

Бегичев налегке погнал оленью упряжку через нагромождение льдов. Так вот она какая, «Земля дьявола»! Голый остров. Множество песцовых следов. Черные камни, торчащие из-под плотного снега. И что важно — похожий на мох ягель, олений корм.

Новоселы «Земли дьявола» наспех сложили избушку из плавника, из стволов деревьев, вынесенных сибирскими реками в океан. Бегичев торопился: надо обойти остров, начертить его карту.

Как это делается, он представлял не очень точно. Но природная сметка, наблюдательность и страстное честолюбивое желание приобщиться к науке помогли ему еще во время плавания на «Заре» понять суть съемочных работ.

Трое с шагомером и буссолью пошли в обход острова. Шли весь день, ночевали возле речушки.

На рассвете боцман проснулся с неприятным ощущением близкой опасности. Выглянув из палатки, увидел волка. Зверь отбежал на бугор и стоял там, нюхая воздух.

Бегичев выстрелил, но промахнулся и тут заметил другого волка. Испуганный выстрелом, он почему-то бежал прямо к лагерю.

А олени, где же олени?!

Вот тебе и шайтановы волки… Пешком Таймыр не пройдешь. Бегичев схватил ружье и побежал к берегу. Следы оленей терялись во льдах пролива.

Одного спутника Бегичев оставил в лагере, а с другим поспешил на поиски. К вечеру они пригнали стадо. Олени были целехоньки: почуяв волков, они умчались по знакомой дороге в сторону материка.

После этого несколько ночей спали по очереди, оставляя одного караулить оленей, чтобы шайтан опять не напустил на них волков. Но волки больше не появлялись. А после долгого дневного перехода так тянет ко сну… И очередной караульщик проспал половину стада.

Олени исчезли, не оставив следов.

Целый месяц Бегичев со спутниками шел вдоль побережья острова. Уже недалек был мыс, откуда они отправились вдоль берегов «Земли дьявола». И вдруг боцман увидел нечто, чему не сразу поверил: на берегу кривилась избушка-развалюха.

Так, значит, на острове уже бывали люди?!

В избушке было темно, пахло плесенью. Вспыхнул желтый огонек спички.

В полутьме Бегичев различил похожие на алебарды топоры с

длинными топорищами. Стали смотреть внимательнее. В земляной пол были втоптаны шахматные фигурки странной, непривычной формы, вырезанные из мамонтовой кости.

Выходит, здесь был лагерь неведомых мореходов или промысловиков. Погибли они? Ушли на материк? И когда это было?

Бегичев видел алебарды только в музеях. Ими орудовали, пожалуй, еще до Петра Великого. Тогда сколько же избенке годков?

И о другом размышлял Бегичев. Раз здесь в старину жили русские люди, то что помешает обосноваться на острове их потомкам? Тут ведь не только зверь не пуган, но и земля не бедна. В нескольких местах нашел Бегичев пласты каменного угля, который хорошо горел в походной железной печке, а в горах на острове видел черную густую жидкость, похожую на нефть. Возможно, что в тех образцах горных пород, которые он всюду собирал во время поездок, тоже было что-нибудь ценное. Но в полезных ископаемых боцман разбирался плохо.

Когда настала полярная ночь и морозы прикрыли море молодым льдом, Бегичев с товарищами повез на материк добычу: туши диких оленей, песцовые шкурки, мамонтовую кость, образцы пород и растений.

По тундре, где все в движении, в вечных перекочевках, слух летит со скоростью оленьей упряжки. Тундра с одобрением присматривалась к новичку после его первого удачного песцового промысла. Теперь поход на «Землю дьявола» сделал Улахан Анцифера героем, достойным рассказов у костра.

И признание пришло не только на Таймыре.

Весной 1909 года Бегичев в черном сюртуке, в галстуке, неумело повязанном на могучей медной шее, ходил по Петербургу.

Генерал-лейтенант Вилькицкий-старший, начальник Главного гидрографического управления, принял его, заинтересовавшись картой открытого острова. Бегичева пригласили на торжественный обед в честь спуска на воду ледокольного судна «Вайгач». Он был всячески обласкан и в Академии наук. Академик Чернышев обещал ему поддержку и помощь.

В Дудинку Бегичев вернулся с бумагой, в которой таймырским властям предписывалось оказывать ему содействие, и с нетерпеливым желанием еще раз побывать на «своем» острове, чтобы основательнее обследовать его.

Многие просились со следопытом: промысел непуганого песца сулил достаток. Бегичев взял прежних спутников и двух новичков.

Весной 1910 года они благополучно перешли пролив.

Возле старинного зимовья поставили избушку из плавника. Лето минуло незаметно. Охотники мастерили песцовые ловушки. Бегичев разъезжал по острову, нанося на карту месторождения угля, собирая черепа мускусных быков и мамонтовую кость. Ему посчастливилось найти не только бивни и разрозненные части скелета, но даже кожу и мясо гигантского ископаемого.

Теперь у Бегичева были инструкции Академии наук и кое-какие книги. Он уже умел определять некоторые камни, мог правильно написать этикетку к каждому образцу.

Осень радовала приметами близкого удачного промысла: песцы шныряли по острову, и оставалось только дождаться, когда отрастет их зимний белый мех. Охотники заготовили много мяса диких оленей, запаслись топливом. Зима не пугала, ее ждали с нетерпением.

Как-то ночью Бегичева разбудил вой. Пришла расплата за беспечность. Волки разогнали все оленье стадо.

Долгие поиски ни к чему не привели. Бегичев встревожился: надо всем уходить на материк, без оленей в тундре беда.

Но двое, Гаркин и Семенов, заупрямились. Вот еще, уходить от промысла, когда песец сам в руки идет! Можно ведь высматривать ловушки и на лыжах.

Бегичев сердился, упрекал упрямцев в жадности, глупости, но убедить их так и не смог. Темной полярной ночью в самые свирепые морозы он, оставив двоих в избушке, с остальными спутниками пешком перебрался через пролив на материк.

По весне Бегичев купил вместо оленей ездовых собак, продовольствия и вернулся на остров со своими друзьями-якутами, поборовшими страх перед кознями шайтанов и согласившимися проводить его до «Земли дьявола».

Гаркин и Семенов обрадовались приезжим. Последнее время они берегли каждый кусок.

Бегичев понял, что такие люди не добьются на Севере многого: ленивы, бездеятельны, беспечны. Плавника на острове сколько хочешь, они же разобрали и спалили в печке старую избушку, а самую лучшую пору для охоты провалялись на койках.

Бегичев растормошил лентяев. Стали бить зверя, ловить рыбу. До осени на острове жили дружно.

С наступлением темной поры Бегичев, объезжая пустые ловушки, увидел, что в этот год хорошей добычи не жди: песцы в поисках корма, должно быть, ушли на материк. Ну что же, как говорится, раз на раз не приходится, надо чинить нарты да за песцами вдогонку…

Но Гаркин с Семеновым и на этот раз воспротивились: песцы

вернутся, не резон уходить без добычи. Начались ссоры. Властный, не терпящий возражений Бегичев горячился, стучал кулаком по столу.

Однако упрямцы твердили свое: «перебьемся». Бегичев в сердцах крикнул, что, в конце концов, именно он за все в ответе, раз сам привез их на «свой» остров.

Тогда Гаркин протянул ему заранее написанное письмо. В нем говорилось, что купеческий приказчик Ефим Гаркин и дудинский охотник Николай Семенов, находясь в здравом уме и твердой памяти, по своей доброй воле остаются на острове, и если что с ними случится, то они ни в чем Н. А. Бегичева винить не будут.

Но Бегичев все же настоял, чтобы Гаркин поехал с ним на материк и пополнил запасы провизии.

Кто знает — может, неудача на острове, а может, беспокойный дух бродяжничества погнал Бегичева прочь с Таймыра.

Лето он провел в разъездах. Побывал и в родном Цареве, и в Нижнем, и в Астрахани, и в Москве, и в Петербурге, метался в поисках нового дела, которое бы захватило целиком.

А поздняя осень застала его в лодке, плывущей вниз по Енисею. И вот итог его исканий: «Я решил вернуться опять на старое место к берегам Ледовитого океана, где себя чувствовал независимым и совершенно свободным гражданином».

Он добрался до Дудинки уже зимой и узнал, что Гаркин и Семенов с острова не возвращались. Обеспокоенный Бегичев при первой возможности в одиночку перебрался через пролив.

Еще издали он увидел, что зимовье занесено снегом по самую крышу.

«Я зашел в избу, но в ней было очень темно, — записал в тот день Бегичев. — Окна были забиты снегом. Я наткнулся на койку, где лежало что-то твердое. Я вышел и принес свечу, зажег ее. Открыл одеяло — там лежал мертвый Гаркин, а Семенова не было. На столе лежал дневник».

Это были записи Гаркина о событиях на острове.

Охотники, оставшись одни, упустили лучшее время промысла. Их терзали голод и цинга. Идти на материк в темную зимнюю пору они побоялись.

Первым умер Семенов. Он упал в снег возле пустой песцовой ловушки. У Гаркина не было сил похоронить товарища. Он еще долго боролся с голодом, варил старые кости песцов и оленей, грыз расшатавшимися зубами сухие ремни из моржовой кожи.

«Все надежды потеряны, если не придут люди, хотя бы вы, милый Никифор Алексеевич…» — читал Бегичев.

Последняя запись была сделана 19 марта:

«Я ожидаю конца существования».

Несчастный умер всего за несколько дней до приезда Бегичева.

Следопыт навсегда покинул «Землю дьявола», которая обозначена теперь на всех картах как остров Бегичева, и вернулся в Дудинку.

Слух о событиях в Сибири с опозданием на два года дополз до Петербурга. Журнал «Вокруг света» напечатал статью «Трагедия Полярного круга». Статья начиналась так: «Летом 1913 года русская экспедиция под руководством инженера Бегишева…»

Видимо, простой боцман в роли исследователя не устраивал автора статьи. Для занимательности он превратил спутников «инженера Бегишева», Гаркина и Семенова, в золотоискателей и выдумал какого-то японского лоцмана Котцу, китобоя и авантюриста, который будто бы вероломно покинул их. На этом острове Гаркин и Семенов били соболей и куниц, добыли полпуда золота, открыли таинственный «лагерь шестидесяти мертвецов».

Когда журнал попал в Дудинку, «инженер Бегишев» был далеко от нее. Перед ним бурлила половодьем широкая река, не нанесенная на карты. У берега сгрудились оленьи упряжки. Улахан Анцифер в мучительном раздумье смотрел на мутные волны.

Надо было разведать переправу. Во что бы то ни стало. Любой ценой.

Бегичев шел на помощь кораблям экспедиции Северного Ледовитого океана «Таймыру» и «Вайгачу», затертым льдами возле побережья. Там ждали пополнения запасов продовольствия. Больные и те, без кого можно было обойтись на зимовке, надеялись выбраться на материк. Бегичев пообещал выручить моряков. И вот теперь эта река…

А, была не была!

Бегичев связал веревкой двух сильных оленей. Стал раздеваться, переступая босыми ногами по замерзшей за ночь глине. Взял в зубы нож. Погонщик оленей отпрянул в сторону, забормотав в страхе:

— Улахан Анцифер ум кружал! Совсем ум потерял, беда!

Кто же, как не сумасшедший, будет раздеваться на ветру, от которого и в оленьей малице дрожь пробирает!

Бегичев погнал в воду оленей. Прыгнул следом за ними, ахнул, задохнулся. Судорога свела тело. Успел схватиться за веревку. Олени плыли через реку, испуганно кося на него глазами. Только бы не разжалась окоченевшая рука!

На середине реки олень запутал веревку на рогах, потянул

другого, тот начал захлебываться. Бегичев ударил ножом по туго натянутой веревке. Олени повернули назад к стаду. Бегичев поплыл один.

Через полчаса он, весь синий, стуча зубами, пригнал унесенный ветром на другой берег каяк и велел начинать переправу.

Вскоре со стоящего среди льдов судна «Эклипс» заметили вдали долгожданные оленьи упряжки.

«Эклипсом» командовал норвежский капитан Отто Свердруп, друг и соратник Фритьофа Нансена. Судно было снаряжено русским правительством для поисков полярных экспедиций, бесследно пропавших летом тяжелого в ледовом отношении 1912 года.

Экспедицией на «Св. Анне» руководил лейтенант Георгий Брусилов. Экспедиция на судне «Геркулес» ушла во льды под начальством полярного исследователя и революционера Владимира Русанова.

След «Св. Анны» вскоре отыскался — и об этом особый рассказ. О судьбе же «Геркулеса» Свердрупу не удалось узнать решительно ничего (минуют еще два десятилетия, пока из небытия дойдет первая вес-точка о пропавшей экспедиции). А пока что «Эклипс» дал приют людям с «Таймыра» и «Вайгача», пришедшим сюда и ожидавшим Бегичева.

Улахан Анцифер на головной упряжке несся к «Эклипсу». Оттуда салютовали винтовочной пальбой. Бегичев едва не валился с ног: шутка ли, сорок семь дней тяжелейшей дороги!

Когда «Эклипс» передал по радио на «Таймыр» о приходе санной партии, оттуда дважды запрашивали, точно ли, что прибыл именно Бегичев?

Вскоре караван, забрав пятьдесят моряков экспедиции Северного Ледовитого океана, повернул на юг.

*

Конечно, Бегичев совершил подвиг, посильный лишь человеку, знающему Север, имеющему надежную опору в тундре. Только Улахан Анцифер смог по весне, перед началом перекочевок, нанять многие сотни оленей у своих приятелей — а приятели у него были на каждом становище. Только Бегичев с его упорством, с его верой в себя мог пробиться к океану через весеннюю тундру, когда пурга внезапно сменяется оттепелью с дождем, снег раскисает, плотный туман скрывает все вокруг, ручьи на глазах превращаются в речки, а речки — в бурные реки. С сотворения мира на них никто не строил мостов, а единственный способ переправы — гнать оленей в ледяную воду вместе с деревянными нартами…

Да, Бегичев совершил подвиг. Но его не оценили полной мерой.

Началась долгая волокита с отчетом и с расчетом. Бегичев истратил на экспедицию много своих денег: все обошлось дороже, чем он думал сначала. Чиновники из Петрограда докучали назойливыми придирками: почему он, Бегичев, бросил в тундре износившиеся нарты, ведь это все-таки казенное имущество?

Получилось, что годы, потянувшиеся после похода к «Эклипсу», стали самыми тяжелыми и пустыми в жизни Бегичева. Нельзя сказать, чтобы он бедствовал, но приходилось считать каждый рубль. Были деньги «на жизнь», и не было для того, чтобы отправиться в давно задуманный поход на малоисследованные земли за хребет Быранга.

А пока он без настоящего дела сидел в Дудинке, начались важные события. Всех взбудоражила депеша об отречении царя. Из Туруханского края потянулись к югу обозы: ссыльные торопились «в Россию». Трехцветный флаг над дудинской почтовой конторой сменился красным. Все говорили о революции, говорили по-разному, Бегичев слушал и ни в чем не мог разобраться по-настоящему.

Позднее, когда в Сибири началась гражданская война, Улахан Анцифер не примкнул ни к одному из лагерей. А ведь он мог рассчитывать на покровительство самого «верховного правителя»! Хотя во время экспедиции на «Заре» между морским офицером Колчаком и боцманом не раз происходили крупные стычки, однажды Бегичев спас Колчака от неминуемой гибели в трещине среди льдин, и тот обещал никогда в жизни не забыть своего спасителя…

Но Бегичев не пошел к колчаковцам. А когда на Севере окончательно утвердилась Советская власть, присматривался к новым людям без особого дружелюбия. И конечно, не потому, что они прижали купцов и посадили в кутузку пристава.

«Вина» их была в том, что они забыли его, Никифора Бегичева, георгиевского кавалера, обладателя золотой медали за экспедицию на «Заре», открывателя «Земли дьявола». Забыли, будто и нет его вовсе, будто ничего не сделал он полезного на Таймыре и никому теперь не нужен.

Красные флаги полоскались на мачтах пароходов, привозивших в Дудинку соль, порох, отпечатанные на оберточной бумаге брошюрки. Приезжали люди с мандатами, уходили в тундру искать уголь, учить ребятишек, ловить укрывшихся колчаковских карателей.

Жизнь шла своим чередом, странная, не похожая на прежнюю. Шла мимо окон домика, где томился боцман Бегичев.

*

Поздней осенью 1920 года матрос с гидрографического бота «Иней» прибежал к дому, где жил Бегичев, и попросил боцмана срочно прийти на судно.

На «Инее» его ждал представитель Комитета Северного морского пути. Бот, убегавший от ледостава, оказывается, специально зашел в Дудинку. У представителя Комитета было важное дело к Бегичеву.

Год назад Руал Амундсен, дрейфовавший возле берегов Таймыра на судне «Мод», послал двух своих спутников, Кнутсена и Тессема, к устью Енисея, на остров Диксон. Они должны были доставить туда научные материалы экспедиции. Однако норвежцы исчезли в тундре. Посланная из Норвегии на розыски шхуна «Хеймен» их следов не нашла. Что, если попытаться теперь Бегичеву?

— Поищу, — сказал Бегичев. В душе он торжествовал: о нем вспомнили, он нужен, он еще покажет, на что он способен!

Вскоре пришла радиограмма, подтверждающая, что поиски должны начаться ближайшей весной. Были в радиограмме особенно дорогие Бегичеву строки о предстоящей экспедиции: «Примите участие как в организации, так и в выполнении ее по примеру 1915 года. Со стороны Советреспублики вам будет оказано содействие».

И снова, как в 1915 году, Бегичев собрал оленей — огромное стадо, пятьсот голов. Снова была весенняя тундра. Сначала караван проделал долгий путь до Диксона. Отсюда вдоль побережья океана с Бегичевым пошли капитан зимовавшей у острова шхуны «Хеймен» и матрос, знавший русский язык.

Дневник похода — хроника нарастающих трудностей: «Олени падают»; «Холодно»; «Идем по водянистому снегу»; «Олени бредут в нем по брюхо»; «Бросили 9 оленей»; «Дров нет, хлеба давно уже нет, пожалуй, доведется есть сырое мясо»; «У нас пали все олени…».

До места, где Тессем и Кнутсен должны были по уговору с Амундсеном оставить письмо о своем походе, экспедиция шла пятьдесят дней. Это был памятный Бегичеву мыс Бильда, возле которого в 1915 году стоял «Эклипс».

Где норвежцы могли спрятать письмо? Конечно, в сложенной из камней пирамидке. Там действительно оказалась жестянка с запиской:

«Два человека экспедиции «Мод», путешествуя с собаками и санями, прибыли сюда 10 ноября 1919 года… Мы находимся в хороших условиях и собираемся сегодня уходить в порт Диксон.

Петер Тессем, Пауль Кнутсен».

С тех пор время могло стереть все следы. Поисковому отряду предстояло теперь медленно, очень медленно возвращаться к острову Диксон, заглядывая по пути в каждую бухту, на каждый мыс, на каждую косу.

Норвежцы могли пробираться вдоль самого берега, могли срезать углы через тундру, могли идти по морскому льду. Нужно было каждый раз чутьем угадывать их выбор. Оплошность, промах — и отряд пройдет в двадцати шагах от какого-либо предмета, оставленного, брошенного или потерянного норвежцами. Пройдет, не напав на след. Поэтому с каждого места стоянки расходились пешком в разные стороны, «прочесывая» тундру.

Первой находкой были сани. Норвежцы почему-то бросили их.

Между тем у поисковой партии кончалось продовольствие. Последнюю банку консервов растянули на два дня. Оставалась надежда на ружье.

Коса возле мыса Приметного привлекла внимание Бегичева. Он медленно направился вдоль нее. И вот о чем повествует дальше его дневник:

«Я увидел сожженные дрова и подошел к ним. Здесь лежат обгоревшие кости человека и много пуговиц и пряжек, гвозди и еще кое-чего есть: патрон дробовый, бумажный и несколько патронов от винтовки… Патроны оказались норвежского военного образца 1915 года».

Пришли капитан и матрос «Хеймена», молча сняли шапки. Что же здесь произошло? Решили, что один из двух, посланных с «Мод», погиб тут, на косе. У другого, должно быть, не было сил долбить вечную мерзлоту. Он сжег труп товарища, чтобы тот не стал добычей песцов.

Но кто погиб у мыса — Тессем или Кнутсен?

Что стало причиной трагедии?

Куда побрел отсюда оставшийся в живых?

Розыски продолжались до зимы, когда снежный саван надолго прикрыл тундру. Поисковый отряд прошел по Таймыру, как потом подсчитал Бегичев, 2346 верст!

Капитан и матрос «Хеймена», подружившиеся с Бегичевым, погостили у него в Дудинке, а потом вернулись в Норвегию. Шхуна ушла еще раньше. Норвежское правительство решило прекратить поиски.

Но Бегичев искал случая их продолжить. И такой случай вскоре представился.

С первых лет Советской власти началась разведка Норильского месторождения угля и медно-никелевых руд.

Частым гостем Дудинки стал геолог Николай Николаевич Урванцев. В один из его приездов Бегичев познакомился с ним. И вот теперь Урванцев снаряжал небольшую экспедицию для того, чтобы разведать реку Пясину, которая могла бы стать удобным водным путем к норильским богатствам.

Бегичев примкнул к экспедиции. Больше месяца лодка Урванцева спускалась вниз по Пясине, пересекающей Таймыр. Под осень вышла в море, пробираясь вдоль берега к острову Диксон.

Однажды заметили у самой воды странные белые пятна. Урванцев заинтересовался: может быть, осколки кварца?

Но это были листки бумаги.

Почта Амундсена, пакеты, ради которых отправились в полярную ночь Тессем и Кнутсен, валялись на берегу. Один был разорван острыми когтями белых медведей. Звери разметали сделанное из плавника небольшое укрытие, где, кроме пакетов, оказались еще разные предметы, нужные в походе.

Почему норвежец оставил все это? Вероятно, силы его были на исходе. Быть может, где-то поблизости он встретил свой последний час. Надо искать!

Искали весь день.

Искали и следующий день, медленно продвигаясь к теперь уже близкому Диксону.

Нашли норвежские лыжи и обрывки оленьей шкуры. Очевидно, несчастный обессилел окончательно и…

Казалось просто непостижимым, что он исчез буквально в нескольких километрах от цели. И если даже он погиб где-то здесь, то почему никто из зимовавших на Диксоне так и не обнаружил останки?

На Диксоне, куда пришла экспедиция, Бегичев должен был ждать парохода в Дудинку. Чтобы не терять времени, он охотился возле острова.

…Скелет смутно белел в береговой расщелине. Бегичев увидел его с лодки.

На золотых часах, лежавших в кармане полуистлевшего вязаного жилета, прикрывавшего скелет, было выгравировано имя Тессема. На ремешке, привязанном к поясу, блестело золотое обручальное кольцо. «Паулина», — было написано внутри кольца. Так звали жену Тессема.

Норвежец погиб вблизи радиостанции Диксона. Если бы не полярная ночь, он должен был бы видеть ее мачту!

В дневнике Бегичева сказано: «Он лежал в 4-х шагах от моря на каменном крутом скате. От Диксона (радиостанции) в 3-х верстах». Бегичев не пытался объяснить причину гибели норвежца

и отметил лишь, что закончил свою миссию по розыску погибших.

Может быть, несчастный умер от полного истощения?

А могло быть и так: увидел огни радиостанции, заторопился, сорвался на прибрежные камни. Многое могло быть, но никогда не узнаем мы, что случилось в действительности.

Я застал еще на Диксоне высокий крест из серого плавника с выжженным на нем именем погибшего. Теперь там — памятник Тессему, каменная глыба с его именем, вокруг которой столбики поддерживают тяжелую якорную цепь.

И на Диксоне же увековечена память Бегичева. Скульптор запечатлел следопыта в движении, в порыве. Улахан Анцифер шагает навстречу ледяному ветру, откинувшему полы его парки. Он видит что-то там, далеко впереди, за снежной пеленой — быть может, «Землю дьявола»…

Норвежское правительство поблагодарило представителей власти за блестящие результаты поисков спутников Амундсена. Урванцев и Бегичев получили в награду именные золотые часы.

Эти часы Никифор Алексеевич взял с собой в роковой поход, когда во главе первой на Таймыре охотничьей кооперативной артели «Белый медведь» отправился к мысу Входному.

*

Осенью 1955 года на Таймыр прилетел из столицы самолет. На мысе Входном московские криминалисты еще раз опросили свидетелей. Затем вскрыли могилу.

Труп опознал человек, лично знавший покойного. Иван Гаврилович Ананьев, тогда еще совсем молодой человек, ушел из Дудинки вместе с артелью «Белый медведь». Они добрались до Пясинского озера, и здесь Ананьев повернул к себе на факторию, а Бегичев с товарищами отправился дальше.

Я расспрашивал Ивана Гавриловича об Улахан Анцифере. Он рассказал об его отзывчивости. Охотясь вместе с эвенком Олото, Бегичев отдавал тому все шкуры добытых диких оленей: «У тебя семья большая, тебе всех одевать надо».

— Ведь вот сколько лет прошло, а спросите любого дудинца, спросите кого хотите в тундре — всяк о Бегичеве слышал. Полюбился он людям, наш Никифор Алексеевич!

Бегичев запомнился Ивану Гавриловичу крепким, здоровым, каким был в начале своего последнего путешествия. Двадцать восемь лет спустя Ананьев увидел Улахан Анцифера сквозь мутный лед во вскрытом гробу…

Судебно-медицинское исследование останков было сделано на месте и продолжено потом в Москве с применением новейших достижений криминалистики. Версия о насильственной смерти Бегичева не подтвердилась. Было установлено, что Бегичев погиб

от авитаминоза (цинги).

Последняя страница биографии полярного следопыта обрела достоверность. Отпали подозрения, тяготевшие над членами артели «Белый медведь». Пусть этих людей последние годы незаслуженно обвиняла лишь молва — публичное признание их невиновности после кропотливой работы криминалистов было делом нужным и гуманным.

Ради всего этого, безусловно, стоило снаряжать экспедицию к одинокой могиле на берегу Северного Ледовитого океана.

*

Казалось бы, места гибели двух норвежцев после сделанных находок можно было считать окончательно установленными. Труп Кнутсена был сожжен возле мыса Приметного, где экспедиция обнаружила остатки костра. Скелет Тессема нашли около Диксона.

Подвиг, завершившийся драмой, всегда волнует. Ученые, писатели, журналисты много раз возвращались к событиям в таймырской тундре, основываясь на давних, всем известных и бесспорных фактах.

Но бесспорных ли?

Однажды мне позвонил Никита Яковлевич Болотников, с которым нас много лет связывал общий интерес к истории Арктики и, особенно, к личности Бегичева.

— Если вы свободны вечером… (он назвал дату), то советую заглянуть в Географическое общество. Надеюсь, не раскаетесь…

Народу собралось много. Я узнавал исследователей Арктики и Антарктики, капитанов ледового плавания, известных географов. Над столом президиума карта полярных окраин Таймыра была расчерчена цветными линиями, испещрена датами, рядом с которыми выделялись жирные вопросительные знаки. Никита Яковлевич в парадном черном костюме выглядел торжественно. Детские голубые глаза удивительно не вязались с седой бородкой.

— Уважаемые дамы! Уважаемые товарищи!

Уже это несколько необычное обращение к аудитории показывало, насколько он взволнован.

А дальше мы услышали вот что.

Тессем и Кнутсен, утверждал Болотников, никогда не были у мыса Приметного. Тессем не сжигал там труп своего погибшего товарища. В костре вообще не было костей человека.

Доказательства? Прежде всего — логика. Зачем было Тессему поднимать тяжелый плавник для костра на высоту почти четырех метров — а именно там нашли золу и кости, — если он мог сжечь останки у самой воды, куда океанские волны выбрасывают стволы

и сучья деревьев?

Все, что было найдено у мыса Приметного, доставили в свое время в Новосибирск и там, перед отправкой в Норвегию, находку тщательно описал инженер Рыбин. Он подробно расспросил также норвежца-переводчика, участвовавшего в поисках вместе с Бегичевым.

Рыбин узнал, что кости, найденные в костре, мало походили на человеческие, за исключением одной, которая напоминала осколок черепа.

Но главное даже не в этом. Бегичев говорил о находке винтовочных патронов, изготовленных в 1915 году. Переводчик назвал другие даты изготовления — 1912 и 1914 годы. У Рыбина значатся исключительно патроны 1912 года. По меньшей мере, странно, что Амундсен взял в ответственнейшую экспедицию, которая могла затянуться на несколько лет, старые патроны: ведь «Мод» отправилась в плавание летом 1918 года.

Точно известно из описаний — тут расхождений нет, — что охотничьи дробовые патроны были 16-го калибра. Но ружей этого калибра на «Мод» не могло быть. Болотников списался с норвежскими полярниками и получил копию счета норвежской фирмы «Хаген», которой Амундсен заказывал охотничье снаряжение и лыжи. Фирма снабдила экипаж «Мод» исключительно ружьями 12-го калибра!

Внимательный просмотр списка всего, что было обнаружено вместе с почтой Амундсена, продолжал Болотников, также наводит на размышления. Странно, что среди вещей безусловно нужных есть папка с чистой бумагой, три кастрюли, керосиновый бак да сверх того еще пустой бачок. Неужели одинокий, обессиленный путник, помимо одежды, ружья, продовольствия, тащил около десяти килограммов!

И не вернее ли предположить, что до лагеря, где была оставлена почта, Тессем и Кнутсен шли вместе, причем состояние их было достаточно удовлетворительным. А затем случилось нечто…

Что именно? Во всяком случае, что-то очень серьезное. Может, Кнутсен тяжело заболел. Тогда, бросив все, до почты включительно, Тессем повез больного к Диксону. По дороге есть места, где коварные полыньи подстерегают путника даже в разгаре полярной зимы. Санки с больным могли провалиться под лед. Тессем тоже попал в ледяную воду. Обогреться и обсушиться ему было негде, он брел дальше, пока не замерз…

Так неожиданно все, что произошло после того, как двое спутников Амундсена покинули благополучно достигнутый ими мыс Вильда, вновь стало спорным, требующим дальнейших

исследований.

Тщательный анализ вещей, найденных там, где была брошена почта, по мнению некоторых полярников, поставил под сомнение даже то, что на берегу возле Диксона найдены остатки Тессема, а не Кнутсена. Обручальное кольцо жены Тессема могло оказаться на поясе его спутника: по норвежскому обычаю его снимают с пальца после смерти для передачи родным…

Но на чьи же следы в действительности напал Бегичев у мыса Приметного?

То был лагерь «русановцев»!

…В зале заседания находились исследователи, много сделавшие для прояснения тайны «Геркулеса». Среди них — полярный гидрограф Владилен Троицкий. Тут были также члены экспедиции Географического общества и «Комсомольской правды», которая под руководством Дмитрия Шпаро, позднее возглавившего лыжный поход к Северному полюсу, несколько лет небезуспешно искала новые следы «русановцев».

Новые потому, что летом 1934 года на одном из островов в Карском море был обнаружен столб с надписью: «Геркулес» 1913». Тогда же на другом острове, несколько южнее, нашли вещи двух матросов «Геркулеса».

Нынешние экспедиции исходят из того, что судно погибло, а члены его команды пробирались к берегам Таймыра, возможно к устью Енисея или Пясины. Сделано немало находок; в районе острова Песцовый под водой обнаружены предметы, которые могли оказаться там после гибели «Геркулеса».

Но оставим в стороне поиски и находки последних лет. Свое утверждение Болотников обосновывал прежде всего сходством охотничьих патронов, найденных на месте гибели двух матросов «Геркулеса» и возле костра, где, как думали раньше, было сожжено тело Кнутсена. На них оказалось одинаковое клеймо, причем не норвежской фирмы.

По мнению Болотникова, часть предметов, собранных возле костра, едва ли могла принадлежать норвежцам, но зато вполне могла быть у «русановцев». Зачем, например, людям, идущим на лыжах, лодочный багор? Только лишняя тяжесть, обуза. А для потерпевших кораблекрушение и добиравшихся к берегу на шлюпке он — нужнейшая вещь.

В костре нашли остатки очков. Ни Тессем, ни Кнутсен, как установлено, очками никогда не пользовались. А среди команды «Геркулеса» был человек, носивший очки схожей формы, — механик Семенов.

Наконец, мало кто придавал значение тому, что монета, найденная Бегичевым, была французской, а не норвежской, на

пуговице же оказалось клеймо парижской фирмы «Самаритен», торговавшей женской одеждой. Вспомним, что перед экспедицией Русанов был в Париже и что на «Геркулесе» находилась его невеста, француженка Жюльетта Жан…

Докладчика проводили аплодисментами. Посыпались вопросы и записки. Затем началось обсуждение. Меня особенно интересовало, что скажет Владилен Александрович Троицкий. При поисках следов «Геркулеса» ему чаще всего приходилось говорить «нет».

Он тщательно проверял разные версии.

Одно время предполагали, что русановцы могли оказаться на Северной Земле: там будто бы нашли части человеческого скелета. Троицкий летал туда, собрал кости, отправил на исследование анатомам. Те дали заключение: это кости белого медведя и северного оленя.

В другой раз в Таймырской губе нашли якобы обломки «Геркулеса». Троицкий отправился на место, произвел тщательную экспертизу обломков. Нет, это был не «Геркулес», а какое-то судно, построенное в тридцатых годах.

Троицкий развесил рядом с картой Болотникова свои карты и схемы.

— Позволю себе согласиться со многими аргументами уважаемого докладчика, — начал он. — Да, вполне возможно, что Бегичев обнаружил лагерь «русановцев».

Далее ученый напомнил об ошибке Бегичева. То, что следопыт и его спутники считали мысом Приметным, на самом деле — побережье бухты Михайлова. Именно там экспедиция «Комсомольской правды» обнаружила деревянный памятный столб с надписью «Н. Б. 1921», об установке которого есть запись в дневниках Бегичева.

— Могли попасть «русановцы» в эту бухту? Вполне могли… Не могу безоговорочно согласиться с тем, что в костре не сжигалось тело или тела. В описаниях находок упоминался кусок обгоревшего пиджака. Если это не было сожжением, зачем бросать в огонь очки? Вспомним, что все найденные предметы, кроме винтовочных гильз, были обгоревшими. Если бы костер раскладывали для того, чтобы готовить пищу или обогреваться, ничего подобного не могло бы быть. И не так уж много плавника понадобилось бы поднять от воды, чтобы кремировать погибшего или погибших. Вы возьмите плавник лиственницы. Так полыхает — бутылочное стекло оплавляется! Следовательно, вполне можно предположить…

Здесь я на полуслове оборву рассказ.

Обычно в детективе все выясняется в самом конце. Этот

полярный детектив окончен лишь отчасти. Прояснено многое, но далеко не все. Узлы, которые казались развязанными более полстолетия назад, завязываются вновь. И мало надежд, что все они будут распутаны до конца. Арктика умеет хранить тайны.

Но искать, но распутывать надо! Ошибаясь, разочаровываясь, начиная многое сначала, без сожаления оставляя след, казавшийся таким надежным, смело вступая на новую тропу в надежде приблизиться к истине!

Поход штурмана Альбанова

Вернемся теперь к судьбе экспедиции на шхуне «Св. Анна», которая ушла в Арктику летом того же тяжелого 1912 года, когда во льдах исчез «Геркулес».

Лейтенант Георгий Брусилов намеревался провести свою шхуну через весь Северный Ледовитый океан с запада на восток. Последними людьми, видевшими «Св. Анну», были моряки кораблей, стоявших у забитого льдами пролива Югорский Шар. Белоснежная шхуна дерзко вошла в узкий проход…

Два года о ней ничего не было слышно. Но однажды с корабля «Св. Фока», возвращавшегося из похода к Северному полюсу после гибели начальника экспедиции, Георгия Седова, заметили человеческую фигурку. Это было летом 1914 года возле Земли Франца-Иосифа.

Вскоре человек в изношенном, рваном кителе вскарабкался по штормовому трапу на борт «Св. Фоки».

— Я Альбанов… Альбанов, штурман «Святой Анны», — произнес он срывающимся голосом.

Так мир узнал еще об одной арктической трагедии.

Альбанов рассказал, что «Св. Анна» вмерзла в лед у берегов полуострова Ямал. Сначала все шло хорошо, но потом среди команды распространилась какая-то странная болезнь. К весне она пошла на убыль. Появилась надежда, что шхуна сможет продолжать плавание. Однако сколько ни старались моряки освободить судно от цепко державших его льдов, все было тщетно.

Корабль медленно дрейфовал на север. Стало очевидным, что второй зимовки не миновать.

Она началась трудно. Измученный болезнью Брусилов, человек раздражительный и вспыльчивый, не поладил с Альбановым. Взаимная неприязнь все усиливалась. Отстранив Альбанова от обязанностей штурмана, Брусилов не стал возражать, когда тот задумал с частью команды покинуть дрейфующий корабль, чтобы попытаться достичь суши.

Это не было бегством. Риск был одинаков для уходящих и остающихся. Если «Св. Анна» не освободится из ледового плена летом 1915 года, продовольствия для третьей зимовки на всех не хватит. Уход части команды облегчит в этом смысле положение остающихся. Они либо выведут корабль к чистой воде и пробьются к берегу, либо погибнут вместе с кораблем где-то в Полярном бассейне.

Уходящие либо пройдут по дрейфующим льдам к суше, либо погибнут во льдах.

Моряки расстались в Северном Ледовитом океане 13 апреля 1914 года. В этот день «Св. Анна» находилась за 83-й параллелью, севернее Земли Франца-Иосифа.

С Альбановым ушло десять. С Брусиловым на судне осталось тринадцать.

Из десяти уцелели двое: Альбанов и матрос Конрад.

Штурман сумел сохранить выписки из судового журнала «Св. Анны». Он вел подробный дневник своего похода, закончившегося встречей с командой «Св. Фоки».

Дневник повествует о невероятных трудностях и тяжелых потерях. Ни штурман, ни его спутники прежде не ходили во льдах. У них не было собак, они сами тянули за собой кладь. Арктика не прощала слабости и ошибки.

Льды, по которым шел отряд, дрейфовали так, что его могло пронести мимо Земли Франца-Иосифа в открытый океан, навстречу неминуемой гибели. Об этом знал только Альбанов, определявший местонахождение отряда. Люди, изнуренные двумя зимовками, и без того раскисли, страшная правда совсем подкосила бы их.

Но вот однажды штурман увидел на горизонте «нечто» — два розовых облачка. Другие уплывали, таяли, а эти не меняли форму. Неужели земля?

Да, это был неведомый остров. Но на пути к нему — полыньи. А берег обрывался отвесным ледником, гладким и скользким.

Альбанову удалось найти в стене трещину, забитую снегом. Вырубая во льду ступени, задыхаясь, падая, люди вытащили наверх тяжелые нарты и каяки.

Впервые чуть не за два года под ногами моряков была земля. За ледником непривычно чернели камни, среди них — птичьи гнезда.

Под странным холмиком из камней Альбанов нашел железную банку с запиской: экспедиция путешественника Джексона в 1897 году отправилась для поисков новых земель и благополучно прибыла сюда, на мыс Гармсуорт.

Так вот куда вышел отряд: на западную оконечность последнего из островов архипелага Франца-Иосифа.

Моряки разделились: часть вместе с Альбановым села в каяки, чтобы продолжить путь по морю, другая побрела по леднику.

К условленному месту встречи дошли четверо. Один человек потерялся еще в самом начале похода, второй умер от истощения. Из покинувших корабль в живых осталось меньше половины. Ледник пожирал слабых людей, очутившихся без волевого вожака.

С последними тремя спутниками Альбанов поплыл на двух каяках через широкий пролив к мысу Флора, где он надеялся найти хижину. Внезапно налетел ветер. Некоторое время Альбанов видел второй каяк. Потом он исчез, унесенный штормом.

Остались двое, Альбанов и Конрад. Они едва не погибли, свалившись в ледяную воду с айсберга, на котором искали защиту от шторма.

Снова быстро забрались в каяк, стали грести что было сил, пытаясь хоть немного согреться. Добравшись до заледеневшего островка, принялись бегать и плясать — два посиневших, грязных дикаря с безумными глазами.

Конрад обморозил пальцы на ногах; Альбанова всю ночь трясла жестокая лихорадка.

Утром, когда пригрело, обоих стала валить с ног свинцовая сонливость. Альбанов знал: если заснешь — конец. Они сели в каяк и наконец высадились на мысе Флора.

Увидели сначала шест, потом бревенчатый дом. У дома стоял амбар. Снег запорошил возле него кучи ящиков. Альбанов отодрал доску: сухари и консервы!

На стене дома и на дверях были надписи: «Первая Русская полярная экспедиция старшего лейтенанта Седова». Далее сообщалось, что экспедиция прибыла на мыс Флора в августе 1913 года и отправилась дальше.

Альбанов знал: Георгий Седов ушел на север, к полюсу, в тот же год, когда «Св. Анна» покинула Петербург. Возможно, что «Св. Фока» зайдет сюда, на мыс Флора, во время возвращения.

Штурман не ошибся.

Дрейф корабля и ледовый поход его штурмана оставили след как в истории арктических открытий, так и в истории советской литературы.

Изучение карты дрейфа «Св. Анны», доставленной Альбановым, позволило узнать не только о морских течениях и движении льдов в неведомой до той поры части океана.

Спутник Седова, Владимир Визе, пришел к выводу, что восточнее места, где линия дрейфа «Св. Анны» резко отклонилась, должен находиться какой-то остров. Визе, теоретически открыв его в кабинете, нанес на карты, а несколько лет спустя советский ледокол «Седов» действительно нашел землю в том самом месте, которое определил ученый. Она названа островом Визе.

След Альбанова затерялся в годы гражданской войны. Случайно мне удалось узнать о его судьбе у знаменитого енисейского капитана Мецайка. После приключений во льдах Альбанов служил на ледорезе «Канада». Потом попал на Енисей, работал на гидрографическом судне «Север».

Он, по словам Мецайка, был добродушным, покладистым человеком с очень неустойчивым настроением и легко впадал в ярость от чьего-то неосторожно сказанного слова.

Погиб Альбанов при возвращении на Енисей из Омска, где был в командировке. По одной версии — от сыпного тифа, по другой — во время взрыва на станции Ачинск.

Трагедия экипажа «Св. Анны» взволновала писателя Вениамина Александровича Каверина. В его популярном романе «Два капитана» дневники штурмана Климова основаны на подлинных дневниках похода штурмана Альбанова.

Но в обаятельном образе капитана Татаринова мало черт вспыльчивого, раздражительного Брусилова. Писатель говорит, что у Брусилова он взял подлинную историю путешествия, назвав «Св. Анну» шхуной «Св. Мария».

А мужественный и ясный характер капитана Татаринова — от героев полярных морей, отчасти от Русанова, больше же всего от Седова, все материалы и воспоминания о котором писатель весьма тщательно изучил.

Особенно много интересного рассказал ему участник экспедиции на «Св. Фоке» художник Пинегин, которого связывала с Седовым дружба и общая любовь к Северу.

Энергия и благородство Седова, его неудачи, отчасти обусловленные чужой злой волей, наконец, его трагическая гибель — все это вспоминается нам, когда мы следим на страницах романа за размышлениями Сани Григорьева о судьбе

капитана Татаринова.

Под музейными сводами

Здесь можно увидеть подлинную палатку папанинцев, вывезенную с первой станции «Северный полюс», — потрепанную бурями, грязную, с тускло-серебристыми буквами «СССР». Вытерся волчий мех на ее резиновой надувной двери, вся она кажется такой тесной, ненадежной…

Под потолком здания — странный самолетик, маленький, словно модель. На нем полвека назад летал в ледовые разведки летчик Бабушкин.

В здании на улице Марата в Ленинграде бережно собраны реликвии, связанные с исследованием полярных стран. Этот музей Арктики и Антарктики — единственный в мире по богатству коллекций.

Экспонаты позволяют представить историю освоения высоких широт от первых плаваний мореходов до последних исследований в Антарктиде и рейсов атомных ледоколов.

Среди множества реликвий, собранных здесь, можно найти и относящиеся к событиям, о которых вы только что прочитали выше.

Тут фотографии Никифора Бегичева и подлинник радиограммы о первых результатах его поисков спутников Амундсена: «Найдены кости одного другого нет тчк подробности последуют».

Снимок, изображающий находку второго норвежца: навзничь лежащий скелет в полуистлевшей одежде. При взгляде на него понимаешь, насколько прав Урванцев, считающий, что поза погибшего, положение его тела в начале гладкого каменного склона свидетельствует, что, скорее всего, человек поскользнулся, упал, потерял сознание и замерз.

В музее хранится и подлинник письма Тессема и Кнутсена, найденного на Таймыре.

Совсем недавно московские криминалисты произвели при содействии норвежских исследователей тщательную экспертизу

останков человека, похороненного на Диксоне под базальтовым обелиском с надписью: «Тессем». Да, там действительно похоронен Петер Тессем! Загадка же костра на берегу бухты Михайлова еще ждет доказательного ответа.

В музее видишь дневник матроса Конрада, спутника Альбанова в его ледовом походе, и один из последних снимков команды «Св. Анны».

Документы Альбанова, в том числе членский билет № 562 Всероссийского союза моряков и речников торгового флота, свидетельствующий, что штурман вступил в этот союз в 1917 году. Тут же и выписки из судового журнала «Св. Анны» со свисающей на толстом зеленом шнуре сургучной печатью. Поразительно, как мог сберечь ее штурман во время своего тяжелого похода.

А рядом — выбеленный солнцем, иссеченный пургой столб из плавника с вырезанной надписью «Геркулес» 1913», часы матроса «Геркулеса» Попова с расползшейся ржавчиной на белом, без стрелок, циферблате.

…Хочу верить: если читатель этой книги будет иметь возможность побывать в Ленинградском музее Арктики и Антарктики, он сможет перенестись на время в мир подвигов и трагедий.

А если кто-либо окажется в городе Орле, непременно загляните в домик с мезонином на улице Русанова. В этом доме прошло детство и юношество будущего полярника, девизом которого были слова: «Мною руководит только одна мысль: сделать все, что я могу, для величия Родины».

Владимир Александрович Русанов был человеком поразительно разносторонним. Он рано примкнул к революционному движению. Сохранилось донесение московской охранки от 16 февраля 1900 года: «Состоящий под особым надзором полиции в Орле В. А. Русанов прибыл в Москву. Почти одновременно с Русановым в здешнюю столицу приехал известный в литературе под псевдонимом «Ильин» представитель марксизма В. Ульянов, только что отбывший срок ссылки в Сибири».

В доме, где теперь музей, Русанова трижды арестовывала полиция. Здесь собирались орловские марксисты, печатались воззвания к рабочим. За революционную деятельность Русанов попадал в тюрьму, затем был сослан в Вологодскую губернию.

После ссылки он уехал во Францию, окончил там университет, стал геологом. На столе в доме-музее — раскрытая книга Нансена «Среди льдов во мраке полярной ночи». Арктика властно позвала Русанова. И сколько он успел сделать прежде,

чем «Геркулес» как бы растворился в туманах Арктики!

В ссылке исследовал возможность соединения водным путем Волги и Печоры. Пять раз побывал на Новой Земле, подробно исследуя ее. Открыл залежи каменного угля на Шпицбергене, которые разрабатываются до сих пор. Набрасывал проект трассы Северного морского пути. «В моем призыве к завоеванию льдов, — писал Русанов, — призыв к могуществу, к величию, к славе России».

Пик Коммунизма

Конец двадцатых годов нашего века — и сколько еще «белых пятен» на карте страны!

Никто не знает толком, что такое Северная Земля: один большой остров или архипелаг, никто не может сказать, как

далеко простирается здесь суша в сторону полюса.

А Таймыр? Мне, тогда еще молодому геодезисту, довелось помогать опытным картографам в составлении его карты, и я помню, как ругались они, когда по данным одной давней экспедиции большая река пересекала тундру в таком-то месте, а по наблюдениям другой — этак на полсотни километров восточнее или западнее.

Только в 1926 году была открыта, но еще по-настоящему не исследована целая горная система на востоке страны, известная теперь как хребет Черского. Быть может, хребет долго не замечали из-за незначительности? Какое там! Его разветвленная система, как выяснилось позже, достигает полутора тысяч километров!

Да, исследователям предстояло еще много дел. Но безусловно, одним из самых неотложных было изучение Памира.

В самом деле: Северную Землю русская экспедиция открыла лишь в 1913 году и находилась она в далеких арктических водах. О Памире же знали с древних времен. Неутомимый венецианец Марко Поло добрался до его западных окраин семь веков назад:

«Поднимаешься на самое высокое, говорят, место на свете… Нет ни жилья, ни травы, еду нужно нести с собой. Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого холода и огонь не так светел и не того цвета, как в других местах».

Памир — это Средняя Азия. Вокруг, в благодатных долинах, — следы древних цивилизаций. Вблизи окраин горной страны караванные пути проходили уже в начале нашей эры. Однако вот что писал о Памире Алексей Павлович Федченко шесть веков спустя после Марко Поло, в конце шестидесятых годов прошлого столетия увидевший горную страну.

«Перед нами была местность, едва известная под именем Алай, а то, что лежало за ней, было никому не известно».

Федченко приворожили исполинские снегоголовые горы. Молодой ученый начал исследование Памира. Ранняя смерть оборвала их. Ему было всего 29 лет, когда он трагически погиб во время восхождения. Не на Памире: в Альпах, на одном из ледников Монблана.

Несколько лет спустя Памир посетил ученый и путешественник Николай Алексеевич Северцев. Признанный знаток Средней Азии, он проник во внутренние области горной страны и одним из первых попытался дать ее научно обоснованную общую картину.

За экспедицией Северцева последовал ряд других, удачных и неудачных. И все же к концу двадцатых годов нашего столетия Памир оставался одним из наименее изученных уголков страны.

Почему?

Памир очень труден для исследователя.

Это одно из величайших нагорий планеты, и недаром его называют «крышей мира». Бездонные ущелья, прорезающие Памир, можно сравнить с Большим Каньоном Колорадо. Его плоскогорья в среднем на четыре тысячи метров выше уровня моря. Для многих горных систем это высота их главных вершин. На Памире же хребты поднимаются над плоскогорьями еще на два-три километра. Здесь царство ледников небывалой мощности. Подобные можно встретить лишь в Антарктиде и Гренландии.

Марко Поло не фантазировал, когда писал, что огонь на Памире не такой, как везде. Здесь кипяток не очень горяч, вода кипит уже при 80 градусах: настолько разрежен воздух и мало давление. По той же причине непривычный человек чувствует сильную одышку, пробежав всего несколько десятков шагов.

На Памире можно в один и тот же день получить ожоги, посидев на солнце, и продрогнуть, передвинувшись на несколько шагов в тень. Здесь дуют ураганные ветры, с гор срываются лавины, сметающие все на своем пути. Памир не знает настоящего лета, привычного жителю средней полосы страны, а морозы на высотах здесь почти столь же суровы, как в Якутии.

Таков Памир, исследование которого к началу тридцатых годов стало задачей государственной важности. Дело было не только в желании ученых получить ответы на множество неясных вопросов, окончательно распутать хаос памирских хребтов. Нет, речь шла о переменах в судьбе народов Средней Азии, о подъеме ее хозяйства.

Что такое ледники Памира? Ведь это «твердый океан», запасы пресной воды, нужной для орошения полей. Каким же законам подчинено их движение и таяние, от чего зависит половодье рек, которые они питают? А расположение хребтов, наиболее удобные перевалы? Пока они не будут точно положены на карту, нельзя строить надежные дороги. Памир считают «кухней погоды» для огромных пространств. Значит, нужны метеорологические станции в долинах, на ледниках, на горных пиках.

И в 1928 году Академия наук снарядила первую Таджикско-Памирскую экспедицию. Ее сопровождал взвод кавалеристов: в горах укрывались шайки бандитов-басмачей, нападавших на советских работников. Эта мера предосторожности не была излишней. Даже два года спустя, когда на Памире действовало уже немало исследовательских отрядов, басмачи напали на стоянки геологов и убили несколько человек.

Таджикско-Памирская экспедиция исследовала «крышу мира» пять лет подряд. В ее трудной и опасной работе участвовали

многие видные ученые, в том числе академики Николай Иванович Вавилов, Александр Евгеньевич Ферсман, Дмитрий Николаевич Прянишников. В числе сотрудников экспедиции были Дмитрий Иванович Щербаков и будущий знаменитый исследователь Арктики Отто Юльевич Шмидт.

Руководили работами участники гражданской войны Николай Васильевич Крыленко, Верховный Прокурор Республики, и Николай Петрович Горбунов, деятель науки, будущий академик. Оба они принадлежали к числу наиболее опытных альпинистов страны. Горы были их страстью.

Без альпинистов любая научная экспедиция на Памир в лучшем случае могла бы пройти по тропам, проложенным местными горцами. И Крыленко сказал:

— Альпинизм мы подчиняем науке, хотим сделать полезным и необходимым ее орудием.

Только с помощью альпинистов можно было окончательно распутать «узел Гармо», где в центре горной системы Памира сходились несколько хребтов. Именно там обнаружили неведомую горную вершину, превосходящую все высочайшие пики страны. Геодезисты вычислили: 7495 метров.

Исполин был нанесен на карты. Началась разведка его склонов, поиски путей к вершине. В составе Таджикско-Памирской экспедиции Академии наук был сформирован специальный отряд № 29.

Ему поручили покорение главной вершины Советского Союза, известной сегодня как пик Коммунизма. И не только покорение: намечалась программа научных исследований и установка на заоблачных высях автоматической станции, которая могла бы передавать сведения о погоде.

Двух главных участников состоявшегося летом 1933 года восхождения на пик Коммунизма нет в живых. Но есть дневники штурма, есть воспоминания участников — и они позволяют представить все шаг за шагом.

*

Оговорюсь, что за рамками повествования останется та огромная работа, которую сотни людей проделали ради успеха отряда горовосходителей. Сама по себе доставка снаряжения и научного оборудования как можно ближе к пику была, в сущности, трудным экспедиционным походом.

Месяцы ушли на устройство базового лагеря, промежуточного лагеря, выразительно названного «Чертов гроб», на расчистку подходов к пику, на подробную разведку ледников и морен, на первые рекогносцировочные подъемы, завершившиеся выбором мест для лагерей «3900», «4600» и «5600», где цифры обозначают

высоты над уровнем моря.

Повторяю, все это и многое другое остается за пределами повествования. Начну его прямо с каменной морены на полдороге между лагерями «4600» и «5600», с полудня 29 июля 1933 года, первого дня решающей предштурмовой разведки.

…Медленно сняв с плеч тяжелые рюкзаки, двое альпинистов сели на камни. Высоко на склоне задымилось белое облачко. Оно не поднималось вверх, а, быстро увеличиваясь, катилось вниз. За ним сорвалось еще одно. Донесся глухой грохот лавин. Альпинисты молча проследили, как снежные потоки, увлекая за собой тяжелые камни, пересекли их будущий путь.

Подошла вторая группа, за ней — носильщики. Таджики и киргизы, горцы, привычные и к холоду, и к разреженному воздуху, и к ходьбе по крутым склонам, на этот раз были сильно утомлены. Крепкий, плечистый Ивай повалился в снег:

— Плохо… Дальше куда?

— Вон туда, видишь? А потом — туда, еще выше!

Евгений Абалаков показал на ребро пика, полузакрытое облаками. Ребро чернело отвесными скалами, нависшими над пропастями.

Нет, наверное, Евген шутит! Как можно туда подняться? Разве у людей есть крылья?

— Даниил Иванович! — наклонился к спутнику Абалаков. — Боюсь, наши ребятки не дотянут до «пять шестьсот».

Даниил Гущин пожал плечами. Вообще-то они молодцы, но кто знает…

Носильщики заговорили на своем гортанном языке, временами поглядывая на страшные ребра скал. Там, наверху, «тяжелый воздух», он давит грудь, им нельзя дышать. Да что говорить — Евген с Данилой сами убедятся в этом, если попробуют подниматься выше.

Носильщики плохо понимали русский, а альпинисты знали лишь несколько слов на их родном языке — маловато для того, чтобы рассказать, каким именно путем разведчики поднимались уже на ребро.

Привал кончился. Потянулись дальше. Снова ухнула лавина, снежная пыль долго носилась в воздухе. Сверху нависали тяжелые снежные языки.

Может, сознание опасности помогало носильщикам преодолевать все усиливающиеся приступы горной болезни — острую головную боль, сильную одышку, рвоту. Потом, когда опасное место осталось позади, двое упали и долго не могли встать.

А ведь это было только начало, до вершины оставалось

больше двух километров, и путь к ней был неведом.

Наконец лагерь «5600». Носильщиков отправили вниз. Крохотная площадка, на ней три палатки, такие маленькие, что туда можно забраться только ползком. Там легкие спальные мешки из шелка с прослойкой гагачьего пуха.

Вечереет. Внизу плывут облака, солнце садится за дальние хребты. Закат резко подчеркивает черными тенями все выступы, неровности, впадины. Если бы под рукой была глина, Абалаков мог бы тут же вылепить макет. Зорким, цепким глазом художника и скульптора он отмечает то, что может пригодиться в дальнейшем, делает наброски в блокноте.

Да, путь будет дьявольски тяжелым! На ребре, которое предстоит преодолеть, торчат шесть «жандармов» — шесть острых, крутых выступов. Они стоят друг за другом, словно неприступные башни. Обойти их нельзя — там почти отвесные скалы.

Утром трое альпинистов, связавшись одной веревкой, идут к первому «жандарму». Продвигаются медленно, осторожно, экономя силы.

Впереди Абалаков. Прежде чем сделать шаг, надо убедиться, что камень, на который станет нога в подбитом пластинчатыми гвоздями башмаке, надежен, что он не сорвется в пропасть.

Не везде можно идти всем троим сразу. Пока один ползет впереди, двое других, став поустойчивее, «страхуют». Если сорвется идущий первым, «страхующие» удержат его на веревке.

Следом за первой тройкой продвигается вторая. Она должна закрепить пройденный путь: сбросить ненадежные камни, вбить в скалы крючья и протянуть кое-где веревки, чтобы легче было носильщикам.

В этой тройке идет молодой инженер, весельчак Коля Николаев. Тройка проходит «жандарм» в опасное время: солнце сильно пригревает, можно ждать камнепада. Быстрая смена температуры разрушает горные породы. Достаточно солнцу нагреть остывший за ночь склон, чтобы растаял лед, цементировавший камни, и иной раз они срываются даже от порыва ветра.

Николаев — отличный скалолаз. Он замыкает тройку. Веревка? Она только стесняет. Отбросив ее, Николаев привычными, точными движениями преодолевает «жандарм».

Рука альпиниста ищет опору. Камень, который она ощупывает, еле держится. Не надо, не надо было его трогать!

Евгений Абалаков услышал снизу крик:

— Несчастье!

— Что такое?

— Разбился Николаев!

Альпинист сорвался вместе с огромным камнем и полетел вниз. Следом за ним рухнуло еще несколько камней. Один из них ударил падающего. Видимо, уже бездыханное тело альпиниста исчезло где-то среди выступов почти отвесной километровой стены.

Горе придавило оставшихся. Молча смотрят они туда, где еще клубится пыль над могилой их веселого товарища.

Тщетны поиски тела. Его поглотила бездна.

— Ваше счастье, что вы не видели, как он погиб, — говорит альпинист Харлампиев, шедший с Николаевым. Его непрерывно бьет дрожь. Он надломлен и едва ли сможет идти на штурм.

В эту ночь никто не спит.

Подавленные, ослабевшие, они на рассвете начинают спуск. Камень с жужжанием летит мимо. Стая воронов кружится над скалой, и в их криках чудится что-то зловещее…

В ледниковом лагере, где собрались все, — совет. Николаев, один из наиболее сильных и выносливых, погиб. Двое альпинистов после пережитого еле держатся на ногах. Отложить штурм? Отступить?

…Снова ползут альпинисты и наиболее крепкие носильщики. Первый, потом второй «жандарм». Осторожно, страхуя друг друга, восходители сбрасывают шаткие камни. Еще свеж в памяти крик Николаева. Носильщики пугливо косятся на пропасти.

До лагеря добрались затемно. Ночью — грохот, все ближе, сильнее. При свете луны клубятся снежные облака чудовищной лавины. Воздушная волна едва не срывает палатки.

Утром «обрабатывается» третий «жандарм». Он изрядно изгрызен временем. Обломки то и дело со свистом летят вниз.

Еще день — позади четвертый «жандарм».

Предстоит брать пятый, едва ли не самый трудный. Если удастся преодолеть и его, путь по ребру будет разведан.

Пятый при кажущейся монолитности еще ненадежнее, чем второй: глыбы как живые, они шатаются, готовые сорваться.

Абалаков приклеился к холодной стене, замер в неустойчивом равновесии. Перед ним отвес. Медленно, осторожно он забивает в трещину камня крюк, защелкивает на нем «карабин» — кольцо с внутренним замком — и пропускает через него веревку. Другой конец веревки в руках у товарища по прежним восхождениям, Даниила Гущина.

Абалаков пробирается дальше, шарит по стене ногой. Нога повисает, не встречая никакой опоры. Тогда он, сняв рукавицу, медленно ощупывает стену. Пальцы движутся, как при игре на рояле. Абалаков сердится: эти беспомощные движения

свойственны обычно начинающим альпинистам, лезущим вслепую, без заранее продуманного плана.

Он снова тянется вверх и вправо. Чуть заметный выступ. Теперь немного подтянуться, потом передвинуть ногу… Готово!

Гущин не видит Абалакова: тот скрылся за выступом скалы. Только тонкая веревка медленно ползет за ним. Вдруг грохот камней. Гущин вздрагивает, напрягается, ожидая рывка веревки.

Нет, веревка недвижна. Должно быть, Евгений сбрасывает опасные камни.

Веревка кончается. Гущин хочет предупредить Абалакова, но слышит крик, очень похожий на «ура».

А минуту спустя Абалаков появляется уже над ним, на вершине пятого «жандарма»:

— Держи!

Он спускает Гущину веревку. Пятый «жандарм» взят. Шестой как будто не внушает особых тревог. Его можно будет преодолеть с ходу.

Путь по ребру разведан, вбиты крючья, протянуты веревки, на пятом «жандарме» укреплена веревочная лестница.

Вечер теплый, светит яркая желтая луна. Тишина: ни одной лавины.

Утром они начинают спуск в лагерь на леднике. Там нетерпеливо ждут известий. Теперь короткий отдых — и на штурм!

Он, несомненно, будет труднее, чем представлялось сначала. Нет Николаева, на которого возлагали большие надежды. Не все ладно с подготовкой пути. Носильщики пока не смогли подняться выше «5900». Едва ли они преодолеют эту высоту в дальнейшем.

В высокогорный лагерь заброшено очень мало продовольствия. Альпинистам придется идти с особенно тяжелой нагрузкой. Ведь, помимо прочего, к вершине надо поднять автоматическую метеостанцию, которая будет посылать радиосигналы о погоде. А вес станции — 30 килограммов!

Так кто же войдет в основную штурмующую связку, кому преодолевать последние сотни метров на пути к вершине?

Пока что один кандидат не вызывает никаких сомнений: «железный сибиряк» Евгений Абалаков.

*

Недалеко от Красноярска волшебница природа создала уголок, известный далеко за пределами Сибири. Теперь здесь заповедник «Столбы».

Название странное, но довольно точное. Почти отвесные скалы грозно вздымаются среди океана горной тайги. Когда видишь их впервые издалека, с перевала, понимаешь, что они

совершенно неприступны для человека. Когда подходишь ближе, с удивлением, едва веря глазам, убеждаешься, что крохотные человечки непостижимым образом карабкаются тут и там по отвесу скал, а достигшие вершин возбужденно, гордо окликают оставшихся внизу.

«Столбы» не годны для обычных альпинистских походов. Здесь нет заоблачных вершин и покрытых льдом пиков. Скалы, только скалы.

Карабкаться по ним когда-то отваживались лишь немногие. История «Столбов» знает немало трагических случаев. Однако со временем были разведаны лазы и отработаны приемы. Появилось целое племя «столбистов». Среди красноярских скалолазов были достаточно зрелые люди, но самыми отчаянными «столбистами» обычно оказывались подростки.

Сложившаяся на «Столбах» своеобразная школа скалолазания довольно долго была известна только сибирякам, и многие альпинисты попросту ничего не слышали о ней. Так продолжалось до начала тридцатых годов, когда среди горовосходителей страны появились братья Евгений и Виталий Абалаковы. За очень короткое время они не вошли, а, можно сказать, ворвались в первую десятку советских альпинистов.

Где же братья тренировались до той поры? Оказалось — на красноярских «Столбах».

Отменное физическое здоровье сочеталось у Евгения Абалакова с душевным. Ровный, спокойный характер, дружелюбие и готовность помочь товарищу располагали к нему людей.

Знаменитый альпинист был талантливым скульптором. Однако люди, хорошо знавшие его, пишут: «В мир горных вершин Абалаков проникал не только как их хозяин и не только как художник. В нем все время жил страстный ученый, исследователь, географ… Его знание строения гор, жизни ледников, раскрытие им многих горных узлов, его помощь, оказанная науке в изучении неисследованных горных территорий — неоценимый вклад в историю высокогорных географических открытий».

Дневники Евгения Михайловича Абалакова полны разносторонних сведений, метких и точных наблюдений. Они отражают также характер человека прямодушного, чуждого всякой рисовке. Читать их — наслаждение. Они просты, безыскусственны, честны. Это дневники очень сильного человека. В тяжелейший день, возможно, самого сложного своего восхождения он записал: «Настроение у меня чудесное — ору песни».

«Орать песни» — выражение, сразу выдающее коренного

сибиряка.

Очерк самого Евгения Абалакова о его пути к горным вершинам начинается фразой: «Я вырос в сибирском городе Красноярске». К этому очерку приложен автопортрет: лобастый мальчишка с упрямо сжатыми губами. Видимо, нарисовано в школьные годы.

Мальчишку, изображенного на автопортрете, я знал. Мы жили на одной улице и учились в одной школе.

Мне кажется теперь — я готов даже утверждать это, — что уже тогда, в школьные годы, братья Абалаковы как бы готовились стать тем, чем стали.

Женя и Виталий жили за три дома от моего. Наша школа находилась далеко, возле базарной площади. Коренастые, плотно сбитые братья всегда ходили вместе быстрым, ровным шагом, в лютые морозы не спускали уши у шапок и носили не теплые валенки, как все мы, а башмаки. Женю, круглолицего здоровяка, прозвали Луной.

Виталий в зрелые годы вспоминал, что в детстве часто болел, но с тем большим упорством закалялся, пробуя разные виды спорта.

У школы была железная пожарная лестница на крышу — место состязаний во время большой перемены. Мы подтягивались по ней на руках, кто сколько мог, перехватывая холодные, тонкие перекладины. Иным удавалось добраться до середины лестницы. Абалаковы поднимались на руках под крышу второго этажа.

На каникулы братья уходили в тайгу, стреляли зверя и птицу, рубили плоты для сплава по горным речкам — и вся школа завидовала им.

Перечитывая недавно дневники Евгения Абалакова, я обратил внимание на подробности путешествия в Саяны. Братья вполне благополучно спустились на плоту по горной реке Казыр. Это тот бешеный Казыр, в порогах которого во время войны погибли Кошурников, Стофато, Журавлев, три героя-изыскателя, первопроходцы трассы будущей железной дороги Абакан — Тайшет…

Как и многие мои сверстники, я десятки раз бывал на «Столбах», но не стал настоящим столбистом, оставаясь, в общем-то, дилетантом, лазающим там, «где все», и так, «как все».

Абалаковы искали новые ходы и лазы, самые трудные и опасные. Женя в школьные годы позволял себе такие номера, как стойка на руках над стометровой пропастью. Потом бравада исчезла, железная выдержка и крепчайшие нервы остались.

Братья Абалаковы впервые появились среди признанных, бывалых альпинистов Кавказа в 1931 году. И в этом же году о

новичках заговорили как о покорителях трудной вершины Дыхтау.

Чудеса в альпинизме — редкость чрезвычайная. Просто красноярские «Столбы» пополнили ряды горовосходителей сложившимися мастерами высокого класса.

Евгений Абалаков говорил позднее землякам-красноярцам:

— Ребята, на «Столбах» — наша школа. Здесь у нас всему начало.

Заслуженный мастер спорта СССР Виталий Абалаков на своей книге «Основы альпинизма», подаренной красноярским друзьям, написал: «Столбы» — место игр у родного гнезда. Но когда вырастают цепкие когти и крепкие крылья, пора в дальние полеты во славу родного края!»

В 1932 году братья Абалаковы прошли по гребню через вершины и седловины большей части знаменитой Безингийской стены, что до той поры удавалось лишь наиболее опытным иностранным альпинистам.

Несколько месяцев спустя Абалаковы и Даниил Гущин с группой альпинистов зимой штурмовали Эльбрус. Это было первое в стране восхождение на одну из вершин Кавказа в пору шквальных ветров и снежных лавин.

Среди восхождений следующих лет у братьев Абалаковых был опасный подъем на Хан-Тенгри, венчающий хребты Тянь-Шаня. Один горовосходитель погиб, Виталий Абалаков сильно обморозился. Ему частично ампутировали стопу и пальцы.

В расцвете сил и славы один из выдающихся наших альпинистов стал почти инвалидом. Несколько лет упорнейших тренировок понадобились ему, чтобы снова начать восхождения. Он не только вернулся в горы, но и возглавил команду лучших альпинистов страны. А кроме того, занялся созданием всевозможных приспособлений, конструированием такого спортивного оборудования, которое облегчало бы альпинисту путь к вершинам, делало бы его более безопасным. Здесь он приобрел едва ли не большую международную известность, чем покорением самых неприступных пиков.

Виталий Михайлович Абалаков был в составе сборной Советского Союза, совершившей десять восхождений в горах Соединенных Штатов Америки. А ведь к этому времени он уже отпраздновал свое шестидесятилетие…

В пору молодости братья обычно рядом шагали к вершинам. Но случилось так, что в 1933 году Виталий Абалаков был далеко от брата, на Алтае, где есть свой заманчивый пик, снегоголовая Белуха…

*

22 августа 1933 года. Первая запись в штурмовом дневнике. Ледниковый лагерь покидает головная группа — Абалаков и Гущин. С ними трое носильщиков.

Второй день штурма. Группа поднялась в лагерь «5900». Палатки, оставленные здесь, сползли в трещину. Пока их доставали, пока расчистили площадку в стене над пропастью, стало смеркаться. Тускло блестят во тьме ледники. Нигде ни огонька. Только горы и небо.

Третий день. Предстоит разбить лагерь за шестым, еще не преодоленным «жандармом»: ведь следом за первой идет вторая штурмующая группа, для которой надо обязательно освободить место ночлега в лагере «5900».

Носильщиков мучит горная болезнь. С полпути Абалаков и Гущин отпускают их и с тяжелыми рюкзаками форсируют пятый «жандарм».

Около трех часов дня они перед шестым «жандармом». Абалаков впереди. Гущин страхует.

Высота 6200. Абалаков продвигается вперед с предельной осторожностью, и все же в одном месте от легкого прикосновения его руки…

— Камень! Камень! — едва успевает крикнуть он.

Гущин увертывается от крупной глыбы, но один из осколков все же задевает его. Альпинист сгибается, ложится на землю. Абалаков замечает, что веревка перебита камнем как раз посередине. Бросив рюкзак, без страховки, поспешно скользит вниз:

— Ранен?

Лицо Гущина искажено болью. Камень рассек ладонь до кости. Рваная рана обильно кровоточит. Абалаков перевязывает ее и вопросительно смотрит на Гущина:

— Может, вниз?

Тот сердито хмурится:

— Дойду…

Когда альпинисты выходят на ребро за шестым «жандармом», солнца уже давно нет. Пробираются в темноте ощупью. Альтиметр показывает 6400 метров. Они находятся почти на 1400 метров выше вершины Казбека, на 800 метров выше Эльбруса.

Выбирать место для ночлега некогда. Абалаков вбивает в скалу крючья, привязывает к ним рюкзаки. Устанавливать палатку нет сил. Ложатся, подстелив ее под себя. Площадка мала для двоих — до края меньше шага. Если Гущин во сне будет ворочаться от боли…

Абалаков привязывает раненого товарища, привязывается сам. На Памире говорят: «Путник, помни, что твоя жизнь — как

слеза на реснице».

Гущин стонет, просит разрезать бинт. Абалаков пробует — не получается: все слиплось, в темноте не поймешь, где окровавленный бинт, где запекшаяся рана.

Наконец Гущин засыпает. Звезды усеяли холодное черное небо. Тишина, звенящая тишина.

26 августа — день встреч. В лагерь, устроенный вблизи места ночевки, — отныне он называется «6400» — по двое подтягиваются альпинисты второй группы. Среди них Николай Петрович Горбунов, начальник экспедиции, высокий, чуть грузноватый. Он значительно старше других: ему за сорок.

Удивительный человек — Николай Петрович Горбунов! У Крыленко все же давний опыт альпиниста: во время эмиграции совершил несколько восхождений в Альпах с бывалыми швейцарскими проводниками.

А Горбунов сразу со студенческой скамьи — в гуще революции. В 1917 году он уже секретарь Совнаркома и личный секретарь Владимира Ильича Ленина. Потом — фронты гражданской войны, Реввоенсоветы двух армий, высшая боевая награда тех лет — орден Красного Знамени. Вернулся с фронта на изнурительную, напряженную работу управляющего делами Совнаркома, выполнял многие поручения Ленина, связанные с первыми шагами советской науки и техники.

Постепенно наука стала его главным партийным делом. Таджикско-Памирская экспедиция, которую он возглавлял четыре года, всерьез столкнула его с горными кручами, с заоблачными вершинами. И тогда он занялся альпинизмом упорно и увлеченно. У него просто не было времени для длительных тренировок, однако воля и упорство тоже далеко не последние качества для горовосходителя.

И все же на этот раз годы дали себя знать.

Запись о прибывших в дневнике Абалакова: «Старательно помогаю им. Измотались они крепко».

Но что такое «старательно помогаю»?

А вот что. Сначала спускается встречать первую пару, провожает ее до лагеря, забирая часть клади. Затем спускается навстречу второй — в ней люди «едва живы». Зацепив веревку за крюк, поочередно вытягивает на ней Горбунова и его связчика. Предлагает Горбунову снять рюкзак: «Я после за ним схожу». Уже в темноте доводит прибывших в лагерь и в темноте же спускается опять, на этот раз за рюкзаком, который неразличим среди камней. Добирается до лагеря, где «все свалились» и «слышны стоны».

Абалаков не жалеет себя, не бережет силы. А ведь он знает,

что самое трудное — впереди и что это самое трудное выпадет на его долю. Растрачивая себя ради товарищей, он уменьшает свои шансы на личный успех, но без колебаний подхватывает тяжелый рюкзак ослабевшего. Никто не прокладывает ему дорогу — напротив, он прокладывает дорогу другим, сбрасывает опасные камни, ставит палатки, растапливает снег, чтобы товарищи согрелись глотком кипятка.

Это человек большой нравственной силы и безупречной порядочности.

Пройдет год, и он окажется на пути к другой вершине. С ним брат Виталий и еще четверо. Все сулит успех. И вдруг один из альпинистов обнаруживает: отморозил ногу. Не может идти ни вперед, ни назад. Двоим предстоит спускать его. Из них, по крайней мере, один должен быть особенно опытным.

Все это — на последнем переходе к уже совсем близкой вершине. Пойти с обморозившимся — отказаться от победы. Предлагается бросить жребий. И тут Евгений Абалаков говорит: «Не надо никакого жребия, спускаться буду я…»

Вершину покоряют трое: Виталий Абалаков, Касьян Чернуха, Иван Лукин. Это пик Ленина. Высота 7134 метра. Евгений Абалаков, добровольно отказавшись от чести стать первовосходителем, спустился с обморозившимся товарищем с высоты около 7000 метров…

Но все это будет год спустя. А пока — лагерь на пике Коммунизма.

Утро. Альпинисты, привалившись к камням, расселись возле палатки. Их лица покрыты белой мазью, защищающей от солнечных ожогов. В темных очках, обросшие бородами, исхудавшие, они мечтали о похлебке, пахнущей дымком.

Но среди вечных снегов нет топлива для костра. Да и похлебку варить не из чего. Продуктов поднято совсем мало. Сейчас, когда особенно нужны силы, завтрак, обед и ужин будет состоять из нескольких ложек манной каши, сваренной на кубиках сухого спирта, пяти-шести галет и двух кусков сахара. Остается еще пять банок консервов, но их берегут для последнего этапа.

Абалаков и Гущин, забрав метеостанцию, уходят, чтобы поднять ее как можно выше и потом вернуться к остальным.

Дневник Абалакова:

«Через каждые 25–30 шагов отдых. В горле пересыхает. Дыхание частое. Охватывает чувство какой-то подавленности: кругом снежная пустыня, метет, клубятся облака… Даниил Иванович плетью висит на ледорубе или валится в снег».

28 августа. «Бурная ночь. Опасались, как бы не сорвало

палатки. Туманное утро, туманное настроение».

Всем ясно: откладывать штурм нельзя. Силы уходят, продовольствие тает.

29 августа штурмующая группа покидает лагерь «6400». В разреженном воздухе мучительно трудно дышать, двигаться, рюкзаки словно наполняются свинцом. То один, то другой бессильно валится на снег.

Именно к этому дню и относится запись Абалакова: «Настроение у меня чудесное — ору песни». Он уходит вперед, расчищает от льда и снега место для лагеря «6900», удивляясь, как у него набралось столько энергии на такой высоте.

Ночью дует ураганный ветер. При свете спички Абалаков смотрит на термометр: двадцать градусов мороза.

30 августа не остается сомнений, что идти к вершине могут только трое. Рука Гущина распухла под окровавленным бинтом и невыносимо ноет. Есть опасность гангрены. Другой альпинист обморозил ноги. Третий свален горной болезнью.

Больные, часто останавливаясь и отдыхая, отправляются вниз. Трое — Евгений Абалаков, Николай Горбунов, Александр Гетье — остаются в лагере «6900», устанавливая метеостанцию. Подсчитывают продовольствие: получается полбанки консервов и по две галеты на человека в день.

31 августа — ветер, снег, туман.

Утром 1 сентября начинается вьюга, жестокая памирская вьюга. Идти вперед нельзя. К тому же не работает метеостанция. Ее приносят в палатку и разбирают негнущимися, обмороженными пальцами. Проверяют и снова устанавливают.

Снежная буря неистовствует над вершиной пика весь день и следующую ночь. Воет ветер, грохочут лавины и камнепады. Термометр опускается до сорока пяти градусов ниже нуля.

Наступает 3 сентября — шестой день в лагере «6900». Погода проясняется. Выглядывает солнце. По ослепительным ледяным полям гуляет крепкий ветер. Снег, срываемый им, развевается белыми космами.

…Сегодня последний шанс достичь вершины. Завтра будет поздно: продовольствия больше нет.

Гетье остается в палатке: он уже и сегодня не может встать.

Двое бредут по пояс в снегу. Десять шагов — остановка, десять шагов — остановка. Они связаны веревкой, в руках у них ледорубы со стальным «клювом» и лопаткой.

Горбунов задыхается, садится в снег:

— Посмотрю ногу, не чувствую ничего.

Они идут дальше. Горбунов останавливается все чаще.

Солнце спешит на запад, а они прошли так мало. Вершина

еще далека. Горбунов падает на лед.

Вдвоем им не дойти.

Более сильный и молодой должен пробиваться к вершине один, без «страховки», без помощи в трудную минуту. Другого выхода нет.

Открывают последнюю банку консервов. Горбунов отказывается от своей доли: ему отлеживаться на льду, спутнику преодолевать рискованное лезвие вершинного гребня.

Абалаков достает блокнот. Пока пальцы еще слушаются, он пишет записку и вкладывает ее в пустую консервную банку. Эта банка будет оставлена под грудой камней на вершине.

А теперь — вперед!

Он то идет, то ползет. Ветер усиливается. Белые смерчи пляшут на гребне, жесткий снег больно режет лицо.

Что это? Трещина! Огромная, зияющая. У самой цели.

Но в одном месте пласт слежавшегося снега белеет над бездной. Выдержит ли он тяжесть тела?

Абалаков ложится, распластывается, вытягивает перед собой ледоруб, осторожно ползет.

Теперь надо преодолеть острый, как нож, вершинный гребень. Абалаков оставляет рюкзак в трещине, чтобы забрать на обратном пути. Ветер словно хочет сдуть человека с гребня.

Остаются лишь вершинные скалы. И тут странное чувство овладевает Абалаковым. Вдруг у него не хватит сил для этих последних метров? Ему кажется, что вершина вот-вот ускользнет куда-то.

Почти на четвереньках вскарабкивается он на скалистую площадку — и падает на камни, обнимая их руками.

Вот она., победа!

Но отдыхать нельзя. Пошатываясь, встает, смотрит альтиметр: почему-то 7600 метров. Теперь — главное: поточнее составить схемы горных хребтов, ледников, вершин. Они впервые открываются взгляду человека с такой высоты. Пальцы едва держат карандаш. Абалаков чертит, исправляет: нельзя ошибиться, эти схемы позволят наконец свести воедино карты Восточного и Западного Памира.

Остается лишь собрать камни для тура, защищающего от ветров консервную банку с запиской.

Он ходит по площадке и вдруг замечает, что на облаках, далеко внизу, мечется огромная тень. Это его тень, отбрасываемая на облака заходящим солнцем! Он взмахивает руками — и синий человек на облачной вате повторяет движение.

Так стоит он на вершине, невысокий, коренастый, и его гигантская тень простирается над покоренной «крышей мира»…

«Снежные барсы»

В Советском Союзе лишь четыре вершины превышают семь тысяч метров. Это пик Коммунизма, пик Ленина и пик Корженевской на Памире, а также пик Победы на Тянь-Шане.

Первым был покорен пик Коммунизма. Год спустя альпинисты достигли вершин пика Ленина и пика Победы. На последний из «семитысячников» красный флаг был поднят в 1953 году.

Альпинистов, которым удалось покорить все наши «семитысячники», именуют «снежными барсами». Среди них — несколько женщин.

В истории восхождений на пик Коммунизма особо отмечено одно. Под руководством заслуженного мастера спорта Виталия Абалакова пик штурмовали восемьдесят альпинистов. Все участники штурма достигли вершины.

Среди них не было Евгения Абалакова.

Его жизненный путь оборвался трагично и нелепо. После триумфального подъема на пик Коммунизма он совершил много других блистательных восхождений, покорив в общей сложности более пятидесяти вершин. Руководил группами, поднимавшимися на пик Ленина и Хан-Тенгри. В годы войны готовил отряды горных стрелков. После войны прославился многодневным успешным штурмом пика имени 30-летия Советского Союза.

Это было последнее восхождение знаменитого альпиниста.

Евгения Абалакова нашли мертвым в московской квартире: утечка газа из неисправной проводки…

На родине альпиниста в Красноярске день его памяти ежегодно отмечают традиционными соревнованиями скалолазов, съезжающихся из многих городов страны.

Именем Евгения Абалакова назван один из высочайших пиков Памира.

Одиннадцать наших на Эвересте

Четырнадцать вершин на земном шаре превышают восемь тысяч метров. Все «восьмитысячники» находятся в горных системах Гималаев и Каракорума.

Среди них — третий, высотный полюс Земли, Джомолунгма, или Эверест: 8848 метров. Его название знакомо каждому.

Джомолунгма была целью многих альпинистских экспедиций с двадцатых годов нашего века.

Ни один европеец не отваживался на ее штурм без сопровождения носильщиков из местного горного племени шерпов. Шерпы отличаются поразительной выносливостью на заоблачных высотах и очень развитым «чувством гор». Но и с их помощью долгое время никто не мог достигнуть цели.

В 1952 году двое, швейцарец Реймон Ламбер и шерпа Норгэй Тенцинг, были у самой вершины. Но не на вершине. Для преодоления последнего гребня у них не осталось сил.

Теперь Тенцинг знал дорогу. На следующий год он и новозеландец Эдмунд Хиллари покорили Джомолунгму.

Тенцинга на его родине прозвали «Тигром снегов». Он стал гордостью своего народа.

С тех пор на вершине Джомолунгмы побывали выдающиеся альпинисты мира, в том числе несколько женщин. Редкая экспедиция оканчивалась благополучно. Увечья, обмораживания не в счет. Число погибших при штурме «третьего полюса» приблизилось в 1982 году к шести десяткам.

Именно в тот год состоялась первая советская экспедиция в Гималаи.

Заранее было решено, что наши альпинисты не пойдут уже известными, освоенными путями. Для подъема выбрали маршрут, считавшийся недоступным — по вертикальному выступу юго-западной стены Эвереста, где отвесные скалы покрыты скользким льдом, крутизна достигает шестидесяти градусов, а на ледопаде Кхумбу, покрытом огромными, беспорядочно нагроможденными глыбами льда, то и дело внезапно открываются опасные трещины.

Как и при штурме пика Коммунизма, были разбиты промежуточные лагеря. Все необходимое ближе к вершине поднимали сами альпинисты: даже для носильщиков-шерпов на выбранном маршруте это было непосильным.

Итак, лагеря. Исходный, базовый — почти на высоте Эльбруса. Затем промежуточные, причем последний № 5 — на высоте 8500 метров. От него до вершины оставалось 348 метров.

Первым их прошли ленинградский инженер Владимир Балыбердин и доцент из Москвы Эдуард Мысловский. Они достигли вершины Горы — так альпинисты называли Джомолунгму между собой — 4 мая 1982 года. Последние 348 метров преодолевали восемь часов.

Балыбердину было 33 года, Мысловскому — 44. Альпинизм — не спортивная гимнастика, здесь тридцать — тридцать пять лет — пора зрелости. Но сорок четыре для Эвереста все же многовато.

Как они шли? Уже на подходе к лагерю № 4 шерпа-носильщик изнемог, и Мысловский взял часть его груза. Теперь за спиной альпиниста был тридцатикилограммовый рюкзак. На таких высотах восходители идут только в кислородных масках. Каждый шаг требует огромных усилий.

Мысловский продвигался вдоль заранее протянутой вертикальной веревки, когда рюкзак вдруг перетянул его, и альпинист повис почти горизонтально.

Рассказ Мысловского:

— Внизу была пропасть, сбоку — скальная стенка без единой зацепки. В этот момент у меня кончился кислород. Высота была около восьми тысяч метров. Задыхаясь, я все же пытался пристегнуть рюкзак к веревке. Удалось сбросить его на руку, но дотянуться другой рукой до петли не смог. Почувствовал, что теряю сознание и рискую остаться в таком положении навсегда. И тогда я отпустил рюкзак…

Без рюкзака, в котором было снаряжение, запасные рукавицы и баллоны с кислородом, он догнал Балыбердина.

Вдвоем они разбили лагерь № 5, хотя обычно это с помощью носильщиков делают предварительно. Веры в свои силы у них было достаточно, но кислорода мало. Балыбердин решил идти к вершине без кислорода, отдав свой запас Мысловскому.

У того приключение не прошло бесследно: серьезная нервная встряска да и руки поморозил, пытаясь снять рюкзак. Шли трудно. Карабкались, преодолевая одну скалистую стенку за другой. И вдруг они заметили, что находятся на серебристо-снежном куполе, и все, что вокруг, — ниже его. Вершина!

Было 14 часов 35 минут 4 мая.

Они начали спуск. Пошел густой снег.

Тем временем в лагерь № 5 поднялась четверка восходителей. Теперь штурм предстоял им. И тут они услышали по радио: «Ребята, если можно, поднесите нам теплое питье и кислород. У Эдика кончился кислород. Похоже, нам предстоит холодная ночевка».

Ночевка без палатки, без возможности согреться, нормально дышать на высотах, именуемых «зоной смерти»? Двое из четверки, Сергей Бершов и Михаил Туркевич, немедленно пошли на помощь. Может, им придется сопровождать обессилевших первовосходителей вниз. Тогда прощай, вершина! Во всяком случае, на ближайшее время.

Валентин Иванов и Сергей Ефимов остались в лагере коротать ночь, позволяя себе редкие глотки кислорода.

В 6 утра они услышали шаги.

Это были Бершов, Туркевич, Мысловский, Балыбердин. Последние двое — в крайнем изнеможении.

Что же произошло за ночные часы?

Двойка, побывавшая на вершине, отдала Горе все силы без остатка. За шесть часов они смогли спуститься немногим больше сотни метров.

Здесь их и встретили спешившие на помощь.

Представляете? Бершова и Туркевича отделяла от вершины всего сотня метров! Но… с ними двое, едва стоящие на ногах. И ночь. Ночью на Эверест, наверное, еще никто никогда не поднимался.

Подкрепившаяся двойка согласилась ждать. И тогда при свете луны Бершов и Туркевич, с трудом получив по радио согласие руководства экспедиции, полезли вверх. Они спешили, как могли. И через час наткнулись на кислородный баллон, оставленный первой двойкой на вершине…

Обратный путь был тяжелее подъема. Луна исчезла за гребнем. Только тонкий лучик карманного фонарика. Холод жуткий, всех бьет дрожь.

У Мысловского обморожены руки. Балыбердин записал потом в дневнике: «Никогда за всю жизнь в горах я не был так близок к концу». Он и Мысловский провели на высотах «зоны смерти» 23 часа…

После возвращения четверых в лагерь № 5 его покинули Валентин Иванов и Сергей Ефимов. Они стали пятым и шестым советскими альпинистами, покорившими Гору.

Потом поднялись еще пятеро. Двоих, Казбека Валиева и Валерия Хрищатого, ураганный ветер задержал в пути, и на вершину они вышли далеко за полночь. Вернулись в лагерь в таком состоянии, что дожидавшиеся своей очереди Ерванд

Ильинский и Сергей Чепчев, мастера высокого класса, отказавшись от личной славы ради товарищеской выручки, помогли им спуститься вниз.

9 мая с вершины Эвереста поздравляли друзей с Днем Победы Юрий Голодов, Владимир Пучков, Валерий Хомутов.

И это был финал экспедиции: круто переменилась погода, всем приказано было немедленно спускаться в базовый лагерь.

За короткий срок — одиннадцать на вершине! Такого при покорении Джомолунгмы не случалось. Так что же, везение? Или отчаянная дерзость, подкрепленная великолепным мастерством, великим чувством товарищества, наконец — это тоже не мелочь — строгой дисциплиной?

Не все поднялись к вершине, в том числе и те, кто вполне был готов к этому, но не мог бросить товарищей в беде. Они не покорили Гору. Они вернулись к ее подножию с чистой совестью, выполнив долг.

Были обморожения, потребовавшие ампутации. Алексей Москальцев на одном из первых этапов сорвался в глубокую трещину, получил сотрясение мозга. Было много нечеловечески трудного, но не было эгоизма, черствости, бездушия, которых не прощают горы.

Одиннадцать наших на Эвересте… Что же дальше?

С Эверестом не просто. Экспедиции на него строго планируются заранее, причем на несколько лет вперед. Гора «расписана» до 1990 года. Однако это касается ее обычных, нахоженных маршрутов. А советские альпинисты намечают для подъема маршруты небывалые, неведомые, которые, видимо, будут свободны. Это не только Эверест, но и соседние гиганты Лхоцзе и Канченджанги.

В черном мраке глубин

Все-таки повезло профессору естественной истории Пьеру Аронаксу!

В самом деле: наблюдать таинственный мир океанских глубин сквозь огромные овальные стекла салона подводного корабля! Увидеть хорошо освещенным в радиусе целой мили,

иметь возможность спокойно созерцать обитателей вод, опершись на выступ оконной рамы и неторопливо обмениваясь замечаниями со спутниками…

Профессор Уильям Биби и конструктор Отис Бартон, скрючившись возле крохотных смотровых иллюминаторов, вполне могли оценить преимущество «Наутилуса» перед «Веком прогресса». В их судне нельзя было хотя бы распрямиться в полный рост. Трудно представить себе более тесное и неудобное для человека сооружение.

На суше этот тускло-голубой шар, покрытый ракушками и пятнами, чем-то напоминал Биби древнюю черепаху. Внутрь вело узкое круглое отверстие, куда мог протиснуться лишь худощавый человек. Когда батисферу показывали на выставке в Чикаго, около миллиона посетителей считали нужным просунуть голову в отверстие, а затем пробормотать что-нибудь вроде: «Хорошо, что не мне придется спускаться в этой штуке под воду».

«Штука» была построена в 1930 году. Уже давно в морях и океанах действовали подводные лодки, и многие из них по размерам приближались к созданному фантазией Жюля Верна «Наутилусу», на который попал профессор Пьер Аронакс, а кое в чем превосходили это чудо-судно. Но только не в глубине погружения.

Обычная подводная лодка рассчитывалась для глубин, немногим превышающих сотню метров. Конечно, в недалеком будущем можно было ожидать, что эта глубина удвоится, утроится, что со временем удастся построить лодки для глубоководного плавания. А человеку хотелось быстрее проникнуть в бездны океана. И наиболее верным путем пока что казалось создание батисфер — сверхпрочных шарообразных стальных аппаратов, спускаемых с судна на длинном тросе.

«Век прогресса» был многократно испытан Биби и Бартоном — последний принимал участие в его создании. Они начали с небольших глубин. И убедились… в недостаточной надежности батисферы.

Никакая сила не могла заставить «Век прогресса» всплыть на поверхность в случае обрыва стального троса. Батисфера не имела аварийных подъемных устройств. Лопни трос — и «Век прогресса» неотвратимо превращался в гроб для исследователей. Трос же мог оборваться от многих причин, даже под воздействием собственной тяжести.

А кварцевые иллюминаторы? Во время пробного погружения — к счастью без людей — один из них дал течь. Под страшным давлением вода проникла внутрь. Батисферу подняли на корабль и с большими предосторожностями стали отвинчивать болты,

которыми закрывалась крышка входного отверстия.

Внезапно медный болт вылетел, как пушечный снаряд, и, врезавшись в стальную лебедку, вырвал изрядный кусок. Из отверстия ударила струя воды такой невероятной силы, что человек, задетый ею, был бы убит на месте.

Уильям Биби, который, очистив палубу от людей, сам отвинчивал болт, мог лишний раз поразмыслить об ужасающих давлениях на больших глубинах. Он не раз видел раздавленные бутылки и сплющенные железные банки, но теперь получил новое наглядное представление о той опасности, которая подстерегает исследователей океана. У него не осталось никаких сомнений, что, окажись он и его спутник на этот раз внутри батисферы, их раздавило бы в бесформенную массу в ледяной черноте глубин.

И все же рисковать стоило! Ведь им предстояло стать первыми на планете людьми, перед которыми, возможно, откроется то, что не видел еще никто из смертных. Биби принадлежал к ученым, считавшим познание океанских глубин одной из главных целей науки на ближайшие десятилетия.

Думал ли он при этом о рекордах? Вероятно. Но не только о них. Он мог бы поставить точку в 1930 году, спустившись на небывалую для своего времени глубину: 435 метров. А он продолжал и продолжал погружения, причем вовсе не стараясь каждый раз обязательно увеличивать длину разматываемого спускного троса.

Лето 1934 года застало Биби и Бартона в гавани на Бермудских островах. Тут же стояла старая морская баржа «Реди» в окружении ржавевшей на приколе шхуны и буксирного судна, которое обычно использовали для ловли специальными сетями обитателей глубин.

Батисфера находилась на борту «Реди»: голубой шар высотой в человеческий рост. На огромном барабане паровой лебедки лежали ровные мотки троса, казавшегося тонким и ненадежным.

Но вот трос, закрепленный как на «ухе» для подвешивания колокола, натянулся, шар повис на стреле мачты, а затем начал медленно погружаться в волны. Рядом с тросом скользил в воду похожий на блестящую черную змею телефонный и электрический кабель.

Это был пробный пуск перед новыми погружениями. Испытание прошло отлично. Теперь предстояло выжать из старой батисферы все, на что она способна.

Позднее Биби спрашивали о его переживаниях перед спуском, которому было суждено остаться в истории изучения океана.

— Я чувствовал, что безгранично мало знаю о жизни глубин, — сказал он.

А ведь к этому времени за его плечами было два десятка подводных экспедиций.

…Двое поочередно вползли в узкое отверстие «Века прогресса». Примостились у иллюминаторов, свернувшись калачиком: никаких сидений не было, для них не оставалось места. Биби надел наушники, закрепил у подбородка похожую на рожок для глухих переговорную трубку. Люк закрыли. Раздались оглушительные удары, от которых гудела голова: там, снаружи, для надежности затягивали гайки ударами тяжелого молота по гаечному ключу.

Одной из наиболее неприятных своих обязанностей Биби считал почти непрерывную «болтовню». Он не должен был молчать более пяти секунд подряд: для его помощников, оставшихся на барже, длительное молчание воспринималось как сигнал тревоги, когда следовало немедленно готовиться к подъему батисферы.

Биби в часы спуска как бы уподоблялся кочевнику степей, затягивающему в пути бесконечную песню обо всем, что он видит: вот летит орел, вот сел на холм, вот полетел дальше… Однако то, что видел Биби и о чем он рассказывал сидевшей у другого конца телефонного кабеля стенографистке, вызывало чувство удивления, а порой и недоверия.

Из солнечного желто-золотого мира батисфера погрузилась сначала в зеленый. Стайки рыб проносились мимо иллюминаторов. На глубине двухсот метров как бы закрылась дверь за всем, что привычно жителю Земли. Батисферу окружал холодный черновато-синий мрак.

— Еще глубже глаз не улавливает, а ум отказывается словами определять цвета, — говорил Биби в трубку телефона. — Солнце побеждено, краски изгнаны до тех пор, пока человеческое существо не проникнет сюда и не пронзит желтым электрическим лучом пространство, которое оставалось бесконечно черным биллионы лет.

Прожектор включался с перерывом: хотя от стенок батисферы веяло мертвящим холодом, жар ламп быстро нагревал крохотное пространство, где скрючившиеся люди начинали задыхаться, несмотря на работу вентилятора и действие кислородных баллонов.

Свет прожектора был слишком слабым для существовавших тогда кинокамер и фотоаппаратов; пленка, практически пригодная для цветного фотографирования, еще не выпускалась. Поэтому хотя Отис Бартон, взявший на себя обязанности фотографа экспедиции, и пытался запечатлеть чудеса подводного мира, это больше удавалось Биби. Но какого напряжения

требовали его «словесные портреты»!

Глубина 360 метров. В луче электрического света какие-то удлиненные тела, возможно, угри. Потом возле иллюминатора закачалась медуза. Биби не успел заметить, откуда взялась большая рыба, сразу поразившая его. Словно подвешенная на чем-то, она, чуть шевеля плавниками, стояла наполовину во тьме, наполовину освещенная прожектором.

Ученый сразу понял, что это нечто совершенно неизвестное: уж в рыбах-то Биби разбирался великолепно! Он потянулся за Бартоном, приглашая его в свидетели, и едва заставил себя промычать что-то в телефон, откуда обеспокоенный голос стенографистки спрашивал о причинах чуть затянувшейся паузы.

Вот как описал Биби свое состояние:

«Я безмолвно пожирал глазами рыбу от головы до кончика хвоста, стремясь в кратчайшее мгновение запомнить ее, с тем чтобы позднее суметь изобразить ее сначала словами, затем записью и наконец рисунком воспроизвести то, что я видел через прозрачный кварц.

Странная рыба была, по крайней мере, 60 сантиметров длиной, совершенно без светящихся органов, с маленькими глазами и большой пастью… Необычайной была ее окраска, которая в освещении казалась неприятного бледно-оливкового, грязноватого цвета, напоминавшего цвет вымокшего мяса или нездоровой кожи. Этот цвет достоин мрачных глубин и подобен цвету ростков больных растений в погребе».

Неизвестной рыбе, у которой были широкие вертикальные плавники, Биби дал название, означающее в переводе «выплывающий из пучины на призрачных парусах».

Среди особых примет странной рыбы ученый не зря отметил отсутствие светящихся органов.

Мрак океанской бездны вовсе не сплошная чернота. Слабые цветные огни и даже целые созвездия возникают тут и там. У кальмаров светятся кольца вокруг глаз. Рыба-дракон как бы излучает золотистый свет. Рыбу-фонарь можно опознать по светящимся зубам широкой пасти. Красные креветки, защищаясь от нападения, выбрасывают облачко светящейся жидкости, слепящее противника.

Биби обнаружил незнакомого исследователям глубинного «трехзвездного удильщика», у которого концы трех длинных щупальцев испускали столь сильный бледно-желтый свет, что он отражался от темной кожи рыбы. Но особенно поразила ученого никем еще не описанная рыба, по бокам тела которой шли пять световых линий из желтых пятен, окруженных яркими пурпурными точками. Биби говорил, что эта рыба осталась в его

памяти одним из красивейших существ, которые он когда-либо видел.

А далеко наверху канат продолжал медленно разматываться. В наушниках раздался полный торжества голос помощника, руководившего спуском. Он предлагал послушать сквозь толщу вод свистки буксира — салют в честь только что достигнутого нового рекорда погружения «Века прогресса».

— Благодарю вас, продолжайте спуск, — услышал помощник из глубин, — но, пожалуйста, запишите следующее: две очень больших личинки угря, быстро изгибаясь, только что прошли совсем рядом. Отметьте: зачем, спрашивается, личинкам угря ходить парами?

В этом был весь Биби!

Ученый признавался, что когда он заглядывал вниз, у него всегда было неодолимое желание опускаться дальше в черную, как жерло ада, пропасть. Сколько незабываемых впечатлений дарила она!

Чего стоила, например, встреча с двумя огромными темно-коричневыми рыбами, которые близко прошли возле батисферы, как бы оценивая возможного соперника. Их пасти со светящимися острыми зубами были широко открыты, на длинных щупальцах колыхались, мерцали подобия сигнальных огней. Ученый назвал громадин «неведомыми рыбами-батисферами».

Позднее подсчитали: Биби во время погружения сделал около 380 заметок о неизвестных до той поры обитателях глубин. Некоторые его открытия оспаривались специалистами. Понадобились десятилетия поисков и гораздо более совершенные аппараты, чем «Век прогресса», для того, чтобы подтвердить существование большинства рыб и животных, обнаруженных Биби.

Но некоторые его встречи во мраке так и остались под знаком вопроса, поставленным, впрочем, самим первооткрывателем.

На глубине, превышавшей 700 метров, в поле зрения на долю секунды оказалось очень крупное существо с какими-то нелепыми очертаниями. Некоторое время спустя оно вернулось и мелькнуло огромной тенью там, где луч прожектора растворялся во мраке. Биби прикинул длину: не менее шести метров! Тело массивное, овальное, но на нем нельзя было различить ни глаз, ни плавников.

«Для тех, кого более всего впечатляют размеры, это существо было бы главным итогом всей экспедиции, — замечает Биби. — Что бы это ни было, оно появилось и исчезло так внезапно и очертания его были такими нечеткими, что ничего более определенного, чем «крупное живое существо», о нем сказать

нельзя».

Около полудня 15 августа 1934 года Биби и Бартон заметили легкую вибрацию «Века прогресса». Спуск замедлился. Потом батисфера, закачавшись, приостановилась. Это могло означать, что трос выпущен на всю или почти всю длину.

Оба устали до изнеможения. Пальцы Биби, окоченевшие от прикосновения к стальному подоконнику, не держали карандаш. Сверху сообщили, что сейчас на батисферу давят более семи тысяч тонн воды, что на барабане лебедки осталось лишь несколько витков троса и что по морю ходят крупные волны.

Биби распорядился начинать подъем.

Когда «Век прогресса» оказался на палубе вспомогательной баржи и были отвинчены гайки, из люка показалась лысина Биби, а затем и сам он, худой и бледный, почти вывалился на палубу: ведь профессору было уже 55 лет — не лучший возраст для глубоководных погружений. — Поздравляем с новым мировым рекордом! — воскликнул капитан, помогая ученому подняться. — Девятьсот двадцать три метра!

— Спасибо, — наклонил голову Биби. — А что все же за металлический треск раздался в телефоне во время подъема? Я так и не получил ответа, хотя переспрашивал дважды.

И тут выяснилось, что находившиеся на барже пережили жуткий момент. Они услышали страшный треск рвущегося троса, настолько громкий, что мембрана телефона передала его в батисферу. Все на мгновение оцепенели. Но, к великому счастью, лопнул лишь вспомогательный канат.

— В батисфере наше положение было гораздо лучше вашего. У нас, по крайней мере, не было причин для волнения, — сказал Биби.

*

«Триест» шел на посадку.

Время от времени вспыхивали фары, освещая совершенно безжизненную воду. Эхолот все еще не «чувствовал» дна. Но вот на ленте появилась первая черточка. Теперь уже скоро…

Что будет там, на дне? Кашеобразная масса осадков, помешавшая советским ученым с судна «Витязь» получить сносные фотографии этой подводной котловины? Или обычная ровная площадка, на какие «Триест» уже опускался много раз?

Размышления Жака Пикара прервал голос следившего за эхолотом Дональда Уолша:

— Шестьдесят пять метров, слабое эхо… Шестьдесят…. Сорок пять… Вот теперь четкая линия.

Вскоре нижняя фара высветила круг на плоском дне. Его цвет напомнил Жаку Пикару пустыню.

«Триест» спускался медленно, плавно. В 13 часов 06 минут 23 января 1960 года он, подняв облачко ила, коснулся дна.

Был установлен мировой рекорд глубины погружения, который можно повторить, но нельзя побить, если только в Мировом океане со временем не удастся обнаружить еще более глубокое место.

«Триест» опустился на дно впадины Челленджер в так называемом Марианском желобе. Этот желоб простирается в западной части Тихого океана. По определению экспедиции на «Витязе» и других кораблях именно здесь — наибольшие глубины, какие только есть на земном шаре. В Марианском желобе можно было бы утопить Джомолунгму, причем над вершиной пика еще оставался бы простор для маневров подводных лодок.

Жак Пикар и Дональд Уолш стали первыми людьми, погрузившимися на фантастическую глубину в 10 916 метров.

Что больше всего поразило их?

«Дно было совершенно ровное, если не считать нескольких комочков. Но — самое главное! — за миг до соприкосновения со дном в световой круг вплыла рыба. В одну секунду, вместившую годы труда и подготовки, мы разрешили проблему, десятки лет мучившую океанографов… Жизнь в ее высшей организованной форме возможна в море повсюду, на любой глубине».

Костистая рыба походила на ската. У нее была пара выпуклых глаз. Зачем они нужны в кромешной тьме? Еще одна загадка бездны.

И рыба оказалась не единственной обитательницей впадины Челленджер. Компанию с ней разделила густо-красная креветка, проплывшая рядом с иллюминатором.

«Триест» пробыл на дне 20 минут. Манометры показывали давление в 1156 атмосфер. Температура воды лишь немногим превышала два градуса. Жак Пикар произвел еще несколько наблюдений, в том числе проверку на радиоизлучения.

Затем он повернул рубильник, выключив электромагнит, поддерживающий балласт — железную дробь. Стопятидесятитонный «Триест» оторвался ото дна и начал подъем.

Через девять часов после начала погружения победители Марианской бездны были на поверхности океана.

«При подъеме не произошло ничего, достойного внимания», — записал Жак Пикар.

*

Что же представлял собой «Триест»?

Как удалось менее чем за три десятилетия, прошедшие со

времени рекордного погружения «Века прогресса», найти способ преодолеть то, что казалось почти непреодолимым?

Нет, не за три десятилетия. Гораздо больше. Быть может, отсчет надо вести с конца прошлого века, когда совсем юный швейцарец Огюст Пикар прочел «Пять недель на воздушном шаре» и «Двадцать тысяч лье под водой», мысленно сопутствуя героям Жюля Верна.

Но, в отличие от сотен миллионов читателей фантастических романов, в мечтах поднимавшихся за облака или путешествующих на «Наутилусе» вместе с бесстрашным капитаном Немо, Огюст Пикар со временем сумел повторить, а в чем-то и превзойти некоторые подвиги любимых литературных героев.

На стратостате собственной конструкции профессор Пикар для исследования космических лучей поднимался в стратосферу. В 1931 году он почти достиг 16 тысяч метров, а в 1932 году превысил этот рубеж. Тем самым швейцарец установил мировые рекорды, которые год спустя были побиты советскими стратонавтами.

Огюст Пикар заслужил прозвище «профессор вверх-вниз» после того, как осенью 1953 года вместе с сыном Жаком достиг на батискафе «Триест» рекордной глубины, превышающей 3 тысячи метров.

Во время этого спуска профессору шел семидесятый год.

Как это ни странно, но в конструкции батискафа есть много общего со стратостатом. Часто думают, что именно стратостат натолкнул профессора Пикара на мысль о создании принципиально нового аппарата для покорения морских глубин. Сама хронология как будто подтверждает это: стратосфера для Пикара — тридцатые годы, океан — пятидесятые.

А в действительности…

Профессор Пикар вспоминал, как еще в студенческие годы ему приходила идея постройки непроницаемой кабины, способной выдержать огромные давления и подвешенной к поплавку, наполненному жидкостью более легкой, чем вода.

«Мысль о создании подводной лодки, управляемой, как свободный шар, никогда не покидала меня, — пишет профессор Пикар. — Но конечно, в течение долгого времени я не мог всерьез поверить в возможность осуществления мечты своей юности».

Случилось так, что свою давно задуманную непроницаемую кабину, защищающую человека от внешней среды, Огюст Пикар создал сначала для стратостата.

Тем не менее профессор об эволюции своей мысли высказывается совершенно определенно:

«Я был еще очень далек от создания подводного аппарата, прототипом которого обычно считают стратостат. Наоборот, мысль о примитивном батискафе привела меня к достижению больших высот.

Итак, именно подводная лодка привела меня в стратосферу. Несколько позднее в моем сознании шар воздушный превратился в подводный, и я вновь постучался в двери Национального Бельгийского Фонда по научным изысканиям и попросил кредитов для создания батискафа».

Он «постучался в дверь» ФНРС — таковы были начальные буквы принятого в Бельгии названия Фонда, уже оказывавшего профессору помощь при постройке стратостата незадолго до второй мировой войны.

Чего добивался Огюст Пикар, к которому вскоре присоединился его сын Жак, при разработке конструкции нового аппарата для проникновения в тайны океана?

Прежде всего — никакого троса. Хотя в 1948 году Отис Бартон, внеся некоторые изменения в свою батисферу, и сумел достичь глубины 1360 метров, было ясно, что это близко к пределу.

Возможный обрыв троса — главное, но не все. То, что батисфера связана с кораблем в самом прямом смысле, причиняет много неудобств. В волну она, повторяя движения судна, раскачивается, как маятник, распугивая рыб. Биби боялся соприкосновения батисферы с дном: корабль, послушный ветрам и течениям, мог поволочь ее по неровностям дна, а уж тут могло случиться всякое…

После множества экспериментов и испытания моделей профессор Пикар нашел нужную конструкцию «подводного воздушного шара». Для людей — стальная сверхпрочная гондола, способная выдержать давления на самых больших глубинах. Ее будет поддерживать не канат, а резервуар, наполненный жидкостью легче воды. Пикар остановил выбор на бензине.

Но ведь этот поплавок должен иметь прочнейшие стенки, чтобы его не расплющило при погружении?

В том-то и дело, что нет! В цистерну-поплавок Пикар провел полые трубы. По ним внутрь проникала морская вода. При погружении ее давление сжимало бензин. При всплытии, когда давление ослабевало, бензин расширялся, вытесняя воду. Таким образом давление внутри и вне поплавка, непрерывно меняясь в зависимости от глубины погружения, оставалось практически одинаковым. Для изготовления цистерны вполне годились сравнительно тонкие стальные листы.

Чтобы маневрировать в полете на воздушном шаре,

воздухоплаватели могут либо выпустить часть газа — и тогда шар начинает спускаться, либо сбросить часть балласта — и, облегченный, он взмывает вверх.

На своем «подводном воздушном шаре» Пикар предусмотрел возможность слива части бензина и сброс балласта, роль которого выполняла железная дробь.

Да, у стратостата и батискафа оказалось очень много общего.

— Возможно, судьбе было угодно создать это сходство именно для того, чтобы работать над созданием обоих аппаратов мог один ученый, — заметил как-то «профессор вверх-вниз».

Но судьбе не было угодно облегчить труд этого ученого.

Война приостановила постройку батискафа. Помощник Пикара погиб в бою. Ушел на фронт сын.

Когда работы возобновились, правительство Бельгии отпустило деньги при условии, что со швейцарцем Пикаром все права должен разделить бельгиец, физик Козинс. Профессор не всегда ладил с навязанным ему партнером. Однажды, когда батискаф был уже готов, «двоевластие» едва не привело к аварии: Козинс включил автоматическое устройство, не предупредив Пикара, и тяжелая аккумуляторная батарея рухнула, едва не пробив днище судна-базы.

Пробный спуск батискафа на небольшую глубину состоялся в октябре 1948 года. Пикар назвал судно «ФНРС-2», как бы связывая этим названием новое свое детище воедино со стратостатом «ФНРС-1», отмеченным таблицей рекордных полетов в стратосферу.

— Сорок лет я ждал этого момента! — с такими словами взволнованный изобретатель обратился к сидевшему рядом с ним в гондоле профессору Моно.

Биографы Пикара так рассказывают о начале спуска:

«В иллюминатор Пикар и Моно увидели плывущего аквалангиста. Эта картина напомнила им известную иллюстрацию к книге «Двадцать тысяч лье под водой»: в гостиной «Наутилуса» капитан Немо и его гость Аронакс, профессор Парижского музея, наблюдает за плывущим человеком, Никола, ловцом жемчуга с мыса Матапан… Пикар стоял на пути к осуществлению сокровенных мечтаний Жюля Верна, и это было только начало».

А продолжение оказалось достаточно тернистым. При попытках спуска батискафа без людей на большую глубину обнаружились конструктивные недостатки. Кроме того, «ФНРС-2» повредили при буксировке.

Нужны были деньги на постройку усовершенствованного батискафа. Кто мог их дать? Начались переговоры с

командованием военно-морского флота Франции. Пикару посулили деньги, но с условием: он удовлетворится скромной ролью «научного сотрудника», его новый «ФНРС-3» после трех, всего только трех, погружений будет принадлежать французским военно-морским силам.

Когда в 1951 году переоборудование батискафа заканчивалось, Франция назначила ответственным за испытания не его, конструктора, а морского офицера Жоржа Уо.

Позднее Огюст Пикар написал книгу «На глубину морей в батискафе». В посвящении говорилось: «Моему сыну Жаку Пикару в память о его бесценном сотрудничестве, давшем мне возможность создать «Триест» и провести его погружение».

Это не было простым проявлением отцовской любви. Когда «ФНРС-3» стал ускользать от Пикара-старшего, Пикар-младший, экономист по образованию, с энергией молодости взялся помогать отцу и сумел придать делу неожиданный поворот. Именно он нашел в Швейцарии, Италии, а также на свободной территории Триест людей, согласившихся финансировать постройку нового аппарата.

Батискаф, названный «Триестом», испытывали 14 августа 1953 года.

Испытания еще не закончились, когда телеграф принес известие: сегодня, 14 августа, французы Жорж Уо и Пьер Вильям на «ФНРС-3» достигли глубины 2100 метров.

Создатель батискафа не присутствовал при установлении этого рекорда…

Но 30 сентября того же года настал час его торжества. Огюст Пикар вместе с сыном спустился в «Триесте» до глубины 3150 метров.

Итальянские моряки устроили Пикарам встречу, которой удостаиваются только адмиралы.

Однако почести почестями, но для продолжения работ снова требовались деньги. Пикарам не на что было купить хотя бы аккумуляторные батареи. «Триест» бездействовал, между тем как Жорж Уо доказал огромные возможности батискафа Пикара, преодолев на «ФНРС-3» порог 4000 метров.

В это трудное время работами Пикара заинтересовались Соединенные Штаты Америки. Точнее, штаб их военно-морских сил.

На «Триесте» появились американские наблюдатели. Они оценили достоинства аппарата. Неожиданно Пикары получили предложение продать батискаф. Практически у них не оставалось выбора. «Триест», поднятый на борт американского корабля, покинул воды Европы.

Жак Пикар спросил у одного видного специалиста морского флота США, почему американцы не заинтересовались батискафом раньше.

— Когда вы начинали свои погружения, мы еще не знали, что русские так интенсивно начнут заниматься морем, — ответил тот. — А коль скоро русские что-то делают, мы вынуждены догонять, чтобы по возможности обойти их.

В Америке батискаф переоборудовали, готовя к рекордному погружению в котловину Челленджера. Нельзя сказать, чтобы новые хозяева проявили уважение к заслугам Жака Пикара, который последовал через океан за «Триестом». В последний момент его пытались вообще отстранить от участия в спуске, объявив, что экипаж должен состоять из американцев.

Но швейцарец проявил непоколебимую настойчивость, потребовав выполнения заключенного с ним контракта: там оговаривалось, что Жак Пикар имеет право участвовать в погружениях, связанных с «особыми проблемами». Так неужели достижение наибольшей глубины в Мировом океане — не «особая проблема»?!

И Жак Пикар занял по праву принадлежащее ему место в гондоле «Триеста» рядом с Дональдом Уолшем.

Но поднять перед погружением рядом с американским швейцарский флаг ему не разрешили категорически. Пикар взял его в гондолу, куда уже были заботливо уложены… 50 звездно-полосатых флагов!

Швейцарский флаг, как мы знаем, побывал на дне котловины Челленджер.

В 1962 году этим флагом был накрыт гроб с телом профессора Огюста Пикара. Он умер от сердечного приступа во время расчетов нового подводного судна, названного им мезоскафом.

Первопроходец океанских глубин Уильям Биби на три месяца пережил «профессора вверх-вниз». Биби скончался в возрасте 85 лет. Он долго верил, что со временем в морские глубины будут спускаться и подниматься десятки, если не сотни батисфер.

Уильям Биби ошибся. Человек нашел другие пути познания тайн океана.

Но удалось ли все же кому-либо создать подобие «Наутилуса»?

С капитаном Немо сравнивали обоих Пикаров, отца и сына. Их аппараты далеко превзошли «Наутилус» глубиной погружения. Но они спускались и поднимались где-либо в одном месте, действуя как подводный лифт. У них не было той великолепной свободы передвижения, какой Жюль Верн наделил свой

«Наутилус». Батискаф вмещал всего двоих, и люди могли находиться в нем считанные часы, тогда как подводный корабль фантаста был для них домом.

Ко многому обязывающее имя «Наутилус» не раз появлялось на бортах судов. Так назвали, например, слегка переоборудованную военную подводную лодку, которую в 1931 году известные полярные исследователи Джордж Уилкинс и Харальд Свердруп намеревались провести под арктическими льдами к Северному полюсу. При торжественном переименовании бывшей «0-12» в «Наутилус» присутствовал внук Жюля Верна.

Однако этот подводный корабль старой постройки был невероятно тесным и неудобным. По замечанию одного из участников экспедиции, там можно было легко переменить лишь… мнение, но, скажем, перемена белья превращалась уже в дело, требующее акробатической ловкости.

Перед тем как нырнуть под ледяные поля, «Наутилус» потерял руль глубины. Он вообще не мог опуститься под воду! Уилкинс нашел, что для погружения есть единственный надежный способ: набить подводную лодку динамитом и взорвать. Все исследования пришлось производить в надводном состоянии.

Название «Наутилус» перешло позднее к американской атомной подводной лодке, в 1958 году совершившей арктический подледный рейс, который не удался Уилкинсу и Свердрупу. Однако это был поход военного корабля, а не исследовательского судна.

Быть может, по идее одним из судов, наиболее близких к «Наутилусу» Жюля Верна, оказался для своего времени мезоскаф «Бен Франклин».

Жаку Пикару удалось довести до конца дело, задуманное отцом. Мезоскаф был построен и испытан в американских водах, у побережья Флориды, летом 1968 года.

Этот аппарат не предназначался для рекордных погружений. Греческое слово «батис» означает «глубокий», «мезо» — «средний», «срединный», «промежуточный».

Впадин, подобных Марианскому желобу, в Мировом океане не так уж много. А вот глубины от 200 до 700 метров встречаются почти повсюду. Они уже недоступны для аквалангистов, использующих водолазное снаряжение. Для них нужен легкий и достаточно прочный подводный корабль, способный перемещаться и по вертикали, и по горизонтали. Одним из таких кораблей и стал «Бен Франклин».

*

«Мы плыли по течению самой большой морской реки со

своими собственными берегами, рыбами и температурой. Я говорю о Гольфстриме.

Это настоящая река, но течет она среди Атлантического океана. Вода в ней тоже соленая и даже солонее окружающего моря. Средняя глубина ее три тысячи футов, а средняя ширина — шестьдесят миль. В некоторых местах скорость течения достигает четырех километров в час. Неизменность объема ее воды значительнее, чем у всех рек земного шара».

«Гольфстрим, одинаково важный для Америки и Европы, представляет собой широкое поле для исследования, а изучен он сравнительно мало…

В обыденной речи под Гольфстримом по-прежнему подразумевают течение, которое пересекает Северную Атлантику и приносит Западной Европе тепло, полученное им от солнца в экваториальных морях, тепло, позволяющее пальмам расти на юге Англии и пшенице вызревать на севере Норвегии…

Исследование Гольфстрима — это так увлекательно и так актуально! Еще в юности мое воображение, как и воображение тысяч других гимназистов, было поражено этой рекой среди моря…»

Не правда ли, оба отрывка как бы дополняют друг друга, и кажется, будто они написаны одной рукой?

Но первый позаимствован из записок профессора Аронакса, сделанных на борту «Наутилуса» в июне 1868 года, когда капитан Немо погрузил свой корабль в воды Гольфстрима.

Второй принадлежит перу профессора Жака Пикара, по странному совпадению ровно сто лет спустя вознамерившегося погрузить в те же воды свой мезоскаф «Бен Франклин».

Это был уже настоящий подводный дом, пусть не такой просторный и не столь роскошно обставленный, как «Наутилус», но все же достаточно удобный: здесь нашлось место для салона с креслами, небольшой библиотеки, проигрывателя, душа. Каждый из шести членов экипажа имел свой уголок. Почти три десятка иллюминаторов позволяли видеть все, что происходит вокруг судна.

По замыслу Жака Пикара? «Бен Франклин», погрузившись в воды Гольфстрима, должен был выключить свои двигатели и использовать их лишь для небольших маневров. Ему предстояло дрейфовать внутри «реки в океане» с той скоростью, с какой судно понесут струи течения. Мезоскаф становился словно бы частицей Гольфстрима, а ученые получали редчайшую возможность спокойно наблюдать подводную жизнь.

У них были сотни надежных помощников. Мезоскаф буквально начинили самыми совершенными автоматическими

приборами. Уильям Биби, скорчившийся у иллюминатора батисферы и лихорадочно запоминающий форму и окраску неведомой рыбы, мог показаться Жаку Пикару и его сотрудникам человеком другой эпохи.

На мезоскафе действовали эхолоты, глубиномеры, гидролокаторы, подводные телефоны, электронное записывающее устройство, наружные телевизионные и фотографические камеры с лампами-вспышками на случай, если окажется недостаточным свет расположенных в разных местах двух десятков прожекторов.

«Бен Франклин» повел капитан, опытный подводник, а его помощником стал бывший летчик: пульт управления мезоскафа напоминал кабину воздушного лайнера. Кроме самого Жака Пикара, научной работой должны были заниматься океанограф, биолог и инженер, работающий в области… освоения космоса.

Океан и космос?!

Но еще Уильям Биби свой первый отчет о рекордном погружении закончил поэтическими строками, где сравнивал чудесные глубинные области с межзвездными пространствами далеко за пределами атмосферы. Трудно точно сказать, когда именно появилось выражение «гидрокосмос», однако его употребляют все чаще.

Глубины океана, то, что скрыто в его водах, на его дне, равно как и космические дали, много сулят человечеству, и освоение их началось почти одновременно.

В годы, предшествовавшие погружению мезоскафа, советские и американские космические корабли стартовали один за другим. Было очевидным, что приближается время, когда на околоземных орбитах начнут работать космические лаборатории с экипажем, готовым долго находиться вне Земли. «Бен Франклин», отправляющийся в гидрокосмос, отчасти напоминал такую лабораторию: несколько человек должны были жить и работать в непривычном, изолированном от внешнего мира подводном пространстве. Их опыт мог пригодиться и космонавтам.

Мезоскафу Жака Пикара предстояло провести в водах Гольфстрима не день, не два, а 30 дней.

Забегая вперед, скажем, что «Бен Франклин» полностью выполнил программу. Он был подхвачен струями «реки в океане» 14 июля 1969 года у берегов Флориды и, пронесенный ими вдоль Атлантического побережья США, 14 августа поднялся на поверхность к югу от берегов Канады.

Это было вдвойне поразительное путешествие: никаких драматических случаев при всей необычности выбранного способа. Казалось, Жак Пикар сумел все предвидеть и ко всему подготовиться. Наибольшей неожиданностью для него было лишь

почти полное отсутствие в Гольфстриме рыб. А он-то рассчитывал на интересные подводные съемки.

Правда, один раз «Бена Франклина» атаковала огромная мечрыба. Сначала она заглянула в иллюминатор, потом, набрав разбег, метнулась вперед. Раздался сильный удар по стальному корпусу. Но пока бегали за кинокамерой, рыба исчезла!

В другой раз мезоскаф оказался в окружении акул, а однажды к иллюминатору, шевеля щупальцами, прицепился кальмар. Но как далеко этому существу было до тех гигантских спрутов, в страшную битву с которыми вступил поблизости от этих мест экипаж капитана Немо.

Возле мыса Хаттерас, который Жюль Верн назвал родиной смерчей и циклонов, во время плавания «Бена Франклина» тоже зародился очередной циклон «Анна». Но он ушел куда-то в сторону, не причинив никаких неприятностей судну, сопровождавшему мезоскаф на поверхности.

Да, можно сказать, что Жаку Пикару и его спутникам покровительствовала судьба. «Бен Франклин» по заданной программе благополучно опускался на дно и поднимался ближе к поверхности. Экипажу на протяжении 2800 километров пути удалось сделать множество ценнейших наблюдений. «Живя так долго в толще моря, мы смогли узнать его ближе, чем когда-либо», — справедливо заметил руководитель экспедиции. После рейса мезоскафа наука стала гораздо лучше знать Гольфстрим.

Книгу о плавании «Бена Франклина» Жак Пикар назвал «Солнце под водой». Но ведь на мезоскафе не замечали смены дня и ночи, не видели солнечного света?

Автор поясняет: в морях, как и на суше, все живое и всякое движение в конечном счете порождены солнечной энергией. Ветры, волны, штормы, океанские течения вызваны к жизни солнцем.

Солнце — творец множества организмов, которых наблюдали путешественники в толще вод. Солнце дало энергию «Бену Франклину».

Солнце тридцать дней и тридцать ночей всегда было с людьми, не оставляя их и в темной пучине вод.

Американец, с которым разговаривал Жак Пикар, имел все основания сказать, что русские серьезно занимаются морем.

«Наутилус» Уилкинса и Свердрупа не смог погрузиться под ледяной покров. Первое такое погружение удалось советской подводной лодке «Красногвардеец». Позднее, в военные годы, наши лодки совершили свыше ста плаваний подо льдом. А подледный рейс американского судна «Бофиш» — это лишь 1947 год.

Среди подводных атомоходов, первыми проложивших под вечными арктическими льдами дорогу к Северному полюсу, был, помимо американского «Наутилуса», советский «Ленинский комсомол».

Наша страна построила специальную флотилию надводных научно-исследовательских судов во главе со знаменитым «Витязем», который, в частности, с помощью сложной аппаратуры изучал многие глубоководные впадины Тихого океана.

В 1959 году французский журнал напечатал сообщение, вызвавшее большой интерес в научном мире:

«Океанографическая подводная лодка? Но она уже существует! Это советская «Северянка», которая провела свои первые опыты в декабре 1958 года. Большая заслуга Советского Союза в том, что он первый (да, первый!) вышел за пределы обычных океанографических исследований на поверхности вод и предпринял изучение моря в самом море, а не только на море; он предпринял изучение косяков рыб спусками к самим рыбам».

Наши ученые не строили батисфер, но успешно использовали привязные гидростаты или батистаты. От аппарата Биби и Бартона они отличались цилиндрической формой и, что гораздо важнее, способностью самостоятельно, без троса, всплывать в случае аварии. Правда, гидростаты использовались главным образом для изучения рыбных богатств и не опускались на рекордные глубины.

Когда Пикары готовили покорение впадины Челленджер, в морских водах было испытано «летающее блюдце» — небольшой аппарат для самостоятельного плавания на глубинах до трехсот метров. Сконструировал его один из изобретателей акваланга Жак-Ив Кусто.

В 1984 году Кусто был гостем Советского Союза, и телевидение познакомило нас с одним из самых неутомимых путешественников, чья стихия — океан и река. На своем судне «Калипсо», снабженном «летающим блюдцем», воздушным шаром, который в случае нужды заменяется вертолетом, Кусто за полвека

прочертил своими маршрутами оба полушария. Он огибал мыс Горн и входил во льды Берингова пролива, плавал у берегов Антарктиды и полтора года провел на Амазонке.

В его планах — экспедиция на Северный полюс и кругосветное путешествие на «Ветряной мельнице» — так назвал он свое новое судно с турбопарусами особой конструкции, использующими силу ветра.

Жак-Ив Кусто — убежденный и непримиримый борец за чистоту природной среды, автор многих печатных работ, в том числе знакомых нашему читателю увлекательных книг «В мире безмолвия» и «Живое море».

В свое время Кусто построил «подводный дом», помогающий бороться с так называемой кессонной болезнью.

Когда при погружении водолаз дышит сжатым воздухом, организм как бы впитывает из него азот, а при использовании во время глубоких погружений особой смеси гелия и кислорода — гелий. От этого «насыщения» можно избавиться лишь постепенно. При медленной, плавной смене давления кровь приносит азот или гелий к легким, при выдыхании они уходят. А резкая перемена давления, быстрый подъем на поверхность вызывает появление пузырьков газа в тканях и крови. Они закупоривают кровеносные сосуды, в результате этого «вскипания крови» — тяжелые обмороки, а то и гибель человека от кессонной болезни.

Но выяснилось, что если не изменять давление, то люди могут довольно долго переносить насыщение газом без вреда для себя. Как, однако, создать такие условия? Вот если бы водолаз, поработав в глубине, мог, вместо того чтобы подниматься на поверхность, снять костюм в каком-то подводном доме, где поддерживалось давление, испытываемое им под водой…

Такой «дом» Кусто и построил. Водолазы жили в нем, выходя для работы и возвращаясь назад. Декомпрессия, длительный переход к нормальному давлению, требовался лишь при подъеме на поверхность.

Советский подводный дом был назван «Черномором». Однажды подводный экипаж провел в нем свыше 50 дней.

Позднее наши конструкторы создали много аппаратов для подводных исследований. Среди них — буксируемый аппарат «Атлант», вмещающий двенадцать человек, глубоководная лаборатория «Бентос-300», подводный вертолет «ОСА-3», приспособленный для работ на дне подвижный «Аргус».

Человеку удалось наконец проникнуть в подводный мир глубочайшего пресного водоема земного шара. «Славное море, священный Байкал» принял в свои удивительно прозрачные воды сразу два аппарата «Пайсис».

В 1977 году один из «Пайсисов» опустился на дно озера в том месте, где глубина оказалась равной 1410 метрам — больше, чем при рекордном океанском погружении Биби, больше, чем при более позднем рекордном спуске Бартона в реконструированной батисфере.

После донной разведки Байкала аппараты десятки раз спускались на разные глубины. Предстояло решить давние споры, проверить многие гипотезы.

Байкал давно интересовал океанологов. Его впадины-рифы похожи на океанские. Крутые спуски берегов прорезаны узкими каньонами. По мнению ученых, они могут быть связаны с разломами земной коры.

Результаты наблюдений тщательно изучаются. Это работа длительная, кропотливая. Но вот предварительное мнение участников Байкальской экспедиции Института океанологии Академии наук СССР: «Да, Байкал — это не просто озеро, не просто впадина. Это арена борьбы могучих подземных сил внутри континента. Там продолжаются тектонические процессы».

Мы все знаем, что первой женщиной, проникнувшей в космос, была Валентина Владимировна Терешкова.

Но мало кто помнит, что первой в мире женщиной, совершившей глубоководное погружение в гидрокосмос, также была наша соотечественница. Доктор физико-математических наук Валерия Алексеевна Троицкая во французском батискафе «Архимед» спускалась на глубину 2600 метров и полсуток занималась там измерениями, связанными с магнитным полем Земли.

Не одно лишь золото…

Английские ученые подсчитали, что за исторический период в морях и океанах земного шара затонуло около миллиона судов.

Слишком много? Но подумайте о потерях флота во время бесконечных войн, которыми так насыщена история человечества. А ведь в мирное время от разных причин гибнет примерно одно судно из сотни.

На погибших кораблях ушли под воду бесценные сокровища — от золотых слитков до полотен Рембрандта. Многое утеряно безвозвратно: разбито волнами, разъедено ржавчиной, испорчено обитателями глубин. Но искателей подводных кладов всегда привлекали прежде всего золото, драгоценности, а они-то как раз хорошо сохраняются в морской воде.

Американцы издали справочник для подводных кладоискателей, в котором указали места гибели полутора тысяч кораблей, на борту которых находились сокровища, оцениваемые примерно в полмиллиарда долларов.

Долго думали, что особенно много золота находилось на одном из затонувших кораблей Непобедимой Армады, огромного флота, который испанский король Филипп II в XVI веке отправил для покорения Британии. Это сокровище искали три столетия. Однако водолазам удалось извлечь на поверхность пушки, ядра, ружья, листы олова и лишь несколько пригоршней золотых монет.

В действительности самый драгоценный груз опустился в пучину вместе с подорвавшимся в 1917 году на немецкой мине британским судном «Лаурентик». Этот корабль вез 43 тонны золота! Сегодня подводных кладоискателей «Лаурентик» уже не интересует: почти все драгоценные слитки давно подняты специальной экспедицией.

Если говорить об отдельных группах охотников за сокровищами, то их особенно воодушевляет пример американцев Вагнера и Фишера, доставших из-под воды золота почти на миллион долларов. Это произошло у берегов Флориды, где, как уверяют, в некоторых местах «дно усыпано монетами». Ведь именно там проходил «великий золотой путь», по которому корабли владычествовавшей в Новом Свете Испании везли сокровища к родным портам.

Свирепые бури часто трепали парусные галеоны. Однажды — это было в 1553 году — погиб весь огромный морской караван вместе с грузом серебра и людьми. А кроме штормов, испанцам постоянно угрожали пираты, укрывшиеся в архипелагах возле «великого золотого пути».

Одна из сенсаций — попытка овладеть сокровищами знаменитого лайнера «Титаник», затонувшего в 1912 году после столкновения с айсбергом. Гибель «Титаника», унесшая 1517 человеческих жизней, останется одной из наиболее трагических катастроф на море.

Предприимчивые дельцы установили колоссальную стоимость драгоценностей, которые были сданы на хранение в судовой сейф.

«Титаник» лежит на большой глубине, и долгое время попытки обнаружить его были тщетными. Но в 1985 году мир увидел на страницах газет снимки погибшего гиганта, сделанные специальным глубоководным аппаратом.

Можно ли поднять «Титаник», покоящийся под четырехкилометровой толщей воды, или хотя бы тщательно обследовать его — покажет будущее. Пока сделана лишь первая разведка.

А вот другая подводная операция вполне удалась.

Английский крейсер «Эдинбург» вышел в апреле 1942 года из Мурманска. На его борту находилось свыше пяти тонн золота — плата Советского Союза за военные поставки для фронта.

Крейсер был торпедирован фашистскими подводными лодками. Оставшихся в живых 750 английских моряков подобрали и доставили в Мурманск.

«Эдинбург» пролежал на дне Баренцева моря почти сорок лет, когда по договору между Советским Союзом и Великобританией начались поисковые работы. Особая трудность была в том, что золото находилось рядом с неразорвавшимися снарядами, бомбами, боеприпасами. Были отобраны лучшие водолазы. Они трудились на глубине 260 метров. И однажды на спасательном судне услышали взволнованный возглас:

— Я нашел золото! Я нашел его!

Постепенно были извлечены 430 слитков. Получила вознаграждение фирма, руководившая работами, а остальное золото разделили так: одна треть — Великобритании, владелице крейсера, две трети — Советскому Союзу.

С давних пор искатели кладов, движимые лишь стремлением к наживе, наносили непоправимый урон науке. Разграбленные пирамиды и гробницы Египта, опустошенные развалины городов междуречья Тигра и Евфрата, развороченные курганы степей Причерноморья — дело их рук. Археологи приходят в отчаяние, убедившись, что бесценные памятники древней культуры разрушены теми, кого привлекает лишь блеск золота и ничего больше.

Давняя вражда между кладоискателями и учеными теперь обостряется и в морских глубинах.

Под воду археология шагнула недавно. Здесь ее бурным успехам способствовал акваланг. Но и до этого важного изобретения удавалось кое-что сделать с помощью ныряльщиков и водолазов. Они первыми обследовали, например, найденный в начале века у берегов Туниса корабль, затонувший около тысячи лет назад. На нем оказались мраморные колонны и статуи, видимо вывезенные из Древних Афин одним из римских

диктаторов.

В нашей стране энтузиастом подводной археологии был профессор Рубен Абгарович Орбели. Романтик и мечтатель, он говорил:

— Подумайте о кладбищах кораблей на дне морей и океанов. А таинственная Атлантида? Легендарный остров, который населяло могучее племя атлантов? Древние греки утверждали, что после страшного землетрясения Атлантида опустилась на морское дно. Вот поднять бы образчики ее искусства, утварь…

Высокую фигуру профессора с развевающимися седыми волосами чаще всего видели на побережье Черного моря. Здесь человек жил с давних времен. На черноморских берегах обитали загадочные киммерийцы, разбивали шатры скифы, селились древние греки, шагали римские легионеры.

Море отступало и наступало. Ушли под воду развалины приморской части Херсонеса, существовавшего еще до нашей эры. Профессор Орбели «нащупал» их. Ему удалось обнаружить часть затопленных портовых сооружений древней Ольвии, города, в котором бывал «отец истории» Геродот.

Из прибрежного яра на Буге Орбели извлек остатки выдолбленного челна, одного из древнейших судов, найденных на территории нашей страны. Перед войной он наткнулся в Крыму на следы затопленной пристани скифо-тавров, упомянутой в сочинениях древних греков.

Война прервала работу подводного археолога. Профессору Огюсту Пикару она помешала вовремя достроить батискаф. Профессору Рубену Орбели стоила жизни: голодная блокадная зима Ленинграда подорвала его силы, весной 1943 года он скончался.

Сегодня подводной археологией в Советском Союзе и во многих странах мира занимаются тысячи исследователей. Множество интересных изделий извлечено с затонувших кораблей. Среди них — статуи, амфоры для вина, кубки. Изделия, пролежавшие под водой две тысячи лет, уже не относятся к числу редких находок.

Подняты со дна морей целые корабли, в том числе корабли викингов. К сожалению, самое древнее из всех обнаруженных до сих пор судов оказалось почти полностью разрушенным. Оно затонуло возле нынешнего побережья Турции еще в бронзовом веке.

Продолжаются поиски затонувших городов. Особенно много открытий сделано в Средиземноморье, где, по словам Цицерона, в его время города располагались вокруг моря, как лягушки вокруг пруда.

Подводные археологи работают сегодня на берегах Атлантики у побережья Соединенных Штатов Америки, в Мексике, на Балтике. Можно думать, что «Археонавт», первое судно, построенное специально для археологических подводных поисков, вызовет появление целой флотилии подобных судов: интерес к древностям растет во всем мире год от года.

Черноморье, подарившее интересные открытия профессору Орбели, радует теперь его последователей. Древние рукописи сохранили упоминания о расположенном в Колхиде городе Диоскурия. Ее описывал в I веке до нашей эры географ Страбон. Потом, как свидетельствуют римские историки, на месте Диоскурии возникла крепость Себастополис. Однако никаких следов этих древних поселений обнаружить не удавалось, и историки были склонны считать, что они — миф.

Теперь установлено: Диоскурия и Себастополис существовали. Их развалины найдены подводными археологами в водах бухты неподалеку от Сухуми. Там собран богатый «урожай» древностей, начиная от античных барельефов и кончая посудой. Себастополис погиб, видимо, в конце III века нашей эры, когда произошел огромный оползень.

В Керченском проливе исследованы скрытые водой развалины древней Фанагории.

Подводная археология — молодая наука. Но на международных конгрессах уже обсуждают дерзкие планы проникновения в тайны далекого прошлого человечества, которые пока еще скрыты во мраке глубин.

Эра океана

«С сожалением приходится признать, что сегодня поверхность океанского дна известна нам хуже, чем поверхность далекой Луны», — говорил океанограф Андрей Сергеевич Монин.

Океанские бездны… Сколько сулят они смелому подводному путешественнику и вдумчивому исследователю! Каких увлекательных приключений и замечательных открытий можно ожидать там! Где еще на нашей старой планете остается столько

неведомого, загадочного?

Однако ученые, которые считают наше время не только космической эрой, но и эрой океана, видят в изучении гидрокосмоса, помимо привлекательности открытий, прямую, насущную необходимость для человечества. «Будущее — океан», — утверждают они. Так и озаглавил свою книгу французский ученый Клод Риффо, доказывающий, насколько освоение ресурсов Мирового океана становится необходимым для удовлетворения потребностей человека.

Но ведь моря и океаны всегда кормили людей. В некоторых странах морская рыба постоянно на столе — и к завтраку, и в обед, и на ужин. Это вовсе не будущее, так было уже тысячелетия назад.

Однако население земного шара растет, а рыбы в морях все меньше. Спасая океан от оскудения, пришлось ограничить или вовсе запретить добычу некоторых рыб и морских животных.

Будущее — в новом, более разумном, научном подходе к использованию даров моря.

С чего начинать? С борьбы против загрязнения Мирового океана. Никому не придет в голову рассыпать ядовитые вещества там, где пасутся стада овец или коров. Но в океан, где пасутся стада рыб и морских животных, сбрасывают вредные для них промышленные стоки. Проникая в ткани рыб, ядовитые вещества возвращаются на стол человека в рыбных блюдах.

Итак, беречь океан, сохранять его «урожайность»! И искать, что он может дать нам еще.

Врач Ален Бомбар, за 65 дней пересекший Атлантический океан на маленькой резиновой лодке «Еретик», умышленно «забыл» запастись водой и продовольствием. Он мог бы взять с собой спиннинг, но взял бечевку и самодельный крючок.

Бомбар доказал, что человек, оказавшийся за бортом судна, может выжить, питаясь дарами океана. В некоторые дни в его рационе был планктон, мелкие животные и растения, которыми кормятся рыбы. Это, конечно, невкусно. Но ведь люди отплевывались когда-то, впервые попробовав картофель или томаты.

К слову «акваланг» мы давно привыкли. А вот «аквакультура» — это что-то новое. Означает же оно преумножение богатств океана: искусственное разведение рыб, креветок, некоторых видов водорослей.

Мировой океан занимает примерно 71 процент поверхности нашей планеты.

В нем 97 процентов мировых запасов воды. Еще 2 процента — льды Антарктиды и Гренландии. Только около 1 процента —

запасы пресной воды, непосредственно пригодной для использования.

Потребность в пресной воде растет год от года. Здесь будущее в опреснении части соленых вод океана. Путь найден. Атомный опреснитель действует в городе Шевченко на берегу Каспийского моря.

В Мировом океане колоссальное количество золота. Нет, не на дне, не в трюмах затонувших кораблей — в обыкновенной морской воде. Каждый ее кубический километр содержит до 6 тонн золота. Значит, во всех морях и океанах Земли — триллионы тонн драгоценного металла. Но как его извлечь? Разработанный способ, увы, фантастически дорог.

Морская вода содержит также серебро, медь, марганец, цинк, йод, магний, хлористый натрий (его запасы поистине неисчислимы, и человечеству нет оснований опасаться нехватки поваренной соли). Но пока что из шестидесяти с лишним элементов, растворенных в морской воде, успешно добываются магний, бром, немного калия и кальция. Ну и кроме того, океан уже снабжает солью примерно треть населения земного шара.

Сегодня много говорят о континентальном шельфе. Это материковые отмели, выровненная морем подводная окраина материка. Тут как бы приграничная зона: одинаковое с сушей геологическое строение и сравнительно небольшие глубины, доступные человеку.

Именно материковые отмели издавна привлекали рыбаков и охотников на морского зверя. Затем они заинтересовали геологов. При подводном бурении нашли нефть и газ, а также алмазы, золото, олово, железо. Уже сегодня на континентальный шельф приходится почти треть мировой добычи нефти, причем эта доля растет год от года.

Наша страна одной из первых начала строить морские нефтепромыслы. Воздвигнутый на металлических опорах в Каспийском море городок Нефтяные Камни существует уже четвертое десятилетие.

А дно на больших глубинах, что обещает оно морскому геологу?

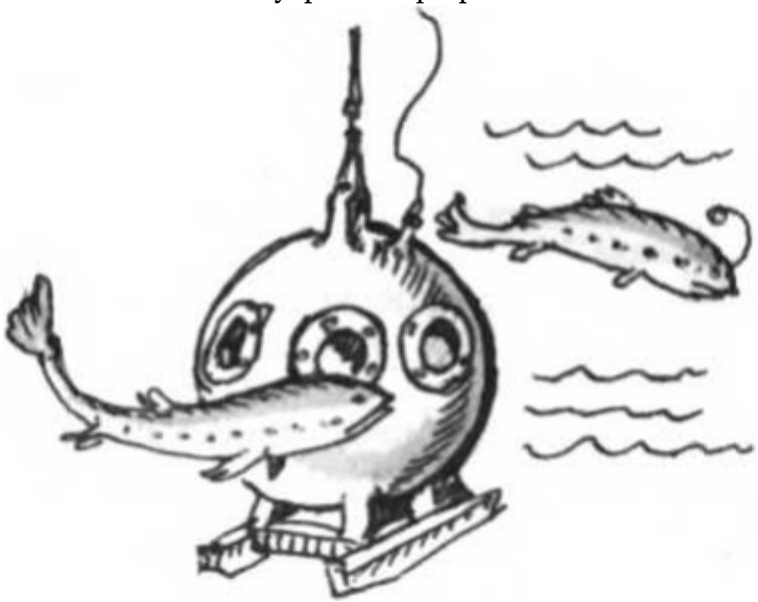
Прежде всего — марганец. На дне океана обнаружены так называемые марганцевые конкреции, или рудные зерна. Они покрывают огромные пространства, в них, кроме марганца, содержатся железо и полиметаллы. Запасы поразительны: триллионы тонн.

Извлекать рудные зерна на поверхность для переработки удается лишь специальным судам.

Тем не менее уже разрабатываются смелые проекты

подводных рудников. Есть проекты подводных и полуподводных городов, в которых могли бы жить люди, занятые добычей донных богатств или морскими промыслами.

И все это — в работе, все это — сегодняшний день. А сначала были люди, чье воображение подстегнули романы Жюля Верна, скрючившиеся фигуры у раскачивающегося в бездне иллюминатора батискафа, рискованные рейсы «Северянки», путешествие отважных внутри Гольфстрима…



Гибель "Италии"

Летом 1978 года корреспондент ТАСС передал из Италии сообщение, которое было напечатано многими газетами:

«Вчера вечером в Риме в возрасте 93 лет скончался известный итальянский полярный исследователь, генерал в отставке Умберто Нобиле».

В конце короткой справки о жизненном пути генерала упоминалось, что в 1946 году он избирался депутатом учредительного собрания Италии по списку коммунистической партии.

Ровно за пол века до появления заметки из Рима, летом 1928 года, в советской печати была напечатана корреспонденция «Крестовый поход Нобиле».

Вот отрывки из нее:

«Мы хотим подвести итоги авантюрного предприятия итальянца фашиста Нобиле… Он мечтал покрыть Северный полюс фашистской славой и славой папы римского… И вот, вместо того чтобы «пожинать лавры», Нобиле добился, что все газеты мира закричали: «Кто будет судить Нобиле?»

Правды мы не узнаем, потому что судить фашиста Нобиле будет фашист Муссолини».

Две заметки разделяют пять десятилетий — и каких бурных, менявших судьбы людей.

Летом 1928 года имя Умберто Нобиле повторял весь мир. К этому времени Нобиле успел узнать, что такое слава и как она изменчива.

Его называли в числе наиболее известных полярников. В дни укрепления власти диктатора фашистской Италии Бенито Муссолини Нобиле уже был генералом, одним из самых молодых и блистательных. Свою последнюю большую экспедицию он начал под флагом страны, откуда яд фашизма постепенно растекался по Европе.

Экспедиция на дирижабле «Италия» должна была стать триумфом Нобиле. Она принесла ему поражение.

Страсти вокруг нее не утихали дольше, чем вокруг многих других экспедиций двадцатых годов нашего века, хотя катастрофа «Италии» не была событием исключительным. Дирижабли гибли до нее, гибли и позднее, причем с более тяжелыми жертвами.

Главное было в том, что споры вокруг трагедии «Италия» с самого начала не сводились лишь к тому, как должны и как не должны поступать люди при чрезвычайных обстоятельствах.

Уже тогда, в 1928 году, Арктика столкнула и как бы выверила две силы. Одна еще не успела окрепнуть. Другая только зарождалась. Но уже в те времена их противоборство заставило людей о многом поразмыслить, породив надежды и тревоги.

Фашизм в Италии начал открыто устанавливать диктатуру, насаждать свою идеологию в 1926 году. Черты этой идеологии, антигуманной, способной превратиться в человеконенавистническую, уже обозначились во время событий, связанных с гибелью «Италии». И эти же события дали миру

новые доказательства нравственной силы, высокой гуманности Страны Советов.

Несколько лет спустя после войны, после разгрома фашизма, интерес к давней драме возник вновь. Появилось желание по-новому осмыслить былое. В 1970 году вышел на экраны фильм «Красная палатка», где предлагалось свое истолкование событий и характеров, принятое, однако, далеко не всеми.

Мне экспедиция Нобиле памятна на всю жизнь. В год, когда погибла «Италия», я оканчивал школу. На пороге самостоятельной жизни впитываешь окружающий мир, «примеривая» для будущего поступки и дела тех, о ком много говорят и пишут, восторгаясь ими или отвергая их.

Полет «Италии», катастрофа, спасательные операции поразили юношеское воображение. Мне посчастливилось позднее встречаться с участниками этих операций. В 1948 году, к двадцатой годовщине драмы в Арктике, я написал о ней рассказ. Он пронизан тем восприятием событий, которое в 1928 году было свойственно многим. Вновь обращаясь теперь к старой теме, хочу прежде всего передать атмосферу полузабытых дней. Потом вернусь к тем же людям и их поступкам, чтобы оглядеть их глазами нашего современника.

*

В середине двадцатых годов школьники увлекались изготовлением детекторных приемников-самоделок. В колпачок от зубной пасты впаивали кристаллик галена и, осторожно водя по нему острием тонкой стальной проволоки, искали точку наилучшей слышимости. Качество приема зависело от тщательности сборки в остальных узлах приемника, в частности катушек вариометров. Радиолюбителям же недоставало терпения, и большей частью в наушниках слышался противный треск. Так обстояло дело и у меня.

Можно представить, какой шум поднялся у нас в школе, когда мы узнали, что безвестному радиолюбителю Николаю Шмидту в северном селе Вознесенье-Вохмы удалось поймать сигналы бедствия с пропавшего без вести дирижабля «Италия».

В те дни Арктику слушали многие радиостанции мира. Слушали безуспешно. «Италия» замолкла, думали — навсегда.

А он, комсомолец Николай Шмидт, самодельным приемником выловил среди попискиваний и потрескиваний, переполнявших эфир, волнующие слова:

«Италия… Нобиле… Франца-Иосифа… SOS… SOS…»

Позже выяснилось: не «Франца-Иосифа», а «Фойн» и «цирка», что означало: около острова Фойн, а не возле Земли Франца-Иосифа, как подумали в первый момент.

Но это казалось уже не столь важным. Важно было: кто-то из экипажа «Италии», быть может даже весь экипаж, по которому были готовы служить заупокойные мессы, терпит бедствие во льдах.

И пронеслось по миру: на помощь, люди! На помощь!

Для сибирского города — а я думаю, что так было и по всей стране — именно с этой минуты чужая трагедия приблизилась к дому, заставляла утром с нетерпением ждать газету — ведь тогда мало кто мог слушать радио — и прежде всего искать известий из Арктики.

Как все представлялось тогда мне, моим сверстникам, окружавшим нас взрослым?

Экспедиция на дирижабле «Италия» была полусекретной. Ее начальник дал будто бы самому Муссолини подписку: без разрешения свыше ничего не сообщать газетам ни до, ни после полета.

Весной 1928 года «Италия» прилетела на Шпицберген. Туда же пришло судно «Читта ди Милано», которое должно было поддерживать с дирижаблем связь и в случае нужды поспешить ему на помощь.

Главной целью «Италии» был Северный полюс. Нобиле уже побывал один раз у макушки земного шара. В 1926 году дирижабль «Норге» пролетел над ней, проложив путь от материка к материку, от Скандинавии до Аляски.

«Норге»? «Норвегия»? Да, хотя Нобиле был конструктором и строителем этого дирижабля, а во время полета — его капитаном, славу с ним по праву разделил норвежец Руал Амундсен, руководитель экспедиции, знаменитейший из знаменитых полярников.

Экспедиция «Норге» была снаряжена с помощью американского богача Элсуорта, который, в отличие от многих подобных меценатов, не только давал деньги, но и делил риск с исследователями. Он был на дирижабле во время исторического полета.

Когда «Норвегия» оказалась над Северным полюсом, с ее борта первым полетел вниз норвежский флаг.

Вторым воткнулось в лед алюминиевое древко американского звездно-полосатого флага, сброшенного Элсуортом.

Итальянский флаг, скользнувший вниз из рук Нобиле, был последним.

На борту «Норвегии» находилось восемь скандинавов, шестеро итальянцев, а радистом должен был лететь русский, Геннадий Олонкин, спутник Амундсена в плавании вдоль берегов Сибири, но в последнюю минуту болезнь помешала ему подняться

на борт дирижабля.

И вот два года спустя честолюбивый Нобиле снарядил экспедицию, чтобы не делить славу с кем-либо из знаменитых полярников.

Было известно, что после полета «Норвегии» он поссорился с Амундсеном. Уже одно это бросало на него тень. Из-за чего могла произойти ссора? Наверное, Нобиле завидовал Амундсену.

Перед полетом «Норвегии» тот сам великодушно предложил Нобиле пост капитана, хотя опытные воздушные навигаторы, притом знакомые с Арктикой, были и среди норвежцев. Нобиле же набрал команду «Италии» преимущественно из итальянцев. Он сделал исключение лишь для двух человек. В помощь итальянскому ученому Понтремоли пригласил крупного чешского физика Бегоунека. Вторым был швед Мальмгрен, который проявил себя исключительно способным метеорологом во время полета «Норвегии». В Италии не нашлось кандидата, хотя бы приблизительно равного ему.

Муссолини, по слухам, был недоволен выбором Нобиле, но тот убедил «дуче» (вождя), что в Арктике, этой кухне погоды, без хорошего метеоролога на борту риск увеличивается вдвое, втрое.

После двух пробных полетов со Шпицбергена «Италия» стартовала к полюсу. Наполненная легким газом полужесткая оболочка уносила две гондолы, поддерживаемые стальными канатами. В них находилось шестнадцать человек.

Погода была сравнительно неустойчивой. «Италия» медленно продвигалась на север. Дул резкий ветер. Когда дирижабль достиг Северного полюса, началась заранее продуманная торжественная церемония. Помимо флагов Италии и города Турина, откуда дирижабль отправился в рейс, серая равнина льдов должна была принять осторожно спускаемый на длинном тросе тяжелый дубовый крест. Его освятил сам папа римский.

Помню, всех нас особенно возмущало упоминание об этой церемонии. Рвет ветер, дорога каждая минута, надо немедля спешить назад, а «Италия» два часа кружилась над полюсом! Рисковать всем ради дубового креста! Зачем вообще нужно было тащить эту тяжесть на дирижабле, где стараются не брать с собой ничего лишнего?

На обратном пути от полюса «Италия» внезапно замолкла. Ни сигнала тревоги, ни координат того места, где дирижаблю, видимо, стала угрожать какая-то неведомая опасность.

Что могло случиться?

Удар о лед, внезапный и неотвратимый? Или взорвались моторы, и дирижабль рухнул, объятый пламенем, не успев послать в эфир SOS, три буквы международного сигнала

бедствия?

Как я уже говорил, мне хочется правдиво передать свое живое ощущение тех дней. Конечно, у нас много говорили о Нобиле и его исчезновении. Но без большого сочувствия. Все-таки беда случилась с фашистом. Хотя фашисты в те годы еще не казались теми, кем они действительно были. Обычно перед началом сеансов в кино выступали куплетисты. Помню глупейшую песенку, которая начиналась словами: «Ходят по улицам фашисты, к дамам они пристают». А они в это время уже расправлялись с рабочими, с коммунистами, уже действовали фашистские трибуналы…

Да, не вызывал у нас особенного сочувствия фашистский генерал Умберто ди Винченцо Нобиле.

Что же случилось дальше, после того как радиолюбитель Николай Шмидт, поймав сигнал бедствия, встревожил мир?

Спасательные операции начались вслед за потерей связи с «Италией». Однако начались довольно вяло и без большой надежды на успех, поскольку не было известно, где искать и уцелел ли кто-либо при катастрофе.

Сигнал, пойманный советским радиолюбителем, подхлестнул всех. Установили связь с лагерем Нобиле. Выяснили первые подробности. «Италия» ударилась о лед. Один человек был убит, трое ранены. На месте катастрофы осталось девять аэронавтов. Судьба остальных, унесенных вместе со взмывшим после удара дирижаблем, неизвестна.

В спасательных операциях, кроме корабля «Читта ди Милано», приняли участие итальянские летчики Пенцо и Маддалена, а также отряд альпийских стрелков с собачьими упряжками. Утверждали, будто «дуче» сказал: итальянцев должны спасти только итальянцы и никто другой. Других было много — шхуны и китобойные суда, всего около двух десятков кораблей, в том числе крейсер и почти столько же аэропланов. Но все они действовали вразнобой.

И всюду говорили: «Где же Амундсен? Вот если бы он взял все в свои руки! Или Нансен? Больше некому».

Но Муссолини решительно не пожелал, чтобы какой-нибудь иностранец, тем более Амундсен, руководил спасением итальянцев.

А затем произошли два события, совершенно разные по значению, но навсегда наложившие отпечаток на трагедию «Италии».

Руал Амундсен на самолете «Латам» вылетел к лагерю итальянцев и пропал без вести.

Шведский летчик достиг места, где стояла красная палатка

потерпевших аварию, сумел сесть на льдину и вывез единственного человека.

Этим единственным был Умберто Нобиле.

По давним традициям капитан покидает гибнущее судно последним. Льдина, которую быстро подтачивало летнее солнце, была не более надежным пристанищем для людей, чем терпящий бедствие корабль.

Но чего же, рассуждали мы, можно было ожидать от фашистского генерала? Пусть придумывает себе какое угодно оправдание. Факт остается фактом: бросил, улетел, удрал.

А пока мир восхищался благородством Амундсена и порицал недостойное поведение Нобиле, стало известно, что наша страна успешно осуществляет свой план спасения оставшихся на льдине итальянцев и поисков экипажа «Латама». Осуществляет с редким и совершенно неожиданным для капиталистического мира размахом.

Вот примерно в каком свете представлялось дело многим из тех, кто летом 1928 года нетерпеливо ждал новостей из Арктики. Я рассказал об этом, чтобы лишний раз напомнить: оценка иных событий требует проверки временем, а знание всей суммы фактов порой опровергает сложившиеся представления.

*

Катастрофа произошла 25 мая в 10 часов 30 минут.

Полет дирижабля к полюсу был третьим его арктическим рейсом. Во время пробных, из которых второй длился почти трое суток и проходил над малоисследованными районами Арктики, «Италия» показала хорошие навигационные качества.

Роковой полет начался 23 мая в предутренние часы. Попутный ветер подгонял дирижабль, моторы которого позволяли развивать скорость до восьмидесяти километров в час.

Вскоре после полуночи «Италия» достигла полюса. В мае здесь не бывает ночной тьмы, но на этот раз незаходящее солнце скрыла серая мгла. Ее не мог разогнать все усиливающийся порывистый ветер.

«Италия», спустившись как можно ниже, два часа кружилась над полюсом. Но это время было занято не только церемонией с флагами и крестом. По первоначальным замыслам на лед для научных наблюдений должны были спуститься люди. Предполагалось, что на полюсе они пробудут неделю, а затем дирижабль вернется и снимет их.

План спуска выглядел весьма рискованным. И наверное, не стоило терять много времени, чтобы убедиться в его полной неосуществимости при порывистых шквалах, с которыми спорил дирижабль.

Для возвращения с полюса было два пути. По ветру к берегам Канады. Против ветра — к Шпицбергену, через совершенно неисследованные области, где могли оказаться острова, до той поры не нанесенные на карту.

Нобиле по совету Мальмгрена выбрал Шпицберген.

Обратный путь был исключительно тяжелым. Переутомленный экипаж допустил несколько ошибок. Однажды заело рулевое управление, и дирижабль едва не врезался в торосы. Временами начиналось обледенение. Кусочки льда, срываясь с крутящихся пропеллеров, пробивали ткань оболочки. Ее то и дело заклеивали.

С борта для «Читта ди Милано» была отправлена последняя радиограмма:

«Подтвердите радиопеленг, есть сомнения, подтвердите радиопеленг. Нобиле».

Сомнения были вполне обоснованными. Как оказалось позднее, экипаж «Читта ди Милано» давал дирижаблю ошибочный ориентир и вообще небрежно следил за полетом.

Сама катастрофа произошла с непостижимой быстротой. Возможно, сразу началось сильное обледенение всей оболочки. Даже тончайший слой льда на большой поверхности резко отяжелил дирижабль.

Испуганный возглас рулевого — и Нобиле бросился к высотомеру. Стрелка быстро крутилась. «Италия» падала!

Нобиле в отчаянии пытался выровнять воздушный корабль, чтобы ослабить удар. Едва успели выключить моторы, предотвращая взрыв и пожар.

Последующие секунды профессор Бегоунек описал так:

— Задний мотор ударился о лед. Моторная гондола оторвалась, и находившийся в ней моторист Помелла погиб.

Облегченная корма поднялась, наступила очередь носовой части. Командирская гондола натолкнулась на ледяную глыбу, подскочила и с ужасающим грохотом потащилась по глубокому снегу.

Дно гондолы не выдержало. Люди вывалились на лед — в противном случае их могло бы раздавить.

Нобиле вспоминал о тех же секундах:

— С ужасным отвратительным треском гондола коснулась льда… Я ударился обо что-то головой и сразу ощутил, как какая-то тяжесть наваливается на меня и давит со всех сторон. Ясно почувствовал: что-то сломалось во мне. В это время на мою спину упал тяжелый предмет, опрокинул меня, и я полетел вниз головой. Инстинктивно закрыл глаза, и в голове молнией пронеслась мысль: «Теперь всему конец».

Нет, это не было концом для тех, кто вывалился из разбитой передней гондолы.

Трое — Нобиле, механик Чечиони и Мальмгрен — были ранены. Тяжелее всех — Нобиле: переломы руки и ноги, повреждение головы. Остальные — Бегоунек, офицеры Вильери, Цаппи и Мариано, радист Биаджи, инженер Трояни отделались ушибами.

На лед вывалилось то, что было приготовлено для спуска десанта, в том числе палатка. Позднее ее окрасили в красный цвет, чтобы она была заметнее с воздуха. Удалось собрать сравнительно много продовольствия — при жесткой норме его могло хватить на восемьдесят дней. Однако сильно урезать порции не пришлось: вскоре Мальмгрен подстрелил белого медведя.

Самое же главное: из разбитой гондолы в числе прочего вывалился небольшой запасный радиопередатчик. Биаджи взял его на борт тайком, вопреки запрещению Мариано, заместителя начальника экспедиции.

А что же сталось с другими членами экипажа?

После удара о лед, когда отвалилась гондола, облегченный дирижабль поднялся в воздух. Подчиняясь ветру, он медленно уплыл на восток, унося шесть аэронавтов во главе с Алессандрини.

Оставшимся на льду запечатлелась фигурка человека, который словно хотел спрыгнуть с уносимого дирижабля, но не решился.

Некоторое время спустя за чертой горизонта, где скрылась искалеченная «Италия», поднялся высокий столб серого дыма.

Взрыв? Или сигнал, который унесенные, в свою очередь спустившись на лед, подавали своим товарищам?

Всего через несколько часов после катастрофы Биаджи, смастерив антенну из обломков гондолы, начал посылать в эфир сигналы бедствия.

Мир ничего не знал об «Италии», пока вечером 3 июня Николай Шмидт не поймал волну передатчика Биаджи.

Вот самая сжатая хроника дальнейших событий.

Первая комиссия по оказанию помощи экспедиции Нобиле была создана в Советском Союзе всего через три дня после того, как прервалась связь с «Италией».

Когда радиолюбитель принял сигнал бедствия, в комиссию немедленно привлекли крупных специалистов-полярников, и она разработала план спасения попавших в беду.

Тем временем удалось установить постоянную радиосвязь с «красной палаткой». Стали известны координаты лагеря на льду.

Оттуда передали: еще 30 мая, убедившись, что никто не слышит сигналы бедствия, трое — Мальмгрен, Цапли и Мариано — ушли за помощью по направлению к островам архипелага Шпицберген, надеясь найти там охотников или судно. От этой группы, как и от унесенной на дирижабле группы Алессандрини, в лагере нет известий. Какое-то время люди «красной палатки» еще продержатся, во всяком случае, до тех пор, пока не растает их льдина. А это может произойти скоро.

В начале июня норвежские и итальянские летчики не раз летали в сторону лагеря, однако не нашли его.

18 июня на самолете «Латам» поднялся в воздух Амундсен. Самолет пропал без вести.

С этого дня у спасательных экспедиций, в том числе и советских, было две цели: люди с «Италии» и экипаж «Латама».

*

12 июня к Шпицбергену вышел ледокол «Малыгин» с самолетом летчика Бабушкина на борту.

В неслыханно короткий срок был подготовлен к походу самый мощный наш ледокол — «Красин». Он стоял на временной консервации, безжизненный — без команды, с потушенными топками.

Через четыре дня семь часов сорок минут после получения приказа «Красин» покинул порт Ленинграда с самолетом летчика Чухновского на борту, с полным запасом угля, продовольствия, спасательных средств и командой, отобранной из добровольцев со многих судов. Это произошло утром 16 июня.

Начальником экспедиции был назначен известный полярник, профессор Рудольф Лазаревич Самойлович. Руководство операциями «Малыгина» поручалось участнику экспедиции Седова к Северному полюсу Владимиру Юльевичу Визе.

Разумеется, советские люди сознавали опасности, связанные с рейсами кораблей и самолетов. В ночь накануне отхода «Красина» Самойлович сделал в дневнике запись, хорошо передающую напряжение тех дней:

«В углу кают-компании, склонив голову на плечо, сидя спала моя ближайшая помощница — жена. Лицо ее было бледным, утомленным. Некоторое время я постоял перед ней. «Как долго мы с тобой не увидимся… Увидимся ли?» — подумал я».

Богатые Америка и Англия отказались участвовать в спасательных операциях… за недостатком средств. А ведь самый крупный в мире и надежный дирижабль принадлежал в то время Соединенным Штатам.

Америка пасует, а Россия собирается удивить мир?!

Мало кто верил в успех советских экспедиций. На страницах

итальянских газет замелькали карикатуры: истощенные русские мужики в лаптях и холщовых рубахах прыгают со льдины на льдину, а комиссары кистями старательно окрашивают лед в красный цвет.

Среди тех, кто верил, был Фритьоф Нансен. Он первым прислал Советскому правительству благодарность за великолепно начатые спасательные операции.

«Красин» был далеко в море, когда судовое радио принесло ошеломляющую новость, которой моряки отказывались верить: 24 июня шведский летчик Лундборг посадил свой самолет возле «красной палатки» и вывез из лагеря генерала Нобиле. Почему именно его, начальника экспедиции, отвечающего за жизнь доверившихся ему людей?

Этот вопрос оставался без ясного ответа.

При втором рейсе самолет Лундборга перевернулся на льдине, и швед присоединился к обитателям «красной палатки». Впрочем, ненадолго. Другой шведский летчик вывез его, оставив на льдине раненого механика Чечиони.

Маломощный «Малыгин», который вернее считать ледокольным пароходом, чем ледоколом, был тем временем зажат тяжелыми льдами. Тогда возле судна прямо на льдине собрали самолет Бабушкина.

До лагеря было четыреста пятьдесят километров. Дальность полета одномоторного «Ю-13» — триста. А что, если взять пять бидонов бензина, долететь с ними до архипелага короля Карла XII — это как раз полпути, — упрятать их там хорошенько, чтобы медведи не помяли, и вернуться на «Малыгин»? Тут заправиться, и уже тогда — к палатке, чтобы на обратном пути пополнить запас горючего спрятанным бензином.

План, придуманный Бабушкиным, был, конечно, рискованным. А тут еще ежедневные туманы. Подняться можно, но как сесть, если внизу белая плотная пелена?

В первый же сносный день Бабушкин стартовал, благополучно спрятал бензин, однако на обратном пути туман прижал самолет. Бабушкин посадил его на первую попавшуюся льдину. А там полно жителей: белые медведи. Спали в кабине по очереди, отпугивая зверей выстрелами и ракетами. Едва распугают — любопытные медведи опять у самолета. Заденет один из них руль высоты, сломает крыло — пропал экипаж.

После беспокойной ночи вернулись к «Малыгину». Когда туман поредел, решили лететь к палатке, хотя было предупреждение: через два дня ждите шторм. Но ведь за это время можно обернуться?

Не обернулись. В плотном тумане опять сели на льдину.

Бабушкин сам не понимал, как это ему удалось.

Прогноз синоптиков оказался точным: разыгрался сильнейший шторм с мокрым снегом. Льдину начало ломать. Трое суток экипаж провел без сна. Минутами гибель казалась неминуемой.

На четвертые сутки самолет поднялся в воздух. Стали искать ледокол. Кружились, кружились — нет нигде «Малыгина»! Уж не затонул ли он, раздавленный льдами, во время шторма?

Кончалось горючее, и Бабушкин совершил, пожалуй, самую опасную посадку на подтаявшую хрупкую льдину, покрытую лужами. Механик, сделав несколько шагов, провалился по пояс.

У экипажа оставался выбор: либо с риском для жизни попытаться взлететь со льдины, либо умереть на ней от голода.

Бабушкин снова совершил чудо. На этот раз летчики с воздуха заметили «Малыгина» и сели возле него.

Корабль и верно чуть не погиб: шторм унес его вместе со льдом к прибрежным камням острова Надежды.

После всего пережитого Бабушкин полетел к палатке еще раз, снова попал в туман и при возвращении сломал лыжи своего самолета.

Бабушкин сделал то, что до него не удавалось ни одному летчику в мире: пятнадцать раз садился и пятнадцать раз взлетал с дрейфующих льдин, где никто не выкладывал ему посадочные знаки, не жег костров, не расчищал полосу от острых обломков льдин, не обставлял предупредительными знаками трещины.

Михаил Сергеевич Бабушкин не вывез никого из итальянцев. Он всего лишь тридцать раз рисковал жизнью за две недели поисков…

*

Между тем внимание всего мира сосредоточилось на «Красине».

Карикатуры с газетных страниц как ветром сдуло. После Лундборга летчики стали весьма осторожны. Некоторым удавалось долететь до «красной палатки», чтобы сбросить продовольствие, но садиться на сильно подтаявшую льдину никто не решался. Значит, только «Красин»!

По-прежнему не было никаких известий о Мальмгрене и группе Алес-сандрини. Их уже особенно и не искали, считая погибшими. Никому не удалось обнаружить также малейшего следа самолета Амундсена.

«Красин» получил приказ из Москвы: принять все меры для ускорения хода, пробиваться к группе Вильери — так стали называть людей «красной палатки» после отлета Нобиле — и одновременно организовать любыми доступными средствами

поиски Амундсена. Задание о поисках «Латама» давно имел и «Малыгин».

«Красин» пересек 80-ю параллель. Льды становились все толще, все плотнее. Самойлович записал:

«Эти холодные оковы мы должны разбить, искромсать и проложить себе дорогу к небольшой кучке людей, которая в течение многих дней упорно выстукивает озябшими руками: «Спасите наши души… Спасите наши души… SOS… SOS…»

Может быть, настанет и наш час. Тогда наш комфортабельный корабль мы будем принуждены поменять на холодные палатки и спальные мешки…»

Могло это случиться? Могло. И у ледокола есть предел прочности. «Красин» входил в неведомые воды, где могли быть опасные камни и мели. Льды здесь встречались такой толщины, что против них были бессильны таранные удары ледокола. В борьбе с ними он потерял лопасть винта и повредил руль. Был дан приказ временно остановить машины.

Едва лед разредился, их запустили вновь. Ледокол подошел к ледяному полю, пригодному для взлета машины Чухновского.

Ее спустили с борта по частям. Собирали самолет на льду днем и ночью.

8 июля «Красный медведь» — так назвали машину Чухновского — поднялся в воздух для пробного полета. Он мог оказаться последним: после подъема одна лыжа беспомощно повисла торчком.

Редкий летчик посадил бы при таком положении самолет. Борис Григорьевич Чухновский сел как ни в чем не бывало. А радист «Красина» получил радиограмму, которая заставила его на мгновение остолбенеть: «Охота тебе Ваня в радиорубке сидеть тчк Брось иди чай пить».

Это летчик-наблюдатель Алексеев, большой шутник, опробовал рацию самолета…

Два дня спустя «Красный медведь» стартовал со льдины. Он должен был разведать наиболее подходящий для «Красина» путь среди льдов к «красной палатке», а если позволят обстоятельства, сбросить группе Вильери продукты и одежду.

Самолет и ледокол переговаривались по радио. Повторялась фраза: «Лагеря пока не нашли». Потом другая: «Возвращаемся обратно».

В это время туман необыкновенной плотности стал подползать к ледоколу. Объявили тревогу. На лед сбрасывали бочки из-под керосина, доски, тряпки. Зажгли сигнальные костры. Туман поглощал черные полосы дыма. Нет, в такое молоко не посадить машину даже Чухновскому!

Самолет молчал. Долго. Томительно долго. Вдруг — два слова:

«Группу Мальмгрена…»

Невероятная новость! Неужели нашли в таком тумане? Но где же? Где?

Опять молчание. И после десятиминутной паузы:

«Карла…»

Карла? Возле архипелага Карла XII?

На льду пылали костры. Казалось, вот-вот раздастся шум мотора. Но небо молчало.

Через какое-то время «Красный медведь» дал о себе знать снова. Подтвердил: видели группу Мальмгрена. Пытались на обратном пути пробиться к «Красину» — помешал туман. Собираются сесть вблизи Семи Островов.

Четыре часа после этого вызовы «Красина» оставались без ответа. Неужели снова жертвы?

Уже около полуночи — слабые сигналы: «При посадке сломали шасси…» Часом позже — подробное сообщение. Координаты обнаруженных спутников Нобиле. Данные ледовой разведки с указанием наиболее благоприятного маршрута для «Красина». В заключение совсем коротко о себе:

«Выбора посадки не было… Сели торосистое поле… Конце пробега снесло шасси. Сломано два винта. Все здоровы. Запасы продовольствия две недели. Считаю необходимым «Красину» срочно идти спасать Мальмгрена Чухновский».

На следующий день последняя фраза радиограммы обсуждалась на всех материках. Лундборг, попав в беду, спасся первым. А русский летчик требует, чтобы спасали других. Странный все же народ эти большевики!

«Красин» полным ходом шел к Мальмгрену. Пламя гудело в топках. Кочегары валились с ног, обессилевшие поднимались на палубу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Все, свободные от вахты, обшаривали биноклями горизонт. От резких звуков судовой сирены, от призывных свистков болели уши. И наконец:

— Человек! Вижу человека!

Их было двое на небольшой льдине. Один метался по ней, вскидывая руки и что-то крича. Другой лежал неподвижно, лишь временами приподнимая голову. Но где же третий? Ведь ушли от «красной палатки» трое?

— «Красин»! Товарищи!

Это кричал человек на льдине. Конечно, Мальмгрен — ведь известно, что он изучал русский. Скорее трапы, носилки! Впрочем, высокому, крепкому человеку они не нужны, он сам идет навстречу.

— Мальмгрен! — бросаются к нему.

— Нет, Цапли.

— А Мальмгрен?

Несколько сбивчивых, отрывистых фраз. Мальмгрена нет, он далеко на льду. Дайте есть, мы тринадцать суток не ели. Здесь Цаппи и Мариано, Мальмгрена нет…

Полумертвого, обмороженного Мариано кладут на носилки. Странно: он полураздет, тогда как Цаппи раздут от напяленной одежды. Потом подсчитали: три рубашки, три пары брюк, две пары мокасин из тюленьей шкуры. А Мариано — в одних носках, без шапки.

Корвет-капитана Филиппо Цаппи провели в кают-компанию. Он повалился в мягкое кресло и воскликнул по-русски:

— Как приятно! Как уютно!

— Откуда вы знаете русский язык? — спросили его.

— Был в России. В Сибири. Забыл немного, но кое-что еще помню.

Расспрашивать итальянца подробнее в те минуты никому не пришло в голову: все ждали его рассказа о Мальмгрене. Но известно, что в Сибири итальянцы были среди интервентов, помогавших Колчаку…

Первые часы Цаппи твердил:

— Я люблю вас. Я очень люблю русских. Пошлите телеграмму русскому народу, что я его очень люблю.

Потом он начал «забывать» русский и вообще стал куда менее словоохотливым. Вскоре вышла неприятная история с санитаром Щукиным, простодушным человеком, ухаживавшим за быстро выздоравливавшим итальянцем. Щукин принес в каюту компот:

— Товарищ Цаппи, надо кушать.

И тут Цаппи вскочил, поднеся кулак к носу санитара:

— Нет Цаппи товарищ! Цаппи — господин! Цаппи — офицер!

Тишайший, добрейший Щукин в гневе выбежал из каюты.

Журналисты, находившиеся на «Красине», пытались узнать у Цаппи о Мальмгрене. Итальянец свободно говорил на английском и французском. Журналисты не так хорошо знали эти языки и могли допустить неточности в записи его рассказа. Однако на корабле был человек, блестяще владевший семью языками: помощник начальника экспедиции, эстонец Пауль Юльевич Орас.

Именно он первым расспрашивал Цаппи, переводя его слова окружающим. Дневники Ораса считались утерянными, но не так давно их удалось найти. Его записи не столь красочны, как записи журналистов, однако кто может усомниться, что в изложении рассказа Цаппи именно Орас наиболее точен?

12 июля в его дневнике описана встреча с Цаппи:

«Пока ожидает (и при этом весьма нетерпеливо) кофе с бисквитами, расспрашиваю его о Мальмгрене. Ведь всех нас волнует вопрос о шведском ученом.

Он начинает свой рассказ, часто прерывая его возгласами: «Еще один бисквит». Но приходится отказывать. Доктор не разрешает.

Сначала Цаппи рассказывает о катастрофе, о первых днях на льдине, когда Биаджи посылал миру призывы о помощи. «Но все мы (Цаппи так и говорит — «все мы») все больше поддаемся унынию. Возникают разговоры о походе через льды».

Как потом расскажут другие, первые дни уныния на льдине как раз не было, Нобиле находил в себе силы шутить. И разговоры о походе через льды возникли тоже не у всех. Цаппи и Мариано были близкими друзьями, это знал каждый. Они часто шептались друг с другом. На это не обращали внимания, пока однажды Бегоунека, немного говорившего по-итальянски, не насторожила фраза в ночном разговоре друзей: «Сделаем это тайком». А вскоре тайное стало явным. Нобиле согласился на уход офицеров при условии, что руководить походом к земле будет Мальмгрен.

Продолжение дневниковой записи рассказа Цаппи:

«30 мая наша тройка — Мальмгрен, Мариано и я — тронулась в путь.

Мы взяли курс на остров Брок. Двенадцать суток боролись втроем со льдами.

Наконец Мальмгрен заявил: «Я больше не могу идти дальше. Нет сил. Рука сломана. Ноги обморожены. Оставьте меня здесь. Я все равно умру. Берите мое продовольствие. Оно принесет вам больше пользы. Спешите на твердую землю. Товарищи ожидают результатов нашего похода. Возьмите этот компас и передайте матери. Пусть это будет последней памятью обо мне».

Так как все это было сказано твердо, без колебаний, то мы оставили его там, на льдине, в пяти милях на северо-восток от острова Брок. Мы вырубили во льду яму, чтобы ему легче было укрыться от ветров. Потом взяли его полярную одежду и все продовольствие — поступили так, как он просил.

Затем мы пошли дальше. В этот день мы последний раз ели теплую пищу.

Мы отошли на 200 метров. Дальше не пускали полыньи. На следующий день, то есть 15 июня, мы оставались на том же месте… Вдруг видим, как Мальмгрен подымается из ледяной ямы. Он машет нам рукой. Дает знаки идти дальше. С трудом разбираем его слова: «Идите вперед. От вашего продвижения зависит спасение остальных… Вперед».

День проходит за днем. Мариано слабеет.

«Если я умру, можешь съесть меня» — так сказал он».

Далее Орас записывает продолжение рассказа Цаппи о том, как двое совсем потеряли надежду, затем увидели самолет с красными звездами на крыльях, наконец — ледокол…

Орас заканчивает запись словами:

«Так говорил Цаппи. Передаю его слова без комментариев».

Это протокольно точная запись сути рассказа лишена подробностей, особенно поразивших журналистов. В нем не упоминается, например, о том, что, выдолбив во льду могилу Мальмгрену, Цаппи позволил себе пошутить: «Вы будете лежать в ней, как глазированный фрукт». О том, что швед, у которого болела раненая рука, с самого начала показался обузой итальянцам, и они решили: он не может руководить поступками здоровых. О том, как Мариано в самую трагическую минуту хотел было вернуться к Мальмгрену и как Цаппи не позволил этого сделать своему «слабонервному» спутнику. О том, что, когда Мариано обморозил ноги, Цаппи не постеснялся взять у друга обрывки одеяла и обмотать ими свои, еще здоровые. О том, что Цаппи признал: он хотел покинуть ослабевшего Мариано, но состояние льдов не позволило это сделать.

Более поздние рассказы Филиппо Цаппи и Адальберто Мариано мало похожи на первый. Постепенно получалось у них так, будто оба поступили чуть ли не как рыцари. И хотя пресса всего мира требовала расследования, поскольку высказывались предположения, что итальянцы раздели своего больного спутника, возможно, превратились и в людоедов, фашистские газеты утверждали: Цаппи и Мариано — образцовые офицеры, и Италия должна гордиться этими своими сынами.

Позднее Цаппи весьма преуспел на дипломатическом поприще. Милостей Муссолини был удостоен и Мариано, дослужившийся до адмиральского звания…

«Красин» идет к группе Вильери.

И вот он — у льдины, к которой так долго было приковано внимание миллионов людей.

Палатка. Перевернутый самолет Лундборга с изображением трех корон. Самодельная погнувшаяся радиомачта. Люди идут навстречу. Впереди на голову выше остальных — Вильери. С ним Бегоунек, Чечиони, Трояни. Они улыбаются, они по-детски несказанно счастливы. Биаджи в это время отстукивал последнюю радиограмму из лагеря:

«Все кончено. «Красин» подошел. Мы спасены».

Профессор Бегоунек после первых приветствий спрашивает Самойловича, можно ли будет ему продолжить на ледоколе

научную работу.

Встреча с группой Вильери лишена той драматической окраски, которая так запомнилась красинцам при спасении «группы Мальмгрена», где не оказалось самого Мальмгрена.

Радость встречи омрачает лишь сознание, что до сих пор нет ничего ни от Амундсена, ни от группы Алессандрини.

«Красин» готов немедленно идти на ее розыски. Но ему нужны «глаза»: самолет Чухновского со сломанными винтами и снесенным шасси недвижно стоит на льду далеко от судна. Самойлович запрашивает «Читта ди Милано»: для успехов поисков группы Алессандрини нужны самолеты.

Ответ командира «Читта ди Милано» показался нашим морякам просто невероятным:

«В соответствии с указаниями моего правительства, которые только теперь получены, я не считаю необходимым идти на поиски третьей группы…»

Несмотря на это, «Красин», переправив спасенных на «Читта ди Милано» и пополнив запасы угля, снова ушел на поиски Амундсена и группы Алессандрини. Они продолжались до глубокой осени, хотя уже было ясно, что нет решительно никаких надежд застать в живых кого-либо из пропавших без вести.

*

Я видел Руала Амундсена раз в жизни.

Это было примерно за год до его гибели.

Он уже объявил: сделано все, что было целью его жизни. Теперь наступает пора мудрого покоя и воспоминаний. Кажется, он не отказывался только от одного — от чтения лекций. Но ведь они были частью воспоминаний о необыкновенно деятельно прожитой жизни.

В газетах появилось сообщение, что знаменитый путешественник возвращается из Японии транссибирским экспрессом. Значит, будет проезжать через наш город! У меня и у двух моих приятелей сразу мысль: вот бы увидеть Амундсена. А еще лучше взять у него автограф.

Экспресс проходил через город поздно вечером. Мы с независимым видом прогуливались по перрону, для солидности дымя папиросками. Торжественной встречи норвежца, как видно, не намечалось. Поезд запаздывал. К полуночи разбрелись и немногие любопытные. Остались двое журналистов, секретарь горсовета и несколько подростков — наверное, наших конкурентов.

Дежурный в красной фуражке подошел к станционному колоколу и отрывисто ударил один раз. Это означало: экспресс вышел с последней станции, будет с минуты на минуту.

Огни, грохот, шипение пара. Встречающие торопятся к третьему вагону. Мы — за ними. И тут — милиционер:

— Э-э, а вы, молодые люди, куда же это? — и преградил путь.

Встречающие — в вагоне, идут по освещенному коридору. Неужели Амундсен не выйдет хотя бы на минутку подышать свежим воздухом? Ну что ему стоит.

— Да вот же он! — раздался восторженный вопль.

Разве можно было не узнать этот орлиный профиль над занавеской зеркального окна вагона? Что-то говорит, кивает головой. Кажется, все идут к тамбуру. Сейчас, сейчас…

Но дважды бьет в колокол дежурный. Зеленым огнем светит семафор, его «рука» приподнята, приглашая продолжать путь.

Из вагона спускаются журналисты. И в пролете двери тамбура появляется Амундсен. Но в каком виде! Полосатая куртка с замысловатыми шнурками, как у циркача (о существовании пижам сибирские парни, конечно, и не слыхивали). И не гигант вовсе, разве что немного выше среднего роста. Но лицо, лицо! Точно как на портретах. Глубокие морщины, орлиный нос: профиль мудрого вождя индейцев.

Третий удар колокола. Буксуя, рвет с места паровоз. И уже только огоньки и удаляющийся гул.

Ну и что, пусть нет у нас автографов. Но мы видели его! А год спустя — тревожные заголовки в газетах: «Где Амундсен?»

Мог ли я подумать тогда, что однажды буду стоять на берегу бухты, откуда ушел он в свой последний полет? Что увижу знакомый профиль уже в бронзе памятника? Что буду слушать тех, кто провожал «Латам» в рейс, оборвавший жизнь этого удивительного человека?

Его автобиографию «Мои полярные приключения», напечатанную журналом «Всемирный следопыт», я начал читать как раз накануне трагедии «Италии». Когда печатался первый отрывок, автор воспоминаний был еще жив. В следующем номере, где печаталось продолжение, появились короткие заметки об экспедиции Нобиле и о том, что, вылетев на ее спасение, без вести пропал Амундсен. Но никто не знал, что вторая часть автобиографии печаталась уже посмертно…

В этой книге, которая теперь более известна под названием «Моя жизнь исследователя», рассказывается, как Амундсен твердо определил свой путь лет в четырнадцать-пятнадцать. Он хотел на Север, в Арктику, навстречу страданиям и испытаниям. Первую самопроверку прошел на парусниках. Два года трепки в полярных морях превратили его в знающего штурмана.

В новом звании Амундсен ушел в Антарктику на судне «Бельжика». В критические дни, когда корабль вмерз в лед, среди

экипажа началась цинга и двое матросов сошли с ума, штурману пришлось взять на себя руководство экспедицией. Это было началом славы исследователя.

Его крохотная шхуна «Йоа» стала первым за всю историю мореплавания судном, которому удалось преодолеть весь Северо-Западный проход вдоль полярного побережья Америки.

Амундсен был первым человеком, достигнувшим Южного полюса. Это произошло в 1911 году.

В 1918 году на судне «Мод» он начал плавание вдоль арктических окраин Сибири. История гибели двух его спутников, Тессема и Кнутсена, уже известна читателям.

Одним из первых Амундсен, преодолевавший полярные льды на кораблях и собаках, оценил возможности арктической авиации. Вместе с американским богачом Элсуортом, давшим деньги на экспедицию, он на двух самолетах «Дорнье-Валь» почти достиг 88 параллели.

Наконец, триумфальный полет «Норвегии» со Шпицбергена до Аляски через Северный полюс.

Полет, рассоривший его с Нобиле.

Их ссору, как полагают многие, вызвало то, что Нобиле, по мнению Амундсена, пытался представить свою роль в экспедиции более значительной, чем было на самом деле.

Серьезная размолвка не имела характера склоки, которая возникла между Пири и Куком. Однако обмен колкостями был довольно резким. И, увы, во многом взаимно несправедливым.

Об исчезновении «Италии» Амундсен услышал на банкете в Осло, столице Норвегии. Его осторожно спросили, как он относится к этому событию. Он ответил, что готов без промедления принять участие в спасательных операциях.

Началась энергичная подготовка. Амундсен надеялся с помощью Элсуорта купить самолет типа «Дорнье-Валь», который был ему знаком по арктическим полетам. Но американец согласился дать лишь четверть нужной суммы.

Тогда Амундсен принял предложение французского военного летчика Рене Гильбо. Тот готов был лететь с норвежцем на самолете «Латам», правда, гораздо менее приспособленном для полярных перелетов, чем «Дорнье-Валь».

18 июня 1928 года «Латам» стартовал из норвежского города Тромсе… Памятник великому норвежцу — на зеленой лужайке. Меня привели сюда члены Арктического общества Тромсе, объединившего путешественников, старых полярных капитанов и пилотов, людей молчаливых и неторопливых.

Руал Амундсен смотрит на крутые зеленые склоны за синью пролива. Он видит их последний раз. Он не знает, что прощается

с ними, с родной Норвегией, флаг которой подарил обоим полюсам Земли.

В левой руке у него небольшой свиток. Может, карта, может, сводка погоды. Погода в тот день была так себе, но он решил лететь.

Голова его не покрыта, капюшон полярного костюма откинут назад. Сейчас он шагнет к берегу, где его ждут…

Те, кто ждал его на «Латаме», поименованы на плите, вделанной в розоватый гранит рядом с памятником. Французы Гильбо, Дитрихсен, Валенте, де Курвиль, Брази…

Обнажив головы, молча стоим у памятника.

Вчера в Арктическом обществе мне показывали снимки «Латама». Это хрупкий биплан, летающая лодка с поплавками на концах крыльев. Там же хранится сделанный уже на борту самолета последний снимок Амундсена. Поразительно: он в легкой кепке и в плаще. Будто собрался на короткую прогулку по фиорду.

Спрашиваю члена правления общества Коре Педерсена: верно ли, что на «Латаме» не было достаточного запаса продовольствия, что сам Амундсен взял с собой пакет с бутербродами? Ведь это так не похоже на него, умевшего рассчитывать все при снаряжении экспедиций.

Вместо ответа Коре Педерсен пожимает плечами. Потом говорит:

— Этот полет — последняя загадка Амундсена.

Он добавляет, что среди провожавших Амундсена были люди, с которыми того связывала давняя дружба. Но никому из них он не сказал, куда именно летит, каков маршрут «Латама». Можно только гадать. К лагерю Нобиле? Вряд ли. Координаты «красной палатки» были уже известны. Амундсен не из тех людей, которые ходят проторенными тропами. Можно предположить, что, скорее всего, он вылетел на поиски группы Алессандрини.

Да, этот полет — загадка. Вылетели не утром, а четыре часа спустя после полудня. Запас горючего был ограничен. В случае вынужденных посадок и неблагоприятной погоды его могло хватить лишь на часть обратного пути.

А ведь не кто иной, как Амундсен, настойчиво повторял, что при полете в неизведанные области Арктики воздушные экспедиции должны отправляться не только с достаточным запасом горючего, но и непременно на двух самолетах, чтобы уменьшить риск.

Журналистка Элла Максимова, много и интересно писавшая обо всем, что связано с катастрофой «Италии», пришла к такому, пусть не бесспорному выводу, который объясняет кажущееся

необъяснимым:

«Хочется думать, что, пытаясь спасти экипаж «Италии», Амундсен спасал и себя — от суетных страстей, налипших на него в последние годы. Должна была произойти трагедия, чтобы он вдруг понял, как унизительно мелка их ссора с Нобиле. Он торопился убедиться в том, что он человек. Не национальный герой, не историческая личность, просто — человек.

«Он победил меня», — говорят, эти слова произнес потрясенный Нобиле, узнав из сообщений радио, что на помощь вылетает Амундсен».

Никто не знает, как и где погиб великий норвежец. Думают, что «Латам» был в воздухе часа два, может быть — четыре, когда произошло нечто. Скорее всего, над Баренцевым морем.

Под осень рыбаки нашли пробитый поплавок «Латама». Потом бак из-под бензина. На нем была пластинка с названием самолета, оплавленная огнем…

От имени норвежского народа Фритьоф Нансен опустил в море венок. В венке не было цветов. Его выковали из железа.

*

Конец двадцатых годов.

Исковерканные обломки гондол «Италии» носятся где-то на льдинах, гонимых ветрами в океане. Или, быть может, покоятся на его дне. Катастрофа и поиски уцелевших обошлись человечеству в семнадцать жизней, считая экипаж «Латама» и погибших при возвращении на родину трех итальянских летчиков.

Так нужно ли строить дирижабли и дальше?

Все-таки нужно! У самолетов еще слишком слабы крылья, и никто не скажет достоверно, как скоро они окрепнут. Дирижабли еще не отжили свой век.

Строит их и Советский Союз. У нас огромные пространства и плохие дороги. В тридцатых годах появляется лозунг: «Даешь советский дирижабль!»

Создан Дирижаблестрой. Там крупные специалисты. Во главе технического отдела — человек, которого сослуживцы называют Умберто Викентьевичем.

Это Умберто ди Винченцо Нобиле. Товарищ Нобиле. Во всяком случае, он не удивляется, когда слышит непривычное для себя обращение.

Фашистский генерал — и «товарищ»?! Как можно?

Жизненный путь Умберто Нобиле вовсе не прост — и стоит оглядеть его еще раз.

Когда «Италия» поднялась в воздух, ему было сорок лет. Как талантливый инженер он был известен еще задолго до прихода

фашистов к власти.

Его короткий стремительный взлет начался после рейса «Норвегии». Муссолини было выгодно сделать Нобиле национальным героем: пусть мир видит, на что способна Италия, когда фашизм возрождает славу Древнего Рима! Вчерашний инженер-полковник становится генералом, его награждают орденами, осыпают почестями.

Наверное, у Нобиле закружилась голова. Какое-то время его имя вовсю использовалось фашистской пропагандой. Но фашисты не считали его своим до конца. Нобиле отказался вступить в фашистскую партию. Особенно настороженно и даже враждебно относится к нему маршал авиации Бальбо. Злая воля этого любимца Муссолини чувствуется все заметнее. Подготовка к полету «Италии» идет не так, как задумал Нобиле. Препятствия здесь, отказ там…

А когда связь с дирижаблем прекратилась, Бальбо не удержался от злорадного возгласа:

— Так ему и надо!

Это слышали офицеры, окружавшие маршала. Приговор Нобиле, в сущности, был уже вынесен. Холодная ненависть фашистских главарей к неудачнику особенно усилилась с той минуты, когда итальянцев спасли большевики.

Муссолини послал телеграмму Самойловичу:

«Вы совершили дело, которое останется в истории… От имени всех итальянцев благодарю вас…»

И одновременно — секретную инструкцию командиру «Читта ди Милано», предписывающую взять Нобиле под наблюдение, отстранить его от дальнейших спасательных операций, если нужно — поставить у каюты караул. Всем спасенным запретить при проезде через Европу общаться с кем-либо из внешнего мира. Поиски группы Алессандрини прекратить, никакого содействия «Красину» не оказывать.

Достаточно того, что большевики спасли людей «красной палатки». Если они найдут Алессандрини, их триумф будет полным. Допустить этого нельзя!

Затем был суд чести, объявивший Цаппи и Мариано истинными патриотами, а Нобиле — виновным во многих упущениях и проступках, несовместимых со званием генерала вооруженных сил фашистской Италии…

Небольшой круг советских людей знал Умберто Нобиле до полетов «Норвегии» и «Италии». В начале 1926 года он выступал с докладами в Москве. Первую его книгу на русском языке издали тогда же. Она называлась «Полет через полярные области» и была написана до того, как стартовала «Норвегия».

Нобиле был в нашей стране и во время полета «Норвегии»: по пути в Арктику дирижабль и его экипаж останавливались в Гатчине под Ленинградом. Академия наук устроила в честь гостей торжественное заседание.

После того как фашистские власти развенчали недавнего национального героя, он снова побывал в Советском Союзе. Профессор Самойлович в 1931 году пригласил его на ледокол «Малыгин», идущий к Земле Франца-Иосифа. Нобиле с радостью согласился. Быть может, в этих водах удастся обнаружить какой-либо след унесенных вместе с оболочкой дирижабля.

Вскоре у него созрело решение покинуть Италию и на некоторое время поселиться в Советском Союзе. Признанный конструктор легко мог найти пристанище и дело во многих странах. Он выбрал страну, люди которой проявили высокий гуманизм во всей истории с «Италией» и по-человечески отнеслись к нему. Кроме того, он убедился, что большевики — люди с размахом, способные сделать очень многое в Арктике.

В 1933 году Нобиле на несколько лет связывает свою судьбу с Дирижаблестроем. Позднее он вспоминал: «Все было создано на том месте, где прежде поднимался лес и тянулись болота. На построенном нами дирижабле «СССР В-6» — гордости советского воздухоплавания — молодой пилот Паньков установил мировой рекорд длительного полета для дирижаблей всех типов, превысив вдвое и мой собственный рекорд…» Нобиле имел в виду полет «Норвегии».

Пока Нобиле работал в Дирижаблестрое, самолет победил дирижабли в небе над Арктикой. Через Северный полюс проложил трассу в Америку Валерий Чкалов. Затем армада советских воздушных кораблей опустилась на лед возле «макушки Земли», и четверо полярников во главе с Папаниным надолго поселились в палатке дрейфующей станции «Северный полюс-1».

Вернувшись после окончания войны в Италию, Нобиле оставил конструирование дирижаблей. Он стал профессором аэронавтики.

Дома у него стоял глобус, где на месте Северного полюса был вмонтирован бриллиант. А рядом — макет «Италии». «Италия» и полюс прошли через всю его жизнь. И почти всю жизнь он снова и снова возвращался к тому дню, когда Лундборг посадил самолет возле «красной палатки».

Давно установлено, как все было. Эйнар Лундборг отверг составленный Нобиле список очередности отправки людей на материк, где генерал числился предпоследним. Летчик был тверд: первым должен лететь Нобиле, таков приказ.

На самом деле приказа не существовало. Жизнь Нобиле была

застрахована в крупную сумму, и страховые компании не хотели рисковать. Летчик выполнял их поручение. Вероятно, не безвозмездно.

Да, Лундборг обманул генерала, сказав, что существует приказ. Но есть свидетельство Бегоунека: когда Нобиле спросил, должен ли он лететь первым, «некоторое время все смущенно молчали».

— Я мог бы очень просто послать к черту Лундборга и приказ, который он привез, — сказал однажды Нобиле.

Но он не сделал этого, надолго поставив под сомнение свою честь и репутацию исследователя.

После падения фашистской Италии суд пересмотрел его дело и снял обвинение.

Я начал этот рассказ о далеких днях с заметки из Рима о кончине Нобиле. В ее заключительных строках коротко говорилось об избрании Нобиле в учредительное собрание по списку коммунистической партии Италии.

Вот некоторые подробности, не упомянутые в заметке.

Генеральный секретарь партии Пальмиро Тольятти написал Нобиле письмо:

«Мы гордимся тем, что в наших списках стоит имя человека, прославившего страну своим талантом, трудом и мужеством и от которого ожидают много».

Нобиле сделал заявление для газет. Он говорил о своем «отчетливо социалистическом образе мыслей». О глубокой симпатии к Советскому Союзу.

«В этот решающий момент национальной жизни, — писал Нобиле, — я желаю принять участие в борьбе бок о бок с коммунистической партией, к которой чувствую себя близким по многим мотивам».

Сама жизнь, долгая и трудная, со взлетами и падениями, заставила его сделать этот выбор.

Однажды в доме литераторов

Вскоре после того как на экраны вышел фильм «Красная

палатка», Центральный дом литераторов в Москве собрал для разговора участников спасения экипажа «Италии».

Их осталось совсем немного, пустовала половина стульев за небольшим столом президиума. Зал был полон. Собрались преимущественно люди в возрасте, те, для кого события 1928 года совпали с юностью.

Они с нежностью и огорчением разглядывали героев своих школьных лет, которых помнили молодыми, полными сил. Годы все же сильно изменили Бориса Григорьевича Чухновского, Анатолия Дмитриевича Алексеева… Узнавали Эрнста Теодоровича Кренкеля: он ведь еще до эпопеи папанинцев был членом международного экипажа дирижабля «Граф Цеппелин», видел Нобиле на «Малыгине».

Участники встречи собрались, чтобы поговорить о фильме «Красная палатка». Было сказано немало резких слов. Критиковали допущенные неточности.

Но мне кажется, главным в этот вечер была все та же атмосфера, в которую перенесли нас, слушателей, участники эпопеи «Красина». Этому помог и старый документальный фильм, снятый операторами в 1928 году.

Мы увидели на экране дирижабль. Он действительно огромен и величествен даже по сегодняшним меркам, а самолеты… Машину Бабушкина волокли к пристани ломовые извозчики. Летал «Ю-13» со скоростью сто километров в час.

А «Малыгин»? В отличие от внушительного двухтрубного «Красина», обыкновенный пароход, размерами уступающий сегодняшним волжским грузовым «самоходкам». Он был хорош для летних экспедиционных рейсов и для небольших ледокольных работ в Архангельском порту. А ему пришлось идти в область многолетних тяжелых льдов.

Мы узнавали на экране героев «Красина» и «Малыгина». Вот Самойлович, вот Визе, он почему-то в шляпе…

А вот и спасенные. Некоторых сняли уже несколько дней спустя после встречи с «Красиным». На костылях ковыляет Чечиони. Мариано поднимают на носилках. Шустрый Биаджи подмигивает киноаппарату. С особым интересом смотришь на Цаппи. У него нагловатое лицо, он весело ухмыляется.

Начинается фильм рассказом об истории освоения Арктики, упоминанием о Великой северной экспедиции, в XVIII веке составившей первые достоверные карты полярных окраин.

И я слышу, как Чухновский говорит Алексееву:

— Мы ведь, Анатолий Дмитриевич, в двадцатых годах летали еще по этим картам.

Борис Григорьевич Чухновский прошел гражданскую войну,

дрался в воздухе над Волгой и Каспием. Арктику узнал и полюбил в 1924 году. Когда погибла «Италия», был в госпитале: ему собирались делать операцию. Удрал из палаты, к негодованию врачей и к радости товарищей по экспедиции.

Мне о Чухновском рассказывал А. Д. Алексеев. Я познакомился с Анатолием Дмитриевичем в середине тридцатых годов. Красноярск был тогда тыловой базой полярной авиации. Отсюда пилоты летали на Диксон, в Карское море. Алексеев первым проложил воздушную дорогу к мысу Челюскин и на Северную Землю. Среди своих товарищей Анатолий Дмитриевич слыл большим любителем дружеской шутки.

В 1936 году он летал надо льдами Карского моря, разведывая путь для нашего арктического каравана. На флагмане получили от него радиограмму с оценкой состояния льдов. Она заканчивалась фразой: «Впал состояние анабиоза». Тотчас был послан ответ, что к его возвращению из разведки на судне приготовят баню для оттаивания и чай с малиновым вареньем.

Анатолий Дмитриевич заслуженно считался одним из образованнейших летчиков. Он брал с собой в экспедиции философские трактаты. Как-то в дежурной комнате аэропорта Дудинки я застал его над курсом лекций по высшей математике.

Девять лет спустя после спасения итальянцев Бабушкин и Алексеев участвовали в полете советской воздушной экспедиции на Северный полюс. Оба стали Героями Советского Союза. Бабушкин вскоре погиб при воздушной катастрофе. Алексеев водил тяжелые машины в войну и после войны.

Каково же мнение ветерана полярной авиации о событиях 1928 года? Собравшиеся в зале Дома литераторов услышали это.

— Люди, казавшиеся сильными и мужественными, способны значительно меняться под влиянием тяжелых обстоятельств. Одни собирают в кулак волю и силы. Другие теряются. Думаю, что к таким людям можно отнести и Нобиле. После катастрофы он заметно утратил власть над собой и окружающими. Утратил ответственность руководителя экспедиции. Командир, покинувший подчиненных в трудную минуту, уже не командир. Можно искать и находить оправдания своему поступку. Нобиле занимался этим пять десятилетий. Меня он не убедил. Мне было тогда двадцать шесть лет, и урок «Италии» я запомнил на всю жизнь.

Снова дирижабль? Вполне вероятно!

В дни, когда Амундсен и Нобиле готовили «Норвегию» к полету на полюс, на их глазах американец Бэрд поднял в воздух свой аэроплан «Жозефину Форд», взял курс со Шпицбергена на север и через тринадцать часов вернулся обратно, успев побывать над полюсом.

Но если бы с «Жозефиной Форд» случилось что-либо, у отважных летчиков — их было двое — едва ли оставались сколько-нибудь значительные шансы на спасение. Пусть даже им удалось бы посадить машину на лед. В этом случае их могла выручить лишь «Норвегия» — разумеется, если бы с дирижабля увидели самолет.

Позднее самолетостроение так далеко шагнуло вперед, что дирижабли стали казаться чем-то безнадежно устаревшим. Было похоже, что им предстоит разделить судьбу карет, уступивших место автомобилю.

Но вот стали раздаваться голоса крупных специалистов: давайте обсудим старую проблему еще раз. Появились легкие синтетические материалы для жестких оболочек дирижабля. Теперь можно обойтись без взрывоопасных газов. Даже самый мощный вертолет не обладает такой подъемной силой, какую можно придать дирижаблю.

Особенно горячо поддержали идею возобновления постройки дирижаблей полярники, а также разведчики земных недр, для которых тяжелое буровое оборудование завозят в необжитые места с большим трудом и риском.

Было подсчитано, что доставка груза в отдаленные уголки тайги и тундры дирижаблем обошлась бы в несколько раз дешевле, чем вертолетом.

Но у дирижабля немало противников. Они считают, что в прошлом с этими воздушными гигантами было слишком много неприятных происшествий. Где гарантия, что новые дирижабли будут достаточно надежными?

А тем временем воздухоплавательные аппараты строят у нас

и за рубежом.

Конструкторы Федеративной Республики Германии испытывают дирижабль в Африке для полетов над пустыней Сахара. Японцы заняты созданием дирижабля, вмещающего сто двадцать пассажиров. Пассажирские машины с оболочкой, заполненной гелием, проектируются в Англии.

Бразильские авиаконструкторы разработали специальный тип грузового летательного аппарата для особенно труднодоступных горных, болотистых и покрытых тропическим лесом районов.

Энтузиасты дирижаблестроения собираются на международные конгрессы, в которых участвуют представители десятков стран.

На вопрос, нужен ли нам дирижабль, такой авторитетный специалист, как Эрнст Теодорович Кренкель, ответил:

— Полагаю, что нужен.

Конечно, добавил Кренкель, следует все хорошенько взвесить. Не последнее дело — экономика. Ведь надо создавать специальную отрасль промышленности, отличную от авиационной. Таким образом, трудно надеяться, чтобы в ближайшее время летательные аппараты легче воздуха могли соперничать с самолетами и вертолетами.

— Что же касается людей, спешащих раз и навсегда поставить на дирижаблях жирный крест, — заключил Кренкель, — то я глубоко убежден в их неправоте. Приведу лишь один пример: в конце девятнадцатого века ракета была полностью отвергнута и похоронена, уступив место нарезному оружию. Какова ее судьба сегодня, общеизвестно. Да, безапелляционные приговоры всегда опасны.

Что можно сказать о перспективах дирижаблестроения на ближайшие годы?

Во многих специальных журналах проблема обсуждается широко и серьезно. Нет недостатка и в газетных интервью с крупными специалистами. «Пора взлетать дирижаблю» — так озаглавлена беседа с Героем Социалистического Труда Сергеем Михайловичем Егером.

Он — самолетостроитель. Его особо занимает освоение отдаленных районов Сибири и Дальнего Востока. Сегодня не проблема поднять в небо сверхтяжелые самолеты грузоподъемностью 150–200 тонн. Но их эксплуатация чрезмерно дорога: специальные аэродромы, большой расход горючего.

Вертолеты? Пока не найдена техническая возможность создания экономичных машин достаточной мощности и дальности полета.

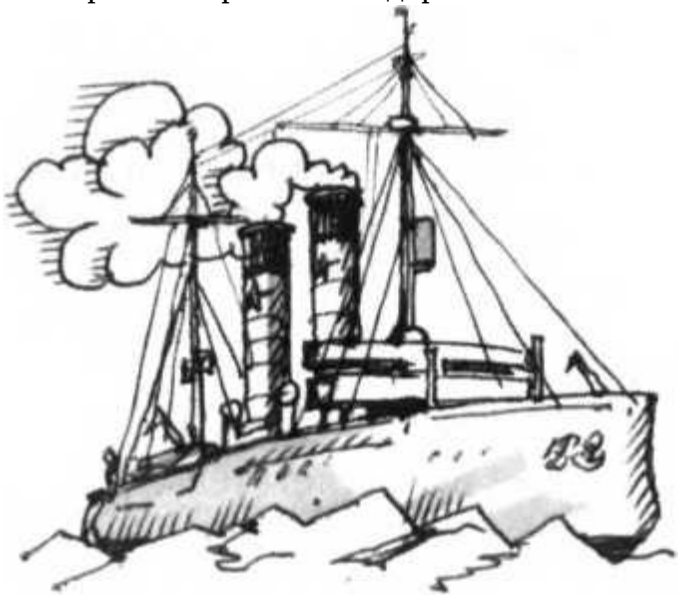
А дирижабли? Практически решен вопрос об их надежности.

Вместо взрывоопасного водорода используется гелий, оболочка делается из несгораемых материалов, а в полете помогают электронные автопилоты.

Да, скорость дирижабля невелика: 150 километров в час. Но дальность полета — 4 тысячи километров, грузоподъемность — 500 и более тонн!

Дирижабли новых поколений не напоминают прежние «сигары»: скорее, они будут похожи на «летающие тарелки» — диски большого диаметра.

Скоро ли мы увидим их в небе? Вместо ответа хочу повторить заголовок интервью: «Пора взлетать дирижаблю».



"Снежный человек"?

Так кто же первым сообщил об этом удивительном существе?

Утверждают, будто уже около сотни лет назад о нем упоминал полковник Уэделл, побывавший в Гималаях. Может, он и был первым, если говорить о европейцах. Однако обитатели заоблачных хребтов Тибета и Гималаев слышали о «снежном человеке» еще от прапрадедов. Корни загадочной истории стоило,

вероятно, поискать в летописях старинных буддийских монастырей высокогорной части Азии.

С начала нашего века сведения о необыкновенном существе или о его следах стали появляться в европейской печати довольно часто. Некоторые называли существо «снежным человеком», другие — заимствованным в языке горцев словом «йети», которое можно примерно перевести как «существо, живущее среди камней».

Сообщения приходили в основном из Гималаев. Их авторами были альпинисты, разведывавшие пути к Эвересту (Джомолунгме), а также колониальные британские чиновники, агенты торговых фирм, искатели приключений, наконец, участники научных экспедиций.

Вот некоторые из этих сообщений, относящиеся к первой половине двадцатого века и исходящие от разных людей.

«Я увидел какое-то существо. Его очертания, несомненно, напоминали человека: оно шло на двух ногах… На фоне снега оно казалось темным, и на нем, по-видимому, не было никакой одежды. Примерно через минуту оно вошло в густой кустарник и исчезло. Я осмотрел следы, напоминающие человеческие…»

Другой очевидец, горец-пастух, обратил внимание на стадо, которое вдруг испуганно сбилось в кучу. Он оглянулся: с горы спускалось существо, покрытое рыжевато-бурой шерстью. Оно шло на двух ногах. Решив, что перед ним йети, горец забился в хижину. Йети пытался туда проникнуть, разламывая крышу, и только едкий дым разожженного горцем на полу костра заставил непрошеного гостя удалиться.

Швейцарский альпинист утверждал, что ночью, когда он лежал в палатке, установленной высоко на горном склоне в Гималаях, неизвестное существо, от которого исходил резкий запах, бродило вокруг его приюта.

Был случай, когда «снежный человек» напал на одного из носильщиков, помогавших альпинистам. Остальные бросились на помощь и прогнали йети прежде, чем его смог сфотографировать кто-либо из европейцев.

Во время религиозного праздника горцы отдаленного селения увидели среди редкого кустарника фигуру, покрытую длинной шерстью. Йети шел на двух ногах, наклоняясь, чтобы выкопать какие-то корни. Заметив людей, существо, испуская пронзительный крик, бросилось прочь.

Да, йети видели и слышали многие. Еще больше людей натыкались на странные следы. Но цепь многочисленных рассказов и всякого рода догадок никак не замыкалась на неопровержимых фактах.

Дело в том, что все встречи со «снежным человеком» были неожиданными, случайными. Горцы боялись этих существ, якобы приносящих несчастье, и первым их побуждением при виде йети было желание убежать подальше, спрятаться понадежнее. В те годы еще не были изобретены легчайшие фотоаппараты, и далеко не каждый альпинист, до грамма рассчитывавший вес своего снаряжения, был готов таскать с собой громоздкую камеру «на всякий случай».

И все же одному человеку повезло. Англичанин Эрик Шиптон в 1951 году сфотографировал во время путешествия по Гималаям свежие следы «снежного человека».

Они отпечатались вполне отчетливо на тонком слое кристаллического снега. Это было глухое место на высоте примерно в пять с половиной тысяч метров. Следы принадлежали двум существам и не походили на отпечатки, оставляемые медведями и крупными обезьянами. Сопровождавшие Шиптона горцы без колебания заявили, что следы принадлежат йети.

Что думали о «снежном человеке» ученые?

Мнения разделились. Часть полагала, что в высокогорных глухих уголках могла сохраниться особая разновидность высшего антропоида, двуногой человекообразной обезьяны, неизвестной науке. Другие находили это невозможным, доказывая, что, скорее всего, за йети принимают обезьяну-лангура или гималайского медведя.

Видный английский антрополог Миллс советовал в высшей степени серьезно отнестись к утверждениям горцев, которые нисколько не сомневаются в существовании йети:

«Ни один непредубежденный этнограф не решится опрометчиво объявлять вымыслом глубоко укоренившееся верование народа, — писал он. — Рассказы о пигмеях Центральной Африки дошли до древних греков; через две тысячи лет европейские путешественники действительно встретили пигмеев в Конго».

Миллс допускал, что в высокогорных лесах существует наиболее близкая к человеку из всех известных обезьян, а возможно, даже очень примитивная форма человека.

Кто прав?

Ответ едва ли могли дать кабинетные споры. Нужны были новые факты. Все чаще обсуждались планы снаряжения экспедиции, которая специально занялась бы поисками «снежного человека».

*

Трудно сказать, был ли Леонард Картис, один из влиятельных людей в редакции крупной лондонской газеты «Дейли мейл»,

вдохновлен идеями своего американского коллеги, снарядившего некогда экспедицию Генри Стэнли. Но несомненно, что именно Леонард Картис дал первый толчок всему делу.

Он считал, что, конечно, найти «снежного человека» было бы очень хорошо. Но, на худой конец, можно заинтересовать читателей его поисками, пусть даже неудачными, если об этих поисках будет рассказываться ярко и увлекательно. Значит, надо найти подходящего журналиста. Как видим, история повторилась.

Выбор пал на Ралфа Иззарда.

Тот признавался позднее, что в это время «помышлял о поисках «снежного человека» не больше, чем о том, чтобы стать епископом Кентерберийским».

Но следует признать, что Леонард Картис безошибочно нашел лучшего из возможных кандидатов.

Ралф Иззард не только считался «бойким пером», но имел и некоторый альпинистский опыт. Он лишь недавно вернулся из Гималаев, где сопровождал английскую экспедицию на Джомолунгму. Во время этой экспедиции ему удалось собрать кое-какие сведения об йети. Кроме того, Иззард обладал даром организатора и легко сходился с самыми различными людьми.

Как бы то ни было, журналисту удалось довольно быстро подготовить экспедицию, в которой согласились участвовать люди с солидной научной подготовкой.

Верили ли они в успех поисков «снежного человека»?

Было похоже, что молодые ученые готовы были удовлетвориться хотя бы просто счастливой возможностью исследовать флору и фауну труднодоступного уголка земного шара. Но это не мешало им с полной ответственностью отнестись и к главной задаче экспедиции, которая была условно названа «поиски животного икс».

Отправной точкой экспедиция выбрала Катманду, столицу государства Непал, расположенного в центре Гималаев. Здесь можно было найти великолепных помощников для поисков. Местные горцы — шерпы неизменно сопровождали альпинистов, штурмовавших Джомолунгму.

Когда в начале 1954 года поисковая экспедиция Ралфа Иззарда вступила в Гималаи, мир находился под свежим впечатлением подвига: впервые люди покорили величайшую вершину планеты. Это, как мы помним, сделали в мае 1953 года шерпа Тенсинг, прозванный «тигром снегов», и новозеландец Эдмунд Хиллари.

«Тигр снегов», с которым встретился Иззард, с интересом отнесся к целям экспедиции, обещал всяческое содействие и помощь в подборе надежных шерпов-проводников и даже послал

помощником к англичанам своего зятя, отличного знатока гор.

Редакция «Дейли мейл» не пожалела денег. Под руководством Ралфа Иззарда на первом этапе оказалось три сотни человек. Основную массу составляли шерпы-носильщики. Люди были разбиты на группы. Каждая имела опытного руководителя, свой район поисков.

И — сразу удача! Первая же группа натолкнулась на следы йети. Ей рассказали также, что несколько дней назад люди слышали вблизи одной деревеньки крики «снежного человека».

Группа расспросила нескольких очевидцев, видевших йети вблизи. Она узнала затем, что в одном буддийском храме хранится скальп таинственного существа. Руководителю группы посчастливилось увидеть эту реликвию.

В его руках оказалась кожа, снятая с верхней части головы неизвестного животного. Поверхность носила следы шерсти, когда-то покрывавшей ее, но вытершейся со временем: служители храма говорили, что скальп хранится здесь примерно триста пятьдесят лет. Острая, коническая форма скальпа и странный, покрытый жесткими, как щетина, волосами гребень, идущий от лба через макушку к затылку, могли поставить в тупик кого угодно: науке не было известно существо с подобными особенностями строения головы.

Удачное начало укрепило среди участников экспедиции веру в быстрый успех. Иззард, получив первые донесения, записал в дневнике: «Нам не терпелось пуститься в путь, и мы опасались, что представление кончится и тайна будет полностью раскрыта прежде, чем мы приступим к делу».

Некоторое время спустя тон записей уже иной. Иззард готов примириться с тем, что пройдет много недель и потребуется бесчисленное количество вылазок для того, чтобы добыть вполне определенные факты.

Да, было похоже, что экспедиция находится в местах обитания «животного икс». В этом убеждали следы, на которые натыкались разведочные отряды. Обнадеживающей неожиданностью было обилие в здешних местах диких козлов, лисиц, сурков. Раз на высотах, превышающих пять тысяч метров, водится столько животных, то не значит ли это, что «снежный человек» даже зимой легко может находить здесь обильный корм?

Между тем обыкновенные, не «снежные» люди чувствовали себя в разреженном воздухе гималайских высот довольно скверно. Даже привычные шерпы испытывали приступы горной болезни. Продвижению по крутым склонам мешали частые снегопады. Не раз кто-нибудь из носильщиков срывался со скользких троп, и только кошачья ловкость спасала его от

падения в пропасть.

Ралфу Иззарду не терпелось самому увидеть след йети. Выходя в разведочный поиск, он объявил, что заплатит пять фунтов стерлингов (целое состояние для бедняков-шерпов!) тому, кто первым обнаружит вожделенный след.

Платить ему пришлось двадцать минут спустя.

Следы тянулись по долине. Тот, кто их оставил, шел здесь дня три назад — так, по крайней мере, определили шерпы. Иззард никогда прежде не видел ничего подобного. Можно было ясно различить отпечатки оттопыренного большого пальца широкой ступни.

Продолжая поиск, журналист со своими людьми добрался до заброшенных хижин: «Мы, к нашей радости, снова наткнулись на следы и ясные отпечатки тела животного, сидевшего там в разных позах на выступе; очевидно, оно внимательно рассматривало деревню, прежде чем решилось совершить глубокий спуск для обхода».

Вскоре удалось найти следы второго йети. Можно было даже представить себе кое-какие сценки из жизни «животного икс». В одном месте йети съехал по крутому склону, сев на снег и отталкиваясь кулаками. Другой, вероятно, пытался подкрасться по льду озера к уткам, плававшим посередине на чистой воде. Следы двух существ на некоторое время соединились, пошли рядом, потом разделились снова.

Было решено остаться в этих местах подольше. Иззард почти не сомневался, что в один из ближайших дней ему удастся увидеть йети.

По правде говоря, «снежный человек» выбрал для себя далеко не самое уютное место на планете. По склонам хребтов между зазубренных черных скал сползали ледники, образуя внизу хаотические нагромождения. Грохот срывающихся камней дополнялся треском ледяных глыб. Снегопады сменялись густыми туманами. Пронизывающие ветры, казалось, леденили кровь. Временами вдали открывалась громада Джомолунгмы со снежными космами, поднятыми неистовым вихрем.

Следы йети обнаружили все отряды. Получив письмо от соседней группы, Иззард ответил, что теперь он относится довольно равнодушно к сообщению о найденных группой следах одного йети: ведь его люди видели следы по меньшей мере четырех «животных икс»!

…Но вот незаметно, день ото дня уверенность начала сменяться разочарованием, а готовность идти по следам — усталостью, желанием отлежаться в палатке. Требующая огромного напряжения работа на высотах подточила физические

и духовные силы людей.

Постепенно становилось все более ясным, насколько трудно настичь осторожное «животное икс» в горах, где оно — в своей стихии и может легко уйти от вяло бредущих по его следам преследователей. На ослепительном снежном поле группа людей, по выражению Иззарда, так же бросается в глаза, как вереница черных жуков на белой скатерти, и йети, притаившись в скалах, может часами спокойно наблюдать за странными пришельцами.

Приближалась весна, когда таяние снегов неизбежно осложняло поиски: на голом камне след может обнаружить разве что собака-ищейка. Тем не менее экспедиция все еще не решалась окончательно свернуть работы.

Однако новые маршруты и длительные засады не дали ничего существенного. Попытки получить скальп для исследования вызвали противодействие буддийских монахов. Лишь немногие из участников экспедиции «сохраняли форму»: больных было куда больше, чем здоровых. И однажды Ралф Иззард с величайшей неохотой занес в дневник: «Битва, очевидно, была проиграна, и благоразумие требовало, выражаясь языком боксеров, «признать себя побежденным во избежание дальнейших повреждений и, возможно, постоянного увечья».

Экспедиция продолжалась пять месяцев.

Номера «Дейли мейл», где печатались репортажи Иззарда и статьи научных работников, участвовавших в поисках «снежного человека», раскупались нарасхват. Владельцы газеты с лихвой вернули деньги. Экспедиция собрала обширный научный материал, доставила в Лондон богатейшие коллекции и даже несколько живых зверей из окрестностей Джомолунгмы.

Ралфу Иззарду и его спутникам не удалось увидеть йети. Однако, по мнению участников экспедиции, она доказала, что в высокогорных районах Гималаев есть подходящие условия для существования неведомого животного.

Быть может, оно относится к человекоподобным обезьянам, но не исключено, что это неизвестная исследователям разновидность семейства медведей.

Экспедиция возбудила интерес к «снежному человеку». Она стала первой из многих.

И в наши дни исследователи тратят годы, блуждая по скалам и ледникам в надежде, что им непременно повезет, надо только быть настойчивым и терпеливым.

Для англичанина Билла Гранта вот уже несколько лет каждая осень начинается с экспедиции в Гималаи. Грант верит в свою счастливую звезду.

Да разве он один?

Йети, независимо от того, существует ли он в действительности, привлекает в Непал множество туристов. Разработан даже специальный маршрут «По следам «снежного человека». Конечно, настоящие исследователи предпочитают самостоятельный поиск.

Если говорить о любителях экзотики, то они вполне могут сняться рядом с йети. Для этого не нужно подниматься в горы, нанимать проводников. Достаточно пройти по улицам Катманду к памятнику, на котором изображен волосатый йети. Он вовсе не страшен, он не думает прятаться от людей. «Снежный человек» набросил на плечи золотистый плащ. В руках у него не камень, не дубина, а поднос: йети предлагает гостям города отведать апельсиновый сок…

Что касается Ралфа Иззарда, то он выпустил книгу «По следам снежного человека». Журналист заключил ее строками об одной из последних нераскрытых тайн нашего слишком хорошо изученного мира, которая по-прежнему бросает вызов любителям приключений.

Этот вызов не остался без ответа.

«Следов Иванова не нашли»

Как помнит читатель, слухи о существовании «снежного человека» возникали не только в Гималаях, но и на Памире. Более того, четыре года спустя после экспедиции Иззарда нашлись люди, своими глазами видевшие неведомое существо в районе ледника Федченко. Требовалось проверить все на месте.

Советским исследователям не пришлось искать меценатов. Академия наук создала комиссию по изучению «снежного человека», которую возглавил видный ученый Сергей Владимирович Обручев.

Памирские горцы называли таинственное существо голубь-яваном. По их мнению, оно могло обитать возле Сарезского озера, в совершенно пустынных местах, редко посещаемых человеком.

Туда и направилась большая экспедиция натуралиста Кирилла Станюковича, в которую входили зоологи, археологи,

ботаники, этнографы, альпинисты и даже проводники служебных собак, специально тренированных для поисков следов обезьян.

Было решено всячески избегать сенсационности и не давать повода к толкам и пересудам. Условились, что при переговорах по радио и обмене телеграммами вместо «снежного человека» или голуб-явана будет фигурировать некий «Иванов». Допустим: «Отправляемся на поиски Иванова к реке Мук-су». Пусть излишне любознательные люди думают, что речь идет о заблудившемся альпинисте или о человеке, разыскиваемом милицией.

Первая телеграмма пришла от разведочного отряда, отправленного на Памир до выезда основного состава экспедиции: «Никаких следов Иванова не нашли».

Увы, этой фразе суждено было повторяться потом во многих документах поисковых партий…

Экспедиция Станюковича работала весной, летом, осенью, зимой с редкой тщательностью и научной добросовестностью. Ее участники поднимались на высокогорные перевалы и с помощью специального непотопляемого плота обследовали пустынные берега Сарезского озера.

Этнографы записывали легенды и сказания, пытаясь найти в них реальную путеводную нить. Охотники разбрасывали приманки и, притаившись, следили в сильные бинокли за местностью; потом подсчитали, что люди провели на наблюдательных постах в общей сложности сто дней!

Археологи, производя раскопки, не нашли никаких костей, которые могли бы принадлежать голуб-явану. Но они обнаружили следы пребывания людей каменного века, живших задолго до нашей эры, и это, по их мнению, косвенно указывало на бесполезность поисков «Иванова»: вряд ли «снежный человек» мог жить на одной территории с первобытными людьми, которые вытеснили бы, уничтожили его.

Складывалось впечатление, что, скорее всего, те, кто уверял, будто встречал голуб-явана, на самом деле принимали за него… медведя, который некоторое время может ходить на задних лапах.

Вот осторожный вывод начальника экспедиции: «Мы и местные охотники не нашли решительно ничего просто потому, что искали того, кто, возможно, существует только в воображении».

Зато экспедиция «нашла» для науки до тех пор забытые людьми уголки Памира, проложила туда пути, исследовала флору и фауну, заглянула в далекое прошлое горного края.

И все же не будем спешить!

После первых серьезных экспедиций, искавших «снежного человека», голуб-явана и подобных им таинственных существ в разных уголках земного шара, прошло немало лет.

И это не были годы бездействия. Напротив! Исследователи со всевозможной новейшей аппаратурой вновь и вновь отправлялись в Гималаи.

Не так давно выяснились любопытные подробности. В свое время некоторые американские экспедиции были, оказывается, снаряжены не без деятельного участия разведывательных служб Соединенных Штатов Америки.

Среди горовосходителей находились люди, обученные обращению с особыми электронными устройствами, бесполезными при поисках «снежного человека», но весьма полезными для сбора информации, интересующей военных…

Правда, в составе экспедиций были, разумеется, и давно известные следопыты, которые, надо полагать, охотно украсили бы свою биографию редчайшей находкой.

Но пока что «снежного человека» так и не нашли.

Не найден и голуб-яван.

И все же «не найден», быть может, еще не означает категорического «не существует».

Сведения о таинственных созданиях, в чем-то схожих со «снежным человеком», по-прежнему появляются в печати.

В Австралии ищут «йови». Это слово в переводе означает «огромный волосатый человек». Некоторые ученые не исключают, что в труднодоступных австралийских горах мог сохраниться вид крупной человекообразной обезьяны.

На Кавказе собраны рассказы об «алмасты», «биабан-гули», «хептере» — так на языках разных народов называют легендарное человекообразное существо. Зарегистрированы встречи со странными существами также на севере европейской части страны, в низовьях Оби, в Якутии, на Чукотке.

Однако кроме рассказов людей, якобы видевших всех этих

«куля», «тунгу», «чучунаа», никаких неоспоримых материальных следов их существования найти не удалось.

В Калифорнии, одном из густонаселенных штатов США, были обнаружены следы ступни длиной… около сорока сантиметров! Это произошло в одном из последних малоисследованных лесистых уголков штата. Существо назвали «патон».

Появление огромных «волосатых людей» на Американском континенте не было новостью. В индейских легендах они упоминаются под именем «сасквatч».

Может, о следах «патона» пошумели бы, а потом забыли, если бы история не получила неожиданное продолжение. Двум путешественникам впервые удалось заснять «большеногого» (вернее, «большеногую», поскольку это была самка) на кинопленку.

Кинокамера запечатлела грузное существо ростом свыше двух метров, покрытое блестящими черными волосами. Оно на двух ногах уходило прочь, размахивая длинными руками.

Убедила пленка, подлинность которой подтвердили многие эксперты, в том числе и советские, всех сомневающихся? Нет. Вот если бы им доставили скелет «большеногого»…

Но однажды перед изумленной аудиторией появился не скелет, а живое существо. Правда, это был не «большеногий». Существо назвали человеческим именем: Оливер. Оно было предъявлено ученым в нью-йоркском клубе любителей природы. Туда попало из зверинца, а в зверинец — из дебрей с берегов реки Конго.

Оливер был ростом с подростка. Напоминал обезьяну, но ходил на двух ногах. Присутствовавших поразили сходство губ и ушей Оливера с человеческими.

Вот что писал солидный журнал:

«Специалистам пока не удалось прийти к единому мнению относительно места Оливера на генеалогическом древе человечества. Одни из них утверждают, что это представитель гигантопитеков — вида обезьян, считавшихся повсеместно вымершими, другие относят его к семейству гоминид, то есть видят в нем человекообразное существо, третьи же высказывают предположение, что Оливер принадлежит к какой-то боковой ветви эволюции рода человеческого и полагают, что именно так выглядел неандерталец…»

Некоторые ученые считали Оливера шимпанзе, преображенным каким-то мутационным процессом, который затронул в основном лицевую часть головы и придал ей некоторое сходство с человеческим лицом.

А вот поистине загадочная история еще об одном существе.

Несколько лет назад на ярмарках провинциальных городков США некий Фрэнк Хансен показывал зрителям «доисторического человека». Труп был вморожен в глыбу льда. Зеваки, заплатив пару долларов, могли различить голое тело крупного мужчины, покрытое темно-бурыми волосами. Он был убит выстрелом в глаз: там зияла рана.

Слух об ярмарочном зрелище дошел до ученых. Бельгийский антрополог Бернар Эйвельманс и американский зоолог Айвен Сандерсон поспешили к месту находки. Они не назвали себя и три дня вместе с толпой посещали фургон, где Хансен показывал «доисторического человека». Доктор Эйвельманс пришел к поразительному выводу: труп, замороженный в глыбе льда, напоминал… неандертальца!

Откуда необычный экспонат попал к Хансену? Тот плел какую-то чепуху о доставленной в Гонконг из Берингова пролива ледяной глыбе с трупом. Потом, поняв, что перед ним не просто зрители, а специалисты, отказался отвечать на их вопросы и запретил заниматься какими-либо исследованиями в фургоне.

Между тем сообщения о выводах доктора Эйвельманса попали в печать. Но дело приняло неожиданный оборот: значит, застрелено человекоподобное существо? Но ведь это убийство, уголовное преступление!

Не легко узнать, что в действительности произошло дальше. Хансен, к которому должны были вот-вот нагрянуть следователи по уголовным делам, заявил вдруг, что «доисторический человек» — подделка, изготовленная в Музее восковых фигур. Но ведь такая мысль, естественно, прежде всего пришла в голову и Эйвельмансу при первом посещении фургона. Он отверг ее после тщательного изучения мелких деталей, значение которых понятно только антропологу. Наконец, в том месте, где лед был тонок, чувствовался «запах разлагающейся плоти»…

Не заменил ли Хансен загадочное существо восковой фигурой, опасаясь возбуждения уголовного дела? Или ошибся антрополог? Выяснить истину тут едва ли проще, чем найти след «снежного человека»…

Но неужели вообще можно предполагать, что где-либо выжили неандертальцы? Однако нашлись же сторонники сходной точки зрения среди ученых, осматривавших Оливера. И они не исключение.

Советский ученый Борис Федорович Поршнев был сторонником гипотезы о реальности существования «снежного человека».

Открытия антропологов, сделанные за последние десятилетия, многое изменили в представлениях об эволюции

рода человеческого. Развитие шло не обязательно в строгой хронологической последовательности: чем позднее, тем совершеннее.

У антропологов появилось выражение: «тупиковая ветвь». Такой отмирающей, не развивающейся ветвью на древе предков человека, возможно, был неандерталец. Раскопки показали, что одновременно с неандертальцем Землю населяли наши отдаленнейшие предки, ушедшие по сравнению с ним далеко вперед.

Профессор Поршнев считал, что неандертальцы, представители «тупиковой ветви», могли оказаться достаточно жизнеспособными, чтобы сохраниться до наших дней.

Почему бы не предположить, что «снежный человек» — представитель «тупиковой ветви»? Но при этом, говорил профессор Поршнев, следует отбросить сам термин как не соответствующий действительности. Не «снежный», поскольку обитает он, вероятно, в лесах и долинах, лишь изредка пересекая снежные поля. И не «человек» в полном смысле слова. Его след потому поразительно и напоминает сохранившийся на полу древней пещеры отпечаток ноги неандертальца, что оставляет его неандерталец, переживший свое время…

У гипотезы профессора Поршнева много противников. Однако она существует, и уж раз речь идет о «снежном человеке», как не упомянуть о ней?

В нашей стране поиски реликтовых гоминидов — этим условным термином объединены таинственные двуногие существа — продолжались и после экспедиции Станюковича. Наибольшего успеха добилась группа энтузиастов-добровольцев, работающая в горах Памиро-Алая. В 1979 году ей удалось получить слепок крупного следа, по предположению оставленного реликтовым гоминидом…

«Трехпалый», морские змеи и, конечно, Несси…

«Я назвал его трехпалым, чтобы избежать пустых пререканий по поводу его научной классификации. Это величайшая загадка, с

которой мне пришлось столкнуться в жизни».

Слова принадлежат американскому зоологу Айвену Сандерсону. Он, как вы помните, участвовал в обследовании тела «доисторического человека». Его особенно привлекает все загадочное в природе. Именно Сандерсон был создателем «Общества по изучению необъясненного». Он готов без промедления лететь в другое полушарие, едва доходит слух о каком-либо загадочном явлении, достойном внимания ученых.

У него всегда есть шанс рисковать своей научной репутацией. Стремясь объяснить необъясненное, он выдвигает подчас довольно рискованные гипотезы, вызывающие нападки и даже насмешки. Однако ведь и развенчание несостоятельной гипотезы — шаг вперед по сравнению с бездействием ленивого ума.

Сандерсон однажды увидел неведомое чудовище в водах африканской реки. Неподалеку от лодки вздыбилось что-то гигантское и с ревом плюхнулось обратно. У зоолога запечатлелась блестяще-черная голова, похожая на тюленью, но размером с взрослого бегемота.

— Мкуум-бембу! — закричали африканцы и в ужасе попадали на дно лодки.

Они очень испугались, но не очень удивились. Зверь был им знаком. По их словам, такие животные издавна водятся здесь.

Животное, название которого похоже на услышанное Сандерсоном от африканцев, водится также в одном из озер Конго. Это мокеле-мбембе, хорошо известный местным жителям.

Первая экспедиция для его поисков была снаряжена еще в 1913 году, но начавшаяся война прервала ее. Участникам экспедиции удалось лишь записать рассказы африканцев о животном размером со слона, с подвижной шеей и сильным хвостом, похожим на хвост крокодила.

Походы к озеру уже в семидесятые годы нашего века предприняли три экспедиции: французская, американская и американо-конголезская.

Первую собственно конголезскую экспедицию 1983 года возглавил биолог Аньянья, выпускник Гаванского университета. Она прибыла в те места, где жители совсем недавно видели таинственное существо, со свирепым ревом ломавшее деревья. Аньянья сделал слепки и снимки его следов. Он подобрал несколько кусочков сероватой, с бронзовым отливом, кожи. Но сам мокеле-мбембе перед участниками экспедиции, с большим трудом пробившейся к топкому озеру, так и не появлялся.

И лишь в последний день…

Сопровождавшие Аньянья африканцы возбужденно зашептали, указывая на темную водную гладь: «Смотрите на это!

Смотрите на это!»

«Это» было нечто со змееподобной головой на длинной шее.

Аньянья устремился вперед по мелководью, ловя существо в видоискатель фотоаппарата. Пленка быстро кончилась. Тогда биолог стал смотреть через сильный объектив. Он увидел черный, блестящий на солнце затылок, гладкую коричневую шею и широкую трехметровую спину.

Существо при приближении людей медленно погружалось в воду. Лишь голова и шея некоторое время возвышались над поверхностью примерно на метр. Потом скрылась и голова.

Аньянья поспешил к лагерю, снарядил лодку и отправился к месту встречи. Вода была неподвижной. Чудовище исчезло.

Биолог был осторожен в выводах. Как сообщает журнал «Знание-сила», он лишь допустил, что мокеле-мбембе примерно соответствует нашему представлению о бронтозавре…

Следы же «трехпалого», как установил Сандерсон, встречались на побережьях Новой Зеландии, Тасмании, Австралии и за тридевять земель от них, на одном из островов вблизи побережья США, а позднее во Флориде. Их оставляло на отмелях выходившее из воды огромное существо. Кроме трехпалых отпечатков двух лап, оставались глубокие полосы, которые были похожи на след тяжелого хвоста.

Такие следы могли бы принадлежать… динозавру!

Быть может, говорит Сандерсон, так называемые сухопутные динозавры, обитавшие некогда, подобно существу, увиденному в Африке, в приморских болотах и речках, вышли на морские берега и постепенно освоились в новой стихии? Семьдесят — восемьдесят миллионов лет — достаточный срок, чтобы полностью приспособиться к морской среде.

Сандерсон не настаивает на том, что таинственный «трехпалый» непременно «неодинозавр». Но, замечает он, «тот факт, что ни одного динозавра еще никто живым до сих пор не видел, еще не доказывает, что они не существуют».

И Сандерсон, подобно многим, опять-таки ссылается на «вымершего» сто миллионов лет назад современника динозавров, кистеперую рыбу, или целаканта, который в 1938 году «появился собственной персоной — здоровый, не ископаемый». И разве до сих пор не обитают во многих местах всем известные ближайшие родственники и ровесники динозавров — обыкновенные крокодилы?

…Легенды о морских змеях одно поколение моряков передавало другому уже три тысячи лет назад, причем едва ли не на всех морях и океанах. Этих чудовищ видели и по дороге к ледяной Гренландии, и в теплых водах Полинезии.

Очевидцы, показания которых стали довольно тщательно записывать примерно сто лет назад, рассказывали о чудовище, двигавшемся с боль-той скоростью и на несколько метров поднимавшем над водой змееобразную шею с головой, похожей на голову дракона. В довершение сходства оно то разевало, то захлопывало пасть со страшными челюстями.

В отличие от многих других случаев появления таинственных существ, тут свидетелями оказывались уже не одиночки, а команды кораблей, насчитывавшие десятки и сотни человек. Описан случай, когда на глазах пассажиров океанского судна чудовище атаковало небольшую шхуну и опрокинуло ее. Это произошло в семидесятых годах прошлого века, когда, в отличие от наших дней, болтающийся на ремне фотоаппарат не был постоянным спутником чуть не каждого путешественника и туриста.

Однако и наш век не беден фактами. В 1947 году, например, на морского змея наскочил пароход «Санта-Клара», а в 1964 году двум аквалангистам удалось сделать снимки раненого чудовища, выбравшегося на мелководье.

Затем пронеслось по свету поразительное известие: японские рыбаки выловили труп морского змея и, похоже, он оказался… плезиозавром! Опять гость из бесконечно далекого прошлого: этот вид гигантских ящеров считается вымершим около ста миллионов лет назад.

К сожалению, труп разложился. В тропических водах сохранить находку не представлялось возможным. Останки чудовища подняли на палубу траулера «Дзуйомару», сфотографировали, измерили и… выбросили за борт.

Загадка так и осталась загадкой. Можно лишь спорить, кто прав: те ли ученые, которые не сомневаются, что сеть подняла на поверхность плезиозавра, или те, кто предполагает, что речь должна идти об останках гигантского тюленя, который встречался в водах планеты примерно двадцать миллионов лет назад. А возможно, правда на стороне скептиков, утверждающих, что гниение, при котором отпали многие части туловища, могло превратить в «плезиозавра» труп большой акулы?

…Кажется, ни у одного таинственного существа не было такой поистине всемирной известности, как у Несси. Вы, вероятно, тоже достаточно наслышаны о «чудовище Лох-Несса», и поэтому ограничусь самой короткой справкой.

Озеро Лох-Несс в Шотландии словно создано для романтических легенд: развалины средневекового замка, горы с темными хвойными лесами, хмурое небо, частые туманы.

Об этом озере известно, кажется, почти все. Мы знаем, что

длина его сорок километров, ширина в среднем около двух, глубина местами свыше трехсот метров, дно гранитное, с глубокими трещинами и пещерами, а также остатками древних сооружений, когда-то находившихся на берегах и позднее затонувших. Известны свойства здешней воды, из которых одно чрезвычайно огорчает всех, заинтересованных в раскрытии тайны Лох-Несса: эта вода цветом напоминает крепкий чай и прозрачность ее ничтожна.

Первые полулегендарные известия о том, что Лох-Несс избрало своей резиденцией подводное чудовище, относятся к VI веку нашей эры. С тридцатых годов нынешнего столетия накоплено более четырех тысяч свидетельств людей, видевших его. Снаряжались десятки экспедиций для его обнаружения. Оно не раз сфотографировано.

И оно все еще не найдено, хотя в настоящее время здесь пущены в ход последние технические новинки, начиная от маленьких подводных лодок, подводных прожекторов и кинокамер, электронных датчиков и так называемых сонаров, посылающих в воду импульсы и с их помощью «прощупывающих» все, что находится в озере или на его дне.

Поиски нельзя назвать безрезультатными.

Сонары не раз обнаруживали в глубине вод какие-то крупные движущиеся объекты.

Значит ли это, что им действительно удалось уловить движение чудовища, известного всему миру под ласковым именем Несси?

Раскрытие тайн природы требует огромных усилий, настойчивости, умения преодолевать разочарования и тысячу раз перепроверять факты.

В сущности, что такое Лох-Несс? Сравнительно небольшой водоем на территории древней и густо населенной европейской страны. Помимо экспедиций, здесь поисками Несси занято немало фанатиков. Некоторые из них даже поселились на берегу озера. Со всего мира сюда съезжаются туристы с надеждой: а вдруг повезет именно им? И интерес этот не всегда бескорыстен, ведь за доказательство существования Несси объявлена очень большая денежная награда.

Но если столь сложными и долгими оказались поиски на озере в Шотландии, то что же говорить тогда о Гималаях и Памире, о безднах океана, об озерах в холодной Якутии, где также видели странных животных, о непроходимых болотах и тропических лесах! Какие колоссальные работы нужно предпринять там, чтобы иметь право решительно сказать «да» или «нет»!

Пока что такого ответа мир не услышал и от исследователей Лох-Несса. Можно считать типичным мнение видного палеонтолога, изучившего результаты работы сонаров:

— Мы уже не можем более делать вид, что речь идет о мифе или легендарном существе. Что-то, по-видимому, живет в озере, но мы не знаем, что это за зверь.

А если это «что-то» окажется пресмыкающимся, напоминающим вымерших плезиозавров, то придется, быть может, вообще изменить отношение к волнующей ученых и фантастов проблеме сохранения до наших дней крупных животных, оставшихся вне поля зрения науки.

…И прошло еще пять лет после того, как было написано то, что вы только что прочли. В толстой папке, где у меня хранятся статьи и заметки о всяческих таинственных существах, накопилось по крайней мере еще сотни полторы, если не больше, новых вырезок из журналов и газет. Чаще всего их заголовки кончались все тем же знаком вопроса.

Были, конечно, и новые свидетельства очевидцев. Появилось несколько фотографий Несси, впрочем, не более отчетливых, чем давно известные. Разница в том, что на одном снимке в предрассветном тумане можно смутно различить нечто похожее на очертания сразу трех «чудовищ». Двойников Несси якобы видели на одном из северных шведских озер и еще в нескольких местах.

А «мкуум-бембу», он же «мокеле-мбембе»?

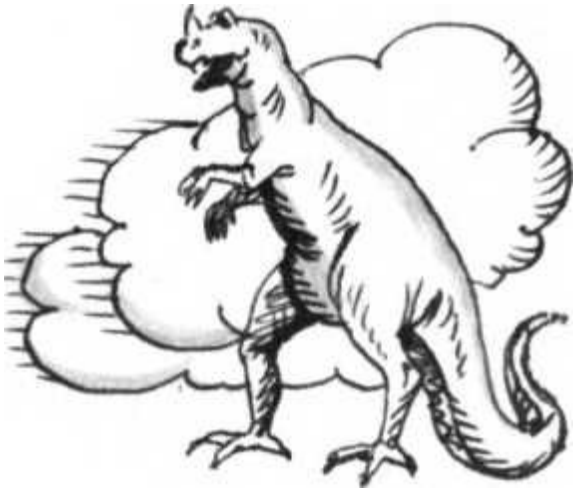
Увидеть близко, отчетливо «полуслона-полудракона» также не удалось. Экспедиция ученых, отправлявшаяся в Конго, обнаружила лишь странные следы, причем рядом с ними растительность выглядела так, будто ее повредила своим хвостом огромная рептилия.

Американский путешественник Регастерс уверял, что он и его спутники несколько раз встречали в джунглях Конго неизвестного зверя, рев которого был записан на пленку. Ученые, прослушав ее и сравнив с помощью специальной аппаратуры с голосами всех известных африканских животных, признали, что рев принадлежит неведомому существу…

«Снежного человека» и его следы видели за эти пять лет, видимо, не меньше, чем за пять предыдущих. Но знаем мы о нем едва ли больше, чем прежде.

Энтузиасты продолжают поиски, ищут разгадки таинственного и непознанного. Редко кто говорит категорическое «нет». Может быть, от непререкаемых суждений предостерегает все тот же старина целакант, живым явившийся вдруг из стомиллионолетней дали перед нашими потрясенными

современниками?



Красная планета

Этот рассказ о советском астрономе Гаврииле Адриановиче Тихове, пытавшемся найти ответ к одной из загадок Марса, был написан три десятилетия назад.

С тех пор человечество узнало о красной планете много нового. Кое-что из казавшегося в начале пятидесятых годов весьма вероятным позднее не подтвердилось. Кое-что, казавшееся в те же годы более чем спорным, теперь считается доказанным.

Но я оставил сам рассказ без изменений. Дело в том, что он был по моей просьбе внимательно просмотрен самим Гавриилом Адриановичем, нашедшим, что о Марсе «написано с полнейшим пониманием новейших исследований» — разумеется, новейших для того времени. Бережно храню я последнее письмо ученого, полученное незадолго до его смерти.

Из этого рассказа вы узнаете, что думали в середине века о некоторых загадочных явлениях на Марсе. А потом мы коснемся дальнейших исследований. «Приблизив» к нам красную планету, они поставили под сомнение, быть может, одну из самых увлекательных гипотез исследователей инопланетных миров.

Не удивляйтесь, если встретите в рассказе устаревшие понятия и представления: ведь в начале пятидесятых годов человек лишь мечтал о полете в космос.

*

Произошло это на исходе ночи. Над Землей пронеслось, оставляя зеленоватый след, неведомое небесное тело. Оно упало недалеко от английского города Уокинга.

Астроном Оджилви, оказавшийся на месте происшествия, увидел, что в песок Хорзеллского луга врезалась не бесформенная глыба метеорита, а громадный обгорелый цилиндр, покрытый темным нагаром. Астроном тотчас вспомнил о странных взрывах раскаленных газов на Марсе, которые он наблюдал некоторое время назад.

На глазах у Оджилви и собравшихся зевак цилиндр стал медленно развинчиваться. В тот час, когда миллионы англичан читали в вечерних газетах сообщение о необычайном событии в Уокинге, крышка, отвинтившись, упала на песок и на краю цилиндра появился марсианин.

Что произошло потом, вы, возможно, помните — если, разумеется, читали фантастический роман Герберта Уэллса «Война миров».

Марсианин из «Войны миров» был, может быть, сотым или двухсотым существом с соседней планеты, которые время от времени попадали на нашу Землю с помощью фантазии романистов. Тот же корабль воображения давно уже служит для более или менее успешных полетов землян на Марс.

Красноватая планета, спокойно светящаяся в темном небе, волнует не только фантастов. Уже много веков к ней устремлены внимательные взоры астрономов.

Почему именно к Марсу?

Ведь яркая Венера, звезда утренних и вечерних зорь, — не только наша ближняя соседка, но и почти двойник Земли по размерам. Казалось бы, следовало отдать предпочтение именно ей.

Но, увы, ни одному астроному даже в самый сильный телескоп не удалось разглядеть поверхность Венеры. Наша соседка окутана ослепительно белыми, непроницаемыми для взора облаками. Некоторые ученые полагают, что они состоят из паров серной кислоты.

Венера гораздо ближе к Солнцу, чем Земля, и на ее поверхности очень жарко, гораздо жарче, чем было на нашей родной планете в далекие времена зарождения жизни. Видимо, можно говорить о температуре, достигающей 600–700 градусов.

Венерианская атмосфера состоит почти из одного углекислого газа. Если в ней есть вода, то лишь в самом ничтожном количестве.

Короче говоря, наша ближняя соседка кажется жителям Земли совершенно непригодной для жизни.

А Марс?

Когда мы говорим о путешествиях за пределы нашей планеты, то чаще всего представляем: сначала — Луна, потом — Марс. Непременно Марс. Таинственный Марс, планета загадок. Планета, которая особенно занимает умы потому, что в ней — черты сходства с Землей.

Пусть Марс почти вдвое меньше Земли по диаметру и его масса в несколько раз меньше земной. Марсианская орбита дальше от Солнца, нежели земная, и красная планета получает теперь гораздо меньше солнечного света и тепла, чем Земля. Но разве около трех миллиардов лет назад Солнце не согревало Марс так же, как сегодня греет оно нашу планету?

Обычно Марс далек от нас. Однако раз в пятнадцать или семнадцать лет, в годы великих противостояний, его путь приближается к орбите нашей планеты. Марс и Землю разделяют тогда «только» пятьдесят шесть миллионов километров. Это, конечно, тоже не так уж близко…

При великом противостоянии астрономы с давних пор стремились как можно больше узнать о приблизившейся красноватой планете, где так много знакомого, «земного». Да, именно «земного».

На вращающемся вокруг своей оси Марсе, как и у нас, чередуются дни и ночи; марсианские сутки лишь на 37 минут длиннее земных. Марсианский год почти вдвое продолжительнее нашего, но и там за весной тоже приходит лето, его сменяет

осень, потом наступает зима. У Марса есть атмосфера. И наконец, что особенно важно, — на Марсе, как думают многие, возможна жизнь, пусть не похожая на нашу, но все-таки жизнь.

У кого не потеплеет на сердце при одной только мысли, что в черной бездне неба затерян мир, где не все мертво и пустынно.

Среди нас, возможно, живут пока ничем не знаменитые люди, которым суждено первыми увидеть в марсианском небе мерцание далекой голубой Земли. И когда Земля услышит радиосигналы с Марса о благополучной посадке первых своих посланцев, мир снова вспомнит тех, кто, порой заблуждаясь, упорно искал и прокладывал пути к познанию далекой планеты.

*

Гавриил Адрианович Тихов осторожно прикрыл дверь квартиры и пошел по длинному гулкому коридору в среднюю башню Пулковской обсерватории. В ночном безмолвии деревья старинного парка чуть слышно шелестели за окнами.

В башне было темно. Некоторое время астроном давал полный отдых глазам и старался не думать ни о чем неприятном: волнение мешает наблюдать небо. Потом подошел к телескопу, навел его на Марс, устроился поудобнее и, ровно дыша, стал смотреть в большую трубу.

Он увидел то, что видел уже много ночей подряд: кружок планеты, названной именем римского бога войны за свой цвет пожаров и крови. Оранжево-красный диск едва заметно вздрагивал: часовой механизм плавно вел трубу телескопа следом за планетой.

Майское небо было чистым, воздух — прозрачным. Нечего и ждать лучшей ночи для продолжения опытов со светофильтрами. Эти цветные стекла, пропускающие, отфильтровывающие лучи только одного цвета, право, еще недостаточно оценены в астрономии. Они помогают наблюдателю резче, контрастнее видеть различные оттенки, обычно с трудом улавливаемые человеческим глазом.

Тихов вставил красный светофильтр.

Тотчас на кружке планеты отчетливо обозначились ее «материки». Светофильтр подчеркнул, усилил ржаво-красный цвет пустынь. Рядом с ними резко выделились темные пятна марсианских «морей».

На соседней планете спокойно. А несколько ночей назад часть материка помутнела, расплылась и легкая желтоватая вуаль поползла с нее на соседнее море: над марсианскими пустынями время от времени проносятся свирепые пыльные бури.

Натренированный глаз астронома постепенно стал различать знаменитые марсианские «каналы» — темные линии,

переплетения которых заметны на поверхности планеты. Вот в этой самой Пулковской обсерватории ему, тогда еще молодому астроному, во время сблизившего Марс и Землю великого противостояния 1909 года первому удалось многократно сфотографировать их в телескоп через светофильтры. Каналы тянутся через материки и темные пятна марсианских морей — Эритрейского, Киммерийского, Тирренского, моря Сирен, моря Времени…

Тихов заменил красный светофильтр зеленым.

Сколько перемен. Исчезло резкое различие между материками и морями. Диск планеты стал однообразно тускловатым. Но зато великолепно выделилась полярная шапка в южном марсианском полушарии.

Астроном включил фонарик, излучающий едва заметный свет, и потянулся за листами бумаги, на которых заранее был вычерчен контур Марса. Набросав сегодняшнее положение шапки, поставил дату — 21 мая 1920 года, выключил фонарик и закрыл глаза, давая им короткий отдых.

Сколько лет известны астрономам эти шапки у полюсов Марса? Наверное, лет двести. И двести лет о них спорят. Это замерзшая углекислота, говорили одни. Нет, возражали им, шапки состоят из соли. Но, спрашивали третьи, почему же тогда ваши соляные шапки растут, расширяются марсианской зимой и сокращаются, почти исчезают, марсианским летом? Вероятнее всего, это снег.

В том же счастливом 1909 году ему удались опыты, показывающие, из чего именно могут состоять шапки Марса. Помог цвет.

Белые шапки, оказывается, имеют зеленоватый оттенок — и светофильтр подчеркнул это. Но ведь снег, обычный земной снег, не бывает зеленоватым. Зато лед… Да, именно лед и оледеневший снег при разглядывании и фотографировании через разные светофильтры оказались удивительно похожими на вещество марсианских шапок.

Тихов снова прильнул к телескопу. Сейчас, когда у берегов Балтики весна, в южном полушарии Марса середина лютой зимы. Там ледяная шапка расползлась далеко от полюса. В северном марсианском полушарии, где теперь середина лета, от шапки, напротив, осталось лишь бледно-зеленое пятнышко с темными закраинами. Шапка, видимо, почти вся растаяла. Тает она очень быстро: должно быть, слой льда слишком тонок. А закраины — это, вероятно, потемневшая от влаги почва.

Синий светофильтр, которым Тихов сменил зеленый, размыл резкие очертания на поверхности планеты. Но зато возле кромки

морей выступили узкие полосы, почти такие же светлые, как полярные шапки. Они меняют очертания. Облака? Легкие марсианские облака, проносящиеся в разреженной атмосфере…

Остаток ночи астроном, по обыкновению, посвятил марсианским морям. Они занимали его больше всего. Да, науке ясно, что с настоящими морями они имеют мало общего. Это моря без воды. Или ее там чрезвычайно мало: Марс вообще беден влагой.

Но если марсианские моря вовсе не моря, то что же они такое?

Швед Аррениус говорит: глинистая жижа, вязкие болота, набухающие весной. Однако с морями красноватой планеты происходят весьма странные вещи. Разве глинистая жижа может менять цвет в зависимости от времен года? А моря Марса не только темнеют с наступлением весны и лета, но и приобретают голубовато-зеленоватый оттенок.

Зеленый цвет — цвет жизни. С Марса наши земные леса тоже казались бы пятнами, меняющими окраску, зеленеющими к лету.

Тихов взглянул на часовые стрелки: пора уходить. Глаза утомлены, точность наблюдения снижается.

Астроном вышел в парк. Слышны далекие гудки. Это в Петрограде. Нет еще четырех часов, а уже совсем светло: начинаются белые ночи. Недурно бы теперь позавтракать. Хлеб он доел с вечера, но холодной пшенной каши как будто немного осталось. Говорят, скоро должны прибавить паек.

Астроном неторопливо побрел домой. Хорошо еще, что кончились бои. Сколько тревожных дней совсем недавно пережили обитатели Пулкова, когда на Петроград шел Юденич! Пришлось вывинчивать и прятать объективы телескопов. На главной башне до сих пор следы осколков — во дворе обсерватории стояли красные, противник бил по ним из пушек.

Да, трудные времена. И огороды астрономам пришлось сажать, и пешком ходить за хлебом по глубокому снегу в Петроград. Изголодались, обносились товарищи звездочеты. Но сделали-то за этот тревожный год, право, не меньше, чем за любой дореволюционный.

*

1945 год. Только что кончилась война. Люди, истосковавшиеся по мирной жизни, с жадным интересом возвращались к тому, о чем им в военные годы некогда было даже подумать.

Член-корреспондент Академии наук СССР Гавриил Адрианович Тихов готовился к первой публичной лекции о Марсе.

Пулковскую обсерваторию разрушили фашисты. Астроном работал теперь в городе Алма-Ате. Ученый полюбил небо Казахстана. Здесь не надо было «охотиться» за Марсом, вылавливать его сквозь «окна» в облаках и просветления в тумане, как это частенько случалось в Пулкове: в ясном небе над Алма-Атой звезды светят ярко и щедро.

Итак, Тихов готовился к лекции. Теперь о Марсе знали гораздо больше, чем в двадцатые годы. В руках астрономов были уже многие тысячи снимков красноватой планеты. Правда, ее изображение на фотопластинке не превышало двух-трех миллиметров и рассматривали его потом в микроскоп, но все же эти снимки помогли уточнить карту Марса.

В марсианской атмосфере были обнаружены следы паров воды, углекислый газ и, возможно, кислород, но лишь в тысячных долях того количества, которое содержится в земной атмосфере.

Марсу измерили температуру. Чувствительные термоэлементы показали, что на его полярных шапках морозы достигают 70–80 градусов. Почти так же холодно зимой на большей части планеты. Зато в летний полдень лучи Солнца, легко проходя через разреженную атмосферу, нагревают марсианские моря до 10, 15, а то и 30 градусов тепла.

Наука лучше стала знать Марс. Но над многими его загадками еще предстояло думать и думать.

Тихов и другие астрономы не раз наблюдали удивительную картину шествия марсианской весны. Как только начинала таять полярная шапка, каналы вблизи нее, до той поры едва заметные, темнели, вырисовывались все отчетливее и отчетливее, как на фотографической пластинке, опущенной в проявитель. Постепенно это потемнение захватывало половину полушария, распространяясь до экватора, а потом и за его линию.

Что же происходит весной на далекой планете? Уж не марсиане ли, неведомые нам разумные существа, построили гигантские каналы для орошения своих полей водой тающих полярных шапок?

Астронома Лоуэлла, утверждавшего, что дело обстоит именно так, прозвали «отцом марсиан». Однако ни сам «отец марсиан», ни его последователи не могли представить каких-либо научных доказательств существования своих «детей».

Но каково бы ни было происхождение каналов, их потемнение, а также летнее потемнение морей стало фактом, требующим объяснения.

И Тихов предположил: вдоль каналов и на морях летом появляется растительность. В самом деле, что может помешать ее развитию на Марсе? Холод? Но ведь в Верхоянске и Оймяконе, на

«полюсе холода» Северного полушария, где растут не только мхи и травы, но даже леса, средняя годовая температура ниже, чем на некоторых марсианских морях.

Правда, у тех, кто не согласен с ним и утверждает, что на Марсе нет растительности, хотя бы отчасти похожей на земную, имеется два веских довода.

Для того чтобы наши растения могли жить, их зеленое вещество — хлорофилл — должно поглощать часть солнечных лучей. Но сколько ни изучали астрономы с помощью спектроскопа марсианские моря, никаких признаков так называемой главной полосы поглощения хлорофилла не нашли.

И второе «против». Земные растения рассеивают и отражают невидимые инфракрасные лучи. А моря Марса этим свойством не обладают.

Значит, утверждали противники Тихова, их зеленоватый или голубовато-лиловый цвет объясняется не растительностью, а какими-то другими причинами.

На лекции Тихов привел все «за» и «против» своей гипотезы. Потом ему задали много вопросов. Среди них был такой:

— Гавриил Адрианович, ведь инфракрасные лучи несут почти половину солнечного тепла. Зачем же марсианским растениям, живущим в холодном климате, рассеивать эти лучи, зря отдавать тепло, которое им так необходимо? Может быть, они, в отличие от наших земных растений, наоборот, поглощают инфракрасные тепловые лучи, приспосабливаясь к суровому климату?

Просто удивительно, что эта интересная мысль раньше не пришла в голову астрономам!

Вернувшись после лекции домой, Тихов первым долгом разыскал записки своего друга и ученика Евгения Леонидовича Кринова. Этот ученый, участник экспедиции за Тунгусским метеоритом, несколько раз ездил с полевым спектрографом по стране и летал над ней на самолете, определяя отражательную способность земных растений в разных лучах спектра.

Результаты его наблюдений Тихов и стал просматривать самым внимательным образом. Да, вот оно: северная ель, сберегая тепло, рассеивает втрое меньше инфракрасных лучей, чем цветущая береза. Растущий на вечной мерзлоте тундры можжевельник, говорили данные Кринова, поглощает тех же несущих тепло лучей втрое больше, чем овес, выращенный жарким летом в Подмосковье.

Но ведь если марсианские растения приспосабливаются к климату подобно земным, то тогда этим можно объяснить не только их «жадность» к теплу инфракрасных лучей, но и отсутствие у них полос поглощения хлорофилла. Почему бы не

допустить, что им для жизни нужно поглощать значительную часть несущей тепло красной половины спектра солнечного света, а не узкие ее полосы, как земным?

Однако где и как проверить эти выводы? На Марсе?

А почему бы для начала не на Земле?

Обсерватория возле Алма-Аты снарядила несколько экспедиций. Сам Тихов надел походный рюкзак и отправился в предгорья Ала-Тау. Часть его помощников уехала в сибирскую тундру, где температурные условия жизни растений приближаются к тем, какие должны быть на экваторе Марса.

Из Сибири пришло первое важное сообщение: блестящие листочки карликовой березы и другие растения тундры даже в теплом июле не дают полосы поглощения хлорофилла.

Как раз в это время сам Тихов установил, что спектр голубоватой канадской ели, растущей в окрестностях Алма-Аты, почти не отличается от спектра марсианских морей. Наконец, экспедиция, поднявшись на хребты повыше, нашла там немало наших земных растений самых что ни на есть марсианских оттенков — голубоватого, синевато-лилового, лиловато-фиолетового. И главной полосы поглощения хлорофилла у части высокогорных растений либо вовсе не было, либо она была едва заметной.

В эти дни открытий родились новые науки — астрономическая ботаника, астрономическая биология. В Алма-Ате под руководством Гавриила Адриановича Тихова было создано первое на Земле научное учреждение, изучающее земные растения для того, чтобы помочь постижению природы соседней планеты.

И быть может, к тому времени, когда первый межпланетный корабль покинет Землю и помчится к Марсу, в руках астронавтов уже будет ботаническая карта марсианской поверхности.

…Лет через двадцать, а может, через сорок школьник придет в библиотеку и скажет:

— Дайте, пожалуйста, что-нибудь о межпланетных путешествиях.

— А что ты любишь — фантастику или научно-популярные книжки?

— Научные…

— Тогда вот, возьми. Это о том, как люди впервые попали на Марс. Школьник начнет листать книжку и прочтет: «Первый земной ракетоплан снизился на Марсе на рассвете. Он неглубоко вдавился в песок на лугу, покрытом голубоватыми жестколистыми растениями, названными «травой Тихова». Это место находится вблизи восточной окраины пустыни, известной

на картах Марса под старинным названием Элезиум — «страна счастливых».

— Что же, — скажет школьник. — Я, пожалуй, возьму книжку. Хотя вообще-то нам уже рассказывали об этом на уроках.

*

Вот и весь рассказ, написанный в начале пятидесятых годов. Кое-что показалось вам наивным, кое-что устаревшим. Непривычно, наверное, даже само слово «ракетоплан». Но тогда так говорили: ракетоплан, стратоплан. Ученые спорили, может ли человек без вреда для здоровья перенести то ускорение движения, которое потребуется при будущих полетах в космос.

О том, как далеко продвинулось в наши дни познание Марса, — в своем месте. А пока — о другом.

Одна человеческая жизнь — и свидетелем, участником каких событий подчас становится тот, кто ее прожил! Какие гигантские шаги успевает сделать за это время наука! Как расширяются и углубляются наши знания!

Гавриил Адрианович Тихов родился в 1875 году.

На улицах городов тогда катились экипажи и кареты, погромыхивали вагоны конки. Изобретатели возились с проектами паровых автомобилей. На ярмарках устраивались пробные полеты воздушных шаров.

Только что вышли фантастические романы Жюля Верна: гигантская пушка послала снаряд с людьми на Луну. И тогда же мир был поражен известием о том, что итальянский астроном Скиапарелли обнаружил на Марсе тонкие, правильные линии, образующие систему каналов.

Когда Тихов был шестилетним мальчиком, в каземат Петропавловской крепости бросили Николая Кибальчича. Его приговорили к повешению как участника убийства царя Александра II. За десять дней до казни Кибальчич передал своему адвокату составленный им проект реактивного летательного аппарата.

В годы, когда Тихов носил студенческий темно-серый сюртук с голубым воротником, учитель физики и математики Константин Эдуардович Циолковский, переехав в Калугу, размышлял над использованием принципа реактивного движения для исследования космоса.

Знаменитый французский астроном Жюль Жансен, у которого начал работать Тихов, послал его для наблюдений на вершину Монблана. Однажды — как раз на рубеже XX века — Тихов участвовал в ночном полете на воздушном шаре. Это был весьма совершенный для своего времени летательный аппарат, и многие думали, что будущее в покорении неба — за воздухоплаванием.

Тихов и его спутники поднялись выше облаков, чтобы без помех следить за потоком падающих звезд.

А каких-нибудь полтора десятка лет спустя мобилизованный в армию астроном занимался аэрофотосъемкой уже из кабины аэроплана.

Тем временем в работах калужского учителя была теоретически обоснована возможность межпланетных полетов с помощью ракеты.

В конце октября 1917 года вокруг Пулкова, где работал Тихов, шли жестокие бои. Снаряды пролетали над обсерваторией, пули барабанили по крышам. Революция отбивала натиск врагов.

Перелистывая старый комплект газеты «Известия» за 1921 год, я среди сообщений о борьбе с неслыханным голодом в Поволжье, о субботниках по восстановлению разрушенных заводов нашел статью, посвященную работам Пулковской обсерватории. В ней говорилось, что астрономы, несмотря на трудности, успешно продолжают исследования.

Я прочитал, что Г. А. Тихов «изучал поверхность Марса, зарисовал подробности, видимые на диске планеты, наблюдал эти подробности через различные светофильтры (особые цветные стекла) и получил много важных и новых результатов в этом вопросе». Сообщалось также, что ученый подготавливает материалы для составления новой карты Марса.

В те первые послереволюционные годы, когда Тихов наблюдал красную планету в телескоп Пулковской обсерватории, Алексей Толстой писал роман «Аэлита». Фантазия писателя отправила первых людей на Марс не из богатого Нью-Йорка, а из голодного, разоренного Петрограда, города революционной романтики и смелых человеческих дерзаний.

Герои «Аэлиты», инженер Лось и демобилизованный красноармеец Гусев, возвращаясь с красной планеты, увидели чудесную картину родной Земли:

«Во тьме висел огромный водяной шар, залитый солнцем. Голубыми казались океаны, зеленоватыми — очертания островов, облачные поля застилали какой-то материк. Влажный шар медленно поворачивался. Слезы мешали глядеть. Душа, плача от любви, летела навстречу голубовато-влажному столбу света. Родина человечества! Плоть жизни! Сердце мира!»

Гавриил Адрианович Тихов умер в начале 1960 года.

Год спустя Юрий Гагарин, открыв эру звездоплавания, первым увидел то, что до той поры видели лишь герои фантастических романов: с космических высот ему открылась голубая наша планета.

«Есть ли жизнь на Марсе?»

Заголовок взят в кавычки. Афиши с этой фразой появлялись еще с прошлого века возле лекционных залов многих городов мира. Так были озаглавлены тысячи книг и брошюр.

Вопрос о жизни на красной планете всегда вызывал споры. Мнения ученых разделялись довольно резко — от отрицания возможности существования на Марсе какой-либо жизни до предположений о том, что разумные марсиане — не миф.

«Жизнь есть всюду: и на полюсах холода, и в горячих источниках, и в крепком растворе серной кислоты, и в урановой руде, и в нефти, извлекаемой с больших глубин, и на вершинах гор, покрытых вечным льдом, и в многокилометровых океанских глубинах. Пока не найдена столь низкая температура, которая способна убить живые споры, некоторые простые организмы или даже ткани животных…

Так почему же не может быть жизни на Марсе, хотя бы примитивной? Ну, а высокоорганизованной?.. Беру на себя смелость предположить, что и в наше время Марс населен живыми существами».

Это не из высказываний фантаста. Так писал в 1966 году президент Академии наук Белорусской ССР Василий Феофилович Купревич. Он был также сторонником существования на Марсе растительного покрова.

Гипотеза Тихова встретила, однако, и немало возражений.

— Изменение цвета поверхности Марса, быть может, связано не с растительностью, а с марсианскими сезонными ветрами, сдувающими песок с плоскогорий и обнажающими более темные породы, — говорили одни ученые.

— На марсианских морях замечены не голубоватые, а, скорее, красноватые оттенки, — замечали другие.

— Толщина слоя полярных шапок ничтожна, и она не может дать растительности достаточно влаги, — добавляли третьи. — И вообще, скорее всего, эти шапки состоят целиком из замерзшей углекислоты.

— Можно ли сравнивать марсианскую растительность, если только она существует, с земной, но живущей в наиболее суровых местах нашей планеты? — спрашивали четвертые. — Не вернее ли предположить, что в ходе эволюции, протекавшей в иных условиях, чем существовали и существуют на Земле, марсианские организмы получили свои собственные формы, настолько отличающиеся от земных, что к ним вообще не применимы наши понятия «животные», «растения»?

С тех пор как в XVII веке появились телескопы, позволившие ученым увидеть уже не просто крохотный красноватый кружок планеты, но и различить на нем кое-какие детали, — с тех пор и до шестидесятых годов нашего столетия Марс изучался только с Земли. В шестидесятых годах произошел знаменательный прорыв в космос.

Первая советская автоматическая межпланетная станция «Марс-1» стартовала осенью 1962 года. За ней последовали другие «Марсы». В 1971 году капсула доставила на поверхность планеты вымпел с гербом Советского Союза. Сама станция перешла на орбиту спутника Марса. Немного позднее спускаемый аппарат другой станции совершил посадку в южном марсианском полушарии.

Американцы посылали к красной планете серию автоматических межпланетных станций «Маринер». За «Маринерами» последовали «Викинги» или, как произносят американцы, «Вайкинги».

После одиннадцатимесячного полета их посадочные блоки с помощью огромных парашютов опустились на поверхность Марса.

За всеми этими строчками хроники советских и американских исследований — триумф человеческой мысли, чудеса технической изобретательности.

Астрономы разглядывали Марс с расстояния в десятки миллионов километров. Станции сфотографировали планету с высоты нескольких тысяч километров, затем еще приблизились к ней.

Спускаемые аппараты впервые позволили не только увидеть Марс с Марса, но и исследовать пробы с его поверхности, даже передавать на Землю сводки марсианской погоды…

Что же узнали земляне от своих посланцев? Получен ли наконец ответ на вопрос вопросов: есть ли жизнь на Марсе?

Кратер Тихов

Блок спускаемого аппарата начал снимать окружающий пейзаж спустя несколько секунд после посадки. Двадцатью минутами позже снимки получили на Земле. Марс в этот день отделяли от нас примерно четыреста миллионов километров…

Вокруг блока лежала безжизненная красновато-бурая ложбина с трещинами и камнями.

Снимки с автоматических межпланетных станций, а также полученные спускаемыми аппаратами уточнили и отчасти изменили представление о марсианском пейзаже, о характере марсианской поверхности, которое сложилось при наблюдении с Земли.

Земляне узнали, что на Марсе множество кольцеобразных гор, напоминающих лунные кратеры. Существует ущелье, по сравнению с которым знаменитый Большой Каньон кажется маленьким. Марсианский Валлес Маринерис тянется на пять тысяч километров в длину, его глубина — около шести километров.

Гигантская Олимпийская гора на Марсе почти втрое превышает Джомолунгму.

Автоматические станции не обнаружили никаких прямолинейных каналов. Однако похоже на то, что, по крайней мере, некоторые марсианские «каналы» — русла пересохших водных потоков.

Значит, на Марсе была вода?

Не только была, но и есть. Следы водяных паров в марсианской атмосфере найдены давно. По мнению ученых, вода находится и на полюсах красной планеты, и в ее средних широтах. Она существует здесь лишь в двух формах: лед и пар. Это объясняется крайней разреженностью марсианской атмосферы.

С межпланетных станций достаточно подробно засняты ледяные шапки Северного полюса Марса. Их снимали как зимой, так и летом, когда они сильно уменьшались. Полагают, что,

возможно, слой льда этих шапок вовсе не так тонок, как считали прежде. Вместе с тем при низких температурах возле полюсов замерзает, твердеет и углекислота, образующая «сухой лед».

Углекислый газ преобладает в атмосфере Марса. Кроме углекислого газа, в ней найдены азот, газ аргон и ничтожное количество кислорода.

Первая сводка погоды, полученная с Марса, сообщала о довольно сильном ветре, 30 градусах мороза днем и 85 — после захода солнца. Это близко к зимней погоде в Антарктиде. Однако на Марсе возможны и гораздо более жесткие морозы.

Все, что удалось узнать о красной планете, скорее, подтверждало, чем опровергало гипотезу о возможности существования на ней каких-то форм жизни. Но обнаружить их пока все же не удалось.

В пробах грунта, взятых и исследованных аппаратурой блоков, не оказалось органических соединений. Биологические эксперименты для обнаружения жизнедеятельности микроорганизмов дали, по выражению американских ученых, «двусмысленные результаты». Один опыт как будто свидетельствовал о биологической активности, тогда как другие не выявили ее признаков.

Поиски будут продолжены. Возможно, решающее слово — за людьми, которые высадятся на Марсе.

Когда это произойдет?

В моем рассказе пятидесятых годов было сказано: лет через двадцать, может, через сорок. Так думали тогда многие. После полета Юрия Гагарина сроки сразу сократились: вот-вот, совсем скоро, сначала Луна, потом Марс… Оптимисты твердили — в семидесятых годах, в начале восьмидесятых. Крупный американский ученый Эрике уточнил дату первой марсианской экспедиции: 1982 год.

Сроки, как видите, прошли. Но и сегодня ничего не слышно о том, что где-либо люди готовятся к полету на красную планету.

Правда, по международному проекту «Фобос» в 1988–1989 годах автоматические станции, созданные в Советском Союзе и оснащенные приборами из многих стран мира, продолжат изучение Марса, а также одного из его спутников, Фобоса. Но это не пилотируемая экспедиция, а полет космических аппаратов без человека на борту.

В чем дело? Появились какие-то непреодолимые причины технического порядка? Возникли сомнения в способности человека выдержать марсианскую экспедицию? Напротив! Продолжительность и общая протяженность полета Анатолия Березового и Валентина Лебедева были примерно такими, как

при космическом путешествии к Марсу.

Чрезвычайно дорогостоящая экспедиция на Марс откладывается, возможно, потому, что исчезла главная цель. Оказалась несостоятельной давняя мечта человечества: встретить на красной планете братьев по разуму, обнаружить внеземную жизнь. Разведчики землян, автоматические станции, бесстрастно сообщили: космонавтов ждет мертвая красная пустыня, пресловутые «каналы» отнюдь не искусственные сооружения. Посланцы Земли окажутся в условиях более суровых, чем у вершины Эвереста, их встретят ледяная стужа, пылевые бури, мчащиеся с огромной скоростью. Похоже, что у Марса все в прошлом, это умирающий мир… Спешить на встречу с ним?

Но значит ли это, что земляне вообще откажутся от марсианской экспедиции? Едва ли! Марс остается планетой загадок. Некоторые ученые не исключают, например, что жизнь, пусть в самых примитивных формах, ушла глубоко под ее поверхность. А если заглядывать в далекое будущее, то почему не представить возможность хотя бы экспериментального освоения землянами части марсианской поверхности и разведки недр соседней планеты?

…В 1958 году американский астроном Вильсон сказал:

— Америка слишком поздно признала Циолковского. Мы исправляем эту ошибку тем, что теперь признали Тихова.

Но ведь сегодня существование марсианской растительности представляется куда более сомнительным, чем прежде.

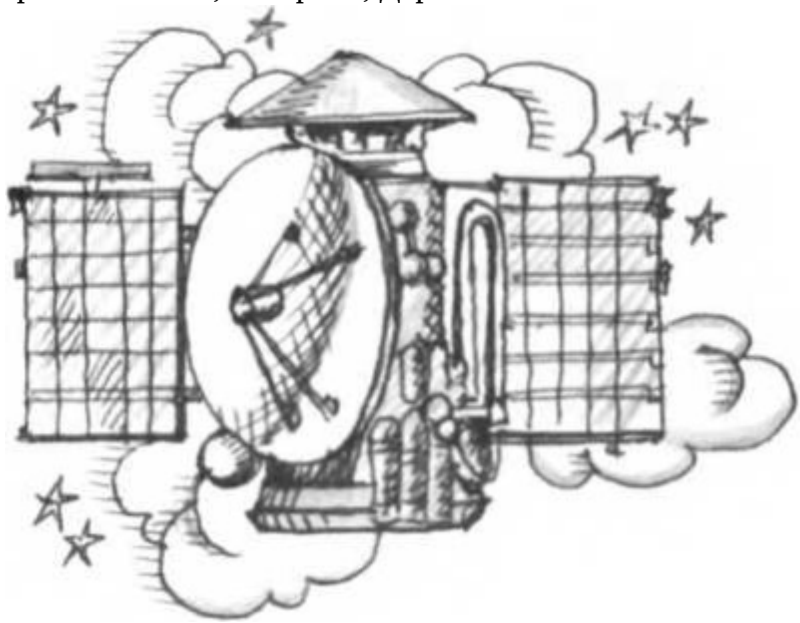
Однако разве не заслуживает величайшего уважения и признательности огромная экспериментальная работа, выполненная советским ученым? Люди смелой, оригинальной мысли оставляют о себе благодарную память даже в том случае, если не все в их гипотезах выдержало проверку временем.

Некоторые предположения Гавриила Адриановича Тихова не подтвердились. Правильность других доказана. Нельзя отрицать и ценность его экспериментальных методов. О работах Тихова вспоминает советская и зарубежная печать. Можно, например, прочесть:

«Еще в 1909 году — во время очередного великого противостояния Марса — Гавриилом Тиховым впервые были получены необычные снимки, сделанные с различными светофильтрами. Ныне на подлете к планете, начиная с расстояния в 400 тысяч километров, с космического корабля («Викинг-2») началась съемка ее в фиолетовом, зеленом и красном свете». «Окончательно утвердилось мнение русского астронома Тихова, что полярные шапки Марса имеют в своем составе водяной лед».

На современных картах Марса рядом со старинными названиями, данными еще во время Скиапарелли, появилось много новых. В них увековечена, в частности, память о выдающихся ученых.

Именем советского астронома назван огромный марсианский кратер. «Кратер Тихов» — написано на карте. На той же карте — кратеры Ломоносов, Коперник, Дарвин…



Вот и перелистаны отдельные разрозненные страницы нескончаемой летописи познания человеком мира.

С каждым днем мы все лучше узнаем свою планету. Исчезают не только последние «белые пятна». Сегодня легко и быстро можно проникнуть в такие места, куда тщательно снаряженные экспедиции добирались прежде долгие месяцы, а то и годы.

По трансполярной трассе люди запросто летают возле полюса. Пустыни расчерчены удобными дорогами. Вездеход преодолевает снега тундры. Вертолет может доставить человека, совершенно не искушенного в альпинизме, на вершину неприступной скалы. Каюта океанского теплохода, напоминающего роскошную плавающую гостиницу, ждет пассажиров, которые могут без хлопот повторить маршрут Колумба.

Но и сегодня на долю подлинных исследователей выпадает немало трудных, опасных задач, решение которых приносит пользу науке и человечеству. Смельчаки идут к огнедышащему кратеру вулкана, спускаются в бездны морей, ищут подземные сокровища в арктической тундре, в царстве вечной мерзлоты.

Свыше тридцати лет назад наш известный ученый и писатель

академик Владимир Афанасьевич Обручев обратился к молодежи со статьей «Счастливого пути вам, путешественники в третье тысячелетие!».

Он писал: «Очертания берегов, горных хребтов и рек уже нанесены на карту, но много ли мы знаем о внутренности земного шара?.. Поверхность суши изъезжена вдоль и поперек, но только на 22 километра люди поднимались над поверхностью, только на 3 километра опускались в глубь океана. Океанское дно и атмосфера, недра Земли, планеты и солнечной системы еще ждут своих Колумбов и Пржевальских».

Как далеко продвинулась наука с тех пор, когда были написаны эти строки! Человек достиг самых сокровенных глубин океана. Колумбом Вселенной назвали Юрия Гагарина, совершившего первый прорыв в космос. Сегодня стали привычным делом длительные космические экспедиции.

Но в напутствие тем, кому жить в третьем тысячелетии, есть нестареющие советы будущим Колумбам и Пржевальским. Один из них — «Любите трудиться!». И еще: «Не отрекайтесь от мечты! Не отрекайтесь от юношеских мечтаний об открытиях, о творчестве. Дерзайте!.. Большие открытия не всякому по плечу, но кто не решается пробовать, наверняка ничего не откроет».

Люди, живущие в последней четверти XX века, создали межпланетные корабли. Эти люди высаживаются на Луну, они разведывают пути на Марс и Венеру — и они же идут пешком вокруг света, летают над океанами на воздушном шаре, с риском для жизни штурмуют высочайшие вершины, терпят тяжелые лишения во льдах Арктики, повторяя маршруты, описанные в хрестоматиях открытий и путешествий.

Человек должен дерзать!

Он будет и дальше постигать природу своей Земли. Он готовится путешествовать по другим планетам. Перед ним — Вселенная.

Таков Человек.

Для среднего и старшего школьного возраста

Георгий Иванович Кублицкий
ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ…
ИБ № 8580

Ответственный редактор Г. В. Малькова. Художественный редактор Е. М. Ларская. Технический редактор Г. Г. Рыжкова. Корректоры В. В. Борисова, О. В. Габоян. Сдано в набор 20.08.85. Подписано к печати 04.04.86. А10102. Формат 70Х90 1/16. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,4. Усл. кр. — отт. 48, 56. Уч. — изд. л. 23,95. Тираж 100 000 экз. Заказ № 530. Цена 1 р. 10 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Кублицкий Г. И.
К88 Весь шар земной…: Научно-художественная лит./
Рис. Ю. Смольникова. — М.: Дет. лит., 1986.— 318 с., ил.
В пер.: 1 р. 10 к.

Рассказывая о путешествиях, открытиях, неразгаданных загадках, автор прослеживает историю познания разных уголков земного шара с давних времен до наших дней.

Герои книги — покорители горных вершин и океанской бездны, искатели последних «затерянных миров» и отважные мореплаватели, следопыты джунглей и открыватели полюсов, подводные археологи, ученые, пытающиеся проникнуть в тайны Марса.

ББК26.8г
91(09)

ГИБЕЛЬ «ИТАЛИИ»
ТУНГУССКОЕ ДИВО
ПОТЕРЯННЫЕ СЛЕДЫ
КРАСНАЯ ПУЧИНА
ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ
ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ
ПУТЬ КОММУНИЗМА
«СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК»?
ПОЛЯРНЫЙ ДЕТЕКТИВ
В ЧЕРНОМ МОРЕ ГЛУБИН

1 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»